

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского

*Ученые записки
Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического университета
им. Н. Г. Чернышевского*

Серия
*«Философия, культурология,
социология, социальная работа»*

№ 4 (39)

Чита
ЗабГГПУ
2011

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36625

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал основан в 1957 г.
Выходит шесть раз в год

Председатель редакционного совета:

И. И. Катанаев, канд. физ.-мат. наук, доцент, ректор ЗабГГПУ

Главный редактор объединённой редакционной коллегии:

И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент

Члены совета:

П. С. Атаманчук, д-р пед. наук, проф. (Украина); *Ц. Батсуурь*, д-р пед. наук, проф. (Улан-Батор, Монголия); *Н. Бэгз*, Dr. Sc. (Улан-Батор, Монголия); *Л. Г. Гуслякова*, д-р социол. наук, проф. (Барнаул); *В. А. Ильин*, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва); *Ли Чуаньсюн*, проф. (Харбин, КНР); *В. В. Мазалов*, д-р физ.-мат. наук, проф. (Петрозаводск); *И. И. Осинский*, д-р филос. наук, проф. (Улан-Удэ); *Е. В. Пискунова*, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург); *Ю. М. Резник*, д-р филос. наук, проф. (Москва); *В. С. Самсонов*, д-р пед. наук, проф. (Улан-Удэ); *Н. В. Чекалева*, д-р пед. наук, проф. (Омск); *Чжен Шупу*, д-р филол. наук, проф. (Харбин, КНР); *Н. В. Языкова*, д-р пед. наук, проф. (Москва)

Редактор серии:

М. Б. Лига, д-р социол. наук, доцент

Редакционная коллегия выпуска:

Е. В. Артюшенкова, канд. социол. наук, доцент; *С. З. Кимова*, канд. пед. наук, доцент;
Е. Ю. Захарова, канд. филос. наук, доцент; *М. И. Гомбоева*, д-р культурологии, профессор;
Д. В. Сергеев, канд. культурологии, доцент

Ответственный секретарь: *Ю. В. Гаврилова*

Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Философия, культурология, социология, социальная работа». – 2011. – № 4 (39).

Адрес редакции: 672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 44-04-25, факс: 8 (3022) 26-73-17. E-mail: gumvector@zabspu.ru

© Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Бурнашова Л. А.</i> Духовное пространство в контексте социально-философского анализа	5
<i>Волков Ю. Г.</i> Современные исследования сущности глобализации: мировой и отечественный опыт	10
<i>Засухина В. Н.</i> Русские врачи-гуманисты (к вопросу об истоках российского типа биоэтики)	16
<i>Захарова Е. Ю.</i> Познавательный компонент экологического образования	25
<i>Макарова Н. И.</i> Ценностные ориентации этнокультурных традиций русского народа	32
<i>Пржиленский В. И.</i> Картина мира, культурная политика и искусство подозрения.	40
<i>Сергеев Д. В.</i> Метафизико-семантическая теория общественной динамики Б. Хьюбнера	50
<i>Субботина Н. Д.</i> Влияние биотики человека на социальную жизнь.	56

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Букина Т. В.</i> Между наукой и идеологией: институционализация социологии музыки в советской культуре конца 1960 – начала 1980-х гг.	69
<i>Камедина Л. В.</i> Трансформация целостности духовного смысла в русской культуре: художественный текст XVIII – начала XIX вв.	77

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Андросов М. А.</i> Социокультурные аспекты этноэкологического воспитания молодёжи	85
<i>Бахаровская Е. В.</i> Концептуализация понятия «активность человека» в рамках социологического знания	91
<i>Благовская Е. В.</i> Представление об этнической идентичности в системе социогуманитарного знания	97
<i>Григорьев С. И., Грызунова Г. В.</i> Реализация жизненных сил государственных служащих как показатель профессионализма современной государственной службы.	102
<i>Григорьев С. И., Гусякова Л. Г.</i> Первичная социальная ячейка общества в контексте социологии витализма	108
<i>Грызунова Г. В.</i> Реинжиниринг административных процессов в контексте модернизации государственной службы: региональный аспект	117
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Влияние православия на общество в современной России	123
<i>Зарубин В. Г., Мартынова Н. А.</i> Гуманитарные технологии как механизм конструирования профессий в современной образовательной системе.	133
<i>Катанаев И. И.</i> Социолого-управленческий подход к анализу интеграционных процессов в высшем профессиональном образовании	137
<i>Ковалёва А. В.</i> Распространенность нецензурной лексики у школьников	144
<i>Комарова А. В.</i> Государственная гражданская служба: наследие Р. Мертона в области функционального анализа.	149
<i>Луценко Е. Л.</i> Роль и место молодёжи в социальной структуре Еврейской автономной области	153
<i>Лучников А. Н.</i> Студенческая профсоюзная организация как важная часть системы студенческого самоуправления	161
<i>Начкин А. И.</i> Технология оперативного социологического сопровождения управленческой деятельности в университетском сообществе	166
<i>Николаева Н. С.</i> Образование как социальный институт: функции и дисфункции	172

<i>Романова Н. П., Романова И. В.</i> Свободное время как способ самореализации личностных качеств одиноких женщин	178
<i>Романова И. В.</i> Социальные связи как важнейшая составляющая образа жизни одиноких женщин	185
<i>Табакаев Ю. В., Литягин Е. В.</i> Межнациональные отношения в современной России и Республики Алтай	191
<i>Табылгинова Л. А.</i> Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция»	196
<i>Таскина И. А.</i> Национальные традиции как фактор социализации молодёжи в условиях Республики Алтай	202
<i>Яушев А. В.</i> Социологическая концепция партогенеза М. Я. Острогорского	206

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

<i>Бачурина А. В.</i> Помогающие профессии в контексте компетентного подхода	211
<i>Воротилкина И. М.</i> Физическая культура в социальной защите населения	218
<i>Зарубин В. Г., Кимова С. З. Макаридина В. А.</i> Экспертная оценка работодателей как условие конструирования новых специальностей в социогуманитарной сфере	224
<i>Лига М. Б.</i> Качество жизни: генезис идей.	237
<i>Локтев К. И.</i> Социальная работа как действенный механизм развития духовности человека (по итогам эмпирического исследования)	245
<i>Невеличко Л. Г.</i> Условия жизни населения муниципального образования как фактор формирования местных сообществ (на примере г. Биробиджана)	252
<i>Щербакова Н. В.</i> Организация волонтерской практики студентов (социальный эксперимент)	262
<i>Щёткина И. А.</i> Концептуализация понятий «управление качеством», «управление качеством жизни» в социогуманитарном знании	270
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	276
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	280
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	286

ФИЛОСОФИЯ

УДК 13
ББК 60.0

Л. А. Бурняшева
г. Пятигорск, Россия

Духовное пространство в контексте социально-философского анализа

В данной статье автор даёт определение понятию «духовное пространство». Обращается к изучению особенностей пространства духовной жизни и анализу специфики его восприятия. Анализирует роль и значение духовного пространства в формировании, развитии и укреплении российского общества.

Ключевые слова: пространство, духовность, духовное пространство, пространство социальной жизни, территория, культура.

L. A. Burnyasheva
Pyatigorsk, Russia

Spiritual Space in the Context of the Socio-philosophical Analysis

In the article the author gives the definition of «spiritual space» concept and refers to the research of the features of spiritual life space and the analysis of specificity of its perception. The author analyzes the role and value of spiritual space in the formation, development and strengthening of Russian society.

Keywords: space, spirituality, spiritual space, space of social life, territory, culture.

Процесс изменения ценностных ориентиров в обществе, подъём национального самосознания, проблема сохранения духовной безопасности и национальной идентичности России – всё это выделило изучение духовного пространства в качестве важнейшего научного направления. Таким образом, актуальность темы сомнений не вызывает. Чем же всё-таки является духовное пространство? В чём его смысл и каково содержание? У разных авторов складывается своё видение проблемы, свой аспект его рассмотрения.

Понятие «пространство» с традиционной точки зрения трактуется как среда обитания, существования человека, в ко-

торой он старается обрести свое место, положение равновесия через определённые способы жизнедеятельности.

Наиболее ёмкое определение категории «пространства» дано И. Кантом – «пространство есть форма внешнего созерцания (формальное созерцание), а не действительный предмет, который можно было бы созерцать внешне». Пространство есть духовная сущность, которую человек пытается воспринимать во взаимодействии с окружающим миром. Пространство имеет свою специфику, которая заключается в обладании им такими свойствами, как обратимость и способность из «точки», «места» разворачивать-

ся сразу, одновременно во всех направлениях культурного, социального и природного мира. «Пространство есть форма внешнего созерцания, а не действительный предмет, который можно было бы созерцать внешне» [5, с. 407]. Это своего рода идеальные представления человека, определяющие специфику человеческого взаимоотношения с окружающим миром, вычлняющие его из природной жизни. Пространственные представления у каждого человека свои и открываются ему заново. «Пространство может быть схвачено лишь в обращении к миру» [9, с. 111], – отмечал Мартин Хайдеггер. Он также указывал на то, что «онтология всегда пытается рассмотреть Бытие мира с позиции его пространственного» представления [9, с. 113]. Пространственная структура – это одно из универсальных средств и методов построения, социокультурного моделирования окружающей действительности во всём её многообразии настолько, насколько это удаётся сделать каждому отдельно взятому индивиду. «Пространство есть некая строго обособленная от чувственной сиюминутной действительности духовная сущность» [10, с. 346], которую человек всегда пытается применять во взаимодействии с окружающим его миром.

Пространственные компоненты всегда присутствовали в развитии философских взглядов. Рассмотрение пространства было тесно связано с социальной действительностью и начиная с Гиппократов включало в себя влияние природных и ландшафтных факторов на образ жизни и поведение людей, проживающих на определенной территории, учитывая экономические, этнографические, исторические, политологические и другие знания. Так рождается социальное пространство, а вместе с ним и философия истории, основоположниками которой можно смело назвать Геродота, Фукидида, Полибия, Тацита, Плутарха в силу того, что в своих размышлениях они всегда отталкивались от социальной действительности.

В Средневековье пространство рассматривалось с эсхатологической точки зрения. Оно связывалось с религиозным миропредставлением, что дало возможность возникновению единого социокультурного пространства. Монотеистические религии дали человечеству механизм преодоления этнической замкнутости, ограниченности. Произошло расширение границ такой мыслительной категории, как пространство, с выходом на совершенно новое качество. Из разрозненных социальных пространств образовался единый христианский мир, оформившийся в мировое социокультурное пространство с чёткими пространственными параметрами осмысления мировой истории.

Эпоха Возрождения обращается к чувственному познанию истории как особому пространству существования человечества. В этот период философы осознали связь времён, обрели чувство истории к прошедшим эпохам и всё связали в единый пространственно-исторический поток, что привело к образованию пространства истории. Такой огромный интерес к прошлому вызвал расширение географических границ человеческого существования и породил эпоху «Великих географических открытий». Географическое пространство становится неотъемлемой частью социально-исторического пространства, которое, в свою очередь, делится на пространство быта, пространство общения (психологическое пространство), пространство восприятия (общественное и личное) и т. д.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский говорил о двух способах освоения географического пространства: первый – это внедрение, а второй – завоевание. Он отмечал, что «способ внедрения оставляет гораздо большие следы не на территории, а на духовной жизни человека, особенно большой отпечаток – на его языке; мирное внедрение, многовековая земледельческая колонизация, прежде всего, ищет удобных и привычных почв и подходящих топографических условий»

[6, с. 24]. Тогда как при завоевательном способе освоения географического пространства всё выглядело неоднозначно. Как видим, исследователь внёс антропологический компонент в традиционный географический детерминизм и тем самым указал, что на географических территориях существует духовное господство человеческих сообществ.

Идея духовного господства и объединения этнических общностей на основе общего проживания получила широкое развитие в научных работах Н. Гумилева, который указывал на стереотип поведения человека, усваивающего его в течение своей жизни с детства на уровне рефлексии, а не сознательного решения. На этом уровне представители разных этнических пространств постепенно адаптируются друг к другу, образуя диалектическое единство стереотипов пространства культуры поведения по той причине, что «кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческим, потому что обмен продуктами одинаково важен для обеих сторон» [3, с. 536], и это вызывает взаимное притяжение, образуя единую территориальную целостность, выражающуюся в таком понятии, как «пространство».

В конце XX в. пространственные представления в гуманитарных науках выходят на передовые рубежи. Всё больше и больше раздаётся голосов, утверждающих, что человеческое существование в той или иной форме зависит от пространственных реалий, в которых находится индивид, создавая границы человеческого бытия как в духовной жизни общества, так и в природе, а затем и социуме, образуя те или иные сферы разума.

На начальном этапе жизнедеятельности человека его представление о мире формируется под воздействием единого пространства, которого нет у животных. Но с развитием человеческих способностей у индивида происходит обратный процесс, в котором уже человек формирует окружающее его пространство, используя всё тот же инструментарий. Поэтому «меха-

ническое перенесение пространственных культурных норм с одной культурной модели на другую ведёт к разрушительным последствиям» [11, с. 251].

Такой «язык мирочувствования» есть и у русского понимания пространства, который отметил в своих исследованиях П. А. Флоренский, указав на то, что пространство имеет такую особенность, как кривизна. Он говорил, что «в самом понятии пространства различаются три далеко не тождественные между собой слоя (поля). Это именно: пространство абстрактное, или неметрическое; пространство физическое и пространство физиологическое» [8, с. 93]. Все три пространственных поля (слоя) пересекаются между собой в человеческом восприятии окружающего мира. Они тождественны энергии слова, поэтому пространство «не одно только равномерное бесструктурное место, не простая графа, а само-своеобразная реальность, насквозь организованная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение» [8, с. 53]. Для П. А. Флоренского кривизна пространства есть «силовое поле вещей – совокупность сил данной области, определяющих своеобразие нашего опыта. Пространство есть начало, объединяющее силовые центры, то есть дающее возможность развернуться силовому полю» [8, с. 61]. Примером кривизны пространства может служить её дуализм, т. е. равноценность противоположных моментов, соединённых в одной точке. «Всё связано тайными узами между собой, всё дышит вместе друг с другом... Энергии вещей втекают в другие вещи, и каждая живёт во всех, и всё – в каждой...» [8, с. 12]. Для более полного представления понятия «пространство» обратимся к высказыванию Блеза Паскаля: «Величие души обнаруживается не в том, что человек достигает какой-нибудь крайности, а в том, что он умеет сразу коснуться обеих крайностей и наполнить весь промежуток между ними» при помощи интуиции – способности человека «дорисовывать в своём воображении целое, прежде чем установлены и исследованы все его части, способность на основе нескольких

фактов и данных экспериментов воссоздавать в воображении всю целостную теоретическую систему» [2, с. 22]. Другими словами, пространство – «это объективирование (философский термин Н. А. Бердяева) дистанции, которую ощущает Дух между двумя противоположными выборами. «Между» – это Пространство» [1, с. 18].

К тому же ощущение пространства ещё и внутренне присуще человеку. Оно разворачивается в тендерных отношениях и связях между полами человечества как одного из дуальных моментов (аспектов), реально выходя за пределы действия складывающейся схемы в готовом реализованном виде взаимодействия, взаимосуществования и взаимопроникновения всего во всё, проецируя внутреннее пространство «между» на внешние взаимосвязи мужчины и женщины на основе созданного внутреннего пространства их метафизических образов и психических энергий. Только таким образом два человека противоположного пола способны самопроявить себя в создающемся пространстве. В противном случае последнее сворачивается, а на его месте разворачивается моментальная ментальная формализация, в которой человек начинает концентрироваться на самом себе или выявлять себя в другом, пытаясь ориентироваться в пространстве. Но ориентации не происходит, так как пропадает процесс выражения себя через пространственные реалии, которые на тот момент отсутствуют в наличии: если одна из двух пространственных реалий (крайностей) исчезает, то пространство деформируется и из духовного явления переходит в материальное; иначе говоря, идеально-пространственная дуальность материализуется, переходя в антагонистические противоречия и отчуждение вещей, предметов и явлений, а не снимается создающимся пространством. В этот момент происходит процесс заужения и невыражения личности и её идентификации. В то же время процесс формализации и конкретизации чего бы то ни было идёт полным ходом, создавая иллюзию проис-

ходящего единого начала. Поэтому в одном случае пространственное общение ведёт к Бытию и событию выражения воли, в другом – к небытию своего восприятия на образе своей роли в пространственном общении или поиску своей достаточно узкой и формализованной цели идентификации. Всё это сводится к поиску удовольствия, стремлению к власти или обладанию чем-то либо кем-то, в чём проявляется примитивная рабская психология. Самое деструктивное и диссонансное, а вместе с тем и дисгармоничное то, что в этом процессе отсутствует самое ценное, что внутренне присуще человеку – пространство, в котором заложена возможность реализации себя в нём, а не в другом субъекте отношений, другими словами, возможность создающегося начала.

Итак, «пространство – это создающееся взаимосуществование “между” духовным и материальным миром на основе внутренне созданного человеком мировидения и обществовидения, проявляющего в метафизических образах и смыслах, выраженных в психических энергиях слова при постоянном выборе стремительно умножающихся альтернатив в трансцендентальном понимании пространства при наличии определённой территории, выраженной в метасмысле культуры» [4, с. 87]. «Феномен территориальности» предполагает не только адаптационно-защитную интерпретацию, но включает в своё содержание процессы психологической идентификации личности с местом, обретение ею социальной определенности, социальной идентичности через процесс «присвоения пространства» [7, с. 25], а если быть более точным, то «освоения» и «овладения пространством», его образованием, созданием. При этом следует помнить, что человеку присуща территория на ментальном уровне в её трансцендентальном проявлении. Жизненное пространство человека состоит из физического пространства, а также пространства души и пространства духа, которые связаны с духовным пространством.

Духовное пространство человека, как и пространство духовной культуры, всегда включало в своё построение «вертикаль», разделяющую возвышенное, сакральное и низменное, обыденное, «земное и небесное», «верх и низ» (терминология М. М. Бахтина), «добро» и «зло». В человеке постоянно идёт незримая борьба этих и им подобных антонимов. Они представляют два «мира», две «реальности» человеческого бытия, между которыми существуют напряжённые и противоречивые отношения, оба «бросают вызов» человеку, порождают задачи и проблемы, которые человек должен решать, реализуя свой выбор. Это закладывает целый ряд противоречий в процесс формирования человека, как духовного существа, обладающего возможностью творить по законам истины, добра и красоты. В этом контексте духовность есть интегративное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и «образ человеческий» (Л. П. Буева) в каждом индивиде.

Современное духовное пространство общественного бытия не ограничивается конкретной территорией. Оно отражает то, что способен охватить, вместить в себя и удержать человек, общество, государство.

Духовное пространство структурируется. В нём содержится культурное, политическое, социальное, географическое,

геополитическое и другие пространства. Духовное пространство России характеризуется универсальными христианскими (православными) ценностями, пронизывающими и связывающими культуру многонационального российского народа в единое многообразное целое. Оно взаимоувязывает процессы хозяйственной деятельности и культуру многонационального российского народа, политику и верования людей, развивая и взаимообогащая их.

Анализ духовного пространства показывает, что человеческое существование зависит от пространства, сохранения его исконных свойств. Люди оказывают влияние на пространство через культуру, политику, хозяйственную деятельность и природу. В результате человеческого воздействия пространство может либо поддерживаться и развивать свои природные свойства, либо разрушаться, меняя структуру, целостность, конфигурацию, обратимость, способность разворачиваться одновременно во всех направлениях (культурном, социальном, природном и др.).

И в заключение нашего обзора хочется сказать, что в духовном пространстве формируются и развиваются все сферы жизнедеятельности российского общества. Неприятие сущностных основ российского духовного пространства приводит к негативным процессам и формализации социальной жизни человека, переориентации её на чужие ценности, не присущие культуре многонационального российского народа.

Список литературы

1. Виольева Л., Логинов Д. Планетарный миф // Гиперборейская вера руссов. М., 1999. 256 с.
2. Волков Г. П. Три лика культуры. М., 1986. 245 с.
3. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. М.: Прогресс, 1993. 591 с.
4. Душина Т. В., Бокачев И. А., Бурняшева Л. А., Газгиреева Л. Х. Духовно-нравственная сфера современного общества: актуальные проблемы: учеб. пособие. Ставрополь, 2010. 137 с.
5. Кант И. Собр. соч. в 6 т. М., 1969. Т. 3. 508 с.
6. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян. СПб., 1916. 273 с.
7. Сукачев В. Н., Дылис В. Н. Основа лесной биоценологии. М., 1964. 267 с.
8. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. 296 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 312 с.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. К. А. Свасьяна. М., 1993. 397 с.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998. 388 с.

Рукопись поступила в редакцию 20.03.2011

Ю. Г. Волков
г. Чита, Россия

**Современные исследования сущности глобализации:
мировой и отечественный опыт**

В статье рассматриваются вопросы формирования глобалистики, объектом изучения которой являются современные мировые социально-экономические процессы. Глобалистика представляет собой междисциплинарную область и находится в стадии формирования. Социально-философское осмысление проблем глобализации позволит по-новому взглянуть на бытие человека.

Ключевые слова: глобалистика, глобализация, подходы к изучению глобализации, глобальные конфликты.

Yu. G. Volkov
Chita, Russia

**Modern Research es of the Essence of Globalization:
International and Domestic Experience**

The article deals with the problems of the formation of Global Studies. The objects of its study are current world socio-economic processes. Global Studies presents an interdisciplinary field and is in its formation stage now. Socio-philosophical understanding of the challenges of globalization will take a fresh look at human existence.

Keywords: Global Studies, globalization, methods for studying globalization, global conflicts.

Формирование единого взаимозависимого мира, которое обозначается термином «глобализация», в настоящее время уже не оспаривается. Сам этот процесс на протяжении последних десятилетий, став объектом пристального изучения, получил множество объяснений, интерпретаций. Оценки глобализации и её характеристики часто бывают взаимоисключающими. И хотя следует признать, что термин «глобализация» до сих пор является расплывчатым, отказаться от него в контексте осмысления современного бытия человечества невозможно.

Разные авторы относят к глобализации факторы, имеющие общемировое значение. Это и унификация товаров и услуг, появление мировых стандартов, формирование стереотипов поведения. При этом следует учитывать, что про-

цессы глобализации и появление соответствующего термина, который их описывает, явления, находящиеся в разных плоскостях и не всегда совпадающие. В научной литературе представлен широкий диапазон взглядов на генезис глобализации, в том числе и такие, согласно которым глобализация началась задолго до Нового времени. Некоторые исследователи возводят истоки глобализации к Античности [10], к эпохе Средневековья, когда страны Европы начали бурно торговать, или ко времени Великих географических открытий [2]. М. Г. Делягин отмечает, что подобные процессы в истории цивилизации существовали всегда, однако путать интеграцию и глобализацию – продукт конца XX в. – недопустимо [7].

Интересен взгляд Карла Маркса на глобализацию. Маркс имел в виду под «глоба-

лизацией» чисто экономический процесс формирования мирового рынка. А ведущая роль в глобализации им отводилась интернациональной торговле. В письме Ф. Энгельсу он отметил (используя сам термин «глобализация»), что «...с выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась...» [1, с. 192].

Этот взгляд на термин преобладал в XIX в. Теоретики и лидеры движения фритрейдеров Р. Кобден и Дж. Брайт утверждали, что свободная торговля серьезно простимулирует мировую экономику, что создаст предпосылки для невиданного прежде процветания и решения всех конфликтов между народами [6, с. 181].

В начале XX в. Норман Эйнджел выдвинул идею, что усложняющиеся экономические связи в скором времени сделают невозможными военные конфликты. Тем самым он сделал попытку обосновать благотворное воздействие глобализации. В самом деле, рассуждал Норман в работе «Великая иллюзия», Германская и Британская империи, являясь основными политическими противниками, никогда не решатся на открытый конфликт, так как они являются основными торговыми партнерами друг друга. Однако начавшаяся в 1914 г. мировая война показала, что до реального сближения наций в глобальном масштабе еще очень далеко.

Вопросы интеграции не поднимались на протяжении практически всего XX в. Однако окончание «холодной войны» вновь продемонстрировало ожившие процессы глобализации, обусловленные расширением экономических связей и развитием телекоммуникационных технологий. Разработка феномена глобализации на современном этапе насчитывает примерно двадцать лет. За это время сложилось широкое представление о сути глобальных процессов, оформленное в междисциплинарной области научных исследований – глобалистике.

По степени того, как разные теоретики оценивают возможности глобализации в переустройстве мира, в отече-

ственной глобалистике выделяется два подхода – гиперглобалистский и трансформационный [6, с. 209].

Американские политологи Дж. Най и Р. Кеохане ещё в конце 70-х гг. XX в. предложили вернуться к концепции Н. Эйнджела о невозможности конфликта мировых держав. В работе «Мощь и взаимозависимость» они обосновали этот тезис тем, что мировые связи стали взаимозависимыми, а политические и экономические интересы слишком тесно переплелись [16].

Развил это направление японский исследователь Кеничи Омае. По его мнению, бизнес-структуры увеличивают свою роль, в то время как роль национальных государств снижается. Новая эпоха глобализации определяет через мировой рынок подчинение всех народов и процессов. При этом Омае видит в глобализации источник будущего процветания, поднятия уровня жизни и унификации правил поведения для всех людей [15].

Теоретический подход, который получил название гиперглобалистского, развил в дальнейшем американский исследователь Т. Фридман. Фактически глобализацию стали представлять как экономику без границ, где правительства выполняют только небольшую регулирующую функцию [18]. А новые формы социальной организации – транснациональные корпорации (ТНК) – заменяют национальные государства, до это бывшие основными акторами международной жизни. При этом утверждается, что новые формы взаимодействия людей ведут к образованию гражданского общества в глобальном масштабе на основе понимания общности интересов всего человечества.

Противоположную точку зрения на процессы глобализации высказывают представители трансформационного подхода. Так, глобализация в современном виде понимается как явление бесперспективное. Один из основоположников подхода Дж. Розенау в статье «Сложность и противоречия глобализации» [17] указы-

вает, что ничто не может быть глобальным в буквальном смысле этого слова и далеко не каждый человек будет использовать культурные достижения других народов. Такое положение дел является локализацией – явлением, противоположным глобализации. С другой стороны, Розенау указывает на то, что практически любое современное явление имеет в силу развития коммуникаций шанс стать глобальным. По мнению другого теоретика трансформационного подхода Э. Гидденса, процесс глобализации не только не сделал мир более предсказуемым и управляемым, но и вообще выходит из-под контроля [4]. Трансформисты поэтому заявляют о невозможности определить направление развития глобализационных процессов. А главной характеристикой глобализации называют нарастание противоречий и социальных конфликтов. Глобализация у них получает форму новой мировой стратификации, когда небольшое количество стран займёт центр мирового развития, а все прочие окажутся на обочине развития.

Проблемами методологии глобалистики («*Global Studies*», как называют дисциплину зарубежные исследователи) занимаются как в России, так и за рубежом. Американский исследователь У. Гей предложил свой вариант типологии классификации подходов к глобализму. В статье «Процессы глобализации и наука глобалистика» [3, с. 23–30] он выделяет четыре подхода к такой классификации: гуманистическое представление, антиглобалистический подход, мнение о неопределённости будущего глобализма, специальный дисциплинарный подход к глобализму (табл. 1).

Гей отмечает, что глобалистика в своем развитии прошла три этапа. Первый начался в 1960-х гг., когда учёные впервые после Второй мировой войны поставили вопрос о мировых взаимозависимых процессах. Хронологические рамки второго этапа ограничены 1970 и 80 гг. Его спецификой стало то, что наука развивалась параллельно в Советском Союзе и на Западе. Третий начался в 1990-х гг. после распада СССР.

Таблица 1

Классификация подходов в глобалистике по У. Гейю

<i>Теоретический подход</i>	<i>Представители</i>	<i>Основные положения</i>
1. Гуманистическое представление	Джей Р. Мэндл, Джон Миклткейт, С. Хантингтон	Связывает глобализацию с типом экономического роста, который необходим для смягчения бедности. Поэтому глобализация должна прогрессировать
2. Антиглобалистический подход	Кевин Данаер, Шейла Роутботхам	Анализирует протестные формы борьбы с глобализмом. Рассматривает протесты как средство управления мировой экономикой в плане ориентации на уровень жизни, а не на деньги
3. Мнение о неопределённости будущего глобализма	Крейг Н. Мерфи	Утверждает, что конечный результат глобализации не известен
4. Специальный дисциплинарный подход к глобализму	Рэндалл Д. Гермейна	Утверждает, что политическая экономия обеспечивает необходимую междисциплинарную точку зрения при исследовании новых проблем, сформулированных глобализмом

По мнению У. Гея, после окончания «холодной войны» глобалистика на Западе и в России преодолела разногласия из-за разницы в подходах и методах научного исследования.

Отечественная глобалистика начала формироваться в 1970-е гг. на стыке общественных, естественных и технических наук. Ведущие общественно-политические издания СССР – «Правда», «Проблемы мира и социализм» – регулярно публиковали материалы, касающиеся глобальных проблем современности. Первая в СССР монография, посвященная непосредственно анализу глобальных процессов, вышла в 1981 г. под редакцией директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Н. Н. Иноземцева. В работе «Глобальные проблемы современности» авторы определили основные проблемы, с которыми столкнулось человечество в конце XX в. К ним они отнесли вероятность возникновения термоядерной войны, сохраняющуюся отсталость развивающихся стран, возможность энергетического и продовольственного кризиса, опасности от освоения Мирового океана и околоземного пространства. Рассуждая в рамках марксистской концепции, Иноземцев задавался проблемой развития отдельного человека и построения его гармоничного будущего [5].

После прекращения «холодной войны» в глобалистике стало утверждаться мнение об объективности глобализации. В русле этого росло внимание к теоретическому осмыслению глобальных процессов. В отечественной науке возобладал принцип не системного, а скорее синергетического метода познания сущности глобализации [13]. При этом, однако, глобалистика не оформилась как отдельная дисциплина, в ней не сложился до сих пор собственный терминологический аппарат. Современный российский исследователь философских проблем глобалистики А. Н. Чумаков подчеркивает, что такое положение в глобалистике вполне

естественное, т. к. речь идет о формировании новой отрасли академического знания [14, с. 7–17].

В противоположность Чумакову В. Л. Иноземцев утверждает, что как таковой науки о глобализации не существует. Так как нет теории глобализации. По его мнению, весьма отрывочные представления о глобализации заслоняют и для общества и для экспертов проблему теории, а сама глобализация из объекта исследования превратилась в новую многоаспектную научную область. Более того, он считает, что сам факт отсутствия четкого определения характеризует процесс глобализации. Иноземцев в статье «Современная глобализация и её восприятие в мире» [9, с. 31–44] цитирует американского исследователя П. Тейлора и соглашается с его определением сущности глобализации. Так, глобализация представляется подобной «интернационализации» и, следовательно, должна повторить такой же хаотичный путь и прийти к бессодержательному финалу.

Другие исследователи также придают особое значение тождественности процессов интернационализации и глобализации. Например, А. И. Уткин считает, что глобализация, как и более ранний процесс интернационализации, имеет, прежде всего, экономический характер, который проявляется во взаимодействии национальных экономик [11]. Исследователь склонен считать преувеличенными рассуждения о благах глобализации. А сам термин, по его мнению, это метафора «придуманная для выяснения смысла и понимания природы современного капитализма. Этот термин предполагает сознательный отбор «аналитически ярко выраженных явлений и процессов» [12, с. 47–48]. А. И. Уткин отмечает, что в данный момент следует различать два явления – неомодерновый капитализм и его идеология (глобализация-метафора). С такой формулировкой Уткина согласен М. А. Мунтян; в статье «Глобализация: что это такое?» он, отмечая разносто-

ронный характер глобализации, среди прочих определений явления указывает, что глобализация – это «форма идеологии глобализма», в которой учитываются существующие мировые тенденции и оправдывается политика гегемонизма. Такой подход часто в литературе называют скептическим, и он тяготеет к гиперглобалистскому направлению в зарубежной глобалистике.

Вопрос сущности глобализации рассматривал и один из крупнейших мыслителей России рубежа XX–XXI вв. А. А. Зиновьев, указывая в работе «Русская трагедия», что глобализация является объективным процессом. Однако добавляет, что он представляет собой деятельность наделённых волей людей и поэтому должен быть кем-то инициирован. Таким «инициатором» он считает в целом западный мир, а социальную сущность глобализации характеризует как особый тип войны. «Социальная сущность глобализации состоит в том, – пишет А. А. Зиновьев, – что это самая грандиозная спланированная и постоянно планируемая в деталях и управляемая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах» [8, с. 184]. Этот факт, по мнению Зиновьева, обуславливает ситуацию, когда процесс глобализации оценивается с разных точек зрения. Почему это происходит? Потому, отвечает Зиновьев, что одни люди вовлечены в него как конквистадоры, а другие как покоряемые.

Рассуждения о базисе современных глобальных процессов часто соприкасаются с понятиями постиндустриального и информационного общества. Так, по мнению М. Г. Делягина, единый мир возник после очередной научной революции, породившей новые компьютерные технологии. Именно они составили базис стремительных процессов формирования новых финансовых и управленческих структур.

Особо Делягин выделяет такой фактор глобализации, как формирование общественного сознания. Процесс этот с развитием средств связи значительно упростился и превратился в наиболее выгодный бизнес. Изменения, которые происходят в сознании и поведении людей, меняют сам характер человеческого развития. Если раньше цивилизация, развиваясь, меняла окружающую среду, то теперь она начинает менять саму себя. Более того, информационное общество подвержено процессам социального расслоения, которое, однако, основывается не только на доступе его членов к материальным благам, но и на доступе к информационным ресурсам. В современном мире быстро формируется информационная элита, изменяющая индивидуальное и общественное сознание, и основная масса населения, которая становится объектом применения информационных технологий. Этот процесс в работе «Мировой кризис: Общая Теория Глобализации» Делягин называет основным противоречием глобализации, так как он влечет за собой концентрацию элит в наиболее развитых странах, а следовательно, закладывает основы будущих глобальных конфликтов [7].

Обзор основных направлений отечественной и зарубежной глобалистики показывает, что объектом анализа в этой междисциплинарной исследовательской области является взаимодействие разных частей современного социума. Достаточно подробно исследуется генезис и социальная сущность этого процесса. Ряд авторов непосредственно связывает развитие информационных технологий и глобальных процессов.

Между тем, глобалистика на современном этапе предстает как все еще не сформировавшаяся наука и сталкивается с проблемами, имеющими онтологический характер. К таковым можно отнести альтернативность глобализации и неопределенность ее вектора (или векторов) развития, соотношение современных про-

цессов глобализации и регионализации, происхождение и развитие специфических, обусловленных глобализацией, конфликтов.

Исследование природы глобализации представляется актуальнейшим направлением развития социально-философ-

кой мысли, так как позволяет раскрыть сущность современных мировых процессов. Разработка системы взглядов на эти процессы позволит по-новому взглянуть на социальное бытие человека и, возможно, переосмыслить настоящее и будущее цивилизации.

Список литературы

1. Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух. М. : Молодая гвардия, 2008. С. 192.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001. 416 с.
3. Гей У. Процессы глобализации и наука глобалистика // Век глобализации. 2008. № 1. С. 23–30.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
5. Глобальные проблемы современности / под ред. Н. Н. Иноземцева. М., 1981.
6. Глобалистика : энциклопедия. М. : Радуга, 2003. С. 181.
7. Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М. : ИНФРА-М, 2003. 768 с.
8. Зиновьев А. А. Русская трагедия (гибель утопии). М. : Алгоритм, 2002. С. 184.
9. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 31–44.
10. Кузовков Ю. В. Глобализация и спираль истории. М. : Аним-Пресс, 2010. 396 с.
11. Уткин А. И. Глобализация : процесс и осмысление. М. : Логос, 2001. 254 с.
12. Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М. : Алгоритм, 2001. С. 47–48.
13. Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. М. : Наука, 1990. 272 с.
14. Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1. С. 7–17.
15. Kenichi Ohmae, The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. N. Y. : Harper & Row, 1990.
16. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence. New York. : Longman, 2001.
17. Rosenau James N. The Complexities and Contradictions of Globalization. Cambridge. : Cambridge University Press, 1997.
18. Friedman, Thomas L. The Lexus and the Olive Tree. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2011

В. Н. Засухина
г. Чита, Россия

**Русские врачи-гуманисты
(к вопросу об истоках российского типа биоэтики)**

Статья посвящена некоторым представителям русской медицины XIX в. – М. Я. Мудрову, Ф. П. Гаазу, Н. И. Пирогову, В. А. Манассеину. Жизнь, деятельность, труды этих и других русских врачей-гуманистов, чьи имена остались за рамками этой статьи, являются, по мнению автора, богатейшим источником формирования российского типа биоэтики.

Ключевые слова: биоэтика, российский тип биоэтики, врач-гуманист, гуманизация медицины, принципы биоэтики.

V. N. Zasukhina
Chita, Russia

**Russian Doctors-Humanists
(on the Issue of Sources of the Russian Type of Bioethics)**

The paper is devoted to some representatives of Russian medicine of the 19th century – M. Ya. Mudrov, F. P. Gaaz, N. I. Pirogov, V. A. Manassein. In the author's opinion, the life, activity and works of these and other Russian doctors-humanists, whose names are not mentioned in the article, present the most rich source of the shaping the Russian type of bioethics.

Keywords: Bioethics, Russian type of bioethics, doctor-humanist, humanization of medicine, principles of bioethics.

Биоэтика – это наука, которая разрабатывает аксиологические основания системы здравоохранения и биомедицинских наук. Она возникла на Западе и в настоящее время уже успела накопить существенные знания, которые могут быть частично применены и в России. Но биоэтика в том её виде, в котором она возникла и развивается в США и Европе, вряд ли приживется в России, а её функционирование на российской почве если и возможно, то малоэффективно. Следовательно, нам надо искать возможности её развития на почве собственных традиций. Условия нашей страны: другая история, менталитет, правовая база и т. д. – заставляют обратиться к тому философскому, религиозному, социальному, нравственному, научно-медицинскому багажу, который накоплен в русской культуре. Одним из самых важных источников российско-

го типа биоэтики является, несомненно, жизнь, деятельность и труды русских мыслителей, естествоиспытателей и врачей-гуманистов.

Наша статья посвящена только некоторым представителям русской медицины XIX в., чья самоотверженность и подвижническая жизнь является практической реализацией основополагающих биоэтических принципов: милосердия и справедливости в здравоохранении, уважения достоинства пациента, отношения к жизни человека как абсолютной ценности, умения соизмерять значимость результатов научных исследований с интересами человека, принципа реализации не только лечебных, но и общественных функций медицины и т. д. Каждый из этих людей является живым подтверждением принципов Гиппократовых. С клятвой Гиппократовых и другими его произведениями

ми в России познакомились ещё до того, как их перевели на русский язык, – чтение на иностранных языках для русской интеллигенции до революции никогда не было препятствием.

Духовная мощь и высота нравственных убеждений, которые русские врачи постоянно реализовывали в своей профессиональной деятельности, поднимали этих людей до уровня святости, делали их, кажется, неуязвимыми. Они демонстрировали чудеса бесстрашия – смерть и опасности отступали перед ними. Война, тюремные камеры, различные болезни, несущие смерть – ничто не мешало им исполнять свой профессиональный долг.

О профессионалах своего дела, какими и были все упомянутые в статье доктора, обычно говорят: «Они абсолютно отдавались своему делу». Принципиально важно в данном случае уточнить: какому именно делу – профессии, карьере, поиску научной истины? Вряд ли эти цели вдохновляли русских врачей-гуманистов. Они отдавались не профессии, а людям. Цель своей деятельности видели не в приращении знаний, а в достижении наибольшего блага для пациента.

Русские врачи XIX в. сделали мощный для того времени прорыв в сторону гуманизации медицины. Это выразилось, прежде всего, в формировании основ личностно ориентированной медицины (например, метод опроса больного у Мудрова). Понятия: гуманизм, сострадание, любовь к ближнему – были для них не просто красивыми словами – они предпринимали реальные меры к повышению качества лечения и содержания пациентов, помогали страдающим иногда ценой собственного благополучия и здоровья.

Русские врачи сумели гуманизировать даже самые негуманные сферы: войну (методы Пирогова), тюрьму (деятельность Гааза). Врач обязан видеть, кто перед тобой – не безликая масса, а человек со своей неповторимой судьбой, историей

болезни и страданиями. Одним словом, социальная слепота – это болезнь, против которой у медика должен быть очень хороший иммунитет.

Русские врачи XIX в. вывели науку и медицину на уровень социального служения. Они сумели понять, что медицина не ограничивается лечением – у неё есть ряд общественных функций. Здоровье человека, качество медицинской помощи напрямую зависит от социальной, экономической, политической ситуации в стране. Поэтому общественно пассивная позиция врача не может быть ничем оправдана. Никогда русским медикам не было свойственно безучастное отношение и к политическим вопросам. Так, Пироговский съезд на чрезвычайном заседании 22 ноября 1917 г. большинством голосов осудил большевистский переворот. За это Пироговское общество и было закрыто новой властью уже в 1922.

Доктора в России были не просто нравственным примером, но и образцом высокой учёности. Они превосходно владели знаниями, доступными науке того времени. Их всегда отличало стремление к новому. Они опережали своё время и предвосхитили многие открытия XX в. (паллиативная медицина, хирургическая антисептика, учение о витаминах и др.). Но достижение научного прогресса, по их убеждению, может осуществляться только нравственно допустимыми способами.

Несомненным вкладом в формирование российского типа биоэтики русских врачей XIX в. является и то, что они теоретически разрабатывали принципы врачебной этики и общие вопросы моральной философии, напрямую связанные с нравственностью в сфере оказания медицинской помощи.

Матвей Яковлевич Мудров – знаменитый московский доктор и общественный деятель, основоположник отечественной терапии, выдающийся русский клиницист-терапевт. Был пятикратным деканом медицинского факультета в Москов-

ском университете. Восстанавливал этот факультет после пожара и разграбления во время войны 1812 г. Создал первую клиническую базу в университете (Клинический институт). Один из первых русских ученых-медиков материалистов.

Он не различал нормы христианской этики и нормы, на которые должна опираться практика медика. По его убеждению, соответствие должно быть полным. Помимо христианских ценностей нравственным ориентиром для него были принципы этики Гиппократов. Все убеждения Мудрова, касающиеся общественных и нравственных обязанностей врача, основаны на учении этого великого врача древности, чьи труды он сам перевел на русский язык и постоянно ссылался на них в своих лекциях. Вот что он говорил студентам на открытии восстановленного медицинского факультета в 1813 г.: «Вы же, любезные юноши, посвятившие себя врачебной науке, постарайтесь первое учинить себя достойными и мощными читать Гиппократов. Сего вы достигнете точным исполнением тех правил, кои он предписал в законе своем, ибо Гиппократ писал не для всех, но для врачей именем и делом. ...Труды ваши принесут вам обильную жатву для сердца и ума во все возрасты. С Гиппократом вы будете лучшие люди и лучшие врачи. ...Вы будете верные слуги государю в армии и в госпитальных, утешение и радость ваших начальников, истинные сыны Отечества, повелители природы при постелях больных и верные прорицатели будущего, пример человеколюбия, предмет благословения и молитв, слава Божия» [1, с. 118].

Всю свою жизнь Мудров отстаивал принципы уважения к больному, филантропии, бескорыстия, полной отдачи профессии. Подчеркивал святость врачебной тайны: никогда и ни при каких обстоятельствах врач не может говорить о болезнях и семейных тайнах своих пациентов.

Мудров социально и нравственно обосновывал обязанность медика следить за соответствием собственной профессио-

нальной подготовки уровню современной науки. Искусство врачевания невозможно без постоянного профессионального совершенствования. Нельзя останавливаться на уже имеющихся знаниях и опыте.

М. Я. Мудров известен также как реформатор медицинского образования. Его реформы были направлены в сторону лично ориентированной медицины. Как врач он предпочитал отталкиваться не от общих теоретических знаний, а от личности пациента. Был первым русским доктором, который ввел в клиническую практику метод опроса больного, заложив основы так называемого анамнестического метода¹.

Мудров одним из первых стал говорить о правилах работы с безнадежными больными и их родственниками. Таким образом, его можно считать одним из родоначальников русской паллиативной медицины. Термин «паллиативная» происходит от латинского *pallium* – маска, покрывало, плащ. То есть она предполагает, что доктор должен суметь как бы «укрыть» больного, создать для него «покров», защитить. Главная цель паллиативной медицины заключается в стремлении облегчить боль, оказать не только медицинскую, но и моральную помощь как пациентам, так и ухаживающим за ними родственникам. В рамках паллиативной медицины происходит выработка особого отношения к смерти как к закономерному этапу пути человека, который нужно пережить с достоинством. Одним словом, паллиативная помощь есть результат гуманизации медицины в самой негуманной её сфере – там, где страдания больного заканчиваются только смертью. Главная гуманистическая идея здесь – сопровождение жизни до самой смерти – дать возможность челове-

¹Анамнестический метод (от греч. *anamnesis* – воспоминание) – это метод, с помощью которого получают сведения об условиях жизни пациента, об индивидуальных особенностях развития его болезни, ранее перенесённых им заболеваниях и т. д. Эти данные собираются с целью постановки более точного диагноза и прогноза, а также более эффективного лечения и профилактики.

ку уйти в мир иной с достоинством, а родным – выполнить свой человеческий долг перед умирающим. Идеи паллиативной медицины активно начали разрабатываться только в последние годы, а Мудров начал их высказывать уже в начале XIX в.

Замечательно этого доктора характеризует и то, что он постоянно был обеспокоен уровнем оказания медицинской помощи, проблемой сохранения здоровья солдат, то есть представителей того сословия царской России, которое вряд ли было самым привилегированным. Он привлек внимание общества к тому, что здоровье военных всегда под угрозой, а оказание медицинской помощи далеко не всегда своевременно и безупречно. Этой проблематике у него посвящены работы «Слово о пользе и предметах военной гигиены, или науки сохранять здоровье военнослужащих» (1808), «О пользе и предметах военной гигиены» (1826) и др. Названия говорят за себя.

Заботясь о здоровье других, о себе Мудров думал мало. Он погиб во время холерной эпидемии: на протяжении нескольких месяцев лечил и организовывал противоэпидемические мероприятия в Поволжье и Петербурге, пока сам не стал жертвой страшной болезни. Вся его жизнь и сама смерть – это подвиг врача. Он всего себя отдал людям, тем, кто нуждался в его помощи.

Знаменитый доктор Фёдор Петрович Гааз (1789–1853) – русский врач-гуманист. Рассказы о его жизни стали поучительными назиданиями потомкам. Они вошли в русскую историю наравне с житийными сюжетами о самых известных русских святых. В народе его так и называли – «святой доктор». Насколько заметна эта фигура в русской культуре, можно судить по тому, что упоминания о нём есть в произведениях Герцена, Тургенева, Куприна, Кони, Окуджавы и др.

После Гааза не осталось письменных трудов, но вся его жизнь является живым воплощением гуманистических

принципов в медицине. Его девиз, который он постоянно повторял и которым руководствовался всю жизнь: «Спеши делать добро!»

Гааза по праву считают реформатором русского тюремного дела. С 1828 г. он был главным врачом московских тюрем и на этом посту многое сделал для облегчения жизни тех, кто волею судьбы оказался за решеткой. Первым организовал тюремную больницу и школу для детей арестантов, добился улучшения содержания заключенных и т. п. Он первым поднял вопрос о правах самых бесправных – заключённых: право на защиту, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на человеческие условия содержания – и это в начале XIX в., задолго до образования международного движения Красного Креста. Он предвосхитил международное право в сфере защиты человека от любых форм жестокости и бесчеловечного обращения.

Гааз был прозорлив. Он сразу видел, что за человек перед ним. Часто он лично ходатайствовал за невинно осужденного и делал все для избавления его от заслуженного наказания. Но и закоренелые злодеи, осужденные за самые страшные преступления, вызывали в нём искреннее сострадание. В их камеры он входил смело. Удивительно, но он не боялся идти к самым падшим, которые были опасны не только своими заразными болезнями, но и своей потенциальной агрессией, непредсказуемостью. В большинстве своем они представляли отбросы общества, к которым у многих и жалости-то нет. Но Гааз даже в самых грубых отверженцах общества умел находить страдающего человека.

Вообще, о нем сохранились потрясающие свидетельства, сообщающие нам факты из его жизни, граничащие с чудом. Одна история рассказывает, как однажды доктор Гааз, не боясь заразиться, поцеловал холерного больного и тот очень быстро исцелился, причем и сам больной и все его окружающие восприняли этот

поцелуй от «святого доктора» как знак свыше – исцеление обязательно наступит. Профессор Новицкий рассказал о Гаазе другую не менее удивительную историю. 11-летняя крестьянская девочка была больна «водяным раком». В течение 4–5 дней лицо несчастной было буквально уничтожено этой страшной болезнью. Разрушенные, омертвевшие ткани распространяли такое зловоние, что не только медперсонал, но и мать не могла долгое время находиться в палате. Один доктор Гааз был с нею более трех часов подряд. Обнимая и целуя, он благословлял её. Такие посещения повторялись до тех пор, пока девочка не умерла.

Гааз жил в полном одиночестве. Он весь был предан делу служения людям, не отступая ни перед трудностями, ни перед насмешками, ни перед бюрократическим придирками. Гааза окружала канцелярская волокита, мировоззренческая косность, почти полная неподвижность законодательства. Его великодушный взгляд на человека не вписывался в образ мысли и жизни многих людей, которые его окружали. Поэтому одни называли его «чудаком», были и такие, которые считали его «фанатиком».

Помощников у него почти не было, зато раздраженных его постоянными метаниями и поисками правды для невинных было предостаточно. Гааз постоянно был окружен неуловимым, но весьма ощутимым противодействием.

Гааз – классический образ врача-бесребреника. Он, как Косьма и Дамиан¹. Страждущим часто помогал из своих личных средств. Как правило, он это делал в форме пожертвований от «неизвестного благотворителя». Было время, когда у Гааза был богатый дом, лошади, дорогой выезд, суконная фабрика. Богатые клиенты платили ему хорошие гонорары. Но все состояние доктора ушло на дела милосердия. После смерти в его бедной квартире не нашли ничего более или

¹Косьма и Дамиан – врачи раннего Средневековья, канонизированные христианской церковью.

менее стоящего, кроме несколько старых телескопов – это всё, что осталось от имущества некогда очень состоятельного человека.

В последние годы жизни Гааз жил при «Полицейской больнице для бесприютных», которая была создана им. Располагалась она в Малом Казённом переулке. С первых же дней её стали называть Гаазовской. Здесь он и умер 16 августа 1853 года.

О Гаазе пишут, что он никогда не болел, а умер от первой и последней в своей жизни болезни, которая застала его, что называется врасплох. Дело в том, что Гааз вел здоровый образ жизни, от рождения был очень сильным и выносливым человеком и поэтому мог бы прожить очень и очень долгую жизнь. Но добровольно принятые на себя тяжелые обязательства за жизни и судьбы других людей, связанные с этим лишения и постоянное напряжение в конце концов сломили его. Врач-подвижник никому и никогда не говорил о своих недомоганиях, да и сам не обращал на них внимания, так как был занят более, на его взгляд, значимыми проблемами. Чужие страдания для него были более ощутимы, чем свои.

Предсмертная болезнь доктора развивалась стремительно и причиняла невообразимые мучения. В последний день жизни «святого» доктора, когда боли стали особенно сильными, двери его квартиры были раскрыты настежь, и он принимал всех, кто ещё нуждался в его помощи и утешении. К умирающему приезжал проститься митрополит Филарет. Сохранились свидетельства, что он даже отслужил по нему посмертную панихиду, хотя и не имел на это формального права, так как Гааз был не православным, а протестантом. Но в глазах Московского митрополита Гааз был святым независимо от конфессиональной принадлежности.

В последний путь доктора провожала огромная толпа из двадцати тысяч человек. Гроб с его телом несли на руках. Московский генерал-губернатор послал

сотню казаков с приказом «разогнать чернь». Но, подъехав к похоронной процессии, ротмистр Кинский, командовавший казаками, был потрясен видом искреннего горя простых людей. Он спустился с коня, приказал казакам вернуться, а сам пешком последовал за гробом.

Узнав о смерти Гааза, каторжане Нерчинских рудников приобрели на свои деньги икону святого великомученика Феодора Стратилата – небесного покровителя Федора Петровича Газа. Это было выражением их искренней любви и благодарности.

Надгробный памятник Гааза на Введенском кладбище представляет собой могучий камень с водруженным на нём крестом из красного гранита. Она обнесена оградой из каторжных цепей. Это символизирует христианский подвиг врача, который посвятил себя служению самым обездоленным и падшим. Говорят, что место это считают святым.

В 1909 г. во дворе Полицейской больницы был поставлен памятник Федору Петровичу. Автор памятника знаменитый скульптор Андреев отказался взять деньги за свою работу.

Многие из нас в детстве читали рассказ А. И. Куприна «Чудесный доктор», главный герой которого доктор Пирогов – собирательный образ русского врача. Писатель назвал своего героя «чудесным доктором» совершенно не случайно: многие русские врачи-гуманисты достойны такого имени. А главным прототипом для Куприна был Н. И. Пирогов – русский хирург и анатом, врач-гуманист, педагог, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии и анатомо-экспериментального направления в хирургии, член-корреспондент Петербургской АН (1847). Был младшим современником Мудрова и Гааза.

Говоря о достижениях Пирогова, мы почти всегда употребляем слова «впервые в мире», «первым в мировой практике». Он поистине был гением медицины. Особенно интересно то, что многие из своих

нововведений он осуществлял в боевых условиях. Опасности войны не страшили его, он рвался проверить свои медицинские методы и знания в реальных полевых условиях.

Первый раз Пирогов оказался в действующей армии в 1847 г., когда поехал на Кавказ. Там он впервые вместо лубков применил перевязку бинтами, пропитанными крахмалом, которые оказались несравнимо более удобными и прочными. Здесь же, в ауле Салты, он впервые в медицинской истории сделал операцию под наркозом на поле боя. Всего великий хирург провёл около 10 тысяч операций с эфирным обезболиванием. Это нововведение было выдающимся достижением, так как не только спасало от боли, но и сохраняло многим жизнь. До появления этого метода оперируемые часто умирали от болевого шока.

Кроме Кавказской Пирогов участвовал и в других войнах. Особенно он проявил себя во время Крымской (1853–1856), франко-прусской (1870–1871) и русско-турецкой (1877–1878) войнах.

Пирогов первым в мире применил гипсовую повязку. Это стало началом так называемой сберегательной тактики лечения раненых конечностей и в дальнейшем во всех остальных войнах уберегло многих солдат и офицеров от ампутации.

Во время Севастопольской осады (1854–1855, Крымская война) Пирогов внедрил женский уход за ранеными. Это было впервые в мировой медицинской практике (в этом он опередил даже знаменитую Флоренс Найтингейл). Справедливости ради скажем, что немалая заслуга здесь принадлежит Елене Павловне (сестре императора Николая I), которая на свои личные средства учредила и организовала Крестовоздвиженскую общину сестёр милосердия для ухода за больными и ранеными на перевязочных пунктах и в военных госпиталях. Она предложила знаменитому хирургу руководить обучением и работой сестёр. Пирогов принял предложение великой княгини. Членами

общины были женщины разного уровня образования и сословий. О подвигах и заслугах «севастопольских сестричек», как ласково называли их раненые, история сохранила много потрясающих сведений.

По тем временам введение в медицину «женского элемента» было революционным нововведением, так как врачевание традиционно воспринималось как чисто мужская профессия. Преодолев догматические социальные предрассудки, Пирогов сумел разглядеть преимущества женского ухода за больными, для которых нежные женские руки, их чисто женское участие и сострадание подчас нужнее лекарств и хирургического вмешательства.

Важнейшей заслугой Пирогова является такое нововведение, как метод сортировки раненых, суть которого состоит в том, что раненые сортируются по степени тяжести ранения уже на первом перевязочном пункте. Одни подлежат немедленной операции в полевых условиях, другие же, с более лёгкими ранениями, эвакуируются вглубь тыла для лечения в стационарных госпиталях. В дальнейшем лечебно-эвакуационное обеспечение раненых всегда производилось по этому методу.

Данный метод предвосхитил принципы паллиативной медицины. Бездёжные пациенты отделялись от всех прочих и с ними работали только сёстры милосердия и священники, цель которых состояла в том, чтобы облегчить и скрасить последние часы и минуты умирающих.

Сортировка раненых упорядочивала действия врачей, помогла победить суету, хаос и растерянность приёма пациентов в условиях боевых действий. Значительно сэкономила время и силы медперсонала. Таким образом, Пирогов проявил себя как гениальный организатор, показав, что успех медицинской помощи во многом зависит не только от мастерства и самоотверженности врачей, но и от грамотной организации работы. Суета и неразбериха – плохие помощники медицины, впрочем так же, как и грязь, миазмы, некачес-

твенное питание. Нельзя лечить больных в условиях, которые даже здоровым вредны, был уверен Пирогов. Он подчеркивал значимость гигиенических методов: чистый воздух, сухие и хорошо впитывающие повязки, правильное питание, применение антисептических средств (раствора хлорной извести, серебра, йода, настоя ромашки и т. п.). По сути, Пирогов предвосхитил и открытие лордом Джозефом Листером хирургической антисептики, и учение о витаминах, и теорию лечебного питания (говорил о значимости в процессе лечения полезных продуктов: дрожжей, рыбьего жира, моркови).

Кроме того, что Пирогов был гениальным врачом, он отличался высокой нравственностью и отстаивал высокие принципы медицинской этики. Выступал против врачебных ошибок и за беспощадное отношение врача к самому себе. По его мнению, доктор должен относиться к себе и своей деятельности жёстко критически и постоянно стремиться к совершенствованию, так как в его руки отдана жизнь человека.

В 1881 г. у Пирогова развился рак слизистой оболочки рта. В ноябре того же года он скончался. Русские врачи почтили память великого хирурга установкой памятника в Москве, открытием музея его имени, учреждением периодических «Пироговских съездов», основанием «Хирургического общества», председателем которого стал другой знаменитый хирург Николай Васильевич Склифосовский. Через несколько лет хирургическое общество переименовали в «Московско-Петербургское медицинское общество». Сделано это было из желания привлечь в его деятельность докторов других специализаций. А ещё через три года оно стало называться «Обществом русских врачей в память Н. И. Пирогова», или просто – «Пироговским обществом».

Манассеин Вячеслав Авксентьевич – врач-терапевт, доктор медицины. Ученик С. П. Боткина. Профессор частной патологии и терапии внутренних

болезней. 20 лет возглавлял кафедру частной терапии в Петербургской императорской медико-хирургической академии (с 1881 Военно-медицинская академия – ВМА).

Одним из первых в России он написал кодекс врачебной этики («Этические правила врача»). Опубликованы они были в 1884 г. в журнале «Врач», основателем и редактором которого Манассеин был с 1880 г. вплоть до своей смерти в 1901.

Размышления В. А. Манассеина о нравственных проблемах в медицине касаются многих вопросов биоэтического плана, например экспериментов на людях. Он отстаивал право пациента на обязательное информирование, так как человек должен обязательно знать, что с ним происходит: чем он болен, что его ожидает в результате развития его недуга, какие меры принимает врач, чем будет лечить и т. п.

Манассеина называют «рыцарем врачебной этики» и «совестью врачебного сословия». Он был нравственно безупречен как в профессиональной деятельности, так и в жизни. Того же он ожидал и требовал от коллег. Врач, по убеждению Манассеина, должен быть демонстратором и защитником гуманистических идеалов всегда и везде. Отстаивать человеческую жизнь, бороться за неё он обязан в любой сфере. В том числе он должен быть противником смертной казни и телесных наказаний.

Помимо прочих вопросов врачебной этики Манассеин писал и о принципах коллегиальной этики, в частности о недопустимости высокомерия одного доктора по отношению к другому; о том, что лечить коллег следует бесплатно, об аморальности клеветы в адрес коллег. Доктора, поддерживая друг друга в своём тяжёлом труде, помогают не только себе, но и пациентам, так как атмосфера высокой нравственности, царящая в медицинском сообществе, способствует улучшению качества оказания медицинской помощи.

Принципиально выступал за абсолютное сохранение врачебной тайны. В этой своей позиции он противостоял известному адвокату А. Ф. Кони. Спор этих двух весьма значимых для русской истории и культуры людей является начальной точкой отсчета в обсуждении этой стержневой для биоэтики проблемы. Кони считал, что врач должен быть нравственно и юридически свободен от необходимости соблюдать врачебную тайну в том случае, если речь идёт о болезни, которая чем-либо опасна для общества: если она заразна, например, или делает человека профессионально непригодным (дальтонизм машиниста). Манассеин же был за абсолютное сохранение врачебной тайны в любой ситуации, так как допустимость её разглашения пусть даже и в исключительных случаях, во-первых, является предательством врача по отношению к доверившемуся ему пациенту, а во-вторых, может отпугнуть какую-то часть больных от лечения из-за страха или стыда.

Манассеин был очень добрым, отзывчивым и бескорыстным человеком. Он часто не только не брал с бедного пациента плату, но и давал деньги из своего кармана, чтобы у того была возможность приобрести нужные лекарства. Бескорыстие, горячее желание помогать ближнему подтолкнули его к созданию фонда материальной помощи студентам и врачам. Этот благотворительный фонд официально назывался «Капитал для выдачи пособий нуждающимся врачам и их семьям», в народе же он был известен как «Манассеинский рубль» – взнос в этой организации для любого русского медика был равен рублю.

Сам, будучи бессребреником, категорически выступал против частной практики в медицине. По его мнению, достойное существование здравоохранения должно обеспечивать государство. Был также против рекламы в медицине, в частности против саморекламы врача – привлекать пациента может только профессионализм и хорошая репутация.

В своих блестящих лекциях, которые приходили слушать и учащиеся, и уже состоявшиеся врачи, он говорил не только о научных проблемах. Для студентов он был поистине «учителем жизни». По его убеждению, цель преподавательской деятельности – подготовить не просто врачей, а людей, в высшей степени ответственных за результаты своей деятельности. Он учил тому, что доктора обязаны отдавать себя любимому делу без остатка, бескорыстно и самоотверженно служить людям и обществу.

Насколько сам Вячеслав Авксентьевич был последователен в соблюдении принципов, можно судить по такому факту его биографии. По его словам, профессор не может трудиться плодотворно более 25 лет. По истечении этого срока они обязаны уступать профессиональную дорогу молодым. Сам Манассеин ушёл в отставку в 50 лет, после 25-летнего преподавательского стажа. Проводы его были великолепны: студенты несли его на руках из аудитории до самого дома. Это скорее напоминало не уход на пенсию, а триумф.

Даже после ухода из университета Манассеин продолжал напряжённо работать – ежедневно, по многу часов в день, не позволяя себе никаких отпусков и выходных. Это подорвало его здоровье. Он умер от закупорки сосудов мозга. До последнего дня своей жизни врач думал не о себе, а о проблемах, задачах и перспективах развития русской медицины.

Разговор о жизни, научной и профессиональной деятельности русских врачей-гуманистов можно продолжать ещё очень долго. Рамки одной статьи не позволяют сказать много. Мы оставили без внимания многих: С. П. Боткина, В. Ф. Войно-Ясенецкого и др., ничего не сказали о русских женщинах-врачах. Одно несомненно – в русской медицинской традиции накоплен богатейший потенциал для формирования в нашей стране российского типа биоэтики. При разумном совмещении этого потенциала со знаниями европейской и американской биоэтики мы можем надеяться на решение многих проблем, возникших сейчас в отечественном здравоохранении и медицинской науке.

Список литературы

1. Биоэтика : принципы, правила, проблемы / отв. ред. и сост. Б. Г. Юдин. М. : Эдиториал, 1998. 470 с.
2. Левит М. М. Отец русской терапевтической школы. К 200-летию со дня рождения М. Я. Мудрова // Здоровье. М. : Правда, 1976. № 4. URL : www.bibliotekar.ru/467/19.htm
3. Мудров М. Я. Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача. Речь М. Я. Мудрова, произнесенная 13 октября 1813 года при открытии вновь отстроенного медицинского факультета // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2009. № 4. С. 118–126.
4. Русская философия : словарь / под общ. ред. М. А. Маслина. М. : Республика, 1995. 655 с.
5. Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. М. : Вузовская книга, 2010. 430 с.

Рукопись поступила в редакцию 11.03.2011

Познавательный компонент экологического образования

Познавательный компонент экологического образования, прежде всего, должен включать в себя общую теорию экологии, биологическую, географическую, социальную и антропологическую экологию. В основе общей теории экологии лежит экологический подход. По своему объёму содержание познавательного компонента экологического образования совпадает со сферой экологического знания.

Ключевые слова: экологическое образование, экология, экологический подход, экологическое взаимодействие.

Ye. Yu. Zakharova
Chita, Russia

Cognitive Component of Ecological Education

Cognitive component of ecological education, in the first place, should include general theory of ecology, biological, geographical, social and anthropological types of ecology. Ecological approach is the basis of general theory of ecology. The content of cognitive component of ecological education coincides with the sphere of ecological knowledge.

Keywords: ecological education, ecology, ecological approach, ecological interaction.

Прежде чем приступить к специальному рассмотрению познавательного компонента экологического образования, необходимо отметить, что любое образование выступает учебной моделью соответствующей науки и имеет своей целью освоение её фундаментальных принципов. Однако до сих пор остается открытым вопрос о том, каким должно быть содержание экологического образования в школе и вузе, какие области науки должны определить его основу. Разноаспектность и сложная дифференцированность современного экологического знания ставит серьезные вопросы перед системой образования: что должно быть отображено в качестве основ в программах школ, педвузов и других учебных заведений; в какой мере должны владеть экологической проблематикой специалисты разного профиля и по каким аспектам – социальным или биологическим – и чему долж-

ны быть отданы приоритеты. Единства взглядов по этим вопросам нет. В результате в настоящее время в школах и вузах реализуются разные подходы.

Экологическое образование должно быть концептуально оформлено. Воспитательные аспекты экологического образования важны, но они должны опираться на научную основу, только тогда они будут по-настоящему эффективными. Экологическое образование может быть сфокусировано на любой проблеме – от обмена веществ до национальной безопасности, но часто оно не систематизировано, фрагментарно. Полностью преодолеть это можно лишь на основе выработки четкого представления об объекте и предмете экологии.

Термин «экология» был введен в научный оборот в 60-е гг. XIX в. немецким биологом-эволюционистом Эрнстом Геккелем. Под экологией он понимал сумму

знаний, относящихся к экономике природы: изучение всей совокупности взаимоотношений животного с окружающей его средой, как органической, так и неорганической. И, прежде всего, его дружественных или враждебных отношений с теми животными или растениями, с которыми они прямо или косвенно вступают в контакт. Одним словом, экология – это изучение всех сложных взаимоотношений, которые Ч. Дарвин назвал условиями, порождающими борьбу за существование, то есть под экологией Геккелем понималась наука о взаимоотношениях животных с их органической и неорганической средой [3]. Позже такое понимание экологии получило название биологической экологии, которая стала изучать отношения растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой.

Самоопределение экологии как науки началось в лоне биологии под влиянием идей Ч. Дарвина. В этом случае экология определяется как наука, которая изучает отношение живых существ к среде своего обитания, а также взаимодействие их между собой и влияние среды на них [3].

Взаимосвязи живых организмов с окружающей их средой на пространствах разных природных зон были впервые изучены В. В. Докучаевым. Он установил связи природной зональности с климатическими факторами, составил таблицу, в которой связал воедино почвы, растительный мир, фауну и прочие компоненты биосферы для каждой природной зоны [4].

В работах В. И. Вернадского были созданы основы учения о биосфере как единой системе, развитие которой в значительной мере определяется жизнедеятельностью живых организмов. В. И. Вернадский предполагал возможность постепенного перехода биосферы в новое состояние под воздействием человеческой деятельности. Это состояние он определял как ноосферу, сферу разума [2]. В дальнейшем понятие «эко-

логия» эволюционирует и расширяется, удаляясь от представления, ограниченного рамками биологии.

В настоящее время выделяют следующие разделы экологии: биологическую, географическую, социальную экологию, экологию человека. Также принято к разделам экологии относить глобальную экологию. Например, Н. М. Мамедов выделяет глобальную экологию в один из разделов экологии [7]. А. С. Мамзин определяет глобальную экологию как взаимодействие природы и общества [8]. Однако, как отмечают А. В. Быховский и В. А. Кобылянский, термин «глобальный» скорее отражает количественную характеристику, масштабность проблем, чем их интегративный характер, и, наоборот, употребляется в сопряжении с терминами «региональный», «локальный» [1; 5]. Именно поэтому выделение глобальной экологии как одного из разделов экологии вряд ли целесообразно.

Впрочем само включение экологии человека и социальной экологии в экологию подвергается сомнению. Д. Ж. Маркович в своем фундаментальном труде «Социальная экология» прослеживает становление экологии человека («гуманной экологии») [9]. Он отмечает, что эта молодая дисциплина возникла в двадцатых годах XX в. и термин «экология человека» впервые упоминается американскими учеными Берджессом и Парком. Вначале экология человека существовала как медицинская дисциплина. Возникновение экологии человека связано с пониманием того, что экологическая наука должна изучать природу структуры сообществ и отдельные перемены в их рамках. Так как поведение человека существенным образом отличается от поведения других живых существ в окружающей среде, то возникновение экологии человека вполне естественное явление. Автор утверждает, что экология изучает биосферу не с позиции особенностей человека как природно-общественного существа, а в природном аспекте. Тогда экология человека пред-

стаёт в виде отрасли экологии, которая изучает место человека в экологической системе, взаимовлияние человека и экологической системы, а также перемены, обусловленные этим влиянием. Исследователь констатирует, что основными темами экологии человека являются население, среда, технология и организация. Нельзя не согласиться с его положением о том, что перенос биологических законов на объяснение отношений человека и его среды недопустим. Антропоэкологические проблемы существуют в контексте общественных отношений. Однако категории и методы, которые применяются в экологии человека, взяты из естественных наук и не адаптированы, по мнению исследователя, к специфике экологии человека как социального существа.

Попытка исправить этот недостаток привела к возникновению социальной экологии, в русле которой стали изучаться отношения человека и среды его обитания с учётом человека как «природно-общественного существа». Д. Ж. Маркович определяет социальную экологию как отраслевую социологию, предметом изучения которой являются специфические связи между человеком и окружающей средой; влияние последней как совокупности природных и общественных факторов на человека, а также его влияние на окружающую среду с позиции её сохранения для его жизни как естественно-общественного существа». Иная точка зрения на проблему существует у Г. В. Стадницкого и А. И. Родионова [12]. Определяя экологию как науку о взаимоотношениях между живыми организмами и средой их обитания, авторы понимают экологию человека как комплексную дисциплину, исследующую общие законы взаимодействий биосферы и антропосистемы (структурных уровней человечества, его групп и индивидуумов), влияние природной среды (в ряде случаев и социальной) на человека и группы людей. Так как приоритет отдается влиянию природной среды, то авторы приходят к выводу,

что между экологией (взаимодействием со средой группы людей) и социальными проблемами нельзя ставить знак равенства, а природопользование – предмет отдельной области знаний, отнюдь не являющейся частью экологии и тем более её синонимом. Безусловно, экология есть научная база природопользования, она влияет и на социальные проблемы, но словосочетание «социальная экология», в сущности бессмысленно.

Столь резкое различие позиций свидетельствует о том, что проблема содержания понятия «экологии» до сих пор не решена. Когда экология оставалась областью биологии, она занималась изучением взаимоотношений растительных или животных организмов со средой, имея целью выявить принципы, управляющие этими отношениями. Однако на современном этапе становится практически невозможным изучение связей между организмами и средой вне человеческого влияния, которое приобретает глобальный характер. Антропогенные воздействия на биосферу играют всё возрастающую роль. Всё глубже различия между пониманием экологии как области биологии и как самостоятельной науки, включающей целый ряд научных направлений. Представляется ценным наблюдение о том, что экологов можно разделить на две группы, высказывающие крайние точки зрения понимания экологии [5].

1. Представители первой группы ведут исследования природы без учета воздействия человека и рассматривают его в качестве нового царства, наряду с минералами, растительным и животным миром. То есть, экология представляется как наука биологическая, либо биологизированная.

Однако специфика современной экологии состоит в том, что она из строго биологической науки превратилась в цикл знания, который включает в себя разделы географии, геологии, химии, физики, социологии, теории культуры, экономики, даже теологии. Дело в том, что сов-

ременная экология – биологизированная (как и географизированная, математизированная и т. д.), биоцентричная наука, но не сводится полностью к биологии. Её предмет – сохранение функциональной и структурной целостности того центрального объекта, который вычленяется в процессе исследования.

В настоящее время экология, несомненно, выходит за рамки биологии, хотя не все согласны с такой точкой зрения. Например, Ю. Одум отмечает, что «экология относится к числу фундаментальных подразделений биологии, изучающей надорганизменный уровень организации. Всем уровням организации жизни соответствуют известные биологические системы» [11, с. 10]. Однако биоцентрический подход не может являться методологической основой экологического образования, так как в этом случае в структуре научного знания не остаётся места для географической, социальной экологии, экологии человека. Хотя, несомненно, мы должны учитывать, что экология начала развиваться из биологии и позиция, что экология – это и биологическая экология, имеет право на существование.

2. Представители второй группы учёных включают *Homo sapiens* с его деятельностью в сферу исследований экологии. Экология становится не просто естественной наукой, а включает в себя социологию, право, экономику и прочие дисциплины. При этом возникает ситуация, когда любое экоориентированное взаимодействие (взаимодействие «центрального» объекта с «экосредой») включается в сферу экологической науки. При таком подходе не только биологическое, а всё научное знание так или иначе становится экологическим.

Дело в том, что проблемы, интересующие одного специалиста, отличаются от проблем, интересующих другого. У биолога, социолога, медика, географа и т. д. свои объекты изучения. Поэтому, когда все они начинают рассуждать об экологии, каждый из них придаёт до такой сте-

пени различное значение этому термину, что неспециалист перестаёт понимать, что же такое экология вообще.

В 70-е гг. произошла эконоориентация естествознания и значительной части человекознания, которая дала толчок к развитию не менее 50 различных отраслей экологии: глобальной, медицинской, радиационной, атмосферы, гидросферы и т. д. То есть очень многие направления в науке стали считаться экологическими. Хотя от использования эконоориентированного подхода они не становятся разделами наук собственно экологического цикла. Например, в середине 90-х гг. в педагогике и психологии возникли такие направления, как экологическая педагогика и экологическая психология. От использования эконоориентированного подхода они не становятся разделами собственно экологического цикла, а остаются соответствующими разделами педагогики и психологии.

Одну из попыток создать экологию как целостную научную дисциплину делает А. В. Быховский [1]. Все экологические дисциплины (а их великое множество) он рассматривает как единую научную базу для целенаправленной деятельности по оптимизации или гармонизации взаимоотношений между природой и обществом. В соответствии с выделенными главными аспектами охраны окружающей среды (философским, методологическим, экологии природных систем, медицинским, техническим, социально-экологическим) комплексную экологию А. В. Быховский представляет как целостную систему. Эта система состоит из соответствующих взаимосвязанных разделов – общей экологии, экологии природных систем, медицинской экологии, технической экологии и социальной экологии. Он считает, что, несмотря на усиленную разработку общих философских и методологических принципов взаимодействия общества и природы, учёными заложен лишь фундамент системы рассматриваемого знания, но не сформирован её каркас. В попыт-

ках создания рядом авторов этого каркаса с опорой на термины «глобальная экология», «социальная экология», «экология человека» А. В. Быховский видит определенные методологические трудности: понятие «экология» отягощено грузом взаимоотношений «между организмом и окружающей средой».

Таким образом, на наш взгляд, столь различное применение термина «экология» свидетельствует, с одной стороны, о неразработанности понятийного аппарата экологической науки, возникшей на стыке нескольких отраслей познания, с другой – о сложности и многообразии научных объектов, подходов, методов, привлекаемых для исследования системы взаимодействия «природа – человек – общество».

В современной литературе редко встречаются целостные концепции содержания экологического образования, а также единство мнений по поводу объекта и предмета исследования экологии. Наиболее интересными и проработанными, на наш взгляд, являются концепции В. А. Кобылянского, Н. М. Мамедова [5; 7].

Н. М. Мамедов делает попытку концептуального осмысления содержания экологического образования. Он указывает, что основу всех экологических дисциплин составляет то или иное представление об экосистеме и экологический подход (центрированный вариант системного подхода). Экосистемы относятся к централизованным системам, где один из компонентов находится в центре. Разделяются экосистемы на: биоэкосистемы, геоэкосистемы, социоэкосистемы, антропоэкосистемы. Выделяются основные, ключевые понятия, которые описывают экосистему. К таким понятиям автор относит: эковазимодействие, экопротиворечие, экоразвитие и экоустойчивость.

Названные понятия, по мнению Н. М. Мамедова, позволяют не только последовательно описать любую экосистему, усиливать на каждом последующем этапе мотивацию учения, но и обеспечить взаимосвязи теоретического и практи-

ческого уровня познания и деятельности. А. Д. Урсул также отмечает, что подобная (онтологическая) схема развертывания логики вполне приемлема, и она так или иначе, может быть не столь строго, но реализуется в ряде учебных пособий по экологии [14].

В. А. Кобылянский на основе анализа этой и предшествующих концепций, не отвергая их, приходит к выводу о том, что экосистема – это общенаучное понятие, которое может быть применимо в рамках различных наук. При этом добавляет, что экологические системы являются особой разновидностью экосистем, в которых взаимодействующие «центральный» объект и экосреда занимают качественно различные («высший и низший») уровни. Строго говоря, именно экологические системы, заключая в себе сферы собственно экологических отношений и экологического взаимодействия, непосредственно выступают адекватной моделью исследования экологических проблем [5]. На основе этого делается вывод о том, что само по себе отношение «центрального» объекта и экосреды – это экоориентированный подход, а не экологический, как его определяли в 70-е гг. А. А. Минц и В. С. Преображенский, выявившие специфику экологического подхода на примере соотношения понятий – «геосистема» и «экосистема» [10]. В геосистеме – «равенство всех элементов друг перед другом и перед лицом целого». В экосистеме – «элементы подразделяются на две крупные подсистемы: «хозяин» и «дом». Аналогичной позиции придерживается Н. М. Мамедов [7]. Он отмечает, что по мере развития экологии формируется экологический вариант системного познания, или экологический подход. Особенность экологического подхода определяется тем, что в представлении об экосистеме входят 2 крупные подсистемы: «центральный» объект и окружающая среда.

Ю. П. Трусов представляет экологический подход как исследование взаи-

действия некоторого произвольного «центрального», «главного» объекта «X» с окружающей средой в рамках системы «центральный» объект (или элемент, подсистема) – экосреда» то есть совокупность определенных объектов (элементов, подсистем), с которыми взаимодействует «центральный» объект в рамках экосистемы в целом [13]. Другими словами, экологический подход как центрально ориентированный вариант системного подхода представляет рассмотрение всей комплексной системы (которая при этом выступает как экосистема) с точки зрения «интересов» некоторого «центрального», «главного» объекта (элемента, подсистемы). Таким образом, многие учёные выявляют экологический подход как определённый – центрально ориентированный вариант системного подхода.

Учитывая предшествующие концепции, В. А. Кобылянский приходит к выводу о том, что применение экоориентированного подхода само по себе не есть достаточное основание для формирования особой экологической науки. Необходимо различать экоориентированный и экологический подходы. Не всякий экоориентированный подход следует называть экологическим. В. А. Кобылянский отмечает, что экоориентированный подход – это центрально ориентированный вариант системного подхода, при котором выделяется «центральный» объект, экосреда и их взаимодействие друг с другом, осуществляющееся на одном и разных уровнях. Экологический же подход – это экоориентированный подход к исследованию особых сфер действительности – особых экосистем, в которых «центральный» объект и «экосреда» имеют качественно неоднородный характер [5]. В итоге В. А. Кобылянский приходит к выводу о том, что экологический подход исследует не просто экоориентированные взаимодействия, а экологические взаимодействия.

В. А. Кобылянский предлагает разграничивать экоориентированное и эко-

логическое взаимодействие. Экоориентированное взаимодействие – это любое взаимодействие «центрального» объекта и соответствующей ему экосреды, оно охватывает собой одноуровневые и межуровневые взаимодействия. Экологическое же взаимодействие – это особое (межуровневое) экоориентированное взаимодействие. Таким образом, именно экологические взаимодействия являются объектом изучения экологических наук. С этим выводом можно согласиться, так как все знания по экологии выстраиваются в одну стройную концепцию, а определения понятий различных направлений экологии даются на одной методологической основе. Например, биологическая экология – наука о взаимодействии косного и живого; географическая экология – наука о взаимодействии географического и негеографического; социальная экология – наука о взаимодействии природы и общества. Таким образом, если объектом изучения экологии рассматривать экологическое взаимодействие, то все знания по экологии будут иметь единую методологическую основу.

Очень важно, чтобы экологическое образование имело единую, общую методологическую основу, на базе которой проводилось бы изучение всех разделов экологии, в том числе и социальной, которая должна составлять основу социоэкологического образования. Однако следует отметить, что в современной литературе встречается различное определение социальной экологии. Зачастую социальную экологию определяют как комплексную науку о системе «природа – общество», которая, с одной стороны, изучает зависимость общества от природы, с другой – природы от общества.

Социальная экология, несомненно, должна учитывать специфику развития социальных и природных процессов. В этом смысле можно утверждать, что социальная экология – это комплексная наука, но это не простая интеграция

наук. Такого рода исследование требует конкретизации понимания системы «общество-природа» с целью выделения в ней качественно особой области взаимодействия природы и общества – очеловеченной природы, являющейся зоной перехода природы в общество и общества в природу. До тех пор, пока в качестве объекта изучения не выступает само взаимодействие природы и общества как относительно самостоятельный процесс (или отдельные стороны, аспекты этого взаимодействия как целого), осмысление воздействия общества на природу, как и воздействия природы на общество, не нуждается в особой природно-общественной науке и вполне может быть осуществлено в рамках «чистого» естествознания или «чистого» обществоведения. Социальная экология – наука о взаимодействии природы и общества, имеющая целью оптимизацию указанного взаимодействия. Общая социоэкология выступает основой формирования экологической культуры общества.

В свете сказанного именно «Общая теория экологии» должна стать сердцевинной экологической подготовки, и от неё,

как круги по воде, должны расходиться направления актуальной прикладной тематики. Если есть методология, то становится не обязательным запоминать огромное количество материала. Особое внимание на это должны обратить педагоги, преподающие экологию. Поэтому, если мы хотим серьёзно и грамотно создавать основу непрерывного экологического образования, мы обязаны вводить в базовой школе курс (в любой форме) достаточный по объёму учебного времени для изложения основ общей теории экологии.

Таким образом, познавательный компонент экологического образования, прежде всего, должен включить в себя общую теорию экологии, в основе которой лежит экологический подход, биологическую, географическую, социальную и антропологическую экологию. То есть, по своему объёму содержание познавательного компонента экологического образования совпадает со сферой экологического знания. Но при этом следует обратить внимание на то, что указанные знания должны быть определённым образом концептуально организованы для более эффективного усвоения в учебном процессе.

Список литературы

1. Быховский А. В. Экология как комплексная научная дисциплина // Вопросы философии. 1979. № 8. С. 150–158.
2. Вернадский В. И. Биосфера. Л., 1926. 258 с.
3. Геккель Э. Борьба за эволюционную идею. СПб. : Санкт-Петербургская кн. экспедиция, 1909. 345 с.
4. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб.: Наука, 2001. 568 с.
5. Докучаев В. В. Учение о зонах природы. М., 1948. 235 с.
6. Кобылянский В. А. Философия экологии. М. : Академический проект, 2010. 384 с.
7. Мамедов Н. М. Экология, культура, образование. М. : Наука, 2006. 265 с.
8. Мамзин А. С. Биология в системе культуры. СПб. : Лань, 1998. 268 с.
9. Маркович Д. Ж. Социальная экология. М. : Академический проект, 2005. 310 с.
10. Минц А. А., Преображенский В. С. Актуальные и дискуссионные проблемы системной ориентации в географии // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1971. №6. С. 110–123.
11. Одум Ю. Экология. М., 1986. Т. 1. 235 с.
12. Стадницкий Г. В., Родионова А. И. Экология. СПб., 2007. 198 с.
13. Трусов Ю. П. Экологический подход и проблемы становления ноосферы. Пушино, 1980. 119 с.
14. Урсул А. Д. Государство в стратегии устойчивого развития. М. : РАГС, 2000. 256 с.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2011

Н. И. Макарова
г. Новосибирск, Россия

Ценностные ориентации этнокультурных традиций русского народа

В статье раскрываются традиционные ценности русского народа, которые тесно переплетаются с такими понятиями, как обычай и обряд. Дается характеристика иерархии существующих исторических ценностей русского народа, актуальных на современном этапе развития общества. Рассматриваются такие ценности, как Родина, любовь к Отечеству, патриотизм, семья, община, коллективность, их значение в жизни русского народа и влияние их на современный ценностный мир.

Ключевые слова: русский народ, ценность, традиция, обычай, Родина, патриотизм, Земля-матушка, община, русская природа.

N. I. Makarova
Novosibirsk, Russia

Value Orientation of Ethnocultural Traditions of Russian People

In the article the author reveals traditional cultural values of Russian people that are closely interlaced with such conceptions as custom and rite. The description of hierarchy of Russian people existing historical values, which are of present interest on the contemporary stage of social development, is given. Such values as motherland, love to native country, patriotism, family, community, collectivism, and their significance in life of Russian people, their influence on the modern valuable world are considered.

Keywords: Russian people, value, tradition, custom, motherland, patriotism, native land, community, Russian nature.

Ценностный анализ традиций русского народа в условиях глобального вектора развития общества сегодня особенно актуален, так как классики социальной мысли М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс указывали, что «любое общество можно описать и понять только через присущую ему систему значений, норм, ценностей», и рассматривались ими как основной фактор культуры.

Понятие «ценность» было впервые введено в научный обиход в 60-е гг. XIX столетия. В философии и социологии «ценность» трактуется как понятие, используемое для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений.

Раскрыть ценностные ориентации этнокультурных традиций русского народа

поможет определение понятия «традиция». Традиция – (лат. *tradition* – передача, предание) – по мнению В. Л. Абушенко, «универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах» [1, с. 1134].

Традиция очень тесно переплетается с понятиями «обычай» и «обряд», которые также характеризуют социокультурный аспект общества. Собственно, бытовая культура любого народа основана на традиционности сочетания обычаев и обрядов. Обычай – исторически возникший, содержащийся в позитивном праве

порядок общественной жизни; ставший всеобщим, привычным стиль действий и поступков (приличие), господствующий в определённом обществе или социальной группе, более или менее строго требующий соблюдения как от индивидов, так и от общества и соблюдающийся ими (хороший обычай) [2, с. 314]. Есть и другое понимание обычая: «стихийно сложившийся образец поведения, имеющий нормативное значение для членов общества» [3, с. 300]. Обряд интерпретируется как «совокупность индивидуальных или коллективных символических действий верующих, объективирующих их религиозные представления и направленных на установление потусторонних отношений между человеком и сверхъестественными объектами» [3, с. 296]. В данной статье нет цели анализа классификации существующих ценностных подходов. Поэтому отметим сразу, что мы даём характеристику иерархии существующих исторических ценностей русского народа, актуальных на современном этапе развития общества.

Из значимых ценностей в первую очередь назовём *отчизну*, *Родину*, *отечество*. «Отечество» происходит от слова «отец», – напоминает этимологию понятия Л. А. Тихомиров. «Иванам, не помнящим родства», оно равнозначает слову Родина от слова «рожать». «Оно выражает то, откуда мы приходим, чем порождены, выражает понятия связи, любви, взаимного попечения» [4, с. 162]. Тихомиров с горечью пишет: «Мы переживаем тяжкое болезненное время, когда чувство любви к Отечеству подрывается множеством деморализующих влияний. Мучительно это время бесконечных бедствий, нас охвативших... Но можно сказать, что ничто не потеряно у людей, если они сберегут чувство любви к Отечеству. Всё можно исправить и воскресить, если у нас сохраняется любовь к Отечеству» [4, с. 163]. Речь идёт как будто о сегодняшнем дне.

Философ подчеркивает внутреннюю, духовную связь живущих в своём отечестве: «Отечество, эта великая преемственная

из рода в род среда, нас породившая, воспитавшая, создавшая согласным взаимодействием своих классов и организаций – всё ныне живущее вокруг нас и нас самих, и тем же тысячелетним согласным трудом подготовившая все, чем мы теперь можем жить...» [4, с. 157]. Именно этой духовной связью, тысячелетним опытом предков мы сильны, и если сегодня удастся сторонникам глобализации и западных ценностей отторгнуть нас от наших корней, то, как пыль, мы осядем на скрижалях тысячелетий и растворимся в небытии.

Л. А. Тихомиров ещё в начале прошлого столетия, почувствовав в посягательствах лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» на святость и целостность отчизны, пишет: «Защита, доказательство, уяснение идеи Отечества – Апология Отечества – становится теперь перед нами величайшим долгом, во имя Воскресения в ослабелых душах величайшей из общественных идей – идеи Отечества» [4, с. 142].

С Отчизной человек связан духовно, через свою душу, сердце. «Душа народа», по свидетельству Л. А. Тихомирова, прекрасно охарактеризована Г. Лебоном: «Мы одновременно дети своих родителей и своей расы. Не только чувство, но и физиология, наследственность делают для нас Отечество второй матерью» [4, с. 145]. Но Л. А. Тихомиров называет ценностью отчизну не только для индивида, личности, единичного человека, но называет её непреходящей ценностью для народа: «Отечество даёт единственное реальное осуществление общечеловеческой жизни во всём многообразии её частей, не предоставленных борьбе, а разумно и справедливо согласованных. Человек, как член человеческого рода, воспитывается и реально живёт только в отечестве» [4, с. 148].

А. И. Ильин в работе «Путь духовного обновления», исследуя проблемы национального и духовного, также подробно останавливается на теме Родины. Мыслитель считает, что в основе чувства родины лежат эмпирические условия бытия

человека: территория, климат, хозяйственная деятельность, – и приходит это чувство родины почти бессознательно. Поэтому, считает философ, «воспитание детей есть именно пробуждение их бессознательного чувствилища» к национальному духовному опыту» [5, с. 182].

Л. А. Тихомиров непреходящей ценностью всей жизни считал *любовь к Родине*, он писал в завет следующим поколениям: «Отцы и деды стяжали нашу землю великим трудом, великим страданием, великим подвигом. Не губите же её своими низменными эгоистическими стремлениями и раздорами, личными или классовыми. Поддержите Родину в её совокупной целостности, а иначе на развалинах её приготовите могилы и для своих собственных эгоистических интересов» [6, с. 418].

Стремление защищать Отечество, Родину, было неотъемлемой частью воспитания наших предков. Н. М. Карамзин в своём фундаментальном историческом творении отмечал: «Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили их ближних, ибо славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиды» [7, с. 28].

Понятие Родины неотделимо от понятия *«патриотизм»*: человек, любящий Родину, на наш взгляд, не может не быть патриотом.

В философском отношении патриотизм рассматривается как реально существующие взгляды, чувства (онтологический аспект); как отражение в сознании человека социальной действительности (гносеологический аспект); как ценностное отношение к миру через значимость духовных и материальных ориентиров (аксиологический аспект), как духовно преобразующее отношение к действительности (праксиологический аспект). Характерными чертами патриотизма является: соединение чувства любви к «малой» Родине, к своей нации с любовью ко всему Отечеству и глубокому уважению ко всем народам страны; связь уважения и интереса к про-

шлому Родины. Например, К. В. Ельницкий констатировал: «Воспитание в подрастающем поколении патриотического чувства или, что то же, любви к отечеству, составляет одну из существенных обязанностей родителей и воспитателей. Воспитание этого чувства важно как для будущего блага самих питомцев, так и для благоденствия Отечества» [8].

Д. С. Лихачев, подчеркивая, что патриотизм – это благороднейшее из чувств, обращал особенное внимание на то, что «это даже не чувство – это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхлические цели» [9, с. 374]. И ещё Д. С. Лихачев к этому добавляет: «Народы, в которых патриотизм не подменяется национальным “приобретательством”, жадностью и человеконенавистничеством национализма, живут в дружбе и мире со всеми народами» [9, с. 376].

Семья как ценность была во все времена для русского человека почитаемой особо. Она – ячейка и основа общества, но для человека – это его родная колыбель. И. Е. Забелин пишет: «Семейное чувство, семейное начало жизни мы почитаем нравственной стихией древнерусского быта, основой всех его жизненных движений. Мы только, желая вернее и точнее обозначить свойства этого быта, именуем его не семейным, а родовым, и в той семье, какую изобразила нам общинная теория, видим род, в семейном чувстве – именно родовое чувство; в семейной общине – родовую общину или общину – родню» [10, с. 19].

Большое внимание семье, её основам уделял в своих работах А. И. Ильин, который считал семью «первичным лоном человеческой культуры» [11, с. 142].

Каждый из нас остаётся в течение всей своей жизни духовным представителем своей отечески-материнской семьи или как бы живым символом её духа. В ней пробуждаются и начинают развёртываться дремлющие силы личной души; здесь

ребенок начинается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?), слагаются первые основные черты его характера; открываются в душе ребёнка главные источники его будущего счастья и несчастья. Ребёнок становится маленьким человеком, из которого впоследствии развивается великая личность, или, может быть, низкий проходимец.

«Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на любви, на вере и на свободе, научиться в нем первым совестным движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения – родине и государству» – писал И. А. Ильин. Но ценна семья и другим – её назначением воспитать ребенка. Ильин пишет: «Но человек начинает жизнь в такой семье, которую он сам не создавал: это семья, учреждённая его отцом и матерью, в которую он входит одним рождением, задолго до того, как ему удаётся осознать самого себя и окружающий мир» [11, с. 142].

Ильин делает вывод, что семья есть «живая лаборатория человеческих судеб – личных и народных».

Рассматривая ценностные ориентации этнокультурных традиций русского народа, назовём *в культуре как ценности* материальные предметы, являющиеся внешним выражением духовной культуры и одновременно образования, которое очень высоко ценилось на Руси. Это рукописи, книги, азбука.

Новгород был экономически сильным и политически самостоятельным торговым городом. Рукописные книги имелись не только в богатых боярских домах, но и у простого люда, что говорит о ценности грамоты для древнерусского человека и является свидетельством распространения грамотности среди всех слоёв населения. Подтверждением распространения грамотности являются и найденные в Новгороде в середине XX в. берестяные грамоты, это и письма, и другие доку-

менты, относящиеся к XII–XV вв. Позже берестяные грамоты были обнаружены и в других городах Руси – Пскове, Рязани, Смоленске.

Большой ценностью являлись деревянные азбуки – дощечки с нацарапанными на одной её стороне 36 буквами древнерусского алфавита, по которым учились читать. Азбуки были доступны, они вырезались и продавались ремесленниками на базарах. Но были и рукописи наиболее древних азбуковников, словарей энциклопедического типа, составленных в Новгороде в XV в., которые дошли до нашего времени; они содержат толкование слов с греческого, болгарского и других языков, встречающихся в писаниях. Эти словари дают основание полагать, что были люди, самостоятельно читающие переводные книги.

Особая потребность в грамоте появилась в XVI в., с развитием внутренней и внешней торговли, когда создаётся сильное Московское государство со сложным государственным аппаратом, что вызывает потребность в образовании. Его ценность не только личностного характера, но и государственного, подчеркивает Закон Петра Первого от 6 августа 1809 г., который гласит: «...доступ в дворянство ограничивался отсутствием высшего образования» [12, с. 161] и непосредственно связан с «Табелем о рангах» (1722 г.), регламентирующим три основные службы: воинскую, статскую, и придворную. Данный документ, по которому образование являлось одним из регуляторов перехода в дворянское сословие и доступа к чинам, чётко определял традиции сословий.

Грамоту, грамотность, просвещение, воспитание и образование как ценность определяли многие мыслители и средневековой Руси, и России периода Просвещения.

Русские ученые, нащупывая верные пути воспитания подрастающего поколения, опирались на православную систему ценностей. Авторы первых в России научных трудов о воспитании и образовании, архиепископ Евсевий (Орлинский) и П. Г. Редкин, нашли аксиологическую

опору в православии, в христианстве, где основными идеями являются такие, как идея греховности, идея спасения и искупления, идея Богочеловека – Спасителя. Непосредственно с образованием связана ценность свободной самоорганизации, без которой воспитание, образование, самообразование и самовоспитание немислимо и которая проявляется в русском человеке и обществе в различных ипостасях.

Ценность свободной самоорганизации. К вопросам самоорганизации, самоуправления Ильин возвращался в своих работах неоднократно. Так, в работе «Советский Союз – не Россия» философ раскрывает широкую картину общественного самоуправления России в предреволюционные годы во всех сферах социальной жизни: «Избиралась Государственная Дума и часть Государственного Совета; свободно самоорганизовывались лояльные, (т. е. неревлюционные) политические партии; самоуправлялись православные приходы; церковная самодеятельность была предоставлена и инаковерным исповеданиям и притом применительно к их индивидуальным особенностям (Свод Законов Российской империи, т. 11); цвели земства и города (Свод, т. 2), самочинно сложившиеся во всероссийские союзы; самоуправлялось дворянство, купечество, мещанство (Свод, т. 9); свое особое самоуправление имели крестьянские общины, села и волости (Свод, т. 9 и особое приложение к нему); свое самоуправление имели казачьи станицы и войска (Свод, т. 9); избирались мировые судьи (т. 16) и народные судьи (т. 2); особое самоуправление имели как оседлые, так и кочевые малые народы («Родовые управления» и «Степные Думы», т. 2 и 9); адвокатское «сословие» имело свои избираемые Советы присяжных поверенных (т. 16); свою автономию имела Академия наук, а также высшие учебные заведения (т. 11); по всей России развивалось свободное кооперативное движение со своими областными съездами и всероссийским центром; свободно развивалась и цвела исконная русская форма артели

(кустарные, промысловые, биржевые, рассыльные, вокзальные и т. д.); свободно возникали и жили всевозможные частные общества (научные, литературные, спортивные, фотографические, общества купеческих приказчиков и др.); свободно слагались всевозможные хозяйственные товарищества и акционерные компании; по частной инициативе и на частные средства создавались всевозможные низшие, средние и высшие учебные заведения, дополнявшие собою основную образовательную сеть – казенную, городскую, земскую и церковную...» [13, с. 346–347].

И. А. Ильин в работе «О национальном призвании России» пишет, что русский народ доказал в своей истории великую способность к самоорганизации: «в объединении 1/6 части земной поверхности в единое государство; и в церковном строительстве прихода, монастыря и собора; и в земском, городском, купеческом, адвокатском и крестьянском самоуправлении; и в созидании артелей, коопераций, певческих хоров, частных учебных заведений, театров, благотворительных и учебных обществ, и т. д.» [13, с. 379].

Книга С. О. Шмидта «У истоков русского абсолютизма» посвящена организации русского общества середины XVI в., истории становления «земских» соборов, формированию дьячества, деятельности Боярской думы, – все эти формы являются формами российской самоорганизации [14, с. 144]. С. О. Шмидт пишет свою книгу в последнее десятилетие прошлого века, когда пути государственной организации были особенно актуальны, происходил поиск идеалов государственного устройства. Автор констатирует, что в годы царствования Ивана Грозного распространилась практика созыва сословных совещаний, называемых соборами (обсуждение сообщца – М. Н.), позднее их стали называть земскими соборами. Более века (от середины XVI почти до конца XVII) эта форма отражает период сословной или сословно-представительной монархии.

Слово «земский» употреблялось как «государственный» – дело всей земли, всего государства. Соборы – «органы территориальной централизации, признак объединения земель под властью одного государя» подчеркивает С. О. Шмидт [14, с. 276].

Ценность свободы для русского человека – неукоснительная ценность, которая онтологически присутствует или должна присутствовать в его бытии. О значимости свободы, её особенностях писали все без исключения русские философы. Понимание свободы раскрывается в трудах Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Д. Л. Андреева, К. Д. Кавелина, Антония (А. К. Булатовича), П. Е. Астафьева, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, И. А. Ильина, С. А. Левицкого. Проблему свободы рассматривали М. А. Бакунин, Е. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатин, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, С. Н. Булгаков, В. С. Соловьев, Л. И. Шестов, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Н. Я. Грот, А. И. Ильин.

Община – следующая ценность, которая составляла основу славянской, а потом – русской жизни и которая тесно связана с самоорганизацией, являясь её основной формой. И. Е. Забелин, вопрошая, была ли община в древней Руси, утверждает, что действительно была: «и двор, этот неизбежный сосуд родового быта, своею внешней стороною, что он есть собственность или часть общей земской собственности, является единицею общинного быта» [10, с. 19].

Л. А. Тихомиров указывает, что «мысль и забота о коллективной жизни русской земли жила с отдалённейших времён её рождения» [4, с. 158]. Именно эта коллективность породила общину и явилась движителем социальной жизни славян, а затем русских княжеств.

Согласно Н. Н. Моисееву, «Коллективизм был и остается одной из национальных, более того, замечательных особенностей России» [15].

Коллективизм, умение трудиться сообща и нести ответственность, сегодня

называется в числе конкретных качеств личности и обязательств человека как гражданина, работника и семьянина.

Коллективность – общечеловеческое свойство людей, объективно воспитываемое в общественно полезной деятельности. Коллективность рождается в совместном труде, сотворчестве, общении, дружбе, в семье, в формальных и неформальных объединениях. Коллективность проявляется не только как сознание общественного долга и ответственности, но и как проявление солидарности и взаимопомощи, как способность человека к взаимопониманию и взаимодействию. Автор считает, что, поскольку коллективность обеспечивает нормальное человеческое взаимодействие, она должна быть предметом целенаправленного воспитания людей, независимо от социальной направленности педагогической системы. В этом смысле воспитание коллективности понимается, прежде всего, как воспитание культуры общения. Под культурой общения понимается культура взаимодействия, понимания и сопереживания, идентификации себя с другим человеком.

По словам П. Ф. Каптерева, человек по самой своей природе есть общественник, могущий жить, только дыша общественным воздухом, действуя совокупно с другими. Совместная с другими работа не означает отказа от своего личного «я» и отдельных личных интересов, а требует лишь согласия, гармонии стремлений отдельных личностей. Коллективизм, по мнению Б. Т. Лихачева, есть «способность индивида активно откликаться на нужды другого человека, жить общественными интересами, продуктивно общаться и взаимодействовать в удовлетворении потребностей коллектива, общества и собственной личности» [16, с. 276].

К числу общественных ценностей относится сплоченность, единство граждан. Без неё общество не может быть здоровым, стабильным, имеющим внутренние стимулы, пружины развития. Сама сплоченность – понятие емкое, многогранное.

Можно говорить о различных его аспектах, дополняющих друг друга и в их сочетании представляющих нечто целое.

Непосредственно с понятием сельской общины связано понятие ценности *Земли-матушки*, которая одновременно выражает и родину, отчизну.

Г. И. Успенский в цикле очерков под общим названием «Власть земли» (1882 г.), раскрывая сущность народного мирозерцания, их истоки и нравственные ценности, отмечает: «Не нагайки, не плети, не дранье на конюшне, не становые или урядники, ни тем паче пятнадцать томов законов с двадцатью томами примечаний – держали его в повиновении, развили в нем строгую семейную и общественную дисциплину, сохранили его от тлетворных лжеучений, а деспотическая власть «любящей» мужика матери-земли, обязывавшая его тяжким трудом и вместе с тем облегчавшая этот труд, делая его интересом всей земли, давая возможность в нем же находить полное нравственное удовлетворение» [17, с. 204].

В книге «Народная Русь» А. А. Коринфский пишет: «Ничего нет для человека в жизни святее материнского чувства. Сын родной земли – живущий-кормящийся её щедротами, русский народ-пахарь, дышащий одним дыханием с природой, исполнен к Матери-Сырой-Земле истинно сыновней любви и почтительности» [18, с. 14].

Хлеб насущный, кровно связанный с землей, – непреходящая ценность русского народа, к которому мы относимся с благоговением. Немалым грехом считается на Руси уронить крошку или кусочек хлеба на пол, еще большим – растоптать его.

Все сельские праздники отражают думы крестьянина об урожае. Хлеб во времена язычества являлся даром Неба и Земли: когда Небо орошает землю дождем, то Земля дарит плоды. Позднее, с принятием христианства, другие покровители, но связанные с тем же небом и землёй, дарят человеку хлеб насущный, урожаем зерновых и плодов. Не сам рус-

ский народ научился пахать-сеять, а научили его этому, считали наши предки, небесные покровители.

Следующую непреходящую ценность назовем – *русскую природу*, которую русский человек изначально не просто бережёт, он её культивирует, возделывает, облагораживает. И достаточно будет высказываний А. И. Ильина о ценности и красоте родной природы, который издали, в разлуке с родиной так обнажённо-сокровенно чувствовал свою родину и писал о ней. «Русская природа не плывёт мимо души, как нередко здесь, в Европе; и не скользит по ней; она вторгается в неё, захватывая её в свой круговорот – то сумасшедше-пьянственной весной, то раскалённым грозным летом, то красавицей осенью, то бело-покровной, крепко-морозной, вихре-метелистой зимой» [19, с. 219].

Ильин указывает на слитность, слиянность русской души с родной природой: «Русская душа с раннего детства чувствует судьбо-носность, властность, насыщенность, значительность и суровость своей природы; её красоту, её величие, её страшность, и воспринимая всё это, русская душа никогда не верила и никогда не поверит – в случайность, механичность, бессмысленность своей русской природы, а потому и природы вообще. Русский человек связан со своей природой на жизнь и на смерть – и в половодье, и в засухе, и в грозе, и в степи, и в лесу, и в солончаке, и в горном ущелье, и в полноводных, стремнинных реках своих, и в осеннем проливе, и в снежном заносе, и в лютом морозе» [19, с. 219]. Как истинный христианин, Иван Александрович говорит: «И связанный так, он созерцает природу, как таинство Божие, как живую силу Божию, как Божие задание, данное человеку, как Божию кару и Божий гнев, как Божий дар и Божию милость» [19, с. 219].

Питирим Сорокин в работе «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» акцентирует внимание на том, что все компоненты русской культуры и социальной организации, а также всей системы основных ценностей представляют собой

воплощение христианской религии. Сорокин считает и доказывает, что трансформация ценностей в России происходила быстрее, чем в Европе, отмечая, что ценности дореволюционной России во всех областях культурного творчества, отброшенные «и разрушенные на деструктивной фазе революции, были восстановлены и признаны сейчас даже в большей степени, чем до Революции» [20, с. 487].

Сорокин делает вывод: «...в идеологическом и поведенческом отношении сегодняшняя мораль русской нации и других народов Советского Союза, возможно, более жизнеспособна, чем мораль ряда западных и восточных наций» [20, с. 489]. Исходя из вывода Сорокина о жизнеспособности наших ценностей,

будем надеяться, что мы преодолеем неустойчивость инверсионного периода и, сохранив русскую культуру, найдем правильный вектор её развития в условиях глобализационного мира.

Ценности русского народа непреходящи. Несмотря на то, что прошли многие десятки и сотни веков, менялись политические и социальные векторы, происходила определённая ценностная инверсия, традиционные ценности остались прежними и являются основой культуры русского народа. Это даёт основание, что и современные ценностные трансформации в условиях глобализации мы переживём, при условии сохранения традиционных ценностей, и останемся нерушимым *русским народом*.

Список литературы

1. Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Книжный Дом, 2003. 1312 с.
2. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 2006. 576 с.
3. Современный словарь по общественным наукам / под общ. ред. О. Г. Данильяна, Н. И. Панонова. М. : Эксмо, 2007. 528 с.
4. Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М. ; Калуга : ГУП Облиздат ; Алир, 2002. 616 с.
5. Болотоков В. Х., Кумыков А. М. Выдающиеся представители русской социально-философской мысли первой половины XX века / предисл. проф. А. В. Опалева. М. : Гелиос АРВ, 2002. 480 с.
6. Смолин М. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М. : Имперская традиция, 2005. 432 с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. М. : Эксмо, 2007. 1024 с.
8. Антология по истории педагогики в России (первая половина XX в.) : учеб. пособие для студ. пед. учеб. завед. / сост. А. В. Овчинников, Л. Н. Беленчук, С. В. Лыков. М., 2000. 384 с.
9. Иванова С. Ф. Говори!: Уроки развивающей риторики. М. : Школа-Пресс, 1997. С. 364–376.
10. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск : Наука, 1992. 244 с.
11. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1996. Т. 1. 400 с.
12. Кузнецов А. Табель о рангах / Глагол. М. : Прометей, 1990. С. 161.
13. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1998. Т. 7. 608 с.
14. Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма : исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М. : Прогресс – Культура, 1996. 496 с.
15. О научном мировоззрении : хрестоматия : в 3 ч. Ч. 3 : Современное естествознание и проблемы цивилизации / сост. Т. Я. Дубнищева, С. М. Решинский. Новосибирск : НГУЭУ, 2007. 244 с.
16. Лихачев Б. Т. Педагогика : курс лекций. М. : Прометей, 1993.
17. Летопись русской философии . 852–2002 / ред.-сост. А. Замалеев. СПб. : Летний сад, 2003. 352 с.
18. Коринфский А. А. Народная Русь. Смоленск : Русич, 1995. 650 с.
19. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 2. 672 с.
20. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. 528 с.

Рукопись поступила в редакцию 15.03.2011

УДК 165.1
ББК 87.251.5

В. И. Пржиленский
г. Ставрополь, Россия

Картина мира, культурная политика и искусство подозрения

В статье рассматриваются основные идеи и принципы филоипонии – концептуально-методологической установки, возникшей под влиянием философии жизни. Обосновывается тезис о том, что, культивируя искусство подозрения, филоипония радикально трансформирует представление о целях и предполагаемых результатах философского исследования. На примере статьи М. Хайдеггера анализируется применение этих принципов на практике.

Ключевые слова: филоипония, искусство подозрения, картина мира, смысл современности, мышление, наука, истина.

V. I. Przhilenskiy
Stavropol, Russia

World Picture, Cultural Policy and the Art of Suspicion

The article consists of basic ideas and principles of philoiponia – conceptual-methodological orientation, which has arisen under the influence of the philosophy of life. The author proves that philoiponia radically transforms the view on the objectives and prospective results of philosophy research by cultivating the art of suspicion. The practical usage of these principles is analyzed on the example of Heidegger's article.

Keywords: philoiponia, the art of suspicion, world-picture, meaning of modernity, thinking, science, truth.

Я хочу показать, что историю св. Франциска нельзя начинать с его рождения, тогда ничего в ней не поймёшь, лучше и не рассказывать. А в наше время рассказывают именно так, задом наперёд.

К. Честертон

В сознании современного человека понятие культуры играет чрезвычайно важную роль. С его помощью объясняется всё и вся, а человек, его мысли, поступки, ценности рассматриваются как продукты культуры. Культура наделяется высшей креативной силой, обретает предельный онтологический статус в мире, в котором существует человек и общество. Но так было не всегда. Идея совершенствования человека и «возделывания» его души возникла в античности и с тех пор неразрывно связана с историей философии, педагогики, гуманитарных наук. Отличительной особенностью современной

эпохи становится понимание культуры как фундаментального инструмента для определения добра и зла. Рефлексия над культурой становится немислимой без понятия ценностей, что выражается в появлении некоего культуроцентристского «символа веры», рассматриваемого его адептами как наивысшего достижения мировой цивилизации. Культура оценивается как главное сокровище, приобретённое человечеством в процессе исторического развития, требующее благоговейного отношения и почитания.

И вот уже культура перемещается в самый центр «человекообразного мироздания». Ей начинают поклоняться, её начинают превозносить, о ней столько говорят, её окружают такой заботой, для неё так много делают, что за тревогами о её судьбе уже не слышно голосов тех, кто за всей этой суетой и шумом заподозрил

неладное. А таковые есть и их немало. Вот, например, что писал ещё в середине XX в. о том, как обстоит дело с культурой, М. Хайдеггер: «Четвёртое явление Нового времени даёт о себе знать тем, что человеческая деятельность понимается и осуществляется как культура. Культура есть в этой связи реализация верховных ценностей путем заботы о высших благах человека. В существе культуры заложено, что подобная забота со своей стороны начинает заботиться о самой себе и так становится культурной политикой» [5, с. 42]. Культура становится самодостаточной и превращается из средства в цель. Культура ради самой культуры. Не совокупность средств заботы о человеке, его безопасности и социальном порядке, но то, что делает человека человеком, – вот что такое культура. Культура – это наше всё! Но всё ли в порядке с культурой в современном мире? Не произошло ли с культурой нечто такое, что заставляет нас тревожиться о судьбах человека и человечества? Ведь сегодня мир стремительно меняется, как меняется и сам человек, констатация чего стала уже банальностью. Но наряду с этой констатацией всё острее чувство нарастающей тревоги и подозрения: не просмотрели ли мы нечто важное и существенное? Не подкралась ли к нам вместе с новым временем угроза утраты того, что составляло саму квинтэссенцию человеческого бытия – культуру? Не способна ли она переродиться в нечто новое?

Искусство подозрения во все времена было в чести у философов. Но в философской традиции, основу которой заложил Ф. Ницше, искусство подозрения превратилось в центральный метод познания. «Мои произведения называли школой подозрения, – писал Ницше, – еще более – школой презрения, к счастью, также школой мужества и даже дерзости. И действительно, я и сам не думаю, чтобы кто-то когда-либо глядел на мир с таким глубоким подозрением, как я, и не только в качестве случайного адвоката дьявола,

но и – выражаясь богословски – в качестве врага и допросчика Бога» [1, с. 232]. О филоипонии (любви к подозрению) следует вспоминать всякий раз, когда провозглашение некоей мысли или идеи носит характер разоблачения (или представляется таковым) [3]. Филоипония, или *искусство подозревать*, восходит к философии Сократа, заявлявшего о том, что простые и всем известные истины не являются таковыми. Учение Платона о пещере, где живут люди, злою волей мироустройства способные созерцать лишь тени, а не сами вещи, дало мощнейший импульс развития филоипонии. При этом речь не идёт о злой воле некоего субъекта, человека или группы лиц. Скорее имеется в виду персонификация особенностей человеческого мышления, изъятые в способе хранения и трансляции знания, особенно той его части жизненно важных смыслов, которые открываются философам, но не могут быть сохранены без искажений. Ф. Бэкон именно это имел в виду, когда писал об идолах познания, создавая свой вариант филоипонии.

Главным противником филоипонии выступает традиция академического понимания науки как предельно объективного и бесстрастного поиска истины, в принципе исключающей обсуждение познания в терминах интриги, подозрения и, тем более, разоблачения. Стремление относиться к непознанному как к сокрытому, как к загаданной кем-то загадке лежит в природе философского, а не научного познания. И неслучайно главным объектом разоблачения сегодня становится сама академическая традиция, сама наука и провозглашаемые ею истины.

В современной философии филоипония принимает самые разные формы. У Ницше подозрение атрибутируется как вид искусства и манифестируется как выстраданная позиция. Объектами подозрения у Ницше становилась то моральная проповедь Иисуса, то ирония Сократа, то учение о двух мирах Платона. Пафос филоипонии наглядно демонстрируется ро-

дона начальником философии жизни, когда он задает вопросы Сократу в своем знаменитом «Рождении философии»: «Не есть ли научность только страх и увертка от пессимизма?... О Сократ, Сократ, не в этом ли, пожалуй, и была твоя тайна? О таинственный ироник, может быть, в этом и была твоя ирония?» [2, с. 49].

Ницше подозревал, что от него что-то злонамеренно скрывают, он стремился разоблачать, срывать маски, сделав искусство подозрения своим главным методом. Неслучайно автор проекта переоценки ценностей избрал в качестве средств разоблачения познавательные ресурсы филологии, а не традиционной аргументации. Особое отношение к искусству подозрения продемонстрировали представители философской герменевтики, структурализма, социологии знания.

Достаточно отчетливо филопоническое искусство явлено в философии Хайдеггера, придававшего большое значение теме забвения бытия, отказа от поисков смысла бытия и т. п. Даже сама мысль о том, что понимание есть способ бытия, содержит в себе завуалированное опасение оказаться в небытии по причине непонимания, незнания, забвения. Его позиция также основана на подозрении о том, что западная метафизика, то есть доминирующий способ мышления, способствовала, намеренно или нет, утаиванию истины и сокрытию смысла бытия.

М. Фуко, предложивший свой знаменитый археологический и генеалогический метод, сделал важный шаг в деле популяризации и концептуализации филопонии. Ему принадлежит идея того, что имеющиеся сегодня в нашем распоряжении знания не дают представления об обстоятельствах их происхождения, а значит, и не могут быть использованы «по назначению». Полученные в рамках другой эпистемы, исходящие из совершенно иных соответствий между словами и вещами, эти знания нуждаются в усилиях археологического и генеалогического свойства. Необходимо обнаружить их ис-

токи, то есть, подобно археологам, раскопать следы в мире фактичности и, подобно историкам-архивистам, восстановить документальные свидетельства.

В сфере социальных и политических практик современности филопония стала источником разнообразных «теорий заговора». Конспирологический дух, как реакция на невиданные доселе возможности манипуляции общественным мнением и массовым сознанием, становится массовым явлением в современном обществе. Сама мысль о том, что правительство, кучка заговорщиков или тайное и невидимое правительство могут запросто навязывать любые мысли и, тем самым, лишая свободы, подавлять волю, отбирать идентичность, способна встревожить. Но в XX в. становится ясно, что управлять сознанием можно не только путем сокрытия информации, прямого обмана и фальсификации фактов. Лишить человека самой возможности свободного и самостоятельного суждения можно путем навязывания ему теорий, понятий, картин мира. Само право *давать имена предметам* сегодня, когда все постоянно именуется и переименовывается, превращается в источник огромной опасности для свободы человеческой личности. В тревоге и страхе людей быть обманутыми кроется источник той популярности, которую приобрели не только сами теории заговора, но и, несомненно, влияющий на них опыт философского искусства подозрения – филопонии.

Ярким примером применения филопонии для прояснения сущности модерна является философия М. Хайдеггера. Философствуя о сущности модерна, он выражает озабоченность подменой некоторых сущностных черт человеческого бытия в процессе осуществления Нового времени. Так, обсуждая ситуацию в культуре, Хайдеггер называет замену культуры культурной политикой четвертым существенным явлением Нового времени. К трём предшествующим явлениям он относит науку, машинную технику, вы-

движение искусства в горизонт эстетики, а пятым выступает обезбожение. Но основной пафос хайдеггеровского доклада и написанной затем статьи выражен в названии – «Время картины мира». Как же связаны между собой картина мира и культурная политика и что они замещают в бытии человека?

Понятие картины мира играет в современном теоретическом мышлении огромную роль. Прежде всего, эта роль была проявлена в философии и методологии естествознания, а также в научных исследованиях и дискуссиях. Она выступала как часть мировоззрения, как некий итог осмысления полученных научных данных, как основание для постулирования тех или иных принципов теоретизирования, как интерпретация и обобщение результатов научного поиска. Роль научной картины мира и сегодня представляется весьма важной многим теоретикам. Как отмечает В. С. Стёпин, «по мере того как развивалась философско-методологическая рефлексия над научной деятельностью, появилась возможность зафиксировать в качестве особого компонента науки некоторую интегративную систему представлений о мире, которая вырабатывается в результате синтеза знаний, получаемых в различных областях научного исследования, и которая впоследствии получила название научной картины мира» [4, с. 192].

Сегодня никто, кажется, не будет спорить с тем, что понятие картины мира – неотъемлемая часть философии модерна. Оно играло и по сей день играет важнейшую роль в познавательной схеме, выстроенной коллективными усилиями новоевропейских философов, полагавших, что философы познают не столько сам мир, сколько собственное мышление и технологию познания. Если со времен античности философия воспринималась, прежде всего, как теория мира, то в Новое время её презентация начинается с учения о методе или, в лучшем случае, с теории познания. Именно так надо по-

нимать отказ от умозрения (спекуляции) как от главного средства философского постижения мира в пользу рефлексии над данными, которые поставляют нам именно наука.

Таким образом, революцией в философии явился тезис о том, что философ не познает мир, но способен познать лишь мышление или, что в данном контексте одно и то же, само познание. Этот тезис позволил реорганизовать схему взаимодействия философов и представителей частных наук. Античный философ создавал общую теорию мира исходя из «увиденных силою ума» принципов, а затем вооружал ею физиков, физиологов, юристов или грамматиков. Теперь же философы разрабатывали теорию познания, передавали выстроенный на ее основе инструментарий представителям частнонаучного знания и ждали результатов его применения. Предполагалось, что созданные с помощью научного метода теории живой и неживой природы, человека и общества могут быть обобщены и лишь на их основе можно выстроить онтологию – философскую теорию мира. Обобщением должны вновь заниматься философы, а их главным познавательным средством становится рефлексия, пришедшая на смену спекуляции.

В рамках этой схемы и возникло понятие научной картины мира – как элемента философской онтологии. Затем сфера его применения стала стремительно расширяться. Из средства презентации, систематизации и интерпретации новейших научных данных концепт «картина мира» превращается в инструмент самопознания и самоопределения новоевропейского человека. С помощью сопоставления картин мира философ очерчивает интеллектуально-историческую, культурно-географическую и ценностно-цивилизационную идентичность. Первая – интеллектуально-историческая идентичность проявляется через историко-философские реконструкции античной, средневековой, ренессансной картин мира и их сравнение с совре-

менностью. Вторая – культурно-географическая – создаётся путём сопоставления картины мира Востока и Запада, когда к усилиям историков философии подключаются культурологи, этнологи, антропологи.

Третью идентичность можно было бы связать с религиозными, этническими или иными специфическими корнями, если бы и здесь не вмешивалась идея прогресса и движения вперед. Опространствливание времени и темпорализация пространства приводит к тому, что ценностно-цивилизационная идентичность эксплицируется в схемах «классическое – современное», «старое – новое», «традиционное – инновационное» и т. п. Речь здесь, разумеется, идёт об обретении такой многослойной, но органичной идентичности западным философом или интеллектуалом, считающим себя наследником Просвещения.

Все три названные идентичности взаимно конвертируемы и представляют собой различные проекции самоидентификации Модерна, Запада и т. п. Роль понятия картины мира здесь трудно переоценить, как трудно переоценить и те опасности, которые несёт в себе некритическое использование любого инструмента, будь то техническое приспособление или концептуально-теоретическая конструкция. Хайдеггер очень рано оценил опасность, исходящую от союза модерна и понятия «картина мира». В своем докладе «Основание новоевропейской картины мира метафизикой» он впервые ставит эту проблему, говоря о «рукотворном» и «обусловленном» характере той картины мира, которая всем остальным казалась не «построенной» и тем более не «сотворенной», но «воссозданной» или даже «открытой». Другими словами, всем казалось несомненным то, что за теоретическими построениями отдельных философов «проглядывает» объективная картина мира, отражающая сам мир в его наиболее обобщенных формах.

Хайдеггер ставит под вопрос все вышеприведённые утверждения. Он задает-

ся вопросом о том, каждая ли эпоха европейской истории имеет свою картину мира. Философия модерна представляет собственную историю как череду картин мира: античная картина мира сменяется средневековой, а та, в свою очередь, ренессансной и так далее. Такое чередование удобно историкам философии, ибо позволяет подвести разнородные явления «под единый знаменатель». Но соответствует ли данное представление действительности? Не утратили ли мы способность понимать наших интеллектуальных предшественников? Не изменили ли мы благодаря картине мира самое главное в нашем представлении о мире? Не изменили ли мы при этом сам мир?

Для ответа на поставленный вопрос М. Хайдеггер обращается к герменевтике, позволяющей реконструировать неявные смыслы и забытые контексты. И герменевтический метод, примененный к интеллектуальной истории Запада, даёт неожиданные результаты. Как кажется на первый взгляд, картина мира – это целостное и систематизированное представление о мире, последовательное изображение его частей и т. п. И чем она полнее, тем менее искажённо она отражает мир во всей его полноте. Но Хайдеггер убежден в том, что при составлении картины мира в неё вносится нечто от самого составителя и нечто, обусловленное актом составления. «Где мир становится картиной, там к сущему приступают, как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому хочет соответственно преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой. Картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины... Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом» [5, с. 49].

М. Хайдеггер убежден, что в прежние эпохи мир не предстал в виде картины, хотя некоторые предвосхищения и можно найти в философии Платона. В анти-

чности человек был просто открыт существу, ибо составлял его часть. В средние века сущее, включающее человека, также предстает как творение личного Бога, а не как итог противостояния. «Превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в *Subiectum*» [5, с. 51].

Понятия субъекта и объекта давно стали само собою разумеющимися. Они не только являются ключевыми категориями теории познания, но и вошли в плоть и кровь европейской культуры. Мнения могут быть субъективными, а знания должны быть объективными. Именно потому наука претендует на роль высшего судии в спорах об истине и заблуждении, что она доказала свое соответствие требованиям объективности, согласованным с теорией познания. И уже кажется, что понятия субъективного и объективного не рождены в новоевропейскую эпоху, а существовали всегда и относятся к разряду очевидного и интуитивно ясного. Аргументация Хайдеггера направлена на то, чтобы показать, сколь сложно и обусловлено превращение мира в объект, а человека в субъект познания. Как утверждает британский философ М. Ретхолл, «Хайдеггер предполагает, что в той мере, в какой наше благоговение перед физическими науками заставляет нас забыть как о чём-то нереальном, обо всём, что не может быть объектом научного теоретизирования, мы рискуем не заметить сам мир. Такой мир, в свою очередь, делает невозможным для понимания самих себя такими, какие мы есть, ибо мир лежит в основе того, что мы делаем и в условиях, которыми мы связываем всё нас окружающее» [6, с. 28–29].

Что такое познающий субъект или субъект познания? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что субъект вообще – это подлежащее или основа (от лат. *subjectus* – лежащий внизу, находящийся в основе). В античности и средневековье этот термин являлся одним из важнейших в логике и

грамматике. Подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат) являются элементами основной формы мышления (суждение) и языка (предложение). При построении теории познания использовались понятия и термины логики и метафизики, но сама эта теория, ставшая стержнем картезианской парадигмы, отбросила и логику, и метафизику.

Итак, Хайдеггер утверждает, что картина мира – это отличительная черта способа мышления лишь определённой эпохи. Почему это так, можно понять, лишь определив сущностные её черты или сущностные явления. Первые два такие явления, называемых Хайдеггером, общеизвестны. «К сущностным явлениям Нового времени принадлежит его наука. Равно важное по рангу явление – машинная техника. Последнюю, однако, было бы неверно истолковывать просто как практическое применение новоевропейского математического естествознания. Сама машинная техника есть самостоятельное видоизменение практики такого рода, что практика начинает требовать применения математического естествознания. Машинная техника остается до сих пор наиболее бросающимся в глаза производным существа новоевропейской техники, тождественного с существом новоевропейской метафизики» [5, с. 41].

Однако и здесь утверждения Хайдеггера не являются тривиальными. Когда он говорит о науке, то подчёркивает, что и её существо не осознанно и, тем более, не осмысленно. «Употребляя сегодня слово “наука”, – пишет он, – мы имеем в виду нечто в принципе иное, чем *doctrina* и *scientia* Средневековья или *ἐπιστήμη* греков. Греческая наука никогда не была точной, а именно потому, что по своему существу не могла быть точной и не нуждалась в том, чтобы быть точной. Поэтому вообще не имеет смысла говорить, что современная наука точнее античной. Также нельзя сказать, будто галилеевское учение о свободном падении тел истинно, а учение Аристотеля о стремлении

легких тел вверх ложно; ибо греческое восприятие сущности тела, места и соотношения обоих покоится на другом истолковании истины сущего и обуславливает соответственно другой способ видения и изучения природных процессов. Никому не придёт в голову утверждать, что шекспировская поэзия пошла дальше эхилловской. Но ещё немислимее говорить, будто новоевропейское восприятие сущего вернее греческого. Если мы хотим поэтому понять существо современной науки, нам надо сначала избавиться от привычки отличать новую науку от старой только по уровню, с точки зрения прогресса» [5, с. 42].

Древнегреческая наука, по мнению Хайдеггера, прежде всего, была знанием, а современная наука – это, прежде всего, исследование. Для такого исследования необходимо наличие того, что немецкий мыслитель называет «сферой для своего развертывания». Эта сфера в области естествознания возникает благодаря наличию некоей предзаданной схемы природных явлений. Такая схема набрасывается заранее, и набросок осуществляет функцию регуляции научного поиска, а фактически и управления им. Прежде чем начать исследование, нужно представлять себе его результат, создавать его контуры, параметры, проектировать его, конструировать и т. п. Всё это действительно есть в новоевропейской науке, и Кант в созданной им теории познания подробно объяснил, почему это так. Но вот увидеть в этом серьезную подмену того, что ожидает от слов «наука» и «знание» человек, не поместивший себя в круг понятий и значений модерна, а оставшийся в более широком историческом и мировоззренческом контексте, помогает мысль Хайдеггера. Он стремится выйти за пределы модерна, чтобы иметь возможность критического отношения к модернистским принципам и постулатам. И наука предстаёт здесь не как поиск абсолютной истины, а как мероприятие более локально-го и ограниченного значения.

Конструирование природной реальности предшествует, как полагает Хайдеггер, всякому знанию о последней. «Природный процесс попадает в поле зрения как таковой только в горизонте общей схемы. Этот проект природы получает свое обеспечение за счет того, что физическое исследование заранее привязано к нему на каждом из своих исследовательских шагов. Эта привязка, гарантия строгости научного исследования, имеет свои сообразные проекту черты. Строгость математического естествознания – это точность. Все процессы, чтобы их вообще можно было представить в качестве природных процессов, должны быть заранее определены здесь в пространственно-временных величинах движения. Такое их определение осуществляется путём измерения с помощью числа и вычисления» [5, с. 43–44].

Здесь уже совсем ясно, что философский смысл галилеевской физики так и не был до конца прояснен. Когда Галилей утверждал, что в телах нет ничего, кроме движения, числа и фигуры, он имел в виду именно то, что необходимо представить природу определённым образом – математически. «Однако математическое исследование природы не потому точно, что его расчёты аккуратны, а расчёты у него должны быть аккуратны потому, что его привязка к своей предметной сфере имеет черты точности. Наоборот, все гуманитарные науки и все науки о жизни именно для того, чтобы остаться строгими, должны непременно быть неточными. Конечно, жизнь тоже можно охватить как величину движения в пространстве и времени, но тогда нами схвачена уже не жизнь. Неточность исторических гуманитарных наук не порок, а лишь исполнение существенного для этого рода исследований требование. Зато, конечно, проектирование и обеспечение предметной сферы в исторических науках не только другого рода, его намного труднее осуществить, чем соблюсти строгость

в точных науках» [5, с. 44]. Вот о такой науке и говорит Хайдеггер как об источнике картины мира. Картина мира – это то, в чём нуждается обращенное в бесконечность научное исследование. Его неотъемлемой чертой становится связь с машинной техникой, её потребностями и запросами.

Далее Хайдеггер отмечает, что к существенным чертам науки является её институциональность. Но и здесь производится крайне любопытная смысловая инверсия. Исследование не потому связано с производством, что для его проведения требуются институты и поиск осуществляется в институтах, а потому и требуются институты, что исследование организовано как производство. Наука как предприятие опирается на систематическое приведение в соответствие собственной методики и установки на «опредмечивание сущего». Но вернёмся к другим существенным явлениям, определившим дух модерна. Разумеется, они – в сфере искусства, религии и культуры. «Третье равносущественное явление Нового времени, – пишет Хайдеггер, – заключается в том процессе, что искусство вдвигается в горизонт эстетики. Это значит: художественное произведение становится предметом переживания и соответственно искусство считается выражением жизни человека» [5, с. 42]. Здесь проявляется важнейшее для Нового времени открытие/сотворение человеческой субъективности. О том, что это такое, будет сказано при разборе темы гуманизма. Фактом остаётся выявление Хайдеггером приходящего и временного характера того, что считалось очевидным и универсальным. Сознание и опыт переживания собственной субъективности – это открытия и творения эпохи модерна, по крайней мере по мнению Хайдеггера.

«Четвёртое явление Нового времени даёт о себе знать тем, что человеческая деятельность понимается и осуществляется как культура. Культура есть в этой

связи реализация верховных ценностей путём заботы о высших благах человека. В существе культуры заложено, что подобная забота со своей стороны начинает заботиться о самой себе и так становится культурной политикой» [5, с. 42]. Культура становится самодостаточной и превращается из средства в цель. Культура ради самой культуры. Не совокупность средств заботы о человеке, его безопасности и социальном порядке, но то, что делает человека человеком – вот что такое культура.

«Пятое явление Нового времени – обезбожение. Это выражение не означает простого изгнания богов, грубого атеизма. Обезбожение – двоякий процесс, когда, с одной стороны, картина мира расхристианизируется, поскольку вводится основание мира в качестве бесконечного, безусловного, абсолютного, а с другой – христиане перетолковывают своё христианство в мировоззрение (христианское мировоззрение) и таким образом соотносятся с Новым временем. Обезбожение есть состояние принципиальной нерешенности относительно Бога и богов. В её укоренении христианам принадлежит главная роль. Но обезбоженность настолько не исключает религиозности, что, наоборот, благодаря ей отношение к богам впервые только и превращается в религиозное переживание. Если до такого дошло дело, то боги улетучились. Возникшая пустота заменяется историческим и психологическим исследованием мифа» [5, с. 42]. Всё эти существенные черты модерна позволяют лучше понять роль картины мира в самоосуществлении этой эпохи. Как уже отмечалось, введение понятия «реальность» было связано с очередным этапом геометризации мира и рождением математического естествознания. Обычно утверждают, что в это время произошла смена картины мира: новоевропейская картина мира сменила средневековую или ренессансную (в зависимости от того, считается ли Возрождение послед-

ним этапом средневековой мысли или самостоятельной историко-философской эпохой). Под картиной мира здесь подразумевается не просто изображение чего-либо внешнего, например конфигурации внешних очертаний предметов мира. Говоря о картине мира, всегда подразумевают сам мир, т. е. сущее в его целом (*on hei on*). Сущее выстраивается в такую картину, из которой его можно было бы охватить единым взором, понять в один миг и мир, и человека в мире.

Следующий шаг на этом пути – такое сопоставление философских учений разных эпох, при котором самые существенные различия могут быть объяснены в терминах изменения картины мира. Даже для тех понятий, которые сохранились при таком переходе, необходимо устанавливать смысловые изменения. Ведь изменение каких-то отдельных концептов должно вызывать изменение связанных с ними концептуальных конструкций. Реконструкция истории философии как последовательности сменяющих друг друга картин мира становится необходимой для корректной интерпретации отдельных философских теоретических построений и всех остальных дискурсивных практик. Шаг за шагом создаются описания античной и средневековой, ренессансной и новоевропейской, современной и постсовременной картины мира.

Идея, лежащая в основании этой методологии, несомненно обладает определенным эвристическим потенциалом. Однако нельзя не замечать той угрозы, которая возникает при абсолютизации данного подхода, когда данная схема истолковывается не инструментально-эпистемологически, а онтологически. Тогда, поверив в реальность данной схемы, исследователь непременно начинает искать сходство и подобие там, где их нет. Во многом неоправданный поиск аналогий инициирует убеждение в том, что при переходе от одной картины к другой наследуется её форма или структура.

Хайдеггер был одним из тех, кто первым подверг критике данный методологический подход. Он обратил внимание на то, что в самом основании данного подхода лежит метафора, рожденная современным взглядом на мир, т. е. одной из картин мира. Именно в Новое время мир стал рассматриваться как картина, отмечает немецкий мыслитель. Человек оказался в роли «спрашивающего мир», но не как прежде, не с благоговейным вопрошанием, а с подлинно судейской строгостью. «Имеется в виду: сама вещь стоит перед нами так, как с ней для нас обстоит дело. Составить себе картину чего-то значит: поставить перед собой само сущее так, как с ним обстоит дело, и постоянно иметь его так поставленным перед собой»¹ [5, с. 49]. Но как же тогда сравнивать новоевропейскую картину мира с другими, если сам сравнивающий не может быть внешним наблюдателем? Как одна из альтернатив в современной философии может рассматриваться антропологический подход, в котором картина мира не исчезает, а становится производным понятием, получающим своё определение через понятие человека. Любопытно, что некоторые сторонники антропологической перспективы вводят в своей онтологии понятие картины человека².

¹ Приведённая цитата взята из перевода В. В. Библихина (Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика, 1993). А. В. Михайлов таким образом переводит этот хайдеггеровский пассаж: «Образ» подразумевает не оттиск, но то, что сущее стоит перед нами и притом стоит именно таким, каково оно с нашей точки зрения. Полагать нечто в образ есть не что иное, как ставить сущее перед собою, то есть представлять его таким, каково оно, и притом постоянно держать перед собою как именно таким образом представленное» (Хайдеггер М. *Работы и размышления разных лет*. М., 1993. С. 147). У Михайлова в большей степени присутствует метафизическое определение вещи в качестве вещи, то есть бытия в качестве бытия.

² Вероятно, впервые понятие «картина человека» применил К. Брюнинг в своем фундаментальном обзоре «Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние». Его русский перевод помещен в сб.: *Западная философия: Итоги тысячелетия*. Екатеринбург – Бишкек, 1997.

Думается, что и этот подход ставит ряд трудных проблем перед исследователем, в чьи задачи входит сравнение дискурсивных практик различных эпох. Однако антропологическая ориентация открывает доступ к герменевтическим методикам, направленным на выявление смысла, вкладываемого авторами в те или иные концептуальные инициа-

тивы. Не трансляция системы понятий из одной картины мира в другую, но смысловое единство дискурса и образа, причины формальной и причины целевой – действительная задача, без решения которой невозможно корректное сравнение этического и социально-научного рассмотрения человеческого поведения.

Список литературы

1. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1 : Литературные памятники. С. 231–491.
2. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1 : Литературные памятники. С. 47–158.
3. Пржиленский В. И. Филоипония // Философские науки. 2010. № 2. С. 144–146.
4. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-традиция, 2000. 744 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. 447 с.
6. Wrathall M. How to read Heidegger. London: Granta Books, 2005. 135 p.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2011

Д. В. Сергеев
г. Чита, Россия

Метафизико-семантическая теория общественной динамики Б. Хюбнера¹

В статье анализируется теория Б. Хюбнера, которая рассматривается как первая попытка в истории науки и философии применения семантического метода для анализа социальных трансформаций. С этой целью философ использует категориальный аппарат семантики, оставаясь в рамках метафизики. Главная тема его теории – изменение смысла в рамках двух метафизических парадигм, определивших особенности социального развития. В статье отмечаются эвристические положительные стороны теории и ее недостатки.

Ключевые слова: смысл, гетерономия, автономия, закрытое общество смысла, открытое общество цели.

D. V. Sergeev
Chita, Russia

Metaphysical and Semantic Theory of Social Evolution of B. Hubner

The article deals with the analysis of B. Hubner's theory that is regarded as the first attempt in the history of science and philosophy to use a semantic approach in order to analyze social transformations. For that purpose the philosopher uses categorial language of semantics but remains in the metaphysical framework. The main idea of his theory is the changes of sense in two metaphysical paradigms determining peculiarities of social development. The article reveals positive and negative aspects of the theory.

Keywords: sense, heteronomy, autonomy, closed society of sense, open society of purpose.

В теории Б. Хюбнера, которая является реализацией семантического подхода эволюции общества, фундаментальная трансформация общества обозначается как переход от гетерономии к автономии. Эти две парадигмы определяют характер социума. Общественные системы, где внеположенная гетерономная сила определяет смысл существования человека, называются учеными закрытыми системами СМЫСЛА, потусторонне- или посюстороннеметафизическими. Переход от гетерономии к автономии определяется объективными причинами и определяет становление Открытое общество цели. Человек обнаруживает отсутствие сил,

которые управляют его судьбой, снимая тем самым свою зависимость от внеположенных и предзаданных СМЫСЛОВ. Теперь судьба человека, определение смысла его жизни находится в его руках. Человек становится свободным.

В соответствии с двумя типами общества ученый дифференцирует два типа смысла: СМЫСЛ и смысл. СМЫСЛ принадлежит и порождается Закрытым обществом СМЫСЛА, а смысл – Открытым обществом цели. СМЫСЛ воспринимается объективным, метафизическим (посюсторонне или потусторонне) утверждённым, общеобязательным, неоспоримым, определяющим челове-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.2. Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук, проект № П1175 «Кризис современной российской культуры: стратегии его преодоления в общественном сознании».

ческую жизнь, репрессивным образованием. Смысл же не обладает такой определённой. СМЫСЛ установлен, а смысл самоустановлен. Смысл определяется людьми, его устанавливающими, он автономен, мал. Люди зависят от СМЫСЛА и становятся свободными, порождая смысл. СМЫСЛ выступает ориентиром в мире, объективированной проекцией человеческого желания объяснить своё существование, но её главная суть – легитимировать существующее положение вещей. Системы СМЫСЛА предполагают наличие репертуара дескриптивных суждений, описывающих мир, и прескриптивных суждений, устанавливающих модели поведения человека в обществе. Важно отметить, что автор хорошо понимает – СМЫСЛ не есть выдумка правящего класса в процессе угнетения остальных членов общества, поскольку они тоже сталкиваются с рядом метафизических проблем, например, смертью. Его укорененность обусловлена разделяемой всеми представителями социума веры в его необходимость и полезность. Тем не менее, он уверен, что СМЫСЛ – выдумка, обман (в большей степени самообман), который при постепенном нарастании рациональных форм освоение действительности развенчивается и изживает себя. «Если с метафизической точки зрения СМЫСЛ мог представлять собой проекцию человеческих стремлений и иметь, таким образом, антропологическое происхождение, то безусловной достоверностью СМЫСЛ обладал только до тех пор, пока человек верил в БОГОВ, которые гарантировали этот СМЫСЛ» [2, с. 53].

В конечном итоге автор резюмирует функции СМЫСЛА: 1) экзистенциальная, прагматическая функция разгрузки решения; 2) утешительная функция *идеальной* компенсации негативностей; 3) этическая функция легитимации; 4) эстетическая функция трансценденции [2, с. 77]. Автономный смысл зависит только от человека и им устанавливается.

Это требует достаточных усилий: социальных, психических, физических и пр. СМЫСЛ только и существует из потребности человека в нём, что обязывает личность снимать себя в ДРУГОМ, существовать ради ДРУГОГО. Что понимается под ДРУГИМ – зависит от индивидуальных, социальных и культурных особенностей (Бог, Аллах, Коммунизм и пр.). Наличие ДРУГОГО в качестве ИДЕИ снимает ощущение недостатка, изъяна, отсутствия кого-то или чего-то в данный момент. Результатом представления ДРУГОГО в ИДЕЕ явилось становление мифов, религий и идеологий. Механизм надления человеком ДРУГОГО, власть над собой и своей жизнью Б. Хюбнер связывает с культурными, духовно-историческими факторами.

Безусловным недостатком теории в данном моменте является надление человека архаической культуры определенными формами рациональности, которых у него не могло быть, так как они сформировались как социальные практики гораздо позже. Отрицая гносеологические различия между современным человеком и человеком первобытного общества, учёный отказывается оправдывать особенности их мышления. Таким образом, ему можно высказать претензию, предъявляемую ранее эволюционистам, в излишней рационализации (или философизации) человека доцивилизационной эпохи. Исследователь рисует безнадёжного первобытного мечтателя, способного к спекулятивным размышлениям. Он не способен их реализовать в силу ограниченности возможностей, что приводит его к необходимости создавать идеологические заменители (боги, духи, рай и пр.) и символические компенсации. Хотя положительным моментом в рассуждениях является уравнение умственных способностей людей разных эпох, что справедливо для оправдания биологического единообразия *homo sapiens* на всех стадиях социального развития. Б. Хюб-

нер говорит о конкуренции двух типов мышления телео-логического и каузально-логического. Первым тип характерен для Обществ закрытого СМЫСЛА, второй – для Общества открытой цели. Доминирование определенного типа мышления на отдельном этапе развития общества определяется наличием познавательных возможностей. Представитель ГЕТЕРОНОМНОЙ парадигмы развития социальных отношений, имея определенные потребности, не имеет возможности научного объяснения причин негативностей на пути достижения цели.

В ходе исторического развития происходит «дискредитация» СМЫСЛА, который рационально устраняется, что приводит к крушению прежней метафизической системы человеческого бытия и рождению новой. Это связано с рождением смысла в бес-СМЫСЛЕННОЕ время, когда происходит переформулирование вопроса о СМЫСЛЕ жизни в вопрос о смысле в жизни. Однако переход от Закрытого общества СМЫСЛА к Открытому обществу цели реализуется не напрямую. Прежде всего, происходит замена потустороннего СМЫСЛА на посюсторонний (философия Гегеля, коммунистическая теория К. Маркса).

Становление Общества открытой цели характеризуется освобождением человека из-под власти идеологий. Он сталкивается с необходимостью улучшения своей жизни и устранения негативностей, поскольку человек приходит к осознанию, что его судьба зависит от него, а не от поту- или посюсторонних метафизических сил. Одним из последствий высвобождением является распад единой картины мира. Взамен индивид получает множественность истин (вместо одной ИСТИНЫ), плюралистичность мировоззрений.

СМЫСЛ можно рационально упразднить, но не исключить потребность в нем. Устранение СМЫСЛОВ проявляется психически как скука, как невыносимое, смертельное состояние, требующего

своего снятия. «Если они всё-таки упорно продолжают существовать или воскресают, как феникс из пепла, то просто потому, что, как уже говорилось, хоть мы и можем оспаривать, рационально критиковать ИСТИНЫ, но не можем избавиться от метафизической тоски человека по ИСТИНЕ» [2, с. 131]. Это важное замечание, поскольку оно объясняет возможность рецидивов в общественном развитии. Учёный признает, что движение от одного типа общества к другому происходит не диахронически прогрессивно, но зачастую регрессивно и зигзагообразно. Соппротивление человека утрате СМЫСЛА проявляется в появлении теорий, которые пытаются компенсировать эту утрату – посюсторонне-метафизические теории истории Гегеля и Маркса, тоталитарные режимы и утопические теории Кампанелла и Мора и пр.

Б. Хюбнер в кантовском духе разделяет мир и репрезентации мира в нашем сознании в форме знаков, суждений и высказываний. Репрезентации являются в определённой мере автономными по отношению к миру, который описывают. Наличие разрыва между миром и представлениями о мире, определяется не только возможной скудностью знаний, но и выгодами, извлекаемыми идеологическими системами: «Для идеологической конформности по отношению к системе от людей зачастую требуется не обилие знаний и разнообразие средств объяснения мира, а скорее, правильная установка, соответствующие добродетели: терпение, послушание, смирение, покладистость, скромность, терпеливость, самоотверженность, аскетизм, надежда – и тогда всё становится лучше, не становясь лучше в действительности и не требуя улучшения действительности» [2, с. 130]. Из приведённой цитаты видно, какой степени власти могут достигать отдельные семантические системы (языки культуры, системы значений), которые, манипулируя смыслами и значениями и не обращаясь к реаль-

ности, формируют необходимые им образы мира (природного, социального, культурного). Не предпринимая никаких усилий, идеологии и их субъекты достигают собственных целей. Более того, человек сам может сохранять фанатичную привязанность картинам мира и семантическим системам, даже если здравый смысл со всей очевидностью говорит об обратном.

Упразднение СМЫСЛА приводит к обесСМЫСЛиванию человеческого существования. Теперь индивид сам должен озаботиться поиском смысла своей жизни.

Логичная и стройная теория Б. Хюбнера тем не менее имеет ряд недостатков, которые не позволяют ей стать полноценной философской теорией в объяснении эволюционных социальных процессов. Хотя справедливости ради необходимо отметить, что сам автор называет свою теорию метафизической, это отражено в названии книги. В теории Б. Хюбнера человек изначально, с момента своего появления наделяется характеристиками скучающего одиночки, где скука – важнейший фактор всего последующего культурного и социального развития. Он не способен ни на что, кроме как на создание идеологических химер в своей голове, которые, правда, по мере развития рациональных форм познания развенчиваются и исчезают, делая тем самым человека ещё более одиноким и несчастным. Раздутые цели и желания несоизмеримы способностям первобытного человека, что и приводит его к необходимости создания богов и духов, наделённых властью управлять миром. Но ученый верит в изначальное наличие у индивида рациональных форм мышления. Автор оставляет без объяснения, почему и вдруг происходит их активизация в эпоху Просвещения, почему такое долгое время они «дремали», находились в состоянии потенцирования («очевидность становится всё более настойчивой» [2, с. 88]). Он считает, что

скорее это было постепенное осознание людьми своих заблуждений, их освобождение от тягот жизни. Одновременно он отказывается принимать точку зрения, согласно которой движение к эпохе Просвещения есть общеисторическая закономерность приспособления человеком мира к своим потребностям (Хейзинга, Гадамер).

Здесь заключено ещё одно противоречие хюбнеровской теории. Учёный утверждает, что освобождение человека от гетерономии и переход к автономной личности инициируют и возглавляют не те, кто угнетает, а те, у кого есть время на размышления, тот самый праздный класс, который и использует СМЫСЛЫ ради своего обогащения. Остается непонятным, почему они это делают, если это им невыгодно, поскольку ведет к утрате власти в обществе и над обществом.

Таким образом, человек превращается в «слепца», который наобум действует в мире. Действие становится самоценностью, ради желания просто действовать в условиях смутной потребности СМЫСЛА. Полностью игнорируется наличие биологической основы человеческой природы, его коллективность и необходимость выживать и приспособливаться в конкретных природно-экологических условиях. Но что действительно удивляет и поражает, это игнорирование социальной сущности человека, которую автор практически никак не включил в свой анализ. Периодически Б. Хюбнер говорит о роли социальных факторов в функционировании системы СМЫСЛА/смысла. Но что это за факторы, в чём их суть и логика работы, он умалчивает. Автор считает, что в Закрытых обществах СМЫСЛА человек прочнее включён в общества, чем в Открытом обществе цели, где много зависит и оставляется на личное рассмотрение его члена. По нашему мнению, необходимо говорить не о степени включённости в общество, – современный человек не менее, а гораздо более зависит от общества, чем

его предшественники – но об эволюции характера общественных отношений в истории человечества. Меняется не суть социальности человека, но характер отношений, которые выстраиваются в комплексе взаимоотношений людей.

Важным недостатком является отказ в наличии позитивной роли Другого. Данная категория лишается тех позитивных функций, которые она выполняла в процессе антропосоциогенеза и последующего становления общества и культуры. Происходит своего рода демонизация Другого, который объявляется идеологическо-символической химерой, придуманной человеком для собственного самообмана.

Но, пожалуй, самое большое обвинение, которое можно предъявить данной теории, заключается в том, что разум человека и формы его осуществления объявляются абсолютными двигателями исторического процесса. Отмечая наличие объективных исторических причин, которые привели к трансформации общественных систем, учёный не называет их. Утверждая, что основания разложения СМЫСЛА были не материалистические, а идеалистические, учёный сильно сужает и обедняет объяснительную базу произошедших потрясений. Он считает, что изменения стимулировались трансформацией мировоззрения, опять же как следствие активизации рациональных форм взаимодействия с миром. Можно сделать вывод, что для перехода от одного типа общества к другому достаточно всем членам социума осознать ложность коллективно разделяемой ими веры в СМЫСЛЫ. Однако следует признать необходимость наличия условий, при которых произойдет осознание, но самое главное – необходимость условий для перехода общества в качественно новое состояние. Поскольку всё-таки переход первичен, а осмысление вторично, следовательно, существуют некие факторы, находящиеся вне сознания и рациональной деятельности человека, но опреде-

ляющие их существование. Их возникновение, опосредованное становлением новых социальных отношений, и позволяет говорить о формировании условий для перехода общества в качественно новое состояние. Возможно, именно это не позволяет автору концепции более чётко определить содержание смысла. Возникает ощущение, что с разложением СМЫСЛА наступает абсолютная пустота, что смысл полый и бессодержательный. Человек оказывается в ситуации экзистенциального вакуума, что, кстати, и подталкивает его скорее назад к СМЫСЛУ, чем вперед к смыслу.

Тем не менее, теория Б. Хюбнера содержит большой познавательный потенциал в объяснении социальных трансформаций. Косвенно это подтверждается тем, что в отечественной научной литературе нами была найдена концепция, схожая по своей сути с мыслями проанализированного философа.

Концепция А. И. Извекова созвучна идеям Б. Хюбнера. Отечественный исследователь видит главную причину «экзистенциального поворота», когда происходит высвобождение личности от всевозможных экзистенциальных предзаданных постулатов. Учёный уверен, что экзистенциальный поворот возможен в той или иной форме во всех культурах, несмотря на то, что впервые происходит в Европе и утверждается, по мнению автора, благодаря глобализации. Итогом этого процесса является человек, который становится полноправным хозяином своей судьбы. «... каковы бы ни были его обязательства перед лицом цивилизации, его субъективное определение смысла участия в её воспроизводстве отныне относится исключительно к компетенции личности. Таковым и остается современное понимание последствий кризиса культуры» [1, с. 45].

Далее автор пытается показать данный процесс через различие понятий «культура» и «цивилизация». Цивилизация как средство существования культур меня-

ет масштаб. Приблизительно, культура ассоциируется с обществом закрытого смысла, а глобализирующаяся цивилизация – обществом открытой цели, хотя Б. Хюбнер и не увязывает эти процессы и понятия.

Безусловно, отечественному исследователю не удалось достичь глубины и всеохватности хюбнеровского масштаба. К тому же она была привязана к конкретной цели – критика американской

внешней политики, что обесценило и деформировало её возможности. Таким образом, концепция Б. Хюбнера объединяет метафизическую философию и семантический подход. Она обладает познавательным потенциалом, в ней содержится много интересных идей, требующих своего продолжения. Но, пожалуй, наиболее перспективным является перенос идей Б. Хюбнера из метафизического контекста в социально-философский.

Список литературы

1. Извеков А. И. Америка: миф о превосходстве, или Ничто не повторяется // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 43–48.
2. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время : метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов. Минск : Экономпресс, 2006. 384 с.

Рукопись поступила в редакцию 05.03.2011

Н. Д. Субботина
г. Чита, Россия

Влияние биотики человека на социальную жизнь

В статье рассматривается диалектика естественного и социального в системе «окружающая среда – человеческие объединения – человек – общественная жизнь» и показывается действие естественных предпосылок общественной жизни: здоровья человека, смертности, инстинкта подражания и исследовательского инстинкта, естественных потребностей. Анализируются естественные предпосылки человеческого выбора, вкусовых пристрастий, информации и способностей.

Ключевые слова: человек, естественные предпосылки, здоровье, смертность, потребности, красота, социальный выбор, когнитивная наука.

N. D. Subbotina
Chita, Russia

The Influence of Human Biotics on Social Life

The article deals with the dialectical correlation of natural and social factors in the system “environment – people’s communities – human being – social life” and reveals the effect of natural background of social life: human health, mortality, imitation and research instincts, natural needs. The author gives the analysis of the natural background of human choice, taste liking, information and abilities.

Keywords: human being, natural background, health, mortality, needs, beauty, social choice, cognitive science.

Человеческое общество и человек являются сложными системами, следовательно, они подчиняются общим законам функционирования систем. Многие общественные структуры являются самоорганизующимися системами, поэтому они подчиняются законам синергетики. Законы системной организации материи и их составная часть – законы синергетики являются естественными законами. Существует сложная система взаимосвязи и взаимозависимости естественных и социальных подсистем и их элементов.

В социальной философии предпринимались попытки определить основные элементы этой системы. Например, В. П. Тугаринов писал: «Объективная действительность не двояка (природа и общество), как это обычно трактуется, а трояка: природа – общество – человек.

Рассматривая человека как продукт природы и общества, его следует “поместить” в конце этой триады. Но как средостение между природой и обществом и как деятельный созидатель самого общества человек может быть помещён в середине этой схемы» [19, с. 91–92].

Достоинством этого подхода является то, что он даёт возможность не относить человека однозначно ни к природе, ни к обществу. Но в этой схеме объединены элементы разного масштаба. Как результат, масштабность человека неправомерно поднимается до масштабов природы и общества, а с другой стороны, общество лишается своей главной составляющей – человека.

Поэтому следует либо применять всеобъемлющую систему «природа – общество», либо выделить в ней менее крупные элементы (являющиеся при

этом сложнейшими системами), в которых непосредственно и осуществляется «диалог» естественного и социального. При таком подходе можно обозначить основные подсистемы: «окружающая среда – человеческие объединения – человек – общественная жизнь». При этом следует отметить, что человек как самостоятельная единица выступает только в качестве предмета анализа, но в реальной действительности он – составная часть природы и общества. В общественной жизни как элементе системы на первый план выступает функциональная сторона, хотя она (общественная жизнь) имеет субстратную основу, включающую и людей и социально преобразованные элементы системы природы.

Все обозначенные подсистемы имеют две стороны: естественную и социальную. В окружающей среде естественной является девственная природа, прежде всего, космос, социальная сторона (наряду с естественной) обнаруживается в той части природы, которая претерпела человеческое воздействие (её часто называют «очеловеченной природой»). В человеческих объединениях, являющихся различными социальными структурами, наряду с социальными действуют естественно-групповые отношения на психологическом уровне и генетические законы на более глубоком, биотическом уровне. В человеке естественным является его биотический организм и социальным – его личностная составляющая. Общественная жизнь – явление в целом социальное, но подвергающееся воздействию естественных сторон человека и человеческих объединений.

В этой сложной системе обнаруживаются два противоположных направления воздействий – естественное и социальное. Остановимся на естественном, который проявляется в том, что

1) среда воздействует на человеческие объединения;

2) среда воздействует на человеческий организм;

3) опосредованно через человека и человеческие объединения среда воздействует на социальную жизнь;

4) биотический организм человека воздействует на его личностную сторону;

5) биотический организм воздействует на социальную жизнь;

6) естественная сторона человеческих объединений воздействует на личность;

7) естественная сторона человеческих объединений воздействует на социальную жизнь.

Прежде чем приступить к анализу воздействия биотики человека на социальную жизнь (что является основным предметом статьи), кратко остановимся на проблеме, *каким образом естественное природное окружение влияет на его биотику и на общество в целом*. В нашей классификации воздействий это *первый и второй виды естественного воздействия*.

Пожалуй, самое широкое естественное основание общественной жизни приводит С. Д. Хайтун, исходя из теории универсальной эволюции, основное содержание которой - увеличение метаболизма: «В следовании вектору эволюции, направленному в сторону интенсификации метаболизма, <...> состоит <...> “смысл жизни” социумов и человечества в целом. <...> Индивиды этому содействуют, однако разные индивиды решают при этом разные задачи, ставя себе разные цели и наполняя свою жизнь разными смыслами. “Прогрессоры” (“творцы”) генерируют самосборки (“новации”), “производители” – обеспечивают последующую экспансию (“размножение”) новаций. Свои задачи есть у учёных и писателей, рабочих и инженеров, детей и взрослых; и т. д.» [20, с. 290]. Все эти задачи, по мнению Хайтуна, приводят к увеличению активности. Разумеется, если отвлечься от специфики биологического и социального, можно понимать человеческое поведение и как разновидность активности в ходе универсальной эволюции. Но такой подход показывает

только общее, присущее неживой и живой природе и обществу, но не учитывает специфики двух последних.

В большей мере показывает специфику воздействия естественного на социальное теория Э. В. Гирусова, который обращает внимание на естественное ограничение социального развития, возникающее в результате ограниченности самого естественного. Гирусов отмечает, что «ни одна система не может развиваться безмерно, даже если располагает такими внутренними возможностями. Темпы, масштабы и качественные особенности развития любой системы должны быть согласованы с целым, хотя бы по таким параметрам, как вещество, энергия, информация. Для каждого качественно определённого состояния системы природа-общество существует своя мера насыщенности техникой, жилыми массивами, сетью коммуникаций, обработанными полями и населением» [6, с. 83].

И в первом и во втором способах воздействия естественного на социальное, выделенных нами, имеются две разновидности, которые можно условно обозначить как *первичное* воздействие и *вторичное (обратное)* воздействие. Первичное воздействие определяется сутью самого естественного и не зависит от функционирования социального. Вторичное воздействие возникает как ответная реакция на воздействие социального. Это воздействие может быть благоприятным для человека (например, орошаемые поля повышают урожайность, искусственный оазис даёт возможность отдыха и пр.), но может быть неблагоприятным, опасным, что особенно проявляется в результате экологического кризиса.

Связь человека с окружающим естественным миром гораздо сильнее и многообразнее, чем кажется на первый взгляд. Многие стороны этой связи статичны и не замечаются нами в силу их привычности. Строение нашего тела, биохимические процессы, происходящие в нем, обусловлены физическими и химичес-

кими характеристиками окружающего мира: силой гравитации, химическим составом атмосферы, воды и т. п. Всё это мы начинаем замечать только тогда, когда происходит нарушение каких-либо из этих характеристик. Здесь обнаруживается *третья разновидность* естественного вектора воздействия, обуславливающая многие формы артефактов и способов существования.

Естественное окружение и закономерности природы воздействуют на общественную жизнь не только опосредованно через организм человека, но и непосредственно. Социальные учреждения подчиняются природным циклам – смене дня и ночи, зимы и лета, обычным и необычным погодным изменениям. Организм человека и его функционирование приспособлены к естественным природным ритмам. Свои ритмы существуют не только для всех основных подсистем организма: дыхательной, сердечно-сосудистой и т. д., но и для всех уровней организма, начиная с клеточных составляющих и кончая организмом в целом. Например, в электрической деятельности мозга выделяют альфа-, дельта- и тета-ритмы. Общество зависит также от естественных средств существования и естественных источников производства.

Связь человека не только с окружающей природой, но и с большим космосом была замечена на эмпирическом уровне и получила закрепление в философских системах уже на Древнем Востоке и в Древней Греции. Французский ученый-палеонтолог, философ и теолог Пьер Тейяр де Шарден основное внимание обращал на то, что науки ещё не отразили того факта, что человек является венцом эволюции Вселенной. «С чисто позитивистской точки зрения человек – самый таинственный и сбивающий с толку исследователей объект науки. И следует признать, что в своих изображениях универсума наука, действительно, ещё не нашла ему места. Физике удалось временно очертить мир атома. Биология сумела на-

вести некоторый порядок в конструкциях жизни. Опираясь на физику и биологию, антропология в свою очередь как-то объясняет структуру человеческого тела и некоторые механизмы его физиологии. Но полученный при объединении всех этих черт портрет явно не соответствует действительности» [18, с. 135].

В собственной философии Тейяр де Шарден объединил человека и космос, используя для этого одновременно физику и христианскую теологию. Человек, по его мнению, сгущает в себе психическую энергию Космоса, что предоставляет ему возможность создать ноосферу («мыслящую» оболочку вокруг земного шара).

Хорошо известно, что связь человека с космосом нашла своё отражение в произведениях русских космистов и их идеи получают научное подтверждение. Академик В. П. Казначеев на основании опытов предположил существование фотонной констелляции, которая обеспечивает связь всех белково-нуклеиновых структур в клетках и которую он обозначает как «информационно-регулятивную систему клеток, обладающую колоссальным запасом энергии». Казначеев по аналогии с физическими терминами ввел два понятия: «слабые экологические связи» и «сильные экологические связи». Под последними он понимает достаточно хорошо изученные процессы фотосинтеза, трофические цепи, биогеохимические циклы и тому подобное. К слабым экологическим связям он относит полевые основы организованности биотических систем [11].

Таким образом, согласно представлениям школы Казначеева, естественный организм человека составляет не только его биотическое тело, но и окружающее его электромагнитное поле, которое создается излучениями самих клеток и электромагнитными полями космопланетарного масштаба.

Косвенным доказательством существования вокруг человека его индивидуального поля является наличие так назы-

ваемого *личностного пространства*, изучаемого психологами. Д. Майерс пишет: «*Личностное пространство* – это своего рода переносная оболочка (буферное пространство), которую мы предпочитаем сохранять между собой и окружающими» [14, с. 248]. Психологи отмечают, что в зависимости от ситуации размер личностного пространства может изменяться – при общении с незнакомыми людьми оно становится больше, с близкими – меньше. Необъяснимым Майерс считает тот факт, что представители разных культур по мере приближения к экватору предпочитают меньшее отдаление и более контактное и тесное общение. Поскольку этот необъяснимый факт связан с изменением естественных условий существования индивида (при его рождении), то и объяснение его должно быть естественным. Факт этот, несомненно, связан с особенностью людей, давно замеченной на эмпирическом уровне: чем ближе к экватору место проживания нации, тем в среднем она импульсивнее, и чем ближе к полюсам – тем в среднем сдержаннее. Различие проявляется даже в темпе речи. Поскольку главное естественное отличие жизни северян от жизни южан – меньшее количество солнечной энергии, то, возможно, в этом и заключается причина особенностей их поведения.

Итак, *организм человека и его поведение зависит от окружающего космоса и, прежде всего, от Солнца*. И эта зависимость порождает много проблем. Если, например, земное притяжение, от которого мы также зависим, имеет практически постоянную величину и страдают от его изменения только космонавты, то Солнце – живая, очень активная звезда, постоянно преподносит нам «сюрпризы» в виде магнитных бурь, на которые реагируют организмы людей.

Особенно сильным воздействием естественной среды обитания на общественную жизнь было в доцивилизированный период. Но и современное общество зависит от всех геологических, физичес-

ких и химических закономерностей, от естественной энергии и от её запасов. До настоящего времени естественное оказывает влияние на многие стороны производства и транспортировки продуктов, на строительство и обслуживание производственных зданий и жилых помещений и определяет предмет исследования специалистов по этим видам деятельности. В последние годы на общественную жизнь всё большее влияние оказывает изменение земной оси.

Четвёртая и пятая разновидность естественного воздействия на социальное проявляется во влиянии биотики человека на его личностные характеристики и на социальную жизнь, которое чрезвычайно многообразно. Люди отличаются друг от друга не только классовой и конфессиональной принадлежностью. Существуют возрастные, половые, расовые особенности людей, особенности, вытекающие из различия в здоровье и особенности, связанные с генетически обусловленными отличиями в способностях людей. Эти различия носят как биотический, так и психологический характер. Остановимся кратко на ряде таких воздействий.

Большое воздействие на общественные отношения оказывает *состояние здоровья людей*. Здесь имеется в виду и уровень здоровья общества в целом, и здоровье или болезни отдельных людей. Крупные эпидемии в прошлом оказывали влияние на сам процесс истории. Современные эпидемии гриппа и «новомодных» инфекций наносят серьёзный урон экономике, нарушают привычное течение многих общественных процессов в образовании, культурной сфере и т. п. Не меньшее значение имеет и состояние здоровья отдельных индивидов, хотя это менее заметно на первый взгляд. Физическое состояние людей играет всё большую роль с развитием общества, с развитием личностных качеств и личной ответственности. Наличие высокоточных производств, сверхскоростного транспорта предъявляет к работающим в этих

сферах людям высокие требования. Даже временное их недомогание может привести к авариям, а порой и катастрофам.

В обществе всегда есть группы людей, имеющих физические, умственные и психические недостатки. Болезни человека в большей или меньшей мере ограничивают включение его в полноценную социальную жизнь. Полноценность их жизни зависит и от развития культуры, от нравственности общества. Надо иметь в виду, что в некоторой степени негативное отношение к тем, кто сильно отличается от обычных людей, инстинктивно. Очевидно, это связано с групповым инстинктом самосохранения и с коллективной суггестией: группа для самосохранения отвергает всех, кто в чем-то «другой». Помимо этого, вероятно, на подсознательном уровне существует страх передать потомству «испорченные гены». Люди с врождёнными дефектами чаще всего не имеют детей. Это системное качество проявляется и в половом отборе животного мира, где сородичи избегают общения с особями, внешне отличными от них. Вероятно, именно это позволяет сохранить чистоту вида. Различий между отрядами животных в природе гораздо меньше, чем различий между породами одомашненных животных. Поэтому преодоление естественных предрассудков ко всем отличным от нас можно считать общественным достижением.

Такое естественное свойство человека, как его смертность, оказывает огромное воздействие на систему социального и поведение человека. И это выражается не только в создании специальных институтов, связанных со смертью, не только в необходимости всех основных культурных подсистем – политики, науки, нравственности, религии, искусства, права – уделять большое внимание смерти, борьбе с ней и окультуриванию её. Всё это важно, но основная роль смерти в жизни людей заключается в формировании смысла жизни. Г. Зиммель говорил, что смерть «ограничивает, т. е. формиру-

ет нашу жизнь не только в смертный час; есть формообразующий момент нашей жизни, окрашивающий все её содержания: ограничение всей жизни смертью воздействует на каждое её содержание и каждый её момент; качество и форма каждого из них были бы иными, если бы он мог выйти за пределы этой имманентной границы» [9, с. 79].

Смертность является причиной одного из главных инстинктов человека – инстинкта самосохранения, лишь частично «окультуренного» системой социального.

Влияние биотики на человека, а через него и на общество проявляется и в том, что многие биотические закономерности, хотя и претерпели воздействие социального, но продолжают действовать как бы «в ослабленном виде». К таким закономерностям относится, прежде всего, естественный отбор. Ч. Дарвин, как известно, обнаружил, что в животном мире половой отбор проявляется в двух видах – как борьба между самцами за право спариваться с самкой или как выбор самкой полового партнёра. Дж. и Л. Палмеры пишут: «Патриархальное викторианское общество, в котором жил Дарвин, не было готово к идее выбора самками половых партнёров. Эта идея очень высоко ставила роль женского пола в эволюции. Теория соперничества самец-самец была воспринята легко, а теория полового выбора – нет. Последняя не принималась во внимание большинством учёных до сравнительно недавнего времени» [15, с. 151].

Инстинкт подражания и исследовательский инстинкт являются биотической основой обучения и развития науки в обществе. Те же авторы, Палмеры, опираясь на исследования детей первого года жизни, делают вывод, что у человека присутствуют врождённые способности в познании, то, что И. Кант называл априорными представлениями. К таким способностям относится аудиально-визуальная способность к сопоставлению, что «однозначно делает взаимодействие ребёнка с матерью и обществом более

эффективным и облегчает овладение речью» [15, с. 202]. Кроме того, ученые выяснили умение детей считать объекты постоянными, умение судить о количестве и величине предметов, способность упорядочивать перцептивную информацию из внешней среды в дискретные объекты и т. п. [15, с. 202–203].

Естественные предпосылки процесса познания изучают ряд современных дисциплин. *Эволюционная эпистемология* считает, что «биологическая эволюция человека не завершилась формированием Homo sapiens – она не только создала когнитивную основу для возникновения человеческой культуры, но и, по-видимому, оказалась непременным условием её удивительно быстрого прогресса за последние 10 тыс. лет» [17, с. 408].

На наш взгляд, эти рассуждения логичны. Нет никаких оснований предполагать, что эволюция, господствовавшая на протяжении миллионов лет, создав человека, вдруг прекратила своё действие без какого-либо на тот момент вмешательства в неё человека. Конечно, обретя сознание, человек получил преимущество перед другими живыми существами: ему не надо было отныне изменять свои внешние органы вслед за изменениями окружающей среды, достаточно было совершенствовать орудия труда. Однако, всё, что происходило и происходит внутри его мозга, до сих пор остаётся во многом загадкой. Само по себе развитие мышления и сознания есть, по сути, проявление эволюции.

Эволюционная эпистемология, не отрицая социального развития процесса познания, учитывает в то же время биотический механизм познавательного аппарата человека. В самом деле, человек в процессе *социального* познания использует приобретённые в ходе биотической эволюции органы чувств, а также сложившийся в результате биотической и социальной эволюции мозг. Особенности строения мозга и органов чувств оказывают воздействие на процесс и результа-

ты познания; следовательно, эпистемология, не учитывающая этот факт, будет недостаточно успешной.

На сегодняшний день естественная сторона процесса познания изучается в основном в рамках *когнитивной науки*, которая включает в себя комплекс дисциплин, исследующих процессы мышления и познания. Дуан П. Шульц и Синдия Э. Шульц обратили внимание на то, что «часы в XX веке перестали быть моделью Вселенной. Потребовалась новая всеобщая метафора. И на эту роль претендует новая машина XX века – компьютер. Психологи все чаще используют компьютерные операции как пояснительную схему для понимания процесса познания. О компьютерах все чаще говорят в связи с проблемой искусственного интеллекта, и, наоборот, сами компьютеры все чаще описываются в терминах человеческой деятельности. Так, например, способность накапливать информацию называют памятью, коды программирования – языками, а о появлении новых поколений компьютеров говорят, что они эволюционируют» [21].

При сравнении мышления и сознания с компьютером было обнаружено множество сходства. Дж. Андерсон пишет: «Наше тело буквально изобилует датчиками для обнаружения образов, звуков, запахов и физического контакта. Миллиарды нейронов обрабатывают сенсорную информацию и доставляют то, что обнаруживают, к высшим центрам в мозге. Это огромная система обработки информации создаёт проблему для познания более высокого уровня, которое должно решить, на что обращать внимание из всей обрабатываемой сенсорной информации» [2, с. 44]. Когнитивные психологи раскрывают всю сложность естественной основы процесса познания, выделяя особую роль зрительной и слуховой информации, способы передачи информации на уровне нейронов и особенности распознавания речи, создают компьютерные модели познания.

Результаты процесса познания зависят не только от эволюционно сложившегося познавательного аппарата, но и от того, что познаётся. Мир, окружающий человека, способствует возникновению научных трактатов, художественных произведений и религиозных представлений. О роли естественных предпосылок религиозного сознания говорит Ю. В. Гаврилова: «Географические условия, наиболее оптимальные или, напротив, не пригодные для жизни человека, наделяются им священными свойствами и переносятся в область сверхъестественного, наличие представлений о котором выступает одной из черт религиозного сознания. Наделение душой и обожествление феноменов окружающей среды, население гор, лесов, водоемов и других ландшафтных объектов духами и божествами представляло собой доминанту сознания народов доцивилизованного общества» [5, с. 54].

Биотика человека оказывает воздействие на общественную жизнь и через *естественные потребности* людей. И это не только коллективная и индивидуальная потребность в самосохранении, порождающая, в свою очередь, потребность в пище, одежде, жилище, которые, как мы знаем, являются основной движущей силой общественного развития. Оказывает воздействие на развитие общества и потребность в наслаждении, и потребность в общении, и потребность в отдыхе, переходящая в потребность в лени, и потребность в развлечении или игре, и половая потребность. Остановимся кратко на некоторых из них.

Потребность в наслаждении, на наш взгляд, является следствием потребности системы к самосохранению. В данном случае имеются в виду две системы – и биотический организм человека, и человеческий род, понимаемый по аналогии с популяцией животных. Это то явление, которое Гегель называл «хитростью исторического разума», оно стихийно выработано природой в ходе естественного отбора и закреплено в системе наших

потребностей. Удовольствие нам и животным доставляет все то, что полезно биотической системе. Это и наслаждение при удовлетворении потребности в пище, воде, тепле, при удовлетворении половой потребности, потребности в общении, удовольствие от заботы о детях, от общения с природой и при созерцании картин, изображающих красивую природу.

В. П. Алексеев пишет: «Созерцание подавляющего большинства явлений природы всегда вызывало в человеке чувство гармонии. По-видимому, этим объясняется то обстоятельство, что призыв близости к природе, звучащий во всех видах искусства, не изживает себя, несмотря на всё увеличивающуюся <...> сложность общественной среды. <...> Велик терапевтический эффект всего комплекса оздоровительных мероприятий, связанных с пребыванием на природе; тайна этого эффекта заключается не только в оздоровительном воздействии на тонус сердечно-сосудистой системы, обмен веществ и т. д., но в первую очередь в благоприятном влиянии на нервную систему. Надо думать, что её ритмы и основные реакции сложились в условиях приспособления к окружающей среде на ранних этапах антропогенеза, этим легко объясняется благоприятный эффект возвращения в эту среду для современного человека даже на короткое время» [1, с. 363].

Мы испытываем удовольствие при купании в воде потому, что это полезно для здоровья. По той же причине нам приятны порядок и чистота в жилище и неприятна грязь. Люди испытывали отвращение к нечистотам и домашним насекомым еще тогда, когда ничего не знали о микробах. Мы испытываем удовольствие от музыки, потому что музыка оказывает воздействие на физиологические процессы в организме. Эксперименты показали, что классическая музыка оказывает благоприятное воздействие и на развитие животных и растений. Мы испытываем удовольствие от отдыха, а порой, и от лени, потому что это дает организму

возможность восстановить свои силы. Мы получаем удовольствие от общения с друзьями, так как это помогает нам испытывать коллективную суггестию, особенное удовольствие от общения возникает тогда, когда группа близких людей находится среди дикой и, возможно, опасной природы. Еще большее удовольствие возникает от коллективной песни у костра. При этом неизбежно ощущается единение с товарищами. Мы испытываем удовольствие от удачно проделанной работы, так как это полезно биотической системе. Особенно большое удовольствие мы испытываем во время праздников, которые способствуют консолидации и сохранению группы.

Мы испытываем удовольствие от общения с красивыми людьми или просто от созерцания их на картинах, в кино. У красоты так же есть естественная основа. Во-первых, красота человека обусловлена его генами. Во-вторых, люди рождаются всё более красивыми в результате естественного отбора – некрасивому трудно иметь детей и передать свои «некрасивые» гены.

Есть естественные основы и у восприятия красоты. Во-первых, выяснено, что красивыми считаются те черты лица и тела, которые способствуют выживанию и лучшему осуществлению репродуктивной функции: большие глаза для того, чтобы лучше видеть (там, где часты песчаные бури – напротив, лучше узкие); высокий рост, чтобы видеть дальше; выраженные мускулы у мужчины – признак силы; широкие бедра и узкая талия у женщины, как недавно выяснено не только способствуют успешному вынашиванию и рождению ребёнка, но и обеспечивают лучшее здоровье. (Интересно, что красивой нами воспринимается и симметричность, это, вероятно, проявление естественной потребности в гармонии).

Во-вторых, понятие красоты связано и с усредненностью тех черт, которые непосредственно со здоровьем не связаны: некрасивым считается как слишком

большой нос, так и слишком маленький, как слишком широко «посаженные» глаза, так и слишком близко и т. д. Это также связано с инстинктивной заботой о потомстве – природа стремится к устойчивости. Здесь играют роль и внешние национальные признаки. У каждого народа красивым считается тот, чья внешность выражает типичные национальные черты. Красивые люди имеют большую возможность иметь потомство, поэтому национальные признаки сохраняются веками. По-видимому, естественной причиной запрета в традиционных культурах смешанных браков является естественная потребность в самосохранении этнической группы.

В-третьих, более красивыми воспринимаются молодые потому, что дети у молодых родителей более здоровые, чем у тех, гены которых уже повреждены.

В-четвёртых, более красивыми воспринимаются дети – это инстинкт, позволяющий взрослым заботиться о них.

Самым сильным источником наслаждения для людей репродуктивного возраста является *секс*. Большое количество исторической, философской и психологической литературы, не считая огромного вала художественных произведений и кинофильмов, посвящено роли, которую играет секс и связанная с ним половая любовь в жизни людей. Если попытаться обобщить наиболее важное из того, что сказано по этому вопросу, то придется признать, что секс способен влиять на все стороны жизни людей, на все события, в которых участвуют люди, не равнодушные к нему. Это и политика, и войны, и наука, искусство, философия, производство, система образования и медицины, книгоиздательство, кинопродукция и многое другое. Более подробный анализ данной проблемы – предмет отдельной статьи.

Биотика оказывает своё воздействие и на *социальный выбор* человека. Друзей, одежду, виды деятельности, спутника жизни, формы досуга и тому подобное мы выбираем не только в зависимости от

социального статуса, социального окружения и уровня развития общества, но и в зависимости от естественных способностей, естественных потребностей, возраста и состояния здоровья.

А. М. Лобок считает, что выбор как таковой есть только у человека, он абсолютно индивидуален и обусловлен исключительно культурой человека. «Животное не выбирает – оно знает априорно. За него выбор уже сделан – на уровне генетической программы» [12, с. 41]. Он не совсем прав как в первом, так и во втором утверждении. Описанный биологами половой отбор является примером выбора в мире животных. Выбор присутствует у них и в процессе удовлетворения других естественных потребностей, хотя, конечно же, сам механизм выбора генетически обусловлен и связан с естественными потребностями популяции и отдельной особи.

Что касается человека, то описаны примеры поразительного совпадения вкусов у однойцевых близнецов. Современные генетики сходятся во мнении, что влияние генов и культуры на характер и вкусовые пристрастия человека примерно одинаково – «пятьдесят на пятьдесят». В то же время у автора верно определена тенденция в развитии живого мира и человеческого общества – постоянное возрастание способности к выбору, а в человеческом обществе ещё и возможности выбора. А это значит, что в обществе возрастает свобода.

Выбор человека зависит от ряда обстоятельств и причин, одной из которых является вкус. А. М. Лобок, так же как и выбор, полностью социологизирует и вкус человека, понимаемый «и в смысле пищевом и в смысле эстетическом». «Вкус – это механизм индивидуального выбора. Он не имеет никакого биологического смысла, но является абсолютным условием культурного выживания индивида» [12, с. 75]. Вообще, он называет вкус мифом, утверждает, что вкус не только не способствует выживанию, но даже мешает ему. Это не так. Человеку всегда

покажется более вкусной пища, содержащая те химические вещества, недостаток в которых испытывает организм. При полной обеспеченности действительно люди проявляют различные вкусы. Эти различия выявляются на культурном и индивидуальном уровне. Культурные различия можно объяснить традицией, но и здесь большую роль играют возможности, предоставляемые природой. Естественная сторона традиционных вкусовых пристрастий состоит и в том, что организм с детства приучается к перевариванию определенной пищи, адаптируется к ней и, как всякая саморазвивающаяся система, стремится к устойчивости.

Индивидуальные вкусовые пристрастия можно объяснить влиянием микро-среды, состоянием здоровья и, видимо, генетическими особенностями. То есть, вероятнее всего, вкусы передаются по наследству и, возможно, не только пищевые, но и некоторые эстетические. Здесь не имеются в виду архетипы или нечто подобное, но, возможно, при рождении человек имеет такой генетический код, который позволяет в определенных социальных условиях сформироваться тем или иным вкусовым пристрастиям, соответствующим его биотическим и психическим особенностям.

Большое влияние на эстетический вкус оказывает и индивидуальный опыт, особенно первоначальный – чаще всего люди предпочитают музыку, живопись, архитектуру, одежду и т. д. тех образцов, которые они воспринимали в детстве. А это также вытекает из биотических закономерностей: доказано, что самой прочной является первая информация. Правда, ранние впечатления могут быть вытеснены и часто вытесняются многократным повторением новых впечатлений. Это опять-таки говорит об адаптации как организма, так и психики человека. Вкусовые пристрастия (и пищевые и эстетические), как известно, зависят и от возраста и от пола. А возраст и пол – качества биотические.

Помимо этого, все, кто имел дело с домашними животными, скажут, что они тоже имеют вкусовые пристрастия, порой очень необычные, значит, человек не единственный обладает этой чертой. Конечно, вкусовые пристрастия как животных, так и человека имеют шанс проявиться только при наличии избытков потребления.

Человеку выбор необходим не только для удовлетворения половых потребностей, потребностей в пище, в отдыхе, но и для определения стратегии в экстремальных ситуациях. Механизм определения стратегии обнаружен в такой части головного мозга, как Р-система. Дж. Ч. Пирс пишет «В случае опасности Р-система может подтолкнуть <...> часть коры мозга (неокортекс) к разрешению ситуации, требующей немедленной реакции и мобилизации всех систем защиты, находящихся в теле человека» [16, с. 44]. И здесь большую роль играет умение обмануть, также имеющее естественную основу. «Эта старейшая из <...> нервных структур включает навыки хитрости обманных действий, которые были развиты миллионы лет назад с целью борьбы с хищниками. Эти навыки позволяют человеку “менять окраску”, подобно хамелеону, в соответствии с социальным окружением, а также дают возможность быть не просто двуликим, а многоликим, особенно при ощущении надвигающейся угрозы. <...> Благодаря коре головного мозга с нижним мозгом, отвечающим за хитрость, человек учится лгать, лжуя при удачном обмане или горестно стелая и жалея себя, когда обманули его» [16, с. 44].

Другая естественная основа выбора – биотическая информация. В. Г. Афанасьев отмечает, что «под биологической информацией обычно понимают тот опыт, который приобрела популяция в процессе развития в условиях постоянно изменяющейся среды в бесконечном ряду поколений. Этот опыт закреплён в соответствующей структуре и функциях организма и находит проявление в совокупности

реакций, отвечающих на возмущающие воздействия, флуктуации как внутреннего порядка, так и среды, в которой организм функционирует и развивается» [3, с. 256].

К. Лоренц видит опасность в том, что социальная эволюция, которую он связывает, прежде всего, с развитием абстрактного мышления, намного опережает естественную биотическую эволюцию человека. «Все культурные достижения человека имеют одно большое “но”: они касаются только тех его качеств и действий, которые подвержены влиянию индивидуальной модификации, влиянию обучения. Очень многие из врожденных поведенческих актов, свойственных нашему виду, не таковы: скорость их изменения в процессе изменения вида осталась такой же, с какой изменяются все телесные признаки, с какой шёл весь процесс становления до того, как на сцене появилось абстрактное мышление» [13, с. 21–22]. То есть здесь обращается внимание на ограниченность социального со стороны естественного. Лоренц имел в виду поведенческие акты, которые могут породить негативные черты человека, не изменяющиеся так же быстро, как развивается наше мышление. Противовесом этой опасности, думается, может служить всё то же мышление. С его помощью люди способны нейтрализовать многие пороки человека.

Негативное воздействие на психику человека оказывает не только сам процесс ускорения общественного развития, но и порождаемое им усложнение выбора. Выбор расширяет свободу человека, но для его биотической природы создаёт ситуацию стресса. На подобную ситуацию обращал внимание Л. С. Выготский, описывая опыты И. П. Павлова, моделирующие для подопытной собаки ситуацию «буриданова осла». Собака оказывается неспособной сделать выбор и «отвечает на трудную встречу противоположных раздражителей срывом, патологическим возбуждением», «впадает в невроз» [4, с. 66].

В естественной природе животные редко встречаются с подобной ситуаци-

ей, для человека же она привычна; и это относится не только к выбору культурных объектов, не имеющих для человека непосредственной биотической ценности, но и к выбору, к примеру, продуктов питания из предлагаемых приблизительно равнозначных или неизвестных. Современный человек, в отличие от предков, стоит перед необходимостью определиться с политической ориентацией, с будущей сферой деятельности; значительно больший выбор у него при определении спутника жизни, места проживания и количества детей. Думается, что человек подсознательно чувствует синергетическую важность первых шагов любой своей деятельности, и потому ответственность выбора, Ситуация неопределенности относится психологами к аверсивным случаям, порождающим стресс.

Современный человек не всегда самостоятельно осуществляет выбор – он ориентируется на ценности своей культуры или религии, которые вместе с естественными потребностями служат ему ориентирами в процессе выбора. Но в «буридановой ситуации» не помогают ни те, ни другие, поэтому стресс – неизбежный спутник современного человека. Возможно, что причиной вновь возросшего интереса к гаданиям является увеличение необходимости выбора.

В научной литературе продолжает дискутироваться проблема, в какой степени обусловлены природой, а в какой обществом такие особенности людей, как, с одной стороны, выдающиеся способности, а с другой – преступность. В советской психологии чаще отрицалась возможность врожденных интеллектуальных, творческих и преступных особенностей и потребностей личности. Твердо отстаивал такую точку зрения А. Н. Леонтьев. Л. Р. Грэхэм отмечал, что «взгляды Леонтьева вполне совпадали с официально провозглашаемой концепцией воспитания “нового советского человека”». Согласно этой концепции, люди развитого коммунистического общества

будут обладать потребностями, совершенно отличными от тех, которыми они обладают в более примитивно устроенном обществе» [7, с. 215].

Другое направление в психологии, напротив, признает наличие врожденных отличий. Ф. Добжанский называет концепцию *tabula rasa* мифом, который «подразумевает, что все человеческие существа при рождении наделены одинаковыми способностями: человеческие существа взаимозаменяемы» [8, с. 11]. Добжанский уточняет, что признание наличия наряду с социальными генетической причины способностей человека не должно приводить к выводу о превосходстве одних рас над другими. В отличие от крайних точек Добжанский подходит к проблеме природы и воспитания диалектически: «Все признаки – от биохимических и морфологических до признаков культуры – всегда наследственны и всегда детерминированы средой. Гены и среда не являются автономными сторонами развития. Ни один признак не может развиваться, если такая возможность не заложена в генотипе; если развитие протекает в разных условиях среды, то проявление генотипа будет варьировать соответственно меняющимся условиям среды» [8, с. 13].

Противники генетической предопределённости черт и способностей личности использовали для аргументации определяющей роли социальных факторов известный эксперимент психологов И. А. Соколянского и А. И. Мещерякова по воспитанию слепоглухонемых детей. Э. В. Ильенков утверждал, что способности и таланты не предопределены, а являются результатом социального воздействия. Мозг испытуемых до начала эксперимента развивался согласно программе, «которая была записана в генах, в молекулах ДНК», но эта программа не привела к возникновению психической деятельности. Лишь когда четырех слепоглухих детей включили в социальные отношения, возник процесс формирования личностей. Ильенков считал результаты эксперимента доказательством

того, что «талант – это не количественное различие в уровнях развития людей, а качественно новое свойство психики, связанное с коренным, принципиальным изменением в типе и характере труда, в характере его мотивации» [10, с. 79].

Этот эксперимент, утверждал Ильенков, опровергает «ходячий предрассудок», «согласно которому лишь меньшинство населения земного шара обладает мозгом, от рождения способным к “творческой” работе, что это научнообразный предрассудок, обряженный цифрами статистики, разукрашенный терминами генетики и физиологии высшей нервной деятельности и “учёными” рассуждениями о врождённых “церебральных структурах”, якобы заранее предопределяющих меру талантливости человека» [10, с. 77].

Тем не менее, этот действительно очень важный эксперимент не отрицает роли биотической стороны человеческих способностей, а показывает, что организм и мозг человека не могли развиваться «в соответствии с программой» (ни с природной, ни с социальной) потому, что не хватало каналов связи с внешним миром. Этот эксперимент доказывает то, что биотическое в человеке устойчивее социального – при дефиците связи человеческого организма с обществом социальное не возникает, а биотическое продолжает функционировать потому, что организм сохраняет часть связей с природой. В то же время этот эксперимент подтверждает большую роль социального в жизни людей. Индивиды с подобными дефектами (и даже с гораздо меньшими) в природе были бы обречены на гибель; в обществе, в условиях заботы о них они продолжают биотическую жизнь, а при значительных усилиях – и социальную. Когда учёные научились формировать новые связи, компенсирующие отсутствие зрительных и слуховых ощущений индивидов, тогда из них на основе естественных задатков сформировались полноценные личности. Однако в современной литературе нет информации о том, применяют ли в жизни результаты этого эксперимента.

Скорее всего нет, так как деятельность по его внедрению очень затратна и поэтому группа испытуемых, возможно, оказалась группой единственных счастливых, которые, несмотря на врождённые дефекты, смогли войти в нормальную человеческую жизнь.

Что касается способностей, то здесь наблюдается большее единодушие: в основном все согласны с тем, что музыкальные задатки генетически обусловлены и воздействие общества состоит лишь в успешном их развитии или, напротив, неразвитии. Признается также естественная предрасположенность к занятиям тем или иным спортом; и тренеры, подбирая себе учеников, безусловно, учитывают

физические данные. Сложнее определить источник интеллектуальных способностей: что здесь идёт от природы, а что от общества, поскольку мозг еще недостаточно изучен. Очевидно, генетически человеку передаются задатки многих способностей и черт характера; насколько же они смогут реализоваться или, напротив, будут погашены, зависит от общества и индивидуального жизненного опыта.

Рамки статьи не позволяют проанализировать все стороны естественного воздействия на общественную жизнь и поведение человека, однако сказанного достаточно для вывода о том, насколько важно учитывать роль естественных предпосылок при изучении общества.

Список литературы

1. Алексеев В. П. Становление человечества // Алексеев В. П. Избранное: в 5 т. М.: Наука, 2007. Т. 1. 711 с.
2. Андерсон Дж. Когнитивная психология. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
3. Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция и управление. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 336 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч. в 6 т. М., 1983. Т. 3. С. 6-362.
5. Гаврилова Ю. В. Внешнее естественное как фактор формирования религиозного сознания // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 50-55.
6. Гирусов Э. В. Система «общество-природа» (Проблемы социальной экологии) М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 166 с.
7. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
8. Добжанский Ф. Мифы о генетическом предопределении и о *tabula rasa* // Человек. 2000. № 1. С. 8-24.
9. Зиммель Г. Созерцание жизни. Четыре метафизические главы // Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2: Созерцание жизни. 607 с.
10. Ильенков Э. В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2.
11. Казначеев В. П. Феномен человека. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1991. 128 с.
12. Лобок А. М. Антропология мифа (Серия «Философский андеграунд Урала»). Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
13. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 5-35.
14. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997. 688 с.
15. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения *Homo sapiens* / пер. с англ. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 384 с.
16. Пирс Дж. Ч. Биология Трансцендентного / пер. с англ. Ю. Сараевой. М.: Гаятри. 2006. 400 с.
17. Стефанов Ю. Н. Эволюционная эпистемология // Т. 4. С. 408.
18. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
19. Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 128 с.
20. Хайтун С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции. Изд. 2-е. М.: ЛИБ-РОКОМ, 2009. 536 с.
21. Шульц Д. П., Шульц С. П. История современной психологии. URL: broomix.ru/istoriya-sovremennoy152.html (дата обращения 27.02.2011).

Рукопись поступила в редакцию 21.03.2011

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 009+78.072.2
ББК Ч11+С55.564

Т. В. Букина
г. Санкт-Петербург, Россия

Между наукой и идеологией: институционализация социологии музыки в советской культуре конца 1960 – начала 1980-х гг.

В последние советские десятилетия социология музыки формировалась в концептуальном пространстве отечественного музыкознания как преимущественно идеологический продукт. В статье рассматриваются особенности функционирования музыкально-социологического дискурса в советской культуре периода «зрелого социализма», а также проводится анализ с этих позиций некоторых жанрово-стилистических особенностей текстов по данной дисциплине (на примере монографии А. Н. Сохора «Социология и музыкальная культура»).

Ключевые слова: советская культура, социология музыкальной культуры.

T. V. Bukina
St. Petersburg, Russia

Between Science and Ideology: an Institutionalization of Sociology of Music in the Soviet Culture during the End of 1960s – the Beginning of 1980s

During the last Soviet decades sociology of music was formed in the conceptual space of home musicology mainly as an ideological product. In the article the functioning of sociology of music in the Soviet culture of the “mature socialism” period is considered, and the analysis from these positions of some genre and stylistic features of texts on the given discipline (on the example of the monograph by A. N. Sochor «Sociology and Musical Culture») is carried out.

Keywords: soviet culture, sociology of music.

Как известно, в советских гуманитарных науках 1960–70-х гг. одним из наиболее значительных интеллектуальных «продуктов» эпохи оттепели стало возрождение социологического знания после нескольких десятилетий запрета, вошедшее в историю как «социологический ренессанс». Наряду с общей социологией переживали «второе рождение» многие её отраслевые направления, в том числе и

социология музыки: первые публикации в данной области появились в 1960-е гг., а в 1971 был открыт первый сектор по данному профилю в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК)¹. На протяжении первой половины 1970-х гг. были организованы первые всесоюзные конференции по музыкально-социологической

¹ Сейчас Российский институт истории искусств.

тематике, вышел в печать корпус теоретических и конкретно-социологических исследований, созданы фундаментальные труды по дисциплине. У истоков возрождаемой и обновляемой социологии музыки стоял, в частности, А. Н. Сохор, который возглавил сектор в ЛГИТМиКе, лично руководил подготовкой нескольких диссертаций и стал автором многих парадигмальных работ в этой научной области. Среди них одной из самых известных стала монография «Социология и музыкальная культура» (1975), в которой учёный позиционировал свою отрасль как уже вполне состоявшуюся дисциплину, имеющую свой предмет, структуру, специфические методы.

В области музыковедения социологические исследования имели многообещающие перспективы развития еще и потому, что могли опереться на обширную исследовательскую традицию послереволюционной музыкальной науки, в которой социологическое направление было важнейшей составляющей. Тем не менее, вопреки ожиданиям, советская социология музыки не стала ярким явлением «социологического ренессанса» и не привела к реабилитации новаторских идей музыковедения 1920-х гг. В целом, не использовав потенциал концептуального обновления, заложенный в этих двух областях, она вошла в историю как одно из наиболее идеологически ангажированных направлений отечественного музыковедения. Последствия такого развития событий ощутимы и сегодня: несмотря на активное внедрение в последние десятилетия социокультурного знания в гуманитарные дисциплины, данный ракурс с большими затруднениями адаптируется в музыкальной науке. Почему работы, созданные в те десятилетия, не сыграли сколько-нибудь заметной роли в становлении музыкально-социологического направления в России? Рассмотрение особенностей институционализации социологии музыки и специфики функционирования музыкаль-

но-социологического дискурса в культурном пространстве эпохи «зрелого социализма», а также анализ некоторых жанрово-стилистических особенностей текстов по данной дисциплине может во многом помочь понять эти причины.

Несмотря на то, что реабилитация социологии состоялась в годы оттепели, этап её «ренессанса», как известно, оказался довольно кратковременным: переломным в её истории стал рубеж 1960–70-х гг., когда смена социополитической обстановки повлекла за собой усиленный партийный контроль над дисциплиной. В политической сфере данный период характеризовался свертыванием экономических реформ, возвратом к господству официальной партийной идеологии и интенсивным подавлением инакомыслия и диссидентских движений, а в области гуманитарных наук – усилением цензуры и стремлением подчинить их обслуживанию государственных интересов. Для социологии решающим событием в этом отношении стало расформирование в 1968 г. сектора эстетики московского Института истории искусств¹ (специализировавшегося, в том числе, и на социологии искусства) после участия его сотрудников в «подписантской кампании», а также реорганизация и смена в 1972 г. руководства Института Конкретных Социальных Исследований АН СССР (крупнейшего в стране научного социологического учреждения)². Кроме того, в 1972 г. в журнале «Коммунист», официальном органе ЦК КПСС вышла программная статья Г. Е. Глезермана, В. Ж. Келле и Н. В. Пилипенко «Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия», в которой утверждалась концепция социологии как части истмата. В течение последующих полутора десятилетий социология постепенно меняла

¹ Современное название этого учреждения – Государственный институт искусствознания.

² Современное наименование – Институт социологии РАН.

свой парадигмальный уклон, превращаясь в «государственную дисциплину» (по выражению Б. М. Фирсова). Все этапы исследования в ней подлежали усиленному надзору со стороны ЦК и КГБ, в прерогативы которых входили решения о допуске претендентов к защите докторских диссертаций, работе в спецхранах и зарубежным командировкам. Подобный контроль упрощало то обстоятельство, что вплоть до начала перестройки социологические диссертации проходили защиту по истмату, что обязывало диссертантов вступать в КПСС¹. В 1970–80-х гг. социология была одной из наиболее цензурируемых дисциплин, например в случае проведения полевых исследований (по заказу, как правило, парторганизаций); тематика вопросов, задаваемых населению, подлежала предварительному согласованию, а результаты анкетирования нередко засекречивались или фальсифицировались.

Институционализация социологии музыки совпала по времени с периодом организационно-идеологического перелома в социальных науках, а формирование её концепции пришлось преимущественно на годы интенсивной политизации социологического знания и включения его в партийный дискурс, что заставляло уже на раннем этапе её существования осознавать её как в значительной мере «государственную» дисциплину. «Социология – наука партийная, – декларировал А. А. Фарбштейн, – её применение не может быть отторжено от мировоззрения марксизма-ленинизма, от принципов социалистического гуманизма. Всякое употребление отвлеченных социологических схем грозит упрощенчеством и забвением диалектики» [10, с. 136]. Подобно общей социологии, защита многих диссертаций по социологии искусства проходила по специальности «Диалектический и исторический материализм»,

а в художественных вузах или НИИ деятели в этой области нередко представляли от партийных структур или занимали места на кафедрах марксизма-ленинизма.

Специфическое положение на стыке художественного и идеологического дискурса приводило к тому, что в методологическом и стилистическом плане тексты по социологии музыки аккумулировали многие приёмы, выработанные в более ранний исторический период в дисциплинах, находившихся под наиболее жёстким контролем политической цензуры. Например, одним из часто встречающихся логических алгоритмов в работах того времени можно считать «дереализацию реальности», описанную Е. Добренко на примере гуманитарных практик сталинской эпохи. Данный приём (по мнению исследователя, он ярко проявился, в частности, в историческом нарративе) превращал научный текст в чисто эстетический, литературный проект в лучших традициях соцреализма, который выстраивался по законам художественного произведения и не подчинялся стандартным критериям научности и достоверности. Задачей гуманитарного творчества становилась определённым образом организованная репрезентация реальности, создававшая иллюзию непрерывно ускорявшегося линейного прогресса, благодаря чему все негативные моменты современной жизни воспринимались как «пережитки прошлого» и тем самым автоматически устранялись в сознании из актуального настоящего [3, с. 266–306]. Технику такой дереализации нередко можно наблюдать и в работах по социологии музыки 1970 – начала 80-х гг., когда, например, нежелательные данные, полученные при опросах, подавались в приукрашенном или завуалированном виде. Так, в исследовании концертной жизни Ленинграда, проведённом Ю. В. Капустиным на статистических и архивных материалах, сообщалось об экономической убыточ-

¹ Согласно Б. М. Фирсову [12, с. 194], среди московских социологов в партии в этот период состояло не менее 85–90 %.

ности работы Государственной филармонии, которая за двадцатилетие с 1960 по 1979 гг. возросла с 430 до 468 тыс. р. в год (при государственном финансировании соответственно 447,5 тыс. и 550 тыс.) и, следовательно, съедала от 85 до 96 % государственной дотации. При этом автор предпочел не проблематизировать данный факт, называя такую убыточность «планируемой» [5, с. 119].

Установка на конструирование мифологизированной («дереализованной») реальности в текстах по социологии музыки вполне вписывалась в доминирующий партийный дискурс эпохи: так, оглашённая на XXII съезде КПСС 1961 г. Программа построения коммунистического общества также мало считалась с реальными экономическими перспективами. По утверждению Б. М. Фирсова, на протяжении всего советского периода не только долгосрочное, но и пятилетнее планирование исходило скорее из желаемых результатов, чем из актуальных возможностей экономики. Вследствие чего расхождение правительственных деклараций с результатами развития промышленности СССР началось буквально на старте марш-броска к коммунистическому обществу и было реальным фактом уже на момент единогласного одобрения текста Программы [11, с. 279–280]. Как отмечали в своём исследовании эпохи оттепели П. Л. Вайль и А. А. Генис, по жанровому генезису данный документ имел больше общего с *художественным текстом* или *проповедью*, чем с конкретной инструкцией к действию. Именно этим объясняется факт его безоговорочного на тот момент принятия, несмотря на то, что конкретные цифры Программы не вызывали доверия – этого не требовалось по законам данных жанров [2, с. 12–13].

Метафора из религиозной сферы, предложенная исследователями, представляется довольно симптоматичной для характеристики рассматриваемой культурно-исторической ситуации:

по мнению социального психолога Д. В. Ольшанского, основополагающая психологическая функция религии заключается в формировании «мы-сознания», которое сплачивает верующих в единую общность и в некоторых случаях компенсирует отсутствие политического либо этнического единства в рамках государства. При этом перспектива грядущего райского блаженства в обозримом будущем в случае принятия верования оказывается для многих весьма действенным мотивом обращения в данную религию [7, с. 245, 253–54]. Психологическим контекстом для формирования такого дискурса в хрущевскую и брежневскую эпоху, вероятно, была ситуация непрерывно возрастающего «разномыслия» советского общества (термин Б. М. Фирсова), которое выражалось не только в явном несогласии с государственной политикой (случаях диссидентства), но и в общей деполитизации социума – появлении частных, автономных от идеологии интересов и устремлений. Это приводило к постепенной «десакрализации» партийных догм в сознании населения и снижению его политического энтузиазма – единственной психологической мотивации самоотверженного труда (при отсутствии действенных экономических стимулов). Поскольку после низложения культа личности реставрация тоталитарного режима была невозможна, альтернативной реакцией должно было стать усиление эмоциональной нагруженности политических текстов, в том числе привнесение в них религиозных аллюзий.

Культивирование «религиозного» отношения к партийному учению и к неизбежному коммунистическому будущему можно считать важным коммуникативным архетипом ключевых официальных документов эпохи, создаваемых целенаправленно для массового восприятия. Об этом свидетельствует и исследование У. Шмида, который подверг литературоведческому анализу жанровые осо-

бенности советского конституционного проекта в его разных версиях. Так, Конституция 1936 г., по мнению У. Шмида, может быть соотнесена с *волшебной сказкой*, рисующей идиллическую жизнь советских людей в настоящем, где всегда побеждает добро. Жанр же брежневской Конституции 1977 г., так же как и мемуарной трилогии Л. И. Брежнева, приближался скорее к *квазирелигиозному тексту*, изображавшему советское общество в динамичном движении к воплощению рая на земле (в то время как «в 1970-е гг. каждому советскому гражданину было ясно, что социалистическое устройство общества не могло удовлетворить даже самые элементарные потребительские запросы») [13, с. 106]. Подобные аналогии довольно рельефно репрезентируют различия между партийными дискурсами двух эпох и культурно-историческими ситуациями их восприятия: эти различия затрагивают степень априорной «доверчивости» воспринимающего и, вследствие того, уровень интенсивности целенаправленного психологического воздействия, заложенного в тексте. Так, согласно определению английского писателя и филолога Дж. Р. Р. Толкиена, рецепция волшебной сказки (ставшей жанровым прототипом сталинской Конституции) предполагает «добровольное подавление недоверия» читателем и его сознательное переключение в плоскость повествования [9, с. 355–358]. В отличие от сказки, одной из важных коммуникативных функций религиозной проповеди является *агитационная*, направленная на пробуждение воли к целеустремленному мышлению и действию, зачастую через преодоление недоверия и инертности аудитории.

Выполняя отведенную им роль «проводников» партийного дискурса в художественное поле, деятели социологии музыки зачастую абсорбировали в своих текстах ключевые стилистические особенности и риторические приёмы партийных документов, подчас придавая им

невольное сходство с библейским нарративом. В этом отношении показателен пример работы «Социология и музыкальная культура» А. Н. Сохора – базисного теоретического труда по дисциплине, впервые вышедшего отдельным изданием в 1975 г. Один из наиболее авторитетных и плодовитых авторов в области музыкальной эстетики и теоретической социологии музыки, член КПСС с 1964 г., А. Н. Сохор стремился в своей монографии дать максимально обширный «компендиум» музыкально-социологической проблематики и комплексную картину объекта этой науки – музыкальной культуры современности.

Задуманная в качестве своеобразного «катехизиса» в своей научной области, работа А. Н. Сохора, подобно проповеди, отличается исключительно простым, научно-популярным стилем изложения (свойство, отмеченное У. Шмидом как жанрообразующее и в брежневской Конституции). А в её ссылочном аппарате значительное место занимают цитаты из работ классиков марксизма, аналогично тому, как в проповеднических текстах обязательны библейские цитаты¹. В плане содержания монография имеет однозначные коннотации с традициями Священного Писания. Она репрезентирует читателю полярно дихотомической универсум, в котором противостоят друг другу два мира: с одной стороны, раздираемый неразрешимыми социальными конфликтами и погоней за материальным достатком мир капитализма (аллюзия на брэнное земное существование); с другой – мир грядущего коммунизма (и предлежащего ему социализма), в котором борьбу за преходящими материальными благами должны потеснить духовные потребности человечества. Основываясь на ленинском учении, А. Н. Сохор утверждал, что «социальная сущность культуры состоит прежде всего и главным образом в выражаемой ею классовой идеологии» [8, с. 63], и следо-

¹ См. об этом, напр.: [4, с. 122].

вательно, музыкальная культура, будучи частью «идеологической надстройки» над производственными отношениями, отражает в своей структуре классовую стратификацию общества.

В соответствии с данной логикой в классовых формациях музыкальная культура пронизана «острейшими непримиримыми противоречиями» и дробится на антагонистические, отчужденные друг от друга пласты: элитарную музыку и массовую. Первый из этих пластов «антидемократичен», второй – «псевдodemократичен» и развивается по законам буржуазного товарного производства. В противоположность этому в бесклассовом социалистическом обществе музыкальная культура, освобожденная от пут коммерциализации, едина и бесконфликтна; все наследие, созданное в ее рамках, носит «народный» и «прогрессивный» характер. Кроме того, в условиях социализма преодолевается отчуждение духовных благ от демократической публики: художественные ценности не только становятся достоянием слушательских масс в экономическом смысле, но и адекватно ими воспринимаются и оцениваются (такой уровень слушательской адекватности, надеялся автор, будет достигнут в недалеком будущем). «При капитализме действуют законы: “ценное, дорогое – немногим” (в «элитарной» культуре) и “дешевое – всем” (в «массовой» культуре). При социализме ставится иная цель: “Ценное, дорогое, лучшее – всем”», – декларировал исследователь [8, с. 86].

Параллельно с профессиональным искусством в социалистическом обществе развивается массовое музыкальное творчество, которое в условиях данного политического строя самоорганизуется в форму самодеятельности – все иные формы массовой музыки в работе атрибутируются капитализму. Неотъемлемой принадлежностью социалистической музыкальной культуры является фольклорное творчество, которое манифес-

тирует ее народную сущность. При этом в ходе индустриализации фольклорное начало не только не нивелируется, а, напротив, становится все более значимым: по мере соприкосновения широкого слушателя с высоким искусством многие его образцы (главным образом, песенного и танцевального характера) укореняются в народном быту. Такой акт «*фольклоризации нефольклора*, который становится фольклором» [8, с. 70]¹, являет пример «чудесного превращения» в моделируемом исследователем фиктивном универсуме. Наряду с фольклоризацией А. Н. Сохор рассмотрел и противоположный процесс дефольклоризации, то есть перехода фольклорного материала в профессиональный репертуар с одновременным забвением его в народе. Примечательно, что, повествуя о фольклоризации, автор обращался исключительно к примерам из музыкального быта народов СССР, в случае же дефольклоризации упоминал только подобные примеры в культуре ФРГ, ссылаясь на работы западногерманских музыковедов. Таким образом, в восприятии читателя казусы дефольклоризации (то есть духовных благ, «отнимаемых» у народа) локализируются в капиталистическом мире, в то время как чудо перманентной демократизации культурного наследия остается прерогативой социализма.

Подобно художественной продукции, публика в условиях социализма также едина не только по своему классовому происхождению и политическим идеалам, но и по возможностям приобщения к музыке, утверждал А. Н. Сохор. Между тем, из личного опыта любому читателю было очевидно, что в реальной жизни слушательское сообщество далеко не однородно – как в отношении музыкальных пристрастий, так и по степени восприимчивости к музыке. Чтобы разрешить это противоречие, А. Н. Сохор применил неординарный логический приём: вначале он обратился к слу-

¹ Курсив А. Н. Сохора.

шательской типологии, разработанной представителем франкфуртской школы социологии Т. Адорно. Как известно, в ней исследователь использовал множественную аргументацию, выстраивая комплексную характеристику каждого слушательского типа на основе разнообразных компонентов – социального происхождения, национально-культурных особенностей, психического склада, цели приобщения к музыке и т. п. [1, с. 11–26]. Рассмотрев эту типологию, как и другие, построенные по тому же принципу (советского социолога Ю. Н. Давыдова, группы венгерских исследователей), автор затем отверг их, указав на их недостаточную логическую строгость – смешение разнопорядковых признаков¹. Во избежание в дальнейшем подобного дефекта А. Н. Сохор предложил отказаться от характеристики экстрамузыкальных факторов (оказывающих, по его мнению, лишь косвенное влияние на рецепцию музыки) и учитывать при построении классификации только один аспект – свойства музыкального восприятия как таковые. Разработанный им на этом основании собственный вариант слушательской типологии включал три основных типа: «высокоразвитый», «среднеразвитый» и «низкоразвитый» слушатель². В таком виде она, очевидно, являла собой идеальную картину слушательского сообщества в бесклассовой формации, при которой социальные и культурные различия между слушателями отсеиваются как несущественные, а расхождения во вкусах объясняются разным уровнем музыкальных способностей, а также общего и музыкального образования аудитории, и подлежат «объ-

¹ В теории аргументации такой прием (при котором отвергается общее утверждение на основе несогласия с его частными аспектами) носит название «поспешное обобщение» и относится к числу некорректных аргументов [6, с. 192–193].

² Каждый из этих типов исследователь предлагал также конкретизировать по отношению к трем жанровым сферам: серьезной музыке, легкой и фольклору. [8, с. 112–113].

ективной» оценке. В будущем, предполагал музыковед, численное соотношение между различными типами должно измениться в пользу высокообразованного, хотя качественная неоднородность публики едва ли полностью преодолима [8, с. 115–116].

Таким образом, вполне в соответствии с канонами проповеднических жанров, идиллический мир социалистической культуры предстает в книге как своего рода социальный «рай на земле», смоделированный исследователем по контрасту с идеологически порочным капитализмом. В то же время социалистическое общество в данной работе представляло собой и эстетический продукт, художественный образ, который идеально вписывался в каноны соцреалистического искусства: предельно «монологизированное», лишённое подтекстов пространство, где художественное производство максимально регламентировано, культурная продукция одинаково высокоценна, а её потребление обезличено и подлежит линейной эволюции. Художественный метод соцреализма, выработанный и апробированный на предыдущем историческом этапе преимущественно в художественной практике, теперь проецировался уже непосредственно на теорию, формируя исходные положения музыкально-социологических исследований и предопределяя их результат.

На примере работы А. Н. Сохора хорошо видно, что социология музыки формировалась в концептуальном пространстве отечественной музыкальной науки 60–70-х гг. XX в. как преимущественно идеологический продукт. Этим во многом объяснялся пониженный собственно эвристический потенциал музыкально-социологических исследований в изучаемую эпоху, что не позволило им стать источником концептуального обновления музыковедческой дисциплины. С падением социального строя данное направление, вполне закономерно, утратило своё значение

и современными музыковедами зачастую воспринимается как дискредитировавшие себя. С другой стороны, в условиях советской культуры эпохи застоя социология музыки сыграла определенную историческую роль для развития музыкальной

науки: можно предположить, что она в значительной степени оттягивала на себя обязательный в рассматриваемый период потенциал «ангажированности» музыкально-ведческой профессии, тем самым косвенно способствуя её автономизации.

Список литературы

1. Адорно Т. Избранное : Социология музыки. М., 2008. 448 с.
2. Вайль П. Л., Генис А. А. Шестидесятые. Мир советского человека. М., 2001. 368 с.
3. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007. 592 с.
4. Жолудь Р. В. Начало православной публицистики: Библия, апологеты, византийцы. Воронеж, 2002. 192 с.
5. Капустин Ю. В. Музыкант-исполнитель и публика // Социологические проблемы современной концертной жизни: исследование. Л., 1985. 160 с.
6. Никифоров А. Л. Логика. М., 2001. 222 с.
7. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб., 2001. 368 с.
8. Сохор А. Н. Социология и музыкальная культура // Сохор А. Н. Вопросы социологии и эстетики музыки : сб. ст. Вып. 1. Л., 1981. С. 10–136.
9. Толкиен Дж. Р. Р. О волшебных сказках // Толкиен Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно. Приключения Тома Бамбадила и другие истории. СПб., 2000. С. 315–410.
10. Фарбштейн А. А. Музыка и эстетика. Философские очерки о современных дискуссиях в марксистском музыкознании. Л., 1976. 208 с.
11. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е гг. : История, теория и практика. СПб., 2008. 544 с.
12. Фирсов Б. М. Советская социология 1950–1980-х гг.: ретроспективный взгляд в конце века // Знамя. 2001. № 4. С. 193–195.
13. Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России) // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 100–113.

Рукопись поступила в редакцию 10.04.2011

Л. В. Камедина
г. Чита, Россия

**Трансформация целостности духовного смысла в русской культуре:
художественный текст XVIII – начала XIX вв.**

Художественный текст как объект культуры содержит множество смыслов. В идеациональном творчестве Древней Руси сохранялась целостность духовного смысла и приоритетным считался сакральный смысл русской культуры. Процесс секуляризации изменил приоритеты, произошла трансформация духовного смысла. Обновление модели целостности духовного смысла в тексте шло в чуждом для русской духовности направлении.

Ключевые слова: целостность, духовный смысл, трансформация, секуляризация, русская культура.

L. V. Kamedina
Chita, Russia

**Transformation of the Integrity of Spiritual Meaning in Russian Culture:
Literary Text of 18th – Early 19th Centuries**

A literary text as a cultural object has many meanings. The integrity of spiritual meaning preserved in ideational creativity of ancient Russia, and sacred meaning of Russian culture was considered to be of prior importance. The process of secularization changed priorities; the spiritual meaning underwent transformations. The renewal of the integrity of spiritual meaning in the text was going in an alien to the Russian spirituality direction.

Keywords: integrity, a spiritual sense, transformation, secularization, Russian culture.

Проблема целостности духовного смысла в русской культуре не ставилась до XVII в., потому что принципом художественного мышления древнерусской эпохи была каноничность. В каноне содержался эстетический идеал культуры, художественное направление. Канон выражал емко и глубоко *целостность духовного смысла* всей русской культуры, которая представлялась как горизонтальными земными общечеловеческими смыслами (нравственными, социальными, политическими, психологическими), так и вертикальным сакральным духовным смыслом, объединяющим и одухотворяющим все присутствующие в художественном творении смыслы. Такой горизонтально-вертикальный смысловой концепт текста был устойчивым. Исследователь В. В. Бычков, описывая христианский канон, отмечает, что каноничное

сознание вводило от мира материальных ценностей и ориентаций в мир духовный, возбуждая в психическом состоянии души читателя, зрителя, слушателя устойчивый традиционный комплекс содержательной информации. Эта информация была не в самом тексте, а за его пределами, в контексте и подтексте, в духовном смысле идеациональной древнерусской культуры [2, т. 2, с. 233–236]. В. В. Бычков выстраивает модель эстетического сознания древнерусского человека, которая состоит из таких понятий, как соборность, системность, нравственность, духовная красота, софийность, символизм, канон. Он называет это «идеальной моделью сознания». Назначение канонической эстетической модели – вытеснить низменные чувства и заполнять душу добрыми чувствами, духовно преображать человека.

В XVII в. разрушился полифонизм в отношениях автор-текст-читатель. По мнению В. В. Бычкова, этому способствовало несколько факторов [2, т. 2]. Во-первых, формирование *художественных школ*, когда новая плеяда культурных деятелей (Симеон Полоцкий, Карион Истомино, Сильвестр Медведев) устроила состязание с традиционалистами и старой системой русской культуры, делая упор на гедонистический подход к художественному творчеству и гетерономные цели – служение группировкам, объединениям, кружкам. При этом «новаторы» оставались в рамках религиозного сознания, проповедуя не столько смысл веры, сколько религиозный эстетизм. Во-вторых, появление *критики*, которая настойчиво внедряла в русскую культуру идею соперничества, ругала Древнюю Русь, считая её отсталой, косной, при этом не уставала объяснять и комментировать новую секуляризованную культуру, которая шла с Запада (сам Симеон Полоцкий – выходец из польско-литовско-белорусских пределов). В-третьих, появление *писателя-профессионала*, чему способствовал также Симеон Полоцкий, учёный монах-книжник, который считал свой литературный труд богоугодным делом, нравственной заслугой, а себя – вторым богом, счастливым обладателем истины. Академик А. М. Панченко отмечает, что «во многих стихотворениях Симеона основоположником гуманитарной учености выступал сам Христос, как бы благословляя тот тип литературного деятеля, который воплощён в Симеоне Полоцком» [6, с. 322]. Симеон Полоцкий перелагал на вирши Священное Писание, которое рассматривал как поэтический памятник, причисляя Иисуса Христа к поэтам.

Таким образом, в конце XVII в. в русской культуре произошло столкновение двух систем ценностей: традиционной, идеациональной, канонической и европеизированной, секулярной, гуманистической. В это же время произошла и подмена

духовного смысла в сакральной вертикали структурного концепта художественного произведения.

В XVIII в. разрушенная целостность духовного смысла русской культуры не могла не сказаться на всём духовном строе национальной жизни. Поскольку считалось, что «старый» духовный смысл не подлежал возврату, то деятели русской культуры стали искать обновление духовного смысла в своём творчестве. Расколота целостность духовного смысла сразу дала несколько концептов горизонтально-вертикальной структуры смыслового креста художественного текста.

Так, поэт *Г. Р. Державин* предложил в своём творчестве две смысловые модели: для государства и для народа (под которым поэт понимал аристократию). В программном стихотворении «Фелица» высшим духовным смыслом вертикального измерения текста ставится закон, а духовными смыслами горизонтального постижения текста – гедонистические смыслы земных радостей и удовольствий. В своей гражданской лирике Державин все горизонтальные смыслы своего текста (патриотические, социальные, этические, идею просвещенного монарха и пр.) подчиняет духовно-вертикальному, под которым он уже понимает не Творца вдохновения, как это было в идеациональной культуре, а дух закона, которому должны подчиняться все: и царица, и народ. Закон для всех – это новый духовный смысл художественного творчества Державина в вертикальном концепте. Закон стал религией и заменил Бога.

Для оправдания закона как главного духовного смысла своей гражданской поэзии Державин обращается к Библии, в частности к ветхозаветной Псалтыри. Из 150 псалмов он выбирает 81-й псалом и создает его поэтическое переложение – стихотворение «Властителям и судиям». Поэт подменяет сакральный духовный смысл псалма на общественно-правовой, программный для себя.

Духовный смысл 81-го псалма – в непреложной истине Бога, и всякий, кто колеблется или обольстится иным, обязательно впадет в заблуждение и будет наказан. В псалме противопоставляются цари и судьи. В ветхозаветной истории до установления царств и царей миром управляли судьи, которые постепенно стали обольщаться земным и забывать волю Божью – судить справедливо, ибо они судят от Бога. Из-за произвола судей пошли неустроения в жизни народов, и гнев Божий обрушивается на судей. Таково духовное содержание псалма (Псал. 81).

Екатерина II велела запретить стихи, принимая критику на свой счет. Державин же верил в добродетель царицы и осуждал в стихотворении её корыстное окружение, сановников, которые мнили себя земными богами. Духовный смысл программного творчества Державина обозначается им самим в рамках создания новой эстетической программы и веры в общественный идеал справедливости и закона. Поэт «придумал» замену модели целостного духовного смысла в русской культуре, этой заменой стала модель общественно-правового концепта с трансформированным духовным смыслом в вертикальном смысловом ключе.

В остальном художественном творчестве, которое не касалось государственной проблематики, Державин подменил идеациональный духовный смысл на гедонистический. Он наполнил поэзию «предметами реального мира», шутивно и грубовато писал об окружающей его действительности. Поэт описывал жизни вельмож, царских фаворитов, царей и цариц («Вельможа», «Храповицкому», «На возвращение графа Зубова из Персии»). Было модным публиковать в стихах описание придворных праздников, такие стихи публиковали отдельными книжечками («Приглашение к обеду», «Кружка», «Похвала сельской жизни»). Много места в творчестве Державина уделено анакреонтической поэзии, его девизом стало: «Петь откажемся героев,

а начнем мы петь любовь» («К лире», «Приношение красавицам», «Анакреон в собрании»). Гимну земной жизни, её бытовым прелестям, чувственным удовольствиям посвящено стихотворение «Евгению. Жизнь Званская», в котором рисуется идиллия сельской жизни с утренними прогулками по саду, «мечтами умилительными», роскошными обедами, праздничными фейерверками в ночном небе, игрою в карты, музыкальными забавами, пастушескими танцами. Духовные переживания Истины ушли на второй план, а вперёд выдвинулись переживания любовной страсти, наслаждения земными прелестями, радость от остроумного словца, анекдота, причудливого сочетания символического текста. Ценность переживаний на уровне физиологических ощущений передал Державин в своей знаменитой оде «Фелица», обращаясь к царице: «Снисходишь ты на мирный лад:/ Поэзия тебе любезна,/ Приятна, сладостна, полезна,/ Как летом вкусный лимонад» [3, с. 44]. Физиологическое ощущение литературного творчества, наслаждение текстом в данном случае не сродни «сладости духовной», которую испытывали древнерусские книжники при чтении священных книг.

Феномен державинской духовности – её эстетизм, любование красотами внешнего мира. С одной стороны, в поэзии Державина много удивления, восторга, радости, столь присущих канону идеациональной культуры, а с другой стороны, все это привязано к чувственным удовольствиям, а не к «томлению духовной жаждой». Поэт не оторван от Творца, однако творит уже не в пространстве религиозной мысли, а для развлечения. Державинский текст передавал духовный смысл читателям разного социума, на каждом уровне создавая свои ценности: одним – эротизм «с наслаждением духа», другим – героизм с пафосом духовного воспарения и гордости за Россию, третьим – духовное учение и познание с помо-

пью науки, четвертым – теологические экзальтации. Теологический эстетизм Державина погружен в поэтическую игру, новые духовные смыслы и принципы которой вырабатывались в «львовском кружке» единомышленников, среди которых – создатель кружка Н. Львов, поэты В. Капнист, И. Хемницер, М. Муравьев, композиторы Д. Бортнянский, В. Пашкевич, художники В. Боровиковский, Д. Левицкий – это новая плеяда культурных деятелей.

Иная трансформация духовного смысла произошла в творчестве *А. Н. Радищева*, который подменил вертикаль духовно-сакрального смысла художественного текста на духовный смысл секулярного гуманизма, поставив в центр русской культуры обыкновенного человека. Секулярный гуманизм был оторван от национальной духовной традиции, так как формировался под влиянием французских энциклопедистов, а подчас являл откровенную бездуховность, допуская кощунство. Русский философ В. В. Зеньковский, отмечая новую тенденцию, которую принято называть «русским вольтерьянством», писал: «Действительно, имя Вольтера было знаменем, под которым объединялись все те, кто с беспощадной критикой и часто даже с презрением отвергал «старину» – бытовую, идейную, религиозную; кто высмеивал всё, что покрывалось традицией; кто стоял за самые смелые нововведения и преобразования» [5, т. 1, с. 95]. В. В. Зеньковский называет Вольтера предтечей русского нигилизма, «взбунтовавшегося», «бесшабашного», соглашаясь с В. О. Ключевским, что «новые идеи нравились как скандал» [5, т. 1, с. 96].

Русский просветитель Радищев, большой поклонник Гольбаха и Гельвеция, по его же собственному выражению, «учился мыслить» у них. В качестве примера можно привести его работу «О человеке, о его смертности и бессмертии», где он рассматривает человека с гуманисти-

ческих материалистических позиций, считая его «венцом творения», высшей мерой совершенства на земле. Религиозный контекст жизни русского народа Радищев не брал во внимание. Модель его литературного творчества с присущими ей духовными смыслами была нецелостной.

Были у Радищева попытки обрести духовный смысл в *масонстве*, которое проповедовало внецерковную религиозность. Масонство было также гуманистическим, в нем соединились религия, наука, философия, литература. Масоны сознательно отказывались от церкви, считая её отжившим институтом, создавали масонские общества, ложи, ордена – замены церкви. Масонство проповедовало антропоцентризм, при котором духовная жизнь сосредоточивалась внутри собственного *Я*, не имея выхода к Духу Творца. Масонская система ценностей отличалась от православных ценностей русской культуры. Масонство не было христоцентричным и получило популярность, в основном, в дворянской интеллигенции, искавшей замену традиционному духовному смыслу русской культуры. Исповедуя ценности морали, масонство поставило их в зависимость от социума в общем антропоцентризме мысли. Книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» также исповедует эту антропоцентрическую мысль: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои на внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто оттого только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы» [7, с. 37].

Неприятие традиционной идеациональной модели целостности духовного смысла в русской культуре привело к отказу от обоснования Творца и энергии божественного вдохновения в художественном творчестве. Надо сказать, что русские масоны не создали ни одного шедевра, они занимались, в основном, пере-

делками, переводами, комментариями, толкованиями. По мнению исследователя русской литературы XVIII в. П. Н. Беркова, «соотношение количества оригинальных русских сочинений и количества переводных в XVIII в. было явно не в пользу первых» [1, с. 160]. В литературном творчестве отношения автор–текст–читатель менялись соответственно на переводчик–текст–читатель. Массонская духовная литература давала представление о духовных смыслах, но в иной системе аксиологических координат, чаще всего, либерально-европейской. П. Н. Берков находил единственную, пожалуй, связь между древнерусской литературой и литературой нового времени – это патриотическая тема, которую он трактовал как осознание русскими писателями «особой исторической роли России». Если для Древней Руси это была идея «Москвы – Третьего Рима», то для XVIII в. – идея достойного сопровождения её сынами России в «моральном, интеллектуальном и политическом смысле» [1, с. 170]. Духовный смысл творчества Радищева соответствовал этой характеристике.

Таким образом, попытки вернуться к духовной тематике через европейские идеи масонства были своего рода хитростью фундаментального характера – смещения деятельности в русской культуре с ценностей на средства, с проблемы целостности духовного смысла русского текста на изменение объекта. Объект церкви, которая утверждала целостность духовного смысла, заменялся на масонский орден, на религиозно-мистические общества, искавшие пути замены традиционного духовного смысла.

Поиском «новой духовности» в русской культуре занимались и *русские романтики*, которые находились под сильным воздействием немецкой философско-эстетической мысли Ф. Шеллинга, считавшего, что искусство одно не даёт полноты познания, поэтому необходима религия, которая придаст цельность искусству и литературному творчеству, и

что религию можно понять только через искусство, иначе она останется в сфере духа, недоступной человеку [10]. Искусству же он отводил место в Универсуме, как завершающему мировой дух; полагал, что искусство – это сфера абсолютного, и оно не касается бытового, а *святое* должно связать воедино религию и искусство. Ф. Шеллинг включал в сферу познания искусства и науку. Искусство, по его мнению, познаётся религиозным человеком с помощью науки, а наука нужна для поиска подлинных принципов искусства. Поэзию романтики считали самым универсальным видом духовной деятельности, приравнивая поэта к Богу. Однако слова *Бог*, *божественный* у романтиков соотносились с творческим, а не с религиозным процессом. Религиозный романтизм вполне мог быть у нерелигиозных писателей.

Попытки воссоздать модель целостности духовного смысла в своём творчестве осуществлял русский романтик *В. А. Жуковский*. Его увлечение шеллингианством вылилось в магическую духовность баллад, в создание особой «поэзии сердца», которая раскрывала психологию душевного мира человека. Духовное для Жуковского – показатель человечности. В поэзии он не различает «духовное», «природное», «чувственное». Например, в стихотворении «Невыразимое» слово *святыня* относится к Создателю («Сия сходящая святыня с вышины, / сие присутствие Создателя в созданье...»), к «святым таинствам сердца», к «святой молодости» и т. п. [4, с. 120]. Творец в стихах Жуковского упоминается в ряду других романтических ценностей: «Мне рок судил брести неведомой стезей... Творца, друзей, любовь и счастье воспевать» [4, с. 42–43].

Поэт-романтик уводил своего героя от действительности в мир мечты, грёз, утопий, где от реальности оставались только настроения. Духовный смысл своей поэзии Жуковский видел в попытке раскрыть глубину внутренних психологи-

ческих переживаний, в передаче оттенков чувств, в рассказе о созерцательной жизни человека. Обращение к Богу у русских романтиков было скорее эстетическим, чем религиозным. Активность в поисках целостности духовного смысла порождалась бездуховной реальностью и ограничивалась ею. Автор-романтик часто делал сам себя мерилем духовности и ценностей в действительности, а если встречал в реальном мире нечто, не совпадающее с его устремлениями, то пытался заметить одну реальность на другую – свою, виртуальную, как он себе её представлял. Тогда духовный смысл литературного творчества определяется субъективной духовностью автора, то есть автономно, а русский текст отрывается от реальности. Жизнь представляется романтику «ночной», «непросветляемой» стихией, готовой поглотить и автора, и читателя. Такого рода мотивы характерны для поэзии Е. Баратынского в сборнике «Сумерки», В. Одоевского в «Русских ночах», А. Фета в «Вечерних огнях», «ночной поэзии» Ф. Тютчева.

Таким образом, духовные смыслы в творчестве романтиков представлены как иллюзия, как обман субъективных представлений автора о реальной действительности. Хотя в такой модели читатель и пытается «приспособиться», понять смыслы прочитанного произведения через историко-культурный слой смыслов, однако для запросов духа такая модель может оказаться мёртвой. Проблема целостности духовного смысла литературного творчества ставится романтиками, но через субъективные иллюзии их авторского сознания она не решается.

Наконец, в начале XIX в. возникает модель русской культуры, в которой проблема целостности духовного смысла рассматривается имманентно. Автор ни к чему не приспособливается, его мысль направлена на преодоление среды, на преобразование национального менталитета как утверждение его исключительно

вопреки и наперекор всему миру. Писатель подает свой субъективный взгляд как объективную ситуацию, которую обосновывает не содержанием исторического процесса, не научной логикой, но совершенно отвлечённо от истории культуры. Феномен такой духовности заключается в поиске духовного смысла в русской культуре вопреки её традициям и реальности, а проблема духовности исходит от особенностей самого автора и его инициативной программы. Такую модель вопреки историко-культурной среде осуществил в своём литературном творчестве «христианский философ», так он себя называл, П. Я. Чаадаев.

В. В. Зеньковский писал о Чаадаеве: «У него нет богословской системы, но он строит богословие культуры» [5, т. 1, с. 185]. Своеобразие Чаадаева – в теургической установке построения Царства Божия на земле. В. В. Зеньковский замечает, что с секуляризмом теургия не исчезла, а переоформилась. П. Я. Чаадаев писал о том, что народы не имеют иной истории, кроме религиозной; политические интересы для народа всегда были второстепенными. Из этого он делал вывод о возможности построения Царства Божия на земле не только на Западе, но и в России. Во втором философическом письме он разделял *философию* и *религию*, утверждая, что философы отделяют человека от Бога, они полагают только нравственные истины, однако ничто не заменит собой божественное, т. к. духовное в человеке озарено свыше. «А без ясного понимания... общения Духа Божия с духом человеческим ничего нельзя понять в христианстве [9, с. 66]. *Святое и ценности* Чаадаев связывает с религией, которую считает источником познания. Полемизируя с масонами, Чаадаев утверждает, что познание не может быть в самоусовершенствовании, оно может быть только в Боге, «в человеческом духе нет никакой иной истины, кроме той, которую своей рукой вложил в него Бог» [9, с. 101]. В письме к А. Тургене-

ву в 1837 г. Чаадаев писал: «Не следует различать учение Церкви от науки, есть наука духа, а есть наука ума – всё принадлежит познанию, а разделение науки и религии попахивает XVIII веком» [9, с. 260]. Чаадаев не сомневался, что вера в Бога утверждает высшее происхождение человека, гармонизирует его душу, придаёт твёрдость его нравственным установкам в различении добра и зла. Спасительным для личности может быть только приоритет духовных целей над всеми остальными. По мнению исследователя Л. В. Щегловой, которая осмысливает «национальный культурный проект» Чаадаева, философ рассматривал культуру как целостность с внутренним сквозным единством, не меняющимся на протяжении веков, и, поняв внутренние характеристики культурного процесса, можно строить будущее, т. е. Царство Небесное на земле [11, с. 45].

Чаадаев видел кризис современной ему культуры в кризисе веры. Однако чаадаевские построения вводили духовную сущность и духовный смысл русской культуры в социальные утопии о светлом будущем. Утрачивались коренные ценности русского народа и само православие с его нравственными идеалами и традициями. Духовные смыслы русской культуры стирались. К сожалению, Чаадаев видел начало строительства Царства Божия только в западной культуре, он воспринимал Запад религиозно и успехами западноевропейской культуры измерял силу западного христианства. Например, Чаадаев пишет: если удастся утвердить нравственность «на религиозном базисе, как это первоначально было сделано во всех странах христианского мира, и перестроить всю нашу цивилизацию на этих новых основах, мы в таком случае окажемся на истинных путях, по коим человечество шествует к выполнению своих судеб» [9, с. 378]. Чаадаев обрушивался с критикой на Россию. Однако по мере продвижения идеи провиденциализма относительно целей,

смыслов и путей Запада и России философ со временем всё больше склонялся к мысли об особой роли России в мире. Он стал считать, что время её «исторического действия» ещё не наступило, и духовный смысл русской культуры ещё не осуществлён, ибо пока не понят. Но именно ей, русской культуре, соединённой духовным смыслом с православием, предстоит строить Царство Божие на земле – самый «совершенный строй». Чаадаев глубоко ощущал религиозную проблематику культуры, он обращался к высшим смыслам, считал человека достаточно свободным, чтобы нести ответственность за историю. Чаадаеву был хорошо знаком тот тип русского интеллигента, который всегда считал себя ответственным за судьбу России, а порой и всего мира. Ценности богословия культуры были сформулированы Чаадаевым в рамках христианства. Полноту жизни он видел в лоне Церкви.

В чаадаевской модели потенциал духовного саморазвития был исключительно автономный. Реальность не оказывала на Чаадаева никакого воздействия, и только недовольство реальностью и историко-культурной традицией вдохновляло и подталкивало философа экстраполировать свою активность в литературное творчество. Однако читатель не принял такую модель, потому что в программу автора были заложены духовные смыслы католической модели мира, которая не находила понимания в православной историко-культурной среде. Читатель должен был стать западником, чтобы принять в свой духовный мир чуждую мировоззренческую, историческую и культурологическую установку. Модель Чаадаева была утопической в его субъективно-автономном проекте социализированного христианства. Таким образом, Г. Р. Державин, А. Н. Радищев, В. А. Жуковский и П. Я. Чаадаев в своём литературном творчестве каждый по-своему отразил дух эпохи, свою религиозность. Они осуществили попытки схватить, ус-

воить и отобразить целостность духовного смысла художественного произведения, однако смысловую вертикаль текста подменили, трансформировав традиционный идеациональный смысл русской культуры в секулярный – правовой, гуманистический, социальный. Уход от православного

контекста русской культуры в теологический эстетизм, секулярный гуманизм, в христианскую социологизированную философию и прочие западноевропейские веяния духа не позволил им решить проблему целостности духовного смысла русской культуры.

Список литературы

1. Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур : статьи. Л. : Художественная литература, 1981. 496 с.
2. Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aethetica* : в 2 т. М. ; СПб. : Университетская книга-УРАО, 1999.
3. Державин Г. Р. Сочинения. М. : Правда, 1985. 576 с.
4. Жуковский В. А. Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1982. 431 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Ростов н/Д : Феникс, 1999.
6. Панченко А. М. Русская история и культура : работы разных лет. СПб. : Юна, 1999. 520 с.
7. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М. : Советская Россия, 1981. 256 с.
8. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания, Ветхого и Нового Завета : в 3 т. СПб. : Странник, 1904–1913. Репринт. изд. 1987.
9. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623 с.
10. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 494 с.
11. Щеглова Л. В. Национальный культурный проект в идейном мире П. Я. Чаадаева // Вестник Московского университета. Серия «Философия». 2000. № 1. С. 36–45.

Рукопись поступила в редакцию 05.04.2011

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7
ББК 71К 906

М. А. Андросов
г. Горно-Алтайск, Россия

Социокультурные аспекты этноэкологического воспитания молодёжи

Раскрываются основные социокультурные аспекты этноэкологического воспитания молодёжи, его цели, задачи, региональная специфика. Раскрывается взаимосвязь этноэкологического и этнокультурного воспитания молодёжи.

Ключевые слова: этнос, экология, культура, образование, этноэкологическое воспитание, этнокультурное воспитание.

M. A. Androsoy
Gorno-Altaiisk, Russia

Socio-cultural Aspects of the Ethno-ecological Upbringing of the Youth

Basic socio-cultural aspects of the ethno-ecological upbringing of the youth, its goals, tasks and regional specifics are disclosed in the article. Interconnection of ethno-ecological and ethno-cultural youth upbringing is disclosed.

Keyword: ethnos, ecology, culture, education, ethno-ecological upbringing, ethno-cultural upbringing.

Для сохранения национального самосознания малочисленных коренных народов необходимо решение задач этнического, экологического, этнокультурного и этноэкологического воспитания, не только на федеральном, но и на региональном уровне. Такое воспитание станет возможным при создании и реализации национальной системы этнопедагогики народов Горного Алтая, в которой большое внимание будет уделяться системному рассмотрению видов национально-хозяйственной деятельности, элементов праздничной и игровой культуры, обучению родному языку в детских садах, школах и вузах, организации культурно-

досуговых мероприятий в открытой среде, погружению в мир природы, выходу на новые информационные технологии.

В связи с этим особое значение придаётся обобщению опыта исторического, этнопедагогического, этнокультурного и этноэкологического воспитания различных народов, сформировавших конкретные виды взаимоотношений человека и окружающей среды, природы и общества.

В ходе проведения анализа основных научных подходов к проблеме этноэкологического образования и воспитания определено, что культура, содержание воспитания детей в народной среде является предметом интереса Г. Н. Вол-

кова, Л. С. Выготского, Т. И. Жуковской, Л. П. Ильченко, Л. А. Мамедовой, Л. Н. Павловой, К. Б. Семенова, И. А. Шорова и др. учёных, изучающих этнопедагогическое наследие. Этот интерес, распространяющийся и на традиционную систему коренных народов Сибири, вызван в настоящее время не только академическими соображениями, но и кризисным состоянием территорий и проживающих там этносов.

Проведённый анализ показал, что сохранение традиционной воспитательной системы возможно на основе использования массива этнокультурных традиций коренного населения в условиях сосуществования и взаимосвязи разных культур и изменяющегося мира [14]. Примером может служить Республика Алтай, которая признана мировым сообществом экосистемным резерватом планетарного масштаба, всемирным банком биологического, ландшафтного и этнического разнообразия планеты. Кроме того, Республика Алтай является концентратом традиций природопользования коренных народов Сибири, позволивших сберечь это уникальное разнообразие [10]. Комплекс этноэкологических традиций являет собой образец гармоничного взаимодействия человека со средой обитания и может стать основой построения качественно нового подхода к природопользованию, образованию и воспитанию, в основе которых лежит народная система воспитания [9].

Народная система воспитания – это комплекс традиций, обычаев, обрядов, норм поведения, запретов, передающихся из поколения в поколение. Педагогическая мысль этноса представлена в устном народном творчестве. Каждый народ имеет свой идеал воспитания. Русскому человеку присущи такие черты, как духовность, поиск высшего смысла жизни, религиозность, гуманность, душевность, размах и героизм (М. В. Ломоносов, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьёв, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, Н. А. Бердяев, П. Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт,

В. М. Бехтерев, А. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Г. Н. Волков, В. Кукушин, Л. Д. Столяренко и др.). Чувашский эталон воспитания складывается из гармонического единства семи добродетелей: трудолюбия, здоровья, ума, дружбы, доброты, целомудрия, честности (Н. И. Воробьев, П. В. Денисов, В. Д. Димитриев, М. Г. Кондратьев, Н. М. Охотников, Н. Р. Романов, А. К. Салмин, Г. Т. Тимофеев, П. П. Фокин и др.). Модель саамского этнического воспитания определяется такими качествами, как миролюбие, кротость, гостеприимство, замкнутость (Н. М. Ведерников, Г. М. Керт, А. П. Косменко, Л. С. Беляева, Л. С. Ватинова, Л. Т. Пантелеева, В. Телицына, Е. Г. Трудова и др.). Этнопедагогика алтайцев раскрывается в системе «природа-человек-общество» (М. М. Бурулова, Н. В. Екеев, Э. В. Екеева, С. Каташ, Н. А. Майдурова, Н. Модоров, Н. А. Содоноков, Суразаков, Н. А. Тадина и др.). Идея гармонического совершенства личности заложена в самой природе человека и в характере его деятельности, поэтому важно говорить об этноэкологическом воспитании школьников, где необходимо обосновать условия и пути использования этнопедагогике народа в современной практике обучения и воспитания.

Методологическую основу организации социально-воспитательной среды по формированию этнической культуры составляют положения: об образовании как системе, обеспечивающей трансляцию социального опыта и культуры; о роли деятельности в развитии личности; положения о роли национальной культуры, фольклора для воспитания подрастающих поколений (К. Насыри); средовой подход в воспитании личности (Ю. С. Мануйлов); положение об огромном воспитательном потенциале народного творчества и народной педагогики (Г. Н. Волков, И. Я. Ханбиков, Р. Х. Шаймарданов и др.)

В переосмыслении отношений человека и природы трудно переоценить

роль экологического воспитания, задачи которого состоят в создании мотивации к сохранению природного разнообразия, гармонизирующего отношения в системе «человек – окружающая среда». Этноэкологическое образование признано международным экологическим движением педагогов важнейшим направлением педагогических исследований и совершенствования образовательных систем в целях выживания и развития человечества.

В традиционных культурах различных народов не было экологии в современном смысле. Тем не менее, в культуре каждого этноса, безусловно, существовал и существует определенный пласт человеческой деятельности, который так или иначе связан с регуляцией процессов взаимодействия человека с природой [9]. Издавна бытующие в народе экологические ценности сформировали строгие экологические нормы, воплощённые в педагогические идеи, традиции, обычаи. Поэтому вполне правомерно вести речь об экологии как универсальной заботе человечества – экологии окружающей природы, экологии культуры, экологии этнических образований.

Отсюда перед педагогической наукой встаёт проблема научного обоснования принципов структуры, содержания, форм и методов системы этноэкологического образования и воспитания обучающихся в современном общеобразовательном учреждении.

При этом в настоящее время проблема сущности этноэкологического образования остаётся дискуссионной.

В разработку основ экологического образования и воспитания на современном этапе основной вклад внесли А. А. Захлебный, И. Д. Зверев, И. А. Рыков, И. Т. Суравегина и другие. Ими определены цели экологического воспитания и образования, их методологические и педагогические принципы, разработана система знаний о природе. В педагогической науке рассмотрены вопросы экологокраеведческого воспитания с общетеоре-

тических, мировоззренческо-ценностных и методических позиций (В. Е. Борейко, В. Г. Бабанов, О. Н. Галчинова, Г. Н. Волков, Б. Т. Лихачёв, А. Ф. Родина и др.).

Некоторые педагоги прошлого, такие как В. А. Сухомлинский, А. С. Макаренко, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, И. Я. Коменский, современные отечественные педагоги – Г. Н. Волков, В. Г. Бабанов, О. Н. Галчинова и другие – в своих трудах говорили и обращались к педагогическому опыту, наследию разных народов, раскрывали воспитательное значение национальных традиций, их роль в формировании ответственного отношения к природе.

Можно выделить несколько подходов использования традиционно-культурного материала в этноэкологическом образовании и просвещении. Среди экологов и этноэкологов нет единого мнения и подхода.

Таким образом, выявлены следующие подходы к проблеме этноэкологического воспитания:

а) пересказывание, простое предъявление содержания экологических традиций: экологические традиции собираются по книгам или в самостоятельных экспедициях, а затем излагаются в форме уроков, лекций или бесед. В данном случае ожидается, что природосберегающее содержание традиционных культур «как-то само собой передастся» слушателям (детям или взрослым), усвоится ими, чего, конечно же, чаще всего не происходит. Ученик с интересом выслушает лекцию, запомнит какие-то поверья, но едва ли станет следовать этому в своей жизни;

б) интерактивный игровой (ролевой) подход. Наиболее яркий пример – ролевые лагеря В. Е. Владыкина по верованиям удмуртов (г. Ижевск). Или – игровая ролевая программа лагеря «Говорящая вода», разработанная на основе мифологических представлений о природе американских индейцев (г. Уфа) [11]. Известна также этноэкологическая программа А. С. Пешковой по работе с младшими

школьниками на основе славянских поверий, фольклора и православных традиций «Вслед за солнышком живём» [8]. Во всех этих и подобных программах традиционное знание предстаёт как бы в качестве декораций для уяснения некоего природоохранного содержания. Участники программ сознательно «играют в старину», им предлагается «на какое-то время побыть древними индейцами или славянами» и т. п. – современное сознание играет в древнее [1]. При этом не происходит понимания живых современных традиционных культур, участники не осваивают методики наблюдения и сбора традиционных экологических знаний. Хотя, в отличие от первого подхода, это активный путь проживания (пусть и игрового, оторванного от реальной местности) традиционных экологических знаний, что является плюсом;

в) манипуляция традиционно-культурным материалом и мифотворчество. Усиление предыдущего подхода происходит в установке, которая отражена, например, в некоторых публикациях В. Е. Борейко. Так, в статье «Использование народных традиций в охране природы» он пишет: «Народные традиции, обычаи и приметы могут как способствовать охране природы, так и мешать ей. Первые называются экофильными, вторые экофобными. Как одних, так и других достаточно в народной памяти. Естественно, нас, экологов, интересуют экофильные народные традиции. Их можно использовать в экологическом воспитании и образовании, в процессе развития рационального природопользования, в разработке экологической этики и природоохранной эстетики» [3]. Второй немаловажный момент работы с традициями – это создание (переизобретение) и распространение новых природоохранных традиций, обрядов и примет. Также желательно обратить внимание на бытующие во многих местах антиприродоохранные поверья и традиции (особенно это касается поверий о змеях, жабах, летучих мышках и т. п.). Подобный подход сильно утилизи-

рует и огрубляет традиционную культуру, сводя сложную систему мифосимволического восприятия природы в рамках конкретной традиционной культуры;

г) выявление этноэкологического комплекса, традиционных экологических знаний как системы. Данный подход характерен для школы Н. В. Морохина и для ряда других профессиональных этнологов [7];

д) педагогическая актуализация традиционных культур и гуманитарно-экологическое картирование. Основная педагогическая форма – сетевые проекты с учебно-исследовательскими экспедициями, с обучающимися в их составе. Они организуются там, где есть коллективы общеобразовательных с опытом гуманитарно-экологических исследований и предполагают действие нескольких учебно-исследовательских групп с целью гуманитарно-экологического картирования многообразия традиционных представлений и форм отношения к лесным объектам (животные, растения, растительные совоккупности, лесные родники, др. объекты «географии» пространства внутри леса и пр.). Также при исследовании, чем богато и примечательно каждое селение родного края, обучающиеся узнают особенную традиционную экологическую культуру каждого из этих селений. Результатом является представление и сохранение уникальности многообразия традиционных культур в родном крае [5].

Выявление сущности и специфики этнического, экологического и этноэкологического, этнокультурного образования и воспитания подрастающего поколения показало, что большое значение имеют региональные условия, обеспечивающие специфику понятия «этноэкологическое образование и воспитание», которое складывается из двух основных определений – «экологическое образование и воспитание» и «этническое воспитание».

Экологическое образование – непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на

формирование системы научных и практических знаний и умений, ценностных ориентаций, поведения и деятельности, обеспечивающих ответственное отношение к окружающей социально-природной среде и здоровью.

Экологическое воспитание – составная часть нравственного воспитания. Поэтому под экологическим воспитанием понимается единство экологического сознания и поведения, гармоничного с природой. На формирование экологического сознания оказывают влияние экологические знания и убеждения. Экологическое поведение складывается из отдельных поступков (совокупность состояний, конкретных действий, умений и навыков) и отношения человека к ним, на которые оказывают влияние цели и мотивы личности. В сущности экологического воспитания есть две стороны: первая – экологическое сознание, вторая – экологическое поведение.

Этническое воспитание – это целенаправленное приобщение к нравственным ценностям, формирование моделей поведения своего этноса и ознакомление его с элементами культуры.

Этнокультурное образование – это целостный процесс изучения, деятельностного освоения этнокультурного наследия и воспитания личности на этнокультурных традициях, процесс становления личности в осмыслении синхронных и диахронных информационных связей, учитывающих полиэтническую горизонталь географического пространства и историко-временную вертикаль развития этноса и суперэтноса в структуре развития мировой культуры.

Термин «этноэкологическое образование» впервые прозвучал в 2004 г. на Межправительственной конференции ЮНЕСКО, посвященной международному Году гор. По её итогам была принята программа действий, названная «Концепцией этнорегионального природопользования», в которой был отмечен глобальный характер этноэкологического образования.

Концепция этноэкологического образования представлена в материалах Межправительственной конференции ЮНЕСКО и ЮНЕП. Она основывается на представлении о необходимости включения в систему образования знаний, умений и навыков, составляющих основы этноэкологии и рационального природопользования в условиях уязвимых горных экосистем.

Имея общие принципы и задачи, экологическое образование в различных регионах страны, под влиянием разного рода условий приобретает свои особенности. В Алтай-Саянском экорегионе (далее АСЭР), объединяющем республики Алтай, Хакасию, Тыву, горные районы Кемеровской области и Алтайского края, они определяются природно-климатической, культурно-исторической, социально-экономической спецификой.

Высокий уровень биологического разнообразия, наряду с большой степенью сохранности природного потенциала региона (обусловленного, главным образом, значительной отдалённостью от административных и промышленных центров, низким уровнем экономического развития региона) позволяет назвать Республику Алтай уникальным природным комплексом, имеющим мировое и общечеловеческое значение.

Таким образом, природно-климатическая специфика региона определяет подход к экологическому образованию с точки зрения формирования отношения к природе АСЭР как к объекту всемирного природного наследия человечества, развития стратегий и технологий экологически грамотного взаимодействия с ней. Проблема актуальности экологического знания вследствие обострения взаимоотношений общества и природы находит отражение во всех известных ныне науках.

Культурно-историческая специфика региона связана с традициями природопользования в истории культуры народов, населяющих АСЭР. Исторические памятники, находящиеся на территории республик Алтай, Хакасия, Тыва (на-

скальные рисунки – петроглифы, писаницы; древнейшие на территории Евразии стоянки древнего человека; курганы и захоронения), позволяют проследить историю развития взаимоотношений человека с природой.

АСЭР, являясь ядром происхождения этноса тюркских народов, представляет интерес и с точки зрения ретроспективного исследования культурно-исторических традиций природопользования. Как показывают исследования, хозяйственный уклад, психология, верования коренного тюркоязычного населения в значительной мере определялись экологической средой. Бережное отношение к природе, одушевление её сил – неотъемлемые свойства мировоззрения этносов

АСЭР. Не случайно, предметом поклонения до сих пор служат отдельные природные объекты, лечебные источники, растения и животные. Социологические исследования последних лет показывают, что интенсивное освоение природных богатств: земельных, сырьевых, промышленных ресурсов оказывает разрушающее воздействие на нравственную среду местного населения, особенно на хрупкую этническую культуру малых этносов.

Таким образом, исходя из культурно-исторической специфики региона, особую важность приобретает принцип формирования бережного отношения к природе как среде обитания малых этносов, являющийся залогом сохранения их духовной культуры.

Список литературы

1. Алликас А. Г. Ролевые игры. Общий обзор. Уфа, 1994.
2. Бабанов В. Г., Матюнина Е. В., Семенов В. М. Национальные культуры в общественном развитии России // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 164–169.
3. Борейко В. Е., Грищенко В. Н. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Изд. 2-е доп. // Природоохранная пропаганда. 1999. № 12.
4. Волков Г. Н. Этнопедагогика : реком. / Г. Н. Волков ; Мин. обр. РФ. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2000. 176 с.
5. Доронин Д. Ю. Гуманитарно-экологическая педагогика: природа и культура / Проект педагогической деятельности сектора гуманитарной экологии отдела экологического образования и воспитания ОЦРТДиМ. Нижний Новгород : ОЦРТДиМ, 2003.
6. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) : Информ. обзор. Новосибирск, 1992.
7. Морохин Н. В. Гусиная дорога. Размышления о судьбе природно-культурных памятников // Природоохранная пропаганда. 2003. № 24. С. 23–27.
8. Пешкова А. С. Вслед за солнышком живём // Этно-экологическая программа работы с младшими школьниками на основе славянских поверий, фольклора и православных традиций. Владивосток : МК-Дизайн ; ИСАР-Москва ; ИСАР-Дальний Восток, 1998.
9. Природный и этнокультурный потенциал Алтай-Саянского экорегиона : сб. статей семинара-совещания по проблемам природных резерватов. Красноярск, 2001.
10. Проект правового и экономического статуса Алтай-Саянского биосферного резервата. М., 2001.
11. Самошко Н. А. Программа клуба индейцев «Говорящая вода» // Земля – наш дом. 1999. № 4.
12. Стефаненко Т. Н. Этнопсихология : учеб. для вузов. М. : ИП РАН ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 320 с.
13. Табакаев Ю. В. Уровень культуры и социальные ценности народов Горного Алтая // Этносоциальные процессы в Сибири. Горно-Алтайск, 2004. С. 117–123.
14. Фролова А. Н. Этнопедагогика детства древних коренных народов Северо-Востока России. Магадан : Кордис, 2003. 273 с.

Рукопись поступила в редакцию 28.03.2011

**Концептуализация понятия «активность человека»
в рамках социологического знания**

В данной статье автор предлагает анализ концептуализации понятия «активность человека» в контексте социологических теорий. Осмысление заявленной темы позволило выделить в качестве причин активности человека специфику выполняемых индивидом социальных функций и ролей, производственную деятельность, отказ человека принять стандартные нормы и предписания, возможность получения личной выгоды.

Ключевые слова: активность, социологическая теория, понятие, человек, потребление, общество.

Ye. V. Bakharovskaya
Chita, Russia

Conceptualization of the Term “Man’s Activity” in the Field of Sociology

The author of this article analyzed the term “man’s activity” in the field of sociology. The analysis of the term under study gives the opportunity to define such reasons of man’s activity as the specificity of social roles and functions, industrial activity, denial of standard norms and personal advantage.

Keywords: activity, sociological theory, conception, man, consumption, society.

Процессы, происходящие в современном обществе: глобализация экономики, возрастание роли информационных, интеллектуальных технологий, переход от высокого уровня удовлетворения потребностей к удовлетворению потребностей в сфере образования, культуры, духовной жизни, изменение отношений между человеком и окружающей средой – изменили представление человека о своём месте в мире. Развитие современной цивилизации, её настоящее и будущее зависит в первую очередь от самого человека, его знаний, его отношения к обществу. Все эти проблемы актуализируют необходимость исследования проблемы активности человека в контексте классических и неклассических социологических теорий. Такой подход даст возможность выработать современные технологии повышения активности

личности, выявить проблемные моменты в воспитании молодёжи, выработать более эффективные и продуктивные способы инвестирования в человеческий капитал.

Феномен активности личности, места индивида в социуме является объектом исследования многих наук – социологии, психологии, педагогики. Проблема активности личности находилась в центре внимания представителей марксистско-ленинской социологии. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин и другие выдвигали идею дифференциации общества по принципу распределения экономических ресурсов. Согласно их точке зрения активность индивида находится в зависимости от уровня материального производства и возможности удовлетворения материальных потребностей. Фактором активности личности К. Маркс, Ф. Эн-

гельс, В. Ленин определяют труд. Именно в процессе трудовой деятельности индивид выражает свою разумность и социальную природу. Следует отметить, что труд порождает возникновение особого рода коммуникации между людьми – производственных отношений. Следовательно, активность отдельного индивида зависит от материального производства, специфики трудовой деятельности, характера отношений, образующихся между людьми в процессе их реализации. Кроме того, данные учёные определили в качестве значимого условия формирования активности человека – состояние социальной среды (исторические условия).

Представители критической теории (М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Т. Адорно) предложили иное понимание причин активности личности. Социологи пришли к заключению снижения активности человека в результате трансформации мировоззренческих позиций социума. В процессе развития цивилизации отдельный человек становится частью господствующей рациональной системы. Итогом подобного преобразования становится навязывание необходимой модели поведения индивида, формирование выгодных социуму стандартов и норм его жизнедеятельности, исчезновение активности личности как таковой. М. Хоркхаймер и Т. Адорно пишут, что с развитием науки, совершенствованием знаний человечество смогло достичь инструментальной рациональности – отношения на основе выявления полезности вещей. Рациональность жизни привела к возникновению общих правил, стандартов, распространению массовой культуры, созданию машин и техники. Жить в подобном рациональном обществе просто, так как всё определено за человека заранее. Однако социологи подчёркивают, что чем более рациональна жизнь человека, тем в большей степени он подвержен манипуляции со стороны системы (общества, властных

структур). Упрощая свою жизнь, индивид теряет личную активность. Рационализация подавляет природу человека, переводя его из состояния субъекта в объект. В современном обществе только искусство и любовь не подвергаются негативному влиянию инструментальной рациональности. Следовательно, личность может проявить свою природную активность только посредством творческой деятельности [3].

Похожая точка зрения относительно анализа сущности активности человека в современном обществе наблюдается у Г. Маркузе. Социолог утверждает, что индустриализация породила новое свойство социума – «комфортабельную несвободу». Ученый выделяет следующие признаки данного общества: наличие контроля над жизнью человека, развитие сферы услуг. Общество само навязывает индивиду нужный стиль деятельности посредством торговли, рекламы, массовой культуры. В результате подобных общественных манипуляций поведение человека задаётся конкретной траекторией – одномерностью. Личность при этом перестаёт выполнять функцию субъекта деятельности. Активность в таком социуме реализуется социальными группами, не желающими принять существующий порядок. Среди таких категорий социолог называет безработных граждан, молодёжь, женщин, общин хиппи, этнических и сексуальных меньшинств. Г. Маркузе объясняет причину активности данных групп наличием посттехнологической рациональности, находящей своё проявление в формировании новых ценностей нематериального характера (достижение удовольствия, любви). [4]. Таким образом, сторонники критической теории общества считают, что активностью обладают «аутсайдеры», специфика активности которых детерминирована неприятием существующего социального порядка, стандартных норм и правил поведения.

Основоположник структурного функционализма – Т. Парсонс считал, что активность личности определяется спецификой социальных функций, выполняемых индивидом. Учёный предложил свою модель человека как системы. В качестве элементов человека-системы Т. Парсонс выделяет организм (биологическая система, позволяющая функционировать внутренним органам), личность (психическая компонента, отвечающая за выработку целей деятельности), социальную систему (определяет нормы и стиль поведения, приемлемый для социального окружения), культуру (традиции, ценности, нормы общества). Выполнение различных функций в зависимости от конкретных жизненных ситуаций определяет сущность, характер активности человека как социальной системы. В качестве таких функций учёный называет: адаптацию к условиям окружающей среды, целедостижение, интеграцию, поддержание латентного образца. Следует заметить, что концепция Т. Парсонса не даёт исчерпывающего объяснения причин активности человека. В то же время выделенные им социальные функции, их наличие, успешность использования могут рассматривать в качестве универсального средства исследования любых социальных систем, роли человека в различных социальных процессах [2].

Согласно идеям концепции символического интеракционизма основание активности человека рассматривается с позиции умения и способности индивида воспринимать, использовать в практической деятельности различные символы. Подобными символами представители данного научного течения Д. Мид, Г. Блумер, И. Гоффман определяют значения вещей и действий. В процессе общения, или «интеракции», человек воспринимает те или иные символы, в соответствии с их расшифровкой выбирает определённую модель поведения. Д. Мид даёт интерпретацию понятия «активность чело-

века» посредством исследования особой установки мышления – «обобщенный другой». Сущность указанной установки заключается в умении человека проецировать свойства своего личного характера, собственные модели поведения на другого индивида в процессе межличностной коммуникации. Социолог поясняет, что в ходе общения индивид способен выделять лишь те свойства личности, которые характерны для него самого. Таким образом, «обобщенный другой» выступает частью собственного «Я» человека. В связи с этим анализ трудов Д. Мида даёт основание отождествления активности личности с возможностью формирования и интерпретации образа «обобщенный другой» [6].

И. Гоффман, как представитель символического интеракционизма и разработчик течения драматургической социологии, выдвигает свою интерпретацию понятия активность личности. Исследователь приходит к заключению детерминированности жизни человека социальными условиями и факторами. Целенаправленность любого вида деятельности индивида обуславливает выбор определённой модели поведения – «социальной роли», различных вспомогательных средств (материальные, духовные, человеческие) – «реквизитов», от которых будет зависеть активность человека. Пространственный характер деятельности личности («социальные декорации») также вносит свои коррективы в реализацию активности индивида. Таким образом, специфика активности человека, согласно И. Гоффману, выражается в разнообразии социальных ролей личности, способности адекватного применения данных ролей сообразно временным условиям, обладании большим набором различных средств достижения поставленных целей [7].

Своё осмысление сущности и содержания понятия «активность личности» было предложено представителями теории социального обмена Д. Хомансом,

П. Блау, Б. Скиннером. Согласно их точке зрения активность человека заключается в достижении собственной выгоды. Люди постоянно осуществляют различные коммуникации. Общаясь с другими людьми, индивид пытается получить для себя что-то ценное от другого участника общения: материальные блага, уважение, знаки престижа, одобрение, поддержку, любовь и др. Причём подобное поведение характерно для каждой личности. Человек знает, что, помогая другому, он получит ответную реакцию на свои действия в виде неких материальных или духовных благ. Подобный процесс носит название «социального обмена». Д. Хоманс отождествляет понятия «активность» и «успешность социального обмена» и выделяет следующие особенности активности индивида в обществе:

– степень вознаграждения индивида за социальное действие определяет его активность;

– повторение в будущем стимула, получившего вознаграждение в прошлом, определяет выбор реализованной модели поведения;

– ценность результата деятельности обуславливает активность личности.

Влияние различных стимулов на социальный обмен изучал Б. Скиннер, определивший, что активность личности проявляется в индивидуальном «научении». Под термином «научение» исследователь понимал тот опыт, который человек приобрёл в течение жизни в виде освоения различных моделей поведения. В процессе жизни у индивида происходит подкрепление тех моделей поведения, которые позволяют осуществлять более эффективный и выгодный социальный обмен.

Следует отметить, что представители данной теории в качестве фактора активности человека рассматривали характер социального обмена. В повседневной жизни социальный обмен протекает не по стандартным схемам. Зачастую один из участников обмена обладает наиболь-

шими ресурсами (финансовые средства, статус, должность и др.). Это даёт ему возможность манипулировать другим человеком, заставляя подчиняться своим условиям, подавляя при этом сопротивление. Данная идея была проанализирована П. Блау и впоследствии получила название несимметричности социального обмена. Социолог доказал, что активность одних групп населения в силу отдельных факторов может быть выше, нежели у остальных. В качестве таких факторов он определил наличие властных ресурсов. Результатом несимметричного социального обмена становится закрепление в обществе неравенства, нарушения социального баланса [9, с. 82–91].

Сторонники теории рационального выбора предложили отождествлять активность индивида с возможностью человека выбирать оптимальную альтернативу поведения в той или иной ситуации. Каждая личность стремится к получению личной выгоды. Осуществляя взаимодействие с социальным окружением, индивид выбирает для себя ту модель поведения, либо тех участников, которые дают возможность в большей степени удовлетворять свои потребности. Проявление активности, согласно точке зрения сторонников данной концепции, есть реализация выбора между альтернативами личной или социальной выгоды в пользу наиболее предпочтительных.

Проблема концептуализации понятия «активность человека» нашла своё отражение в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теории структуризации Э. Гидденса, конструктивистском структуриализме П. Бурдьё. Немецкий социолог Ю. Хабермас считал, что общество и все отношения в нём образуют две составляющие – целерациональное действие и коммуникативное действие. Целерациональное действие выполняет задачу обеспечения основных функций и воспроизводства общества, вбира-

ет в себя формальные нормы, правила, предписания. Основная задача данной составляющей заключается в обеспечении благосостояния и безопасности индивидов. В противовес прагматичному целерациональному существует коммуникативное действие, определяющее передачу знаний, социализацию личности, взаимодействие между людьми, саморазвитие индивида. Развитие цивилизации привело к тому, что целерациональное действие (система) стало заменять собой коммуникативное действие (жизненный мир). По мнению Хабермаса, активность человека обуславливается возможностью осуществлять коммуникативное действие. Однако в современном мире активность личности постоянно снижается в силу поглощения жизненного мира стандартами и нормами системы.

Анализ причин активности личности можно проследить в конструктивистском структурализме. Представитель данного научного течения П. Бурдье подчёркивает взаимное влияние социальных структур и деятельности социальных агентов. Мысль исследователя сводится к тому, что социальные структуры определяют практики (модели поведения) агентов, а агенты, реализуя практики, изменяют структуры. Бурдье вводит в научный оборот понятие «габитус», означающее набор усвоенных, но не осознаваемых схем восприятия и производства практик. На основании представлений Бурдье можно сделать вывод, что активность человека представляет собой формирование, изменение социальных структур. Факторами активности человека при этом выступает жизненный опыт индивида, воспитание человека, усвоенный габитус. Следует отметить, что социолог формулирует тезис о детерминации активности человека характеристиками социального пространства. Внутри социального пространства выделяются социальные поля. Положение индивидов в данных полях является неравным на

основании обладания капиталом. Таким образом, Бурдье констатирует факт существования активности личности, определяет роль габитуса в успешности её формирования, в то же время говорит о неравном уровне активности личности на основании материального фактора [1, с. 43–51].

Большой вклад в изучение роли человека в обществе, определение причин его активности внёс английский социолог Э. Гидденс, разработавший новый научный подход – теорию структурации. Понятие «структурация» определяется социологом как процесс воспроизводства общества, характеризуемый взаимным влиянием индивидуального действия и социальных структур. Гидденс приходит к утверждению, что общество как таковое воспроизводит социальные агенты. В качестве подобных социальных агентов исследователь рассматривает индивидов как субъектов деятельности. Результатом воздействия социальных агентов друг на друга становится формирование различных структур (политика, экономика, сфера услуг и др.). Согласно представлениям социолога, в зависимости от различных обстоятельств структуры имеют двойственную природу (обладают дуальностью): являются результатом деятельности социальных агентов, выполняют роль факторов данной деятельности. Активность индивида, или социального агента, заключается в достижении личных интересов посредством управления, оказания воздействия на структуры посредством имеющихся знаний, неких правил (норм) и ресурсов [8, с. 402].

Таким образом, изучение активности человека в научном знании должно опираться как на уже имеющиеся методологические разработки, так и на явления, факты современной социальной действительности. Всё это будет способствовать дальнейшему формированию и развитию понятия «активность личности», переводу его в статус научной категории.

Список литературы

1. Парадигмы в социологии : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. 72 с.
2. Парсонс Т. Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000. С. 99.
3. Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М. ; СПб. : Медиум ; Ювента, 1997. 312 с.
4. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : АСТ, 2002. 526 с.
5. Основы марксистско-ленинской философии : учебник. Изд. 4-е, перераб. М. : Политиздат, 1976. 463 с.
6. Mead G. H. Mind, Self and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 141–144, 173–178.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
8. Giddens A. The Constitution of society: Online of the theory of Press Structuration – Cambridge : Polity press, Berkeley; Univ. of California Press, 1984. 402 p.
9. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 82–91.

Рукопись поступила в редакцию 05.04.2011

Е. В. Благовская
г. Горно-Алтайск, Россия

Представление об этнической идентичности в системе социогуманитарного знания

Описаны возможные причины этнического возрождения на рубеже XX–XXI вв. Проанализированы основные подходы к исследованию этнической идентичности и рассмотрены этапы исследования указанного феномена и этнического самосознания в социогуманитарных исследованиях СССР и России.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, этническое самосознание, примордиализм, инструкционизм, конструктивизм.

Ye. V. Blagovskaya
Gorno-Altaiisk, Russia

Presentation of Ethnical Identity in Social-humanitarian Knowledge System

Possible social, psychological and political reasons of ethnical human identity revival in modern society at the turn of the 21st century are described in the article. The author analyzed original, constructivist instrumental approaches in understanding “ethnical identity” in social-humanitarian research. The phases of ethnical self-actualization research and modern ethnical identity in national Soviet and Russian science are studied.

Keywords: identity, ethnical identity, ethnical self-actualization, primordialism, instructionalism, constructivism.

На протяжении многих веков Россия, а в прошлом СССР являлась и является многонациональным государством, объединившим представителей различных этносов в единое полиэтническое государство. Однако период распада СССР, характеризовавшийся значительными изменениями в социальной сфере, потерей государственной идеологии и переходом на рыночные отношения, ознаменовался ростом этнической идентичности.

Многие ученые выдвигают несколько объяснительных концепций этнического возрождения, но все они сходятся в одном, а именно в формулировании возможных причин данного феномена. Среди возможных факторов этнического возрождения указывают непостоянство, перенасыщенность информацией, интенсификацию межэтнических контактов, повышение

темпов жизни и постоянно меняющиеся требования к человеку в условиях индустриального общества [5, с. 4].

Для нормального жизнеобеспечения современного развитого общества необходим постоянный рост, обусловленный изобретением и производством новых технологий, расширением ассортимента услуг и товаров на рынке, что в свою очередь подвигает человека к постоянному самообучению и развитию, накоплению компетенций, дающих реальную возможность самореализации в условиях прогрессивного общества. Отсутствие в современном обществе ценностей, претендующих на универсальность, относительно которых человек мог бы обрести определенность, приводит к желанию обратиться к любому из традиционных смыслов, в том числе и в образе этничес-

кой группы. Данное обстоятельство не способствует сохранению целостности и постоянства личности человека, и, как следствие, отмечается проблема кризиса идентичности. Индивид, выбирая себе то или иное место в социальном пространстве, тем самым выбирает для себя вполне определённую идентичность.

Поскольку в жизни современного человека осознание своей принадлежности к определённому народу, поиски его особенностей играют важную роль и оказывают серьёзное влияние на отношения между людьми (от межличностных до межгосударственных), то закономерно повышение внимания к проблеме этнической идентичности со стороны представителей целого ряда дисциплин, включая философию, политологию, социологию, этнологию.

Зарождение исследований этничности и этнической идентичности принято считать в рамках философских учений античной Греции и Рима. К числу первых исследователей проблем этничности, национального характера относят Гиппократ, Платона, Тацита, Плиния, Стабона, которые пытались объяснить причины отличий одного народа от другого. Стоит отметить, что поскольку термин «этническая идентичность» был введён в науку только в 40-х гг. XX в., то учёными различных эпох рассматривались такие явления, как национальный характер, дух народа и факторы его формирования [6, с. 9].

Появление проблематики идентификации и идентичности традиционно связывают с психологическими учениями Э. Эриксона и З. Фрейда, однако З. Фрейд мало занимался изучением проблем идентичности. Термин «идентичность» прочно вошёл в философский, социологический, психологический словарь после выхода в свет основных трудов одного из выдающихся ученых в области гуманитарного развития Э. Эриксона «Детство и общество», «Молодой человек Лютер», «Идентичность: молодость и кризис» [4].

Эриксон понимал идентичность как социализированную часть Я, в отличие от

З. Фрейда, который делал акцент на доминировании того, что «лежит внутри и внизу, но игнорировал то, что соотносится с миром вовне, что ведёт человека вперёд и вверх». Э. Эриксон под окружающей средой понимал всеобщую культуру, прошлое и настоящее, объективный мир, который не только вокруг, но и внутри индивида. Каждое общество предлагает репертуар идентичности: от идентичности ребёнка, отца, матери до профессиональных и политических отождествлений. Некая невидимая лотерея распределяет и приписывает их разным индивидам. Идентичность реальна, если она подтверждается другими. Таким образом, она – результат взаимодействия самоидентификации и идентификации другими. Суммируя результаты пятнадцати лет практической и теоретической работы, Эриксон выдвинул три новые положения, ставшие важным вкладом в изучение человеческого Я.

Во-первых, Эриксон показал, что наряду с описанными Фрейдом фазами психосексуального развития существуют и психологические стадии развития Я, в ходе которого индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде.

Во-вторых, Эриксон утверждал, что становление личности не заканчивается в подростковом возрасте, но растягивается на весь жизненный цикл.

В-третьих, каждой стадии присущи свои собственные параметры развития. Жизнь представляет собой сложную смену всех её аспектов, и успешное решение проблем на одной стадии не гарантирует человека от возникновения новых проблем [9].

Таким образом, впервые утверждается, что построение идентичности – создание самим человеком модели поведения, которая обладает двумя свойствами: она изменчива в течение человеческой жизни и является достаточно длительной для исполнения на практике. Выдвинута мысль о том, что процесс идентификации в рамках установленной человеком модели является достаточно длительным, тождественным реальному миру.

На наш взгляд, ценнейшим вкладом Эриксона в концепцию идентичности, о которой пойдёт речь далее, стал отказ от биологизаторских тенденций. Таким образом, по мнению Эриксона идентичность – это чувство личностного тождества и исторической непрерывности, оно основано на восприятии себя как тождества и осознании непрерывности своего существования во времени и пространстве. «"Другие" признают мое тождество и непрерывность».

В 50-е гг. XX в. учёными различных направлений психологии, философии, антропологии предлагаются разнообразные интерпретации данного понятия. Эволюция проблемы идентичности от появления первых зачаточных теоретических форм до форм самостоятельного теоретического знания прослеживается в работах классиков зарубежной философии, психологии и социологии (У. Джеймса, З. Фрейда, К. Юнга, Ж. Пиаже, Э. Фромма, Дж. Мида, Ч. Кули); современных авторов (Э. Эриксона, Р. Баумайстера, А. Маслоу, Р. Мейли, Г. Олпорта, К. Роджерса, Х. Салливена, Ю. Хабермаса, В. Хесле, К. Хорни, Э. Шпрангера, А. Гидденса) и классиков отечественной мысли (К. А. Альбухановой-Славской, М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, А. А. Гусейнова, О. Г. Дробницкого, Э. В. Ильенкова, И. С. Кона, А. Н. Леонтьева, Ю. М. Лотмана, В. С. Мерлин, Б. Ф. Поршнева, С. Л. Рубинштейна, Л. В. Сохань, А. Г. Спиркина, Д. Б. Элькнина, В. Ядова и др.) [4].

Несмотря на огромное количество публикаций, посвященных данной тематике, исследование этнической идентичности в социогуманитарном знании осуществляется в русле примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского подходов.

1. Сторонники объективистского (примордиального) направления придерживаются мнения об изначальной (примордиальной) этничности человека. Термин «примордиальные связи» введён социологом Э. Шилсом, который употребил его

для характеристики внутрисемейных отношений, но более основательная формулировка сути этого подхода принадлежит американскому антропологу К. Гирцу. Этничность в рамках данного подхода рассматривается как врождённое фундаментальное свойство человеческой природы, имеющее объективную основу и неподверженное изменениям. В рамках примордиализма выделяют два направления: социобиологическое и эволюционное.

Представитель социобиологического направления Пьер ван ден Берге предложил понимать этничность как результат генетической предрасположенности человека к родственному отбору. В отечественной науке социобиологическое направление представлено в учении Л. Н. Гумилёва.

Эволюционно-историческая тенденция восходит к И. Г. Гердеру с его трактовкой народа как общности, возникающей на основе единства «крови и почвы». Значительный вклад в разработку проблем этничности в 20-е гг. XX в. внёс русский этнограф С. М. Широкогоров, определяющий этнос как реально существующую группу людей с присущими ей чертами, отличающими её от других подобных образований. С. М. Широкогоров применил словосочетание «самосознание этноса», а П. И. Кушнер впервые в советской этнографической науке употребил термин «этническое самосознание». Ю. В. Бромлей, в своём определении этноса особо акцентирует внимание на таких «устойчивых» характеристиках этноса, как самосознание и самоназвание (этноним) А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров развивают представление об этносе как совокупности информационных связей. Сходной позиции придерживается также А. А. Сусоколов.

2. Конструктивистское направление – которого придерживается большинство западных антропологов, а также некоторые современные российские ученые. В этом подходе главная роль отводится не объективной стороне этнического бытия, а субъективной. Суть конструкти-

визма заключается в том, что этнические общности определяются как «воображаемые», существующие «в головах» людей и возникающие в результате целенаправленных усилий индивидов и создаваемых ими институтов. Соответственно, этничность понимается как социальный конструкт. Сторонниками данного течения являются Б. Андерсон, Э. Геллнер, Ф. Барт, из отечественных учёных В. Воронков, О. Карпенко, О. Бредникова, В. А. Тишков. Распространённой темой исследования в рамках данного направления является процесс воспроизводства этничности, конструктивистская роль элит в национальных процессах.

3. Инструменталистское направление. Его приверженцы основным в существовании этноса представляют служение каким-то основным целям, интересам. Членство в этнической группе рассматривается как средство достижения более комфортного состояния, способ преодоления отчуждения и как один из мощных ресурсов в политической мобилизации группы, помогающий национальной элите осуществить собственные интересы. В рамках указанного подхода работают Дж. Де Восс, Н. Глейзер, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, Д. Мойнихен, А. Пересон-Ройс и В. А. Ядов. Так, изучение этничности в качестве сильнейшего средства и инструмента политической борьбы представлено в ряде исследований института этнографии и антропологии, проведённых под руководством Л. М. Дробижевой (1994, 1996 гг.) [5, с. 18].

Относительно отечественных исследований проблемы этнической идентичности можно отметить наличие работ представителей всех выше названных направлений, но с единственной поправкой, что в российской науке проблемы этнической идентичности рассматривались на основе понятия «этническое самосознание», использовавшегося в работах советских этнографов, историков, социологов, психологов.

В связи с этим С. М. Данзанов выделяет 4 этапа в исследовании проблемы этнического самосознания в отечественной науке:

1) 40-е гг. XX в. – зарождение интереса к проблеме этнического самосознания (В. Мавродин, Д. Лихачев, П. Кушнер). При этом исследовательская традиция в изучении этнического самосознания в отечественной науке берёт своё начало от работ Д. С. Лихачёва «Национальное самосознание Древней Руси», В. В. Мавродина «Образование Древнерусского государства» и «Формирование русской нации». В этих трудах, обращённых к историческому сознанию и к исторической памяти народа, были сделаны первые шаги в определении истоков национального самосознания и форм его проявления.

П. И. Кушнер, введя понятие «этническое самосознание», поставил вопрос о специальном его изучении и особенностях его функционирования на разных этапах развития общества. Он отметил, что национальное самосознание меняется в ходе развития эпической общности, что оно развивается из более примитивных форм сознания этнической общности и проходит ряд этапов, соответствующих стадиям развития общества;

2) 60-е гг. XX в. – открытие новых перспектив в изучении этнического самосознания как социального явления вследствие зарождения этносоциологии (С. Токарев, И. Потехина, Б. Поршневу, И. Кон).

1964 год стал определённым рубежом в развитии представлений об этническом самосознании, в связи появлением работ С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова о том, что этническое самосознание – результат действия основных признаков этнической общности (язык, культура, особенности быта). И. И. Потехин считал, что национальное самосознание – это часть общественного сознания и развивается по тем же законам;

3) 70–80-е гг. XX в. – усиление внимания к социально-психологическим аспектам национальных отношений (Ю. Бромлей, Н. Дашдамиров, Л. Дробижева, К. Хабибуллин и др.);

4) 1985 год – знаменуется появлением работ, посвященных углублённой трак-

товке этнического самосознания (М. Коган, Ю. Арутюнян, Ю. Л. Дробижева, М. Губогло).

Следует отметить, что в середине 80-х гг. появилась целая серия работ, в которых сделаны успешные попытки раскрыть содержание и функции этнического самосознания как в русле этносоциологии, этнографии, этнопсихологии, так и на междисциплинарном уровне [5, с. 24].

В работах данных исследователей была детально проанализирована сущность этнического самосознания, его структура, уровни проявления и функции. При этом важно выделение Ю. В. Арутюнян 4 источников этнического самосознания:

- ✓ родовой
- ✓ психологический
- ✓ этнокультурный
- ✓ этносоциальный [1].

При этом стоит отметить, что наиболее значим этнокультурный фактор, т. к. именно в контексте определённой культуры происходит становление личности, приобщение к традициям, формирование мировоззрения и характера.

Итак, мы рассмотрели научные подходы к пониманию этнического самосознания в отечественной социогуманитарной науке. На сегодняшний день наиболее активно используется термин «этническая идентичность», что обусловлено стрем-

лением проводить исследования на основе системного подхода, объединяющего достижения этнопсихологии, этносоциологии, антропологии, вследствие чего на современном этапе исследование проблемы этнической идентичности ведётся в различных направлениях:

– особенности формирования этнической идентичности в различных условиях (М. В. Верецагина, Е. В. Беляева, О. Ю. Гусева, В. Ф. Безуглый, О. А. Картерич, А. А. Выскочил);

– проблемы формирования этнической идентичности у различных этносов на современном этапе развития общества (В. С. Донгак, Е. С. Куква, М. И. Васильева, К. Н. Казалиева, Г. Р. Шакурова, Л. Н. Хаховская);

– динамика формирования этнической идентичности у детей из смешанных браков (К. В. Ким).

– особенности формирования этнической идентичности личности (С. А. Баклушинский, Е. П. Белинская, Е. М. Галкина, А. И. Донцов, В. И. Клементьев, Ш. А. Магомедов, Н. Г. Орлова, О. Л. Романова, Т. Г. Стефаненко).

В связи с этим проблема понимания, функционирования, развития этнической идентичности становится весьма актуальной на сегодняшний день во всем мире и России в частности.

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 1998. 271 с.
2. Васильева М. И. Этническая идентичность современных якутов : дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2001. 167 с.
3. Дугарова Т. Ц. Идентификация как механизм развития этнического самосознания // Наука и школа. 2009. № 3. С. 59–61.
4. Заковоротная М. В. Идентичность человека социально-философские аспекты. Ростов н/Д : Изд-во Северо-Кавказского науч. центра высш. шк., 1999. 200 с.
5. Ким К. В. Этническая идентичность детей из русско-якутских семей : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 181 с.
6. Монгуш С. О. К проблеме изучения сущности этнической идентичности // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14. С. 117–123.
7. Платонов Ю. П. Этническая психология. СПб. : Речь, 2001. 320 с.
8. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник МГУ. 2009. № 14. С. 3–17.
9. Эрикссон Э. Идентичность : Юность и кризис. М. : Прогресс, 2006. 352 с.

Рукопись поступила в редакцию 25.03.2011

С. И. Григорьев
г. Москва, Россия
Г. В. Грызунова
г. Усть-Каменогорск, Россия

**Реализация жизненных сил государственных служащих
как показатель профессионализма
современной государственной службы**

В статье рассматриваются проблемы профессионализма государственной службы Казахстана в контексте социологии витализма. Основное внимание уделяется профессиональной культуре государственных служащих через анализ ценностей. По мнению автора, проблема трансформации профессиональной культуры государственных служащих видится в идее культуроцентричности государственной службы, суть которой заключается в том, что процесс модернизации государственной службы может быть успешным лишь в том случае, когда идеи реформ усваиваются и принимаются на уровне лично значимого смысла.

Ключевые слова: социология витализма, жизненные силы, жизненное пространство, профессиональная культура, духовная зрелость, культуроцентричность государственной службы.

S. I. Grigoriev
Moscow, Russia
G. V. Gryzunova
Ust-Kamenogorsk, Russia

**Realization of Civil Servants' Living Energy as a Factor
of Modern Civil Service Professionalism**

The problems of professionalism of Kazakhstan state service in the context of vitalism sociology are considered in the article. Basic attention is given to professional culture of state employees through the analysis of values. In the author's opinion, the problem of transformation of professional culture of state service is in the idea of culture-centeredness of state service, the essence of which is in the fact that the process of modernization of state service can be successful only in the case when the ideas of the reforms are adopted on the level of personal significant sense.

Keywords: sociology of vitalism, life forces, living space, professional culture, spiritual maturity, culture-centeredness of state service.

Модернизация государственной службы государств постсоветского пространства актуализирует проблему обеспечения аппарата служащими новой формации и квалификации, обладающих инновационным, творческим типом мышления, развитой мировоззренческой культурой, высоким профессионализмом. Истинный профессионализм государственного служащего в

современных условиях означает требования высокой социальной ответственности и результативности в конкретной деятельности и предполагает гарантированное наличие не только общих знаний, практических умений и навыков, но и определенный уровень духовной зрелости, развития личностных качеств, гарантирующих такую социальную ответственность.

Профессия государственного служащего – одна из наиболее социально важных, массовых и самых сложных, требующая на подготовку больших затрат времени и средств, а от человека не только служебно-профессиональных, но и высоких нравственных качеств, социальной культуры, творчества. Не случайно во многих цивилизованных странах эта профессия одна из самых престижных, элитарных и хорошо оплачиваемых.

Ядро профессии образует соединение работника с условиями деятельности, тем жизненным и профессиональным пространством, которое задает нормы и стандарты поведения, с одной стороны, и наличием определенного уровня развития жизненных сил человека – с другой. Соответственно этому профессия выступает как усвоенный самой личностью способ ее включенности в трудовой процесс, аккумуляцию качеств, необходимых для выполнения функций, характерных для данного вида профессиональной деятельности, усвоение норм и правил поведения, задающих качественную характеристику профессионального и жизненного пространства государственных служащих.

Государственный служащий, по своей сути, это и объект, и субъект управления. Человек как субъект – это высший уровень жизнеосуществления, реализации жизненных сил, активно взаимодействующий с природным и социальным миром и практически преобразующий его. В данном контексте, профессионализм можно рассматривать как средство конструирования социальной реальности активно действующим субъектом. Человек как деятель всегда включен в конкретную структуру или процесс, которые определяют количественные и качественные параметры его деятельности.

Активность жизненных сил человека в профессиональной деятельности реализуется, когда возможности жизненных сил человека обеспечивают его оптимальное взаимодействие со средой жизни – жи-

зненным пространством и деятельностью, эффективным выполнением заданных социальных ролей (специалист, подчиненный, руководитель, коллега). Оптимальность этого взаимодействия определяется успешностью приобретенных знаний и умений, наличием определенных личностных качеств, результативностью их использования в соответствии с потребностями личности и требованиями профессиональной деятельности. Любая профессия основана на определенном уровне профессионального мастерства и квалификации.

Профессионализм деятельности государственного служащего можно определить как качественную характеристику субъекта деятельности, которая определяется мерой владения, воспроизводства и совершенствования им своих жизненных сил в определенном конкретно-историческом пространстве, обеспечивающих высокую профессиональную квалификацию и компетентность, наличие эффективных профессиональных навыков и умений, нравственно-личностных качеств, позволяющих осуществлять деятельность с высокой степенью продуктивности и социальной ответственности [1].

Для государственной службы характерно подчинение личных интересов интересам организации. Следовательно, можно выделить ряд особенностей, которые заданы профессиональной средой, тем пространством, в котором осуществляется профессиональная деятельность современного чиновника, что влияет на реализацию жизненных сил человека и достижения профессионализма в деятельности. Специфика профессии государственного служащего определяется тем, что она относится к профессиям властного типа, призванных быть посредниками между конкретными интересами человека, формально-абстрактными интересами общества и корпоративными интересами ведомств или властных структур. В этой связи социальная значимость профессии государственного служащего определя-

ется тем, что низкий профессионализм, искажение социальных функций данной профессии изменяет ценностные ориентиры не только государственных служащих, но и всего общества в целом. Качественное своеобразие такого рода профессий, по мнению Е. П. Ермолаевой, обусловлено разным сочетанием и степенью выраженности в них трёх типов социальных функций, приводимых по принципу убывания легальности их осуществления:

1) явные, декларируемые принципы – удовлетворять потребности и защищать интересы общества;

2) подразумеваемые – быть буфером между человеком, народом, с одной стороны, и властью или ведомством – с другой, защищая систему;

3) теневые – не соответствующие социальной морали, достижение внепрофессиональных, корпоративных или корыстных целей посредством должностной роли [2, с. 30].

Исходя из вышеизложенного, можно выдвинуть гипотезу, суть которой состоит в том, что профессионализм современного государственного служащего определяется уровнем взаимозависимости развития его жизненных сил и конкретного жизненного и профессионального пространства. Беря за основу идеи А. Маслоу и Р. Баррета, мы предлагаем рассмотреть уровни профессионального пространства государственных служащих через реализацию их жизненных сил [3; 4].

Основной особенностью профессиональной деятельности государственных служащих является нормативность – необходимость следования законам, правилам, предписаниям инструкциям и т. д. Она определяет первый – инструментальный уровень, или уровень выживаемости, государственного служащего в профессиональном пространстве. На этом уровне человек осознает и реализует свои жизненные силы посредством функционально-ролевых отношений, которые отражают технологию деятельности государс-

твенного служащего посредством норм, правил, функциональных обязанностей, принятых в данном профессиональном пространстве. Данный уровень диктует определённые условия жизнедеятельности, когда государственный служащий должен строго следовать предъявляемым требованиям, хорошо ориентироваться в своей профессиональной деятельности, знать нормативные документы, условия и ресурсы совместной деятельности. Инструментальный уровень (уровень выживаемости) требует от государственного служащего исполнительности, дисциплинированности, владения технологическими знаниями, позволяющими адаптироваться и поддерживать деятельность в постоянно мобильной форме. Профессиональная деятельность государственного служащего данного уровня отражает сущностную характеристику жизненных сил, направленность которых определяется базовыми потребностями человека и проявляется в стремлении иметь стабильную работу, обеспечивающую достойное существование, возможности профессионального роста, вызывающие чувство защищённости. С точки зрения организационного контекста данный уровень отражает стабильность системы государственного управления, позволяющей решать запросы как государства, так и общества.

Второй уровень – социальный, или уровень отношений в профессиональном пространстве. Это отношения с клиентами, вышестоящим руководством, коллегами, другими заинтересованными лицами, позволяющие выстроить эффективную структуру процессов. Данный уровень отражает социальный контекст профессиональной деятельности государственных служащих с точки зрения тех услуг, которые государственная служба оказывает обществу. На социальном уровне профессиональные роли государственного служащего определяются социальным статусом самой государственной службы, системообразующей категори-

ей которой является власть, и степенью интериоризации этой власти на уровне конкретной личности. Именно эти отношения обуславливают в конечном счёте психологическую и социальную совместимость властных структур и граждан, удовлетворение запросов потребителей государственных услуг.

Третий уровень, задающий качественную характеристику профессионального и жизненного пространства государственных служащих, мы определили как социокультурный, который выражается ценностно-смысловыми отношениями.

На данном уровне в полной мере проявляется социальная субъектность жизненных сил государственного служащего, что находит отражение в определённом уровне развития духовной зрелости человека через феномен правосознания, социальной ответственности, социального мышления, другими словами, в формировании нового типа социальной культуры, что обеспечивает жизнеспособность системы в долгосрочной перспективе. Данные уровни профессионального пространства государственного служащего представлены на рисунке.

	Потребности	Личностное сознание	Уровни	Организационные ценности
Социальная субъектность жизненных сил государственных служащих	Духовные	Служение	III УРОВЕНЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ	Социальная ответственность гос. службы
		Желание что-то изменить		
		Социальное мышление		
Умственные	Трансформация сознания	II УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНЫЙ	Непрерывное совершенствование	
Эмоциональные	Самоуважение			
	Физические	Отношения	I УРОВЕНЬ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ	Удовлетворение потребителей; качество услуг
Выживание: стабильная работа, достойное существование				
Индивидуальная субъективность жизненных сил государственных служащих				Стабильность государственной службы: нормы, правила, функциональные обязанности

Рис. Уровни профессионального пространства государственного служащего

Жизненное пространство профессиональной деятельности государственных служащих есть некая иерархическая духовно-материальная структура, свойства которой определяются как уровнем развития субъекта профессиональной деятельности, так и качественными характеристиками самого пространства, что находит

отражение в уровне развития организационного сознания. Параметры, определяющие уровень существования – выживания человека и существующей системы государственного управления (1–2 уровень), являются базовыми, но не единственными, обеспечивающими жизнеспособность системы. Используя ресурсы своих

жизненных сил и ресурсы пространства государственной службы, государственные служащие могут отвечать современным требованиям профессионализма, проходя путь от уровня выживания (приспособления к существующим нормам и требованиям) через трансформацию сознания к преобразующему уровню духовной зрелости. Представленная модель позволит проектировать и анализировать свойства, способы профессиональной деятельности государственных служащих, определить, на каком уровне профессионального развития находится государственный служащий и государственная служба в целом.

Проведенный авторами экспертный опрос среди казахстанских государственных служащих¹ позволил выделить три уровня ценностей.

Первый уровень – качества, характерные для профессиональной деятельности государственного служащего; второй – качества, характерные для казахстанской государственной службы; третий – качества, к которым необходимо стремиться, для того чтобы соответствовать идеальной с точки зрения государственных служащих государственной службе. В результате было выявлено 10 наиболее значимых ценностей, которые госслужащие считают важными для себя в своей профессиональной деятельности. Анализ полученных данных позволил определить базовые приоритеты и второстепенные качества, необходимые в профессиональной деятельности государственных служащих.

Государственные служащие считают, что приоритетной ценностью в их про-

фессиональной деятельности является ответственность (98 %). К базовым ценностям они относят профессионализм (85 %), знание своего дела (77 %), уважение к людям и умение строить отношения (67 %). К второстепенным качествам, не имеющим особого значения для профессиональной деятельности государственных служащих, было отнесено – качество услуг (60 %), законопослушание (55 %), самостоятельность (49,5), признание со стороны руководства (76,5 %), самореализация (49,5 %).

По мнению государственных служащих, приоритетным качеством, характеризующим казахстанскую государственную службу в реальной жизни, является также профессионализм (94,5%). Далее идёт исполнительность (87,5 %), жёсткий контроль (76,5 %). Качества, не вошедшие в распределение приоритетов, – это открытость, финансовое благополучие, адаптивность к изменениям и т. д.

В качестве главных приоритетов будущей государственной службы респонденты выделяют профессионализм (97 %) и законопослушание (94,5 %), если отметить ещё и наличие такого качества, как отсутствие коррупции (77 %), то всё это отражает актуальные проблемы современной государственной службы. Сравнивая реальный и идеальный образ профессионального пространства государственных служащих, можно сказать, что государственные служащие в своей деятельности ориентируются на личную эффективность и профессиональное развитие, когда зачастую в качестве ключевого ресурса выступает наличие связей и умение строить отношения с людьми. Интересным представляется факт, что качество предлагаемых услуг не является приоритетной ценностью. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что государственные служащие в системе отношений с населением на уровне осознания этих отношений выступают, прежде всего, как олицетворение должностной власти, которая не ориентирована на потребителя.

¹ Опрос проведен в 2010 г. (май-июнь) в Восточно-Казахстанском регионе РК среди служащих органов государственного управления. Опрошено 200 чел., пропорционально представляющих основные отрасли госуправления региона. 69,8 % составили женщины, 27,9 % мужчины, преимущественное количество респондентов (62,3 %) имеют возраст 36–50 лет, средний стаж работы составил около 5 лет (48,3 %); 29,7 % – 5–10 лет; по национальному составу 79,8 % – казахи, 13,9 % – русские, украинцев – 2 %, другие – 3,5 %. Ошибка выборки составила ± 8 %.

Анализ полученных данных говорит о том, что реализация жизненных сил государственных служащих находится на первых двух уровнях развития профессионального пространства: инструментальном и социальном. Говорить о реализации социальной субъектности государственных служащих достаточно сложно. Во-первых, потому, что, по мнению респондентов, ключевым ресурсом развития являются межличностные отношения и связи. Во-вторых, не удовлетворены потребности в самореализации, уважении к личности, что при наличии жесткого контроля, недостаточного законопослушания, ведёт к стратегии выживания, адаптации к принятым нормам и правилам игры, ориентации на мнение власть держащего.

Процесс становления современного профессионала в сфере государственной службы представляет собой необходимость трансформации сознания, качественного изменения приоритетов в ценностном сознании государственного служащего, формирования мировоззрения, ценностных ориентаций, направленных на осознание социальной ответственности, новой социальной культуры, за счет которых будет обеспечиваться качественное выполнение задач и реализация полномочий государственных органов, жизнеспособность системы государственной службы. Основной акцент в достижении профессиональной зрелости должен быть сделан на новых измерениях, на постепенном включении в профессиональную деятельность государственного служащего всей совокупности его отношений

с миром, а также на изменениях качества исходных для профессионала отношений, основой которых является гуманизм, ответственность, творческая активность, профессиональная честь. Проблема трансформации профессиональной культуры государственных служащих, наполненность её социальным содержанием видится в идее культуроцентричности государственной службы, суть которой заключается в том, что модернизация государственной службы может быть успешной лишь в том случае, когда идеи реформ усваиваются и принимаются на уровне личностно-ценностного смысла. Следовательно, необходим акцент в проводимых реформах на признании духовно-нравственного ответственного выбора и ценностно-мотивированного поступка как основы личностной, профессиональной и социальной зрелости государственного служащего.

Обобщая вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что этап модернизации государственной службы на пути её профессионализации должен предусматривать приоритет духовно-ценностного развития государственных служащих как одного из условий формирования нового типа социальной культуры профессиональной госслужбы. Формирование нового типа социальной культуры государственного служащего по своему внутреннему содержанию есть процесс развития социальной субъектности жизненных сил человека, мера его совершенствования, самопознания и самореализации жизненного потенциала.

Список литературы

1. Григорьев С. И. Виталистская социология : парадигма настоящего и будущего : избр. ст. Барнаул : АРНЦ СО РАО, АлтГУ, 2001. 340 с.
2. Ермолаева Е. П. Социальные функции и стратегия реализации профессионала в системе «человек – профессия – общество» // Психологический журнал. Т. 26. № 4. С. 30–42.
3. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. Татлыбаевой М. ; СПб., 1999. 478 с.
4. Маслов Д., Роше Г. Трансформация организационной культуры через анализ ценностей // Методы менеджмента качества. 2006. № 2. С. 18–23.

Рукопись поступила в редакцию 30.03.2011

С. И. Григорьев
г. Москва, Россия
Л. Г. Гусякова
г. Горно-Алтайск, Россия

**Первичная социальная ячейка общества
в контексте социологии витализма**

В классической социологии традиционно считалось, что первичной социальной ячейкой общества является семья. Изменения в современном социуме определили постановку вопроса о характере и роли первичной социальной ячейки современного общества, интерпретации ее классических и неклассических определений. Социологический витализм рассматривает «социальный микрорайон личности» как устойчивое динамично воспроизводящееся и изменяющееся социальное образование, ядром которого является индивид. Социальный микрорайон личности включает в себя, помимо субъекта, ещё и среду его существования, то социальное пространство, которое обеспечивает индивиду воспроизводство его жизни как социального существа, а также многообразие его связей с другими элементами общества.

Ключевые слова: первичная социальная ячейка общества, социология витализма, социальная защита, семья, личность, социальный микрорайон личности.

S. I. Grigoriev
Moscow, Russia
L. G. Guslyakova
Gorno-Altai, Russia

Primary Social Cell of Society in the Context of Sociology of Vitalism

It was traditionally considered in classical sociology that a primary social cell of society is a family. Changes in modern society have defined the statement of a question on the character and the role of a primary social cell of modern society, interpretation of its classical and nonclassical definitions. The sociological vitalism considers «social micro-district of a person» as a stable dynamically changing and being reproduced social formation which kernel is the individual. The social micro-district of a person includes, besides the subject, also the environment of his/her existence (the social space which provides the individual with his/her life reproduction as social beings) and the variety of his/her communications with other elements of the society.

Keywords: primary social cell of society, sociology of vitalism, social protection, family, person, social micro-district of person.

Актуальность анализа базовых оснований модернизации, оптимизации системы социальной защиты в современной России обусловлена в настоящее время целым комплексом обстоятельств, включающим проблемы глобального и внутригосударственного, локального масштаба. При этом она требует все более масштабно нетради-

ционных подходов, новых концептуальных оснований анализа данной проблематики с учетом накопленного опыта и багажа знаний, методологического и технологического потенциала современной социологии как основы развития теории и практики социальной защиты людей, представителей «слабых» социальных групп.

Сегодня очевиден факт, что современная эффективная социальная защита не может не опираться на адекватное видение фундамента, базовых оснований развития социума. В этой связи ключевое значение имеет определение первичной социальной ячейки общества основания развертывания системы категорий социального знания, построения современных стратегий практики социального управления. Решение данного круга проблем в настоящее время явно усложняется не только в России, но и в современном обществе в целом. Вопрос актуален сегодня в нескольких контекстах: теоретическом, методологическом, прикладном, технологическом, образовательном, просветительском, организационном, социокультурном, индивидуально-личностном, социально-групповом и общественном, социотальном. Актуальность его в главном обусловлена следующими обстоятельствами: во-первых, целой группой причин, связанных с трансформацией современного общества, которое претерпевает цивилизационные изменения, воздействующие на всю корневую систему индивидуального и социального бытия человека, его организации, образа жизнеосуществления. В таких условиях неизбежно изменяется способ развития и функционирования всех социальных институтов, в том числе и тех, что определяют природу общества вообще, тип социума, его базовые основания жизнеосуществления, характер социальности, её первичные ячейки.

В классической социологии традиционно чаще считалось, что первичной социальной ячейкой общества является семья. Она же характеризуется одним из основополагающих социальных институтов, обеспечивающих устойчивость, жизнестойкость развития и общества, и человека [1; 23 и др.]. Правда в XX в., во второй его половине были сформулированы, обозначены в общественном развитии некоторые новые явления и выводы социального знания, которые не только существенно дополняли традиционные представления о первичной ячейке, осно-

вах социального развития, воспроизводстве общества и человека, но и радикально его меняли. При этом речь идёт не только о новшествах Э. Гоффлера, Н. Лумана и П. Бурдьё, нашедших в устойчивых социальных связях современного общества неосмысленные ранее базовые конструкции<?>*, но и новых акцентах целого ряда авторов, обративших внимание на проблемы этносоциального развития, гендерные изменения, новые сочетания глобального, национального и регионального, общественно-группового и личностного, технологического и феноменологического, социологического, общественно-исторического и актуально-сетевого, повседневно-прагматического [6; 9 и др.].

Специально следует отметить работы, посвященные диалектике взаимовлияния в обществе, в жизни человека естественно природного и социального, социокультурного. Более глубокое видение многообразия и логики взаимозависимости природного и социального в современном общественном знании, в социологии было дополнено междисциплинарной интеграцией различных отраслей гуманитарного и социального знания на фоне его растущей дифференциации [17 и др.].

Констатируем и тот факт, что за последние десятилетия радикально изменилась трактовка ролей и взаимозависимости в жизни общества хозяйственно-экономического, политического, социально-бытового, духовно-культурного и социально-экологического; зафиксировано системообразующее значение социальной сферы, ускорение темпов социокультурного развития в целом, что повысило внимание к развитию социально-сетевых теорий, технологиям актуально-сетевого функционирования [13–14 и др.].

И классическое, и неклассическое социальное знание вместе с тем испытало сильнейшее влияние не только информатизации, коммуникационной революции, но и возникшей угрозы самоуничтожения человечества в результате осмысления глобальных угроз его жизни, в том числе де-

мографического кризиса, кризиса традиционной семьи, физического, психического и социального здоровья человека. Растущий поток научной литературы и публицистики на эту тему в истекшие 2–3 десятилетия говорит сам за себя [3; 12 и др.].

Цивилизационные изменения, демонстрирующие рост влияния глобальных факторов бытия современного общества и человека, а также осмысление результатов первого глобального социалистического эксперимента в России, приведшие к взрыву индивидуально-личностных, эгоистических устремлений на фоне дискредитации общественных, коллективистских ценностей и норм бытия человека и общества; изменение образа жизни людей в нашей стране, их смысложизненных ориентаций, представлений о справедливом и несправедливом – оказали масштабное влияние на характеристику, представления о том, что же реально выступает первичной социальной ячейкой общества. Радикально изменились при этом и характеристики семьи как традиционно признанной основы социальной организации и функционирования, воспроизводства общества.

Отмеченные радикальные изменения в современном социуме вообще, при всех его этнокультурных и региональных разновидностях организации и развития, определили в главном характер дискуссий, постановку вопроса *о характере и роли первичной социальной ячейки современного общества*, интерпретации её классических и неклассических определений, а также постнеклассических дефиниций. На эту постановку вопроса оказали и оказывают влияние, кроме отмеченных и ряда других социальных трансформаций, ещё и такие факторы, как развитие больших социологических парадигм, проведение и обобщение крупных эмпирических социологических исследований, оригинальное творчество, идеи выдающихся социологов прошлого и современности.

В этой связи отметим, прежде всего, совокупность факторов и условий, теорий и авторских концепций, возникших и

распространившихся во второй половине XIX в., в XX столетии в русле развития и практического применения марксистской социологии. В рамках социологии марксизма семья чаще сохраняла и сохраняет статус первичной социальной ячейки общества [20 и др.]. Однако эта её роль оказалась редуцированной и теоретически, и практически разработкой и осуществлением концепции социалистического трудового коллектива как основы социально-экономического строя, базирующегося на общественной, коллективной собственности. Приоритетное внимание ученых и политиков, СМИ в социалистических государствах трудовому коллективу как ячейке социально-экономического устройства общества не только обозначило известную узость рассмотрения проблем личности и её роли в обществе, но и семьи как первичной ячейки социума.

Анализ публикаций по этим проблемам, например, в СССР 1960–1980-х гг., во-первых, свидетельствует о масштабных количественных различиях: трудов, посвященных социалистическому коллективу, за эти три десятилетия было опубликовано почти в 4 раза больше, чем работ по проблемам личности, и в 7 раз больше, чем по проблемам семьи. Напротив, в 1990-е гг. эта картина фактически изменилась на прямо противоположную.

В этот период развития отечественной социологии явно стимулировалось развитие представлений о трудовом коллективе как основе общественного устройства, обусловленного типом социально-экономического уклада, общественной собственностью на средства производства [10 и др.]. Семья и личность в данной традиции социологического анализа основ строения социума так или иначе уходила на второй и третий план. При этом соответствующим образом акцентировалось развитие личности в коллективе и через коллектив, и сущность её классически трактовалась как «совокупность социальных отношений» (К. Маркс). В свою очередь, семья чаще характеризовалась как разновидность социалистического коллектива, кол-

лективистское социальное образование. Немало публикаций в этой связи было посвящено именно социалистической семье нового типа, формируемого новыми социалистическими экономическими и политическими отношениями [22 и др.].

Новая либеральная идеологизация и политизация социального знания повернула доминировавшую в советское время традицию анализа роли семьи, личности и трудового коллектива в иное русло. Явно усилилась традиция характеризовать основы социального развития, его устройства через анализ индивидуально-личностной эволюции, ролей личности, её социального капитала [2 и др.]. В политически-правовом и социально-нравственном плане этот подход опирался и опирается на международное признание приоритета прав личности в обществе, сформулированного в рамках западной социокультурной традиции и закреплённого международным законодательством.

В свою очередь и вместе с тем бум гендерных исследований и феминистики в последней трети XX в. явно усилил, определил большое разнообразие трактовок роли семьи как первичной социальной ячейки общества и социального института [8 и др.]. Вместе с тем была зафиксирована тревожная тенденция не только изменения форм и ролей традиционной семьи, но и утраты её системообразующего и жизнеутверждающего значения. Традиционная семья была подвергнута критике как форма эксплуатации женщины, ограничения её прав.

Такие выводы делают авторы, работающие не только в марксистской социологической традиции, но и учёные, представляющие другие большие социологические теории (см. работы Моргана, Алана и др.). Эта дифференциация осуществляется и анализируется на фоне традиционно существовавших подходов к характеристике семьи в социогуманитарном знании: а) биологизаторская характеристика семьи (Платон, Аристотель, Фихте и др.); б) эволюционистская традиция рассмотрения семьи (Бахофен,

Мак-Леннан, Морган, Энгельс, Ковальский и др.); в) культурологический подход к анализу семьи (Циммерман, Мид и др.); г) структурно-функциональный анализ семьи (Дюркгейм, Отборн, Парсонс и др.); д) интеракционистская интерпретация системы брачно-семейных отношений (Берджес, Кули, Знанецкий, Пиаже и др.); е) институционально-групповой подход к роли семьи (Мацковский, Юркевич, Харчев и др.), системный анализ семьи (Антонов, Медков, Семенов и др.).

В этой связи в различных гуманитарных и социальных науках, больших социальных теориях нет общего определения семьи. В отечественной социологии наибольшее распространение и признание получила трактовка семьи известными социологами – А. Г. Харчевым и М. С. Мацковским, которая активно цитируется сегодня в словарях по социологии: «Семья – это социальный институт (по характеру воздействия на брачно-семейные отношения) и в то же время обладающая исторически обусловленной организацией малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, взаимной ответственностью, что детерминировано социальной потребностью в воспроизводстве человеческого рода, как физического, так и духовного обновления общества» [4, с. 904].

Кризис семьи, её интерпретаций в социогуманитарном знании вообще и в социологии в особенности усилил стремление специалистов более основательно её рассмотреть как первичную социальную ячейку, меняющую свой облик, формы существования, функции. Одновременно встал вопрос о том, насколько правомерно характеризовать в таком качестве семью, если она радикально изменяется, не охватывает своим влиянием весьма многочисленные и растущие слои населения, проживающие вне семьи? А если правомерно, то в каком плане, под каким углом зрения? Мы вернёмся к этому вопросу после рассмотрения в качестве первичной

социальной ячейки общества личности, её системы устойчивых связей, создающих главные предпосылки функционирования и развития общества. И тем более, что к такой позиции сегодня тяготеет значительное количество и политиков, и социологов, и психологов, и педагогов, и культурологов, представителей других гуманитарных и социальных наук.

В 1960–1970-е гг. в СССР постепенно возрастал интерес к *социологии личности, междисциплинарному осмыслению роли личности в общественном развитии. Этому способствовала, конечно, и атмосфера хрущёвской «оттепели», и более масштабное, возросшее внимание к проблеме человека, его комплексному исследованию [19; 24 и др.]. К началу 1980-х гг. на стыке социологии и психологии, социальной антропологии и педагогики устами известного советского социолога-западника В. А. Ядова на первом съезде Советской социологической ассоциации в 1980 г. была заявлена как перспективная социологическая «я-концепция», в которой фактически красной нитью была проведена мысль о том, что личность, её своеобразие и саморазвитие составляют основу эволюции развития социума. При этом само понятие личности здесь представлялось уже не только и не столько с точки зрения определения её сущности в марксистской социологии («совокупность общественных отношений, отражённых на индивидуальном уровне бытия человека в качестве биопсихосоциального существа, обладающего системой смысложизненных ориентаций, представлений о справедливости, своих правах и обязанностях, возможностях, о своей самости) [18; 21 и др.]*

И тем не менее в социологии доминирует рассмотрение сущности и роли личности через социальную природу человека. Так, например, все наиболее солидные социологические словари последних десятилетий акцентируют внимание прежде всего на социальных качес-

твах человека как биопсихосоциального существа, их социокультурной природе. Социологи, как правило, избегая частого употребления понятия «человек», заменяя его термином «индивид», акцентируют внимание на базовой для них абстракции – категории «личности», созданной специально для обозначения социальных аспектов человеческого бытия, где его первичной единицей измерения и наблюдения как раз и выступает индивидуально-личностное начало.

Понятие «личность» выражает целостность хотя и сформированных на основе его биопсихологических задатков, но растущих, во-первых, из системы связей и отношений групп, общностей, институтов, в которые он был включен, а также тех, в функционировании которых он в данный момент участвует; во-вторых, из его воспитания и социализированности в определенную культуру; в-третьих, из его пребывания и активности в определенных макро-и микро-социокультурных сферах, конкретных социально-исторических ситуациях.

Для современного социолога и культуролога очевидно, что в конкретно-исторических социумах и культурах в понятие «личность» вкладывается существенно различающееся содержание. При этом утверждается обычно и то, что традиционное общество предполагало слитность, единство человека с родом, общиной, выступающее как социальное целое, вне которого индивид не мыслился как самостоятельный социально действующий агент социума. В данном случае речь можно вести преимущественно о коллективной личности, системе её общеколлективных свойств. Собственно единичная величина личности и её специфика предполагает ту или иную степень автономности и свободы человека, его ответственности в рамках действующего законодательства и религиозно-нравственных, социально-духовных норм за своё поведение. Таким образом, личности нет вне самореализации индивида, проявления им своей

неповторимой индивидуальности в конкретно-историческом социальном пространстве.

Вместе с тем, несмотря на очевидную индивидуализацию содержания понятие «личность», системообразующая роль личности в социуме продолжает рассматриваться как ключевая проблема обеспечения (определения) качества современного общества. Правда, здесь нас подстерегает ещё одна трудность – дискуссия о мере социальности человека, которая обнаруживает большое разнообразие точек зрения на его социальную роль, характеристику личности как первичную ячейку, элемент общества. Так, социобиологи, не отрицая значения социальных детерминант формирования человека, обращают внимание на недооценку природных, генетических и психофизиологических факторов в сложившихся моделях индивидуального и коллективного поведения, их влияния на целостность, жизнестойкость развития социума. Психоаналитическая традиция в социальной философии и социологии акцентирует прежде всего внимание на репрессивных началах социальности личности (её культуры) по отношению к человеческой природе, изначальную конфликтность общества и индивида, разделённость и взаимозависимость в нём природного и социокультурного.

Другой полюс представляют теории, редуцирующие (сводящие) сущность человека к его частичным функциям, которые он выполняет в системе социальных институтов, общностей и групп, социальных связей, отношений и взаимодействий в целом (вульгарные формы функционализма, марксизма, интеракционизма и др.). Остаётся проблемой интерпретация индивидуальности человека в контексте рассмотрения его личностного начала, меры социальности в нём. Классическая социология старалась вынести эту проблематику за пределы своего содержания. В этой связи мерой человека, его личностного развития оказывалась прежде всего мера усвоенного им социально-типичес-

кого, характеризующая сложившиеся, нормированные и санкционированные особенности социальных слоев, групп, общностей, институтов, социума в целом, а не мера его индивидуальности, своеобразия, исключительности.

В этой связи понятие «личность» оказывается универсально применимым для характеристики особенностей, существенных черт, базовых оснований любого общества. Кроме того, оно позволяет характеризовать специфику социального развития, социальных качеств индивида, представляющего самые разнообразные социокультурные и социально-демографические сообщества. Всё это позволяет рассмотреть личность в качестве первичного элемента, социальной ячейки общества.

Однако данная тенденция и конструктивная возможность торпедирована многочисленными психологическими и социально-психологическими концепциями личности, <?> не позволяющими выстроить простую и понятную теорию, раскрывающую роль и функции личности как первичной социальной ячейки общества, его базового системообразующего начала, элемента сверхсложной общественной системы. Впрочем, такого рода выводы могут быть опровергнуты концептуально и технологически более широкой нетрадиционно ориентированной стратегией рассмотрения первичной социальной ячейки общества и её ролей. Именно такой подход мы предполагаем на основе социологического витализма и апробации методик ревитализации, активно развивающихся в настоящее время не только в России, но и ряде других стран [6; 15 и др.].

Противопоставление хозяйственно-экономического, социального и психического, политэкономического, социологического и психологического в характеристике первичной социальной ячейки общества может быть преодолено, аргументированно снято, конструктивно осмыслено на основе виталистской социологии, ревитализационной концепции обеспечения физического, психического

и социального здоровья человека, профилактики раннего старения. При этом не будут отвергнуты как полезные и эвристические значимые другие гуманитарные и социальные теории. И тем более, что многие из них в данном плане будут отражать отдельные аспекты рассматриваемой социальной проблематики.

Социологический витализм исходит из того, что общество, социум является живым социальным организмом, состоящим из большого количества органов. При этом их социальная ткань, вещество, социальная материя состоит из первичных клеток, социальных ячеек, обеспечивающих воспроизводство живой ткани социальной материи. Такими клетками в виталистской социологии рассматривается не семья или трудовой коллектив, не социальный факт как значимое для истории общества явление, не габитус или аутопойесис, а также не личность в разных ее интерпретациях, но **«социальный микрорайон личности»** как устойчивое динамично воспроизводящееся и изменяющееся социальное образование, ядром которого является индивид в единстве его материальных и духовных, биопсихосоциальных характеристик, системы базовых, первичных социальных отношений владения, пользования, распоряжения и распределения, присвоения, потребления – взаимозависимости по поводу жизненного пространства, средств к жизни.

Социальный микрорайон личности включает в себя помимо субъекта индивидуально-личностных отношений ещё и среду существования, то социальное пространство, которое обеспечивает индивиду воспроизводство его жизни как социального существа, элемента социума, а также многообразие его связей с другими элементами общества. Социальное пространство воспроизводства жизни личности складывается, существует как единство целого ряда пространств, создающих комплексно жизненную среду обитания каждого человека: экономического, политического, социально-бытового, ду-

ховно-культурного, социально-экологического, а также информационно-коммуникационного, эмоционально-психологического, мифологического, философского, религиозно-мистического, идеологического, художественно-эстетического, морально-нравственного, научного и др. Всё это многообразие взаимосвязанных пространств бытия личности интегрированно дифференцируется еще и на пространства материального и духовного бытия, которые также взаимосвязаны и создают условия питания энергией жизни и ядра первичной социальной ячейки общества, и социальный микрорайон личности в целом. При этом каждое пространство обеспечивает подачу того или иного вида энергии, сплавающейся в социальном микрорайоне личности в её совокупную социальную энергию, социальные силы.

Информация и ресурсы воспроизводства, поддержания жизни личности поступают в её социальный микрорайон по всем каналам жизнеобеспечения социума, общественного организма. Ареал воспроизводства жизни личности, потребления, использования ею средств поддержания жизнеосуществления и самореализации в пределах освоенного индивидом многослойного социального пространства является фундаментом воспроизводства социальной жизни, её базовой ячейкой.

Сложность и специфика адекватного анализа социального микрорайона личности в каждом отдельном случае и на уровне типологии разновидностей первичных социальных ячеек общества заключается прежде всего в том, что их границы и социальный потенциал, технологии и формы его реализации в принципиальном плане зависят, с одной стороны, от активности и социального здоровья ядра микрорайона – личности, а с другой – от характера, типа социальной организации общества, его каналов жизнеобеспечения индивида, воспроизводства социума на разных уровнях его организации, от специфики и эффективности социальной

политики государства, корпораций бизнес-сообщества и общественных организаций «третьего сектора».

В этой связи важно учитывать большое разнообразие и динамику функционирования и развития социальных микрорайонов личности, их типологию, различную величину и социальное качество, а также подвижность и взаимопроникновение, колебание границ. Их характеристика неизбежно будет иметь большое разнообразие не только по причине существования множества разнообразных социальных микрорайонов личности, но и в связи с наличием полипарадигмальности социального знания, исследующего специфику общества, типы индивидуально-личностного развития. К этому располагает сосуществование различных концепций личности в социологии, психологии и педагогике, а также моделей анализа современного социума, первичных, базовых социальных отношений в нем [16 и др.].

Особое значение в этой связи мы придаём теории первичных социальных отношений, которые в социологическом витализме характеризуются в качестве взаимозависимости индивидов как биопсихосоциальных существ по поводу их жизненного пространства, средств к жизни. Эти отношения в социальном микрорайоне личности являются базовыми, системообразующими, обеспечивающими осуществление социальной жизни личности. Не случайно в этой связи социологический витализм первичные социальные отношения характеризует как особо значимые, определяющие воспроизводство социальной жизни, жизнестойкость человека и общества. При этом существует тенденция рассмотрения этих отношений как первичной системы социальных связей общества на всех этапах его развития, как универсального базового социального явления, представляющим корневую систему воспроизводства и существования «социального микрорайона личности».

Специального рассмотрения требуют проблемы структурирования и динамики

развития социального микрорайона личности, соотношения данного понятия и явления с классическими и неклассическими трактовками личностного развития, социального положения и роли индивида в обществе. В виталистской социологии этот процесс сегодня активно стимулируется многими авторами, целым рядом публикаций [5; 7 и др.]. Наша задача в данной статье сводится в основном только к постановке вопроса и обозначению подхода к его решению, что является делом ближайшего будущего. Вернувшись в новых условиях к фундаментальному вопросу о первичной социальной ячейке общества, мы полагаем, что ответ на него связан с анализом роли в обществе, жизни современного человека социального микрорайона личности, что создает новые методологические и технологические возможности для решения проблем социального управления.

Социальное управление на всех уровнях его организации и в рамках структуры управленческого цикла, используя такое понимание первичной ячейки общества, становится более эффективным технологически и точнее ориентированным стратегически, выстроенным системно, комплексно. В его основе оказывается система социальных отношений, жизненный потенциал и социальное пространство личности, ресурсы их обеспечения, активизации деятельности людей во всех сферах общественной жизни.

На данном фундаменте соответственно, более эффективно может формироваться и реализоваться социальная политика каждого из субъектов управления в обществе, в сфере бизнеса государства и «третьего сектора». Эта политика реально обретает в качестве своей главной цели, объекта управления социальный потенциал жизненных сил человека, пространства его развития – социальный микрорайон личности.

Использование этой категории в социальном знании, обеспечивающем теоретико-методологические и технологические

основы поддержки нуждающихся, модернизации, совершенствования методов оказания помощи представителям «слабых» групп общества, существенно значимое явление. Оно обнаруживает себя всё более масштабно фактически на всех направлениях развития моделей современной социальной работы, её теоретического и технологического обеспечения.

Концептуально данная категория весьма значима для развития теорий не только *психосоциальной* социальной работы, её личностно-ориентированных моделей, но и для *интегративной* традиции организации социальной помощи, её *комплексного* методологического обеспечения. Более того, она последовательно используется и в рамках так называемой *структурной* социальной работы, социоцентрично ориен-

тированных концепций её развития. В этой связи понятие «социальный микрорайон личности» позволяет интегрировать всю совокупность условий и факторов, социальных отношений, создающих контекст воспроизводства жизни человека как биопсихосоциального существа. Оно существенно обогащает возможности социального знания в решении проблем защиты, обслуживания, социальной помощи населению, имеющему проблемы поддержания и совершенствования качества жизни. Улучшение качества жизни означает, как подчеркивает М. Б. Лига, расширение возможностей человека для реализации своих жизненных сил [11]. Мерой этой реализации являются социальные нормы, социальные гарантии, социальные стандарты.

Список литературы

1. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.
2. Артемьев А. И. Социология личности. М., 2001.
3. Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование : курс лекций. М., 2001.
4. Бурова Н. С. Семья // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003.
5. Григорьев С. И., Матвеева Н. А. Неклассическая социология образования. Барнаул, 2002.
6. Григорьев С. И., Субетто А. И. Основы неклассической социологии. М., 2000.
7. Гусякова Л. Г., Григорьев С. И. Социология социальной работы как отраслевая социологическая теория. М., 2006.
8. Женщины и мужчины России. М., 1998.
9. Жоль К. К. Социология : учеб. пособие. М., 2004.
10. Князев Б. В. Коллектив – ассоциация коммунистической формации. М., 1977.
11. Лига М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности : монография. М., 2006.
12. Несбит Дж., Эбурдин П. Что нас ждёт в 1990-е годы. Мегатенденции. Год 2000 / пер. с англ. М., 1992.
13. Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. М., 1999.
14. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
15. Социология жизненных сил человека – парадигма настоящего и будущего / под ред. С. И. Григорьева. М., 1998.
16. Субетто А. И. Социогенетика. М., 1996.
17. Теория общества. Фундаментальные проблемы / под ред. А. Ф. Филиппова. М., 1999.
18. Тоненкова М. М. Социология духовной жизни будущей России. Новый социологический вектор. М., 2001.
19. Тугаринов В. П. Личность и общество. М., 1965.
20. Федосеев П. Н. Семья в современном мире. Изменение положения женщины и семья. М., 1977.
21. Фролов И. Ж. Перспективы человека. М., 1983.
22. Харчев А. Г. О путях дальнейшего укрепления семьи в СССР // Социальные исследования. М., 1965.
23. Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М., 2003.
24. Ядов В. А. Личность как объект и субъект социальных отношений. М., 1974.

Рукопись поступила в редакцию 05.04.2011

Г. В. Грызунова
г. Усть-Каменогорск, Россия

**Реинжиниринг административных процессов в контексте
модернизации государственной службы: региональный аспект**

В статье рассматриваются вопросы социальной эффективности государственного управления регионального уровня, постановка которых связана с применением такого инструмента преобразований, как реинжиниринг. Основной акцент сделан на преодолении административных барьеров, предоставлении качественных услуг и необходимости изменения ценностей государственных служащих в результате реинжиниринга.

Ключевые слова: социальная эффективность государственного управления, реинжиниринг административных процессов, качество услуг, изменение ценностей госслужащих.

G. V. Gryzunova
Ust-Kamenogorsk, Russia

**Reengineering of Administrative Procedures under Civil Service
Modernization: Regional Aspect**

The article focuses on the issues of social efficiency of regional public administration connected with the use of reengineering as a transformation tool. The main emphasis is made on administrative barrier overcoming, high-quality services providing and the necessity of government employees' value system change as a result of reengineering.

Keywords: social efficiency of public administration, administrative procedures reengineering, service quality, government employees' value system change.

Мировой опыт формирования и развития социального государства свидетельствует, что основными его признаками является преодоление отчуждения личности от власти, превращение государства в социально ответственный инструмент общества, осуществляющий активную социальную политику в интересах всех категорий населения на основе принципов открытости и демократизма власти, социальной справедливости, согласия и взаимовыгодного партнерства. Проблема эффективности государственной службы, качества оказываемых ею услуг актуально для большинства стран, а особенно для стран постсоветского пространства, где наряду с изменениями в общественных и экономических отношениях идет сложнейший процесс трансформации роли самого государства.

В настоящее время Казахстан, так же как и Россия, находится в процессе модернизации государственной службы, целями которой является достижение максимальной эффективности, соответствие требованиям современного общества. Сегодня государственная служба Казахстана, исполнительная власть функционируют, опираясь в значительной степени на концепцию «нового государственного менеджмента», основной идеей которой является использование рыночной идеологии в административных процессах. Суть данной идеологии определяется теми объективными процессами, которые складываются в бизнесе; в частности, потребляемой становится продукция, которая адаптирована к определенным нуждам конкретного потребителя и доставляется наиболее

подходящим способом в момент, установленный потребителем. Кроме того, существенно изменились средства производства и технологии, а среди последних, прежде всего, информационные. Информационные технологии – это не только база многих других важных технологий (вычислительных, коммуникационных, распределенных баз данных и пр.), но и способ, с помощью которого информация предлагается потребителю. Данные положения были положены в основу нового методологического подхода к системе управления – реинжиниринга. Реинжиниринг бизнес-процессов берёт своё начало, как это общепризнано, в двух статьях, написанных в 1990 г. Хаммером (Hammer), Давенпортом и Шортом (Davenport and Short). Авторы определили реинжиниринг как «фундаментальное переосмысление и радикальное перепроектирование бизнес-процессов для достижения существенных улучшений в таких ключевых для современного бизнеса показателях результативности, как затраты, качество, уровень обслуживания и оперативность» [3].

Государственное управление является более сложной сферой деятельности, чем управление бизнесом, что объективно обусловлено его масштабами, а также специфическими особенностями целей, задач и функций. Конструктивная польза от взгляда на государство через призму бизнеса заключается именно в том, что это переводит сферу государственного управления во вполне прагматическую область, где есть представление об эффективности и технологизированное знание о том, как ее можно повысить. Существенным отличием правил работы бизнеса от правил работы государства является целевая ориентация – эффективный бизнес ориентируется на нужды заказчиков, в то время как традиционные государства зачастую ориентируются на собственные потребности, в той или иной степени игнорируя нужды граждан.

Центральным звеном любых преобразований является человек, что даёт возможность рассматривать проблему модернизации государственной службы в контексте социологии витализма [1]. Функционирование государственной службы осуществляется за счёт деятельности субъектов социального взаимодействия, их жизненных сил, их взаимозависимости по поводу жизненного пространства, средств обеспечения, воспроизводства и совершенствования жизни и деятельности, обеспечивающих регуляцию, интеграцию социальной жизни, трансляцию социального опыта, норм и правил жизнеосуществления. В этой связи государственную службу как систему можно рассматривать в нескольких плоскостях.

– во-первых, как жизненное пространство и приложение жизненных сил человека в системе «государство-общество», обеспечивающих государственное управление гражданским обществом, координацию интересов различных социальных групп, поиски оптимального пути развития в условиях информационных, технологических, социальных изменений, новых общественных ожиданий, обращённых к государственным институтам;

– во-вторых, как взаимосвязь и взаимовлияние двух составляющих: жизненных сил и жизненного пространства государственных служащих, определяющих стратегию их жизнедеятельности, реализацию их индивидуальной и социальной субъектности. Эффективность современной государственной службы, её жизнеспособность во многом определяется мерой включённости государственного служащего как субъекта жизнеосуществления определённого социокультурного типа в процесс реформирования, инноваций, развития: насколько этот процесс, изменяющаяся среда способствует формированию и развёртыванию жизненных сил государственного служащего, что, в конечном счёте, влия-

ет на эффективность жизнедеятельности государственного управления, общества в целом.

Наконец, государственную службу можно рассматривать как определённое жизненное пространство, социокультурную среду, с которой вступает во взаимодействие население, различные социальные группы, конкретный человек, стремящийся удовлетворить свои нужды и интересы, развернуть свои жизненные силы. Это взаимодействие формирует определённое восприятие государственной службы, отношение к ней, что в свою очередь оказывает влияние на престижность государственной службы, её профессионализм, эффективность деятельности. Эта даёт возможность рассматривать вопрос о социальной эффективности государственной службы, суть которой заключается в координации социального взаимодействия [4].

Можно выделить ряд условий, определяющих степень такой эффективности: профессионализм кадров государственного управления, развитость жизненных сил государственных служащих, восприимчивость и готовность их к нововведениям, достаточное технико-экономическое обеспечение административной деятельности, открытость и прозрачность деятельности чиновников и т. д.

Необходимость проведения реинжиниринга непосредственно стыкуется с потребностями административной реформы: качественными изменениями характера функционирования государственных органов, оптимизацией их функций, устранением дублирования и повышением управляемости, дебиюкратизацией государственной системы, повышением уровня государственных услуг, снижения уровня коррупции. Всё это предполагает принятие точки зрения на государство как на поставщика услуг, что очень близко аналогичным понятиям, принятым в бизнесе. В этой связи реинжиниринг административных процессов можно определить как фундаментальное

переосмысление и преобразование деловых процессов в органах государственного управления с целью значительных улучшений по ключевым показателям эффективности, таким как качество, степень удовлетворения клиента при минимальных затратах времени и средств. Повышение качества государственных услуг и услуг в социальной сфере выступает в качестве основной цели в рамках сервис-ориентированной модели. Такой подход позволяет задавать цели, формировать приоритеты и определять последовательность действий при проектировании и создании систем социального взаимодействия. Происходит оптимизация систем управления органов власти, а также формирование сквозной системы планирования и контроля деятельности органов государственной власти.

Основное количество взаимодействия гражданина с обществом и гражданина с властью происходит в рамках компетенции региональной власти. Кроме того, региональная власть заинтересована в социально-политической стабильности в регионе и комфортности взаимоотношений гражданина с нижними уровнями власти в его повседневной деятельности. Практика построения нового казахстанского общества с рыночной экономикой подтвердила тезис о том, что структуры исполнительной власти по-прежнему являются главным звеном социальной динамики. В этом плане как никогда актуальны поиск и использование ресурсов, способствующих повышению эффективности управления властью регионом, страной в целом. Одним из таких является внедрение реинжиниринга в сферу государственного управления, обеспечивающего, в частности, качество предоставляемых государственных услуг.

Основы методологии реинжиниринга бизнес-процессов были выработаны в ходе реализации проекта USAID по снижению административных барьеров в сфере взаимоотношений «предпринима-

тель-государство» в Казахстане. Восточно-Казахстанская область была одной из пяти областей, где этот проект был развернут как пилотный, а впоследствии именно Восточный Казахстан стал своеобразной опытной площадкой, на которой проходила апробация новых технологий взаимодействия государственных органов и объединений предпринимателей, в частности Программа «Электронный акимат ВКО».

В настоящее время при прохождении административных процессов на уровне региона люди сталкиваются с определенным кругом проблем, которые получили название административных барьеров. Понятие «административные барьеры» можно определить, как административные препятствия, которые возникают в процессе социального взаимодействия граждан или определенных социальных групп, таких как, например, предприниматели с государственными органами.

По данным Центра исследований Сандж «Государственные услуги: современное состояние и перспективы развития» можно выделить следующие административные барьеры, присущие казахстанским органам государственного управления: большие очереди (45 %); оказание услуг по знакомству (38 %); недоброжелательный персонал (27 %); слишком долгие сроки получения услуги (25 %); необоснованное откладывание решения вопроса (25 %); вымогательство (23 %); плохо организованные сотрудники (20 %); большой перечень документов для оформления (19 %) [2].

С целью изучения приоритетности административных барьеров, лежащих на пути развития бизнеса Восточного Казахстана, барьеров, которые, по мнению граждан, по мнению предпринимателей, наиболее актуальны, нуждаются в первоочередном анализе и реформировании, упрощении, была проведена фокус-группа. Состав фокус-группы был сформирован из числа предпринимателей, представителей бизнес-ассоциаций,

общественных организаций – людей, которые квалифицированно разбираются в проблемах взаимодействия госорганов и граждан, госорганов и бизнеса. Проведенный анализ показал, что чаще всего предприниматели и население региона сталкиваются с административными барьерами в следующих государственных органах: органы, занимающиеся регистрацией земли (40 %), архитектура (36 %), паспортный стол (34 %), СЭС (32 %), налоговая инспекция, органы занятости и соцзащиты (30 %). Наличие административных барьеров в государственных органах порождает преследование корыстных целей госслужащими. Так, к государственным органам с наибольшим уровнем коррумпированности респонденты (54 %) отнесли дорожную полицию, как самый коррумпированный государственный орган, затем – таможенные органы (46 %) и СЭС (42 %).

Реинжиниринг административных процессов в контексте проекта «Электронный Акимат ВКО» включал в себя решение следующих важных вопросов: построение информационной инфраструктуры; формирование и развитие электронных услуг госорганов; обеспечение доступа к услугам электронного правительства; обеспечение защиты информационных ресурсов; обеспечение общественной поддержки. Анализ накопленного опыта показывает, что сложился определённый алгоритм, исключая субъективный фактор в оценках исполнения проекта «Электронное Правительство», позволяющий рассматривать процессы в динамике и имеющий перспективу её применения не на один год, а на достаточно большой обозримый период. Иными словами, в области созданы многие из основных базовых компонентов электронного правительства. Это даёт хорошие предпосылки для дальнейшего развития. Но в то же время, существуют проблемы, которые требуют решения. Так, например, отсутствие чётких формулировок состава

и содержания предоставляемых услуг, включающих формулировку конечных результатов, индикаторов оценки качества предоставляемой услуги, сроков её предоставления; несовершенство законодательства, предусматривающее предоставление только традиционного вида услуг – при личном обращении и на бумаге; несовершенство стандартов предоставления услуг с учётом действующего законодательства. Каждый вновь разрабатываемый стандарт должен быть проверен на наличие взаимосвязи и непротиворечивости с другими нормативно-законодательными актами. Отсутствие системы мониторинга оценки потребителями и поставщиками качества услуг и системы изучения потребностей и ожиданий потребителей.

Что же касается реальных данных качества предоставляемых услуг, то дело обстоит следующим образом (по данным Центра исследования Сандж) [3]: доля ответов государственных служащих местного уровня, выставивших хорошие и отличные оценки качества услуг, составляет 43,5 %, что заметно выше, чем у государственных служащих центральных органов – 21,4 %. Это объясняется тем, что большая часть услуг предоставляется на местном уровне. В связи с этим ответ на данный вопрос расценивался как оценка качества своей работы. Мнение потребителей в части оценки качества государственных услуг кардинально отличается от позиции, которую занимают по данному вопросу государственные служащие. Доля предпринимателей и населения, оценивающих качество государственных услуг как неудовлетворительное (42,9 %), гораздо выше, чем, например, доля государственных служащих местного уровня, выставивших оценку (13,3 %). В то же самое время наибольшая часть опрошенных во всех группах считает качество предоставляемых услуг удовлетворительным и полагает, что для совершенствования их качества существует потенциал.

Сопоставление мнений государственных служащих исполнительных органов различных уровней позволяет сделать вывод о том, что на местном уровне подавляющее большинство респондентов (35,2 %) отмечает значительную трудоемкость работ в качестве основного препятствия в процессе предоставления услуг. При этом они связывают этот факт с низким качеством разрабатываемых нормативно-правовых и программных документов. В то же время государственные служащие центральных исполнительных органов в качестве основного препятствия при предоставлении услуг обозначили несовершенство нормативно-правовой базы (43,1 %). Однако, по их мнению, это не вопрос низкого качества принимаемых решений, а проблема реализации нормативно-правовых и программных документов на местном уровне.

Реализация проекта выявила и такую важную проблему, как неготовность госслужащих к оказанию услуг в электронном формате: отсутствие личной заинтересованности исполнителя в качественном своевременном предоставлении соответствующего вида государственных услуг. Можно привести следующий пример: в рамках данного проекта внедрена и действует виртуальная приемная акима области, а также виртуальные приемные акимов районов, где каждый гражданин может задать свой вопрос органам власти. Но, как показывает практика, часто ответ бывает достаточно формальным или вовсе даются ссылки на статьи законодательных и актов и других официальных документов. Это свидетельствует о том, что традиционные ценности и убеждения государственных служащих не соответствуют новым процессам.

Необходима определенная трансформация сознания на уровне восприятия своей роли региональными органами управления от руководящей системы до статуса партнеров, предоставляющих услуги населению. Основой ценностных

ориентаций государственного служащего должна быть его постоянная направленность на соблюдение интересов гражданского общества, ориентация на достижение государственных интересов через профессиональную деятельность, чтобы нормы и ценности государственного управления превратились в постоянные мо-

тивы профессиональной деятельности, отражающие духовную зрелость специалиста. Именно это и определяет необходимость в кардинально иной расстановке ценностей в сознании государственных служащих, формирования нового типа социальной культуры современных государственных служащих.

Список литературы

1. Григорьев С. И. Виталистская социология : парадигма настоящего и будущего : избр. ст. Барнаул : АРНЦ СО РАО, АлтГУ, 2001. 340 с.
2. Государственные услуги : современное состояние и перспективы развития. Алматы : Агентство РК по делам госслужбы, 2004. 33 с.
3. Хаммер М. Реинжиниринг корпорации : манифест революции в бизнесе. 10-е изд. М. ; СПб. ; Киев : Вильямс, 2007. 1169 с.
4. Малинецкий Г. Г. Принципы построения системы мониторинга социальной эффективности административного реформирования. URL : www.spkourdumov.ru.

Рукопись поступила в редакцию 28.03.2011

Е. В. Дроботушенко
г. Чита, Россия**Влияние православия на общество в современной России**

Статья посвящена оценке влияния православия на общественные процессы. Предпринята попытка анализа имеющихся на настоящий момент публикаций по теме, определяются наиболее известные исследователи. Отмечается, что количество публикаций незначительно. Выделяются функции Русской православной церкви и направления влияния на социальные процессы. Оценивается современный Internet с точки зрения оценки роли православия в государстве. Характеризуется современная российская «церковная журналистика», предпринимается попытка определить пути дальнейшего возможного развития православия.

Ключевые слова: православие, социум, Русская православная церковь, социальные процессы, социальный институт, секуляризация, политправославие, национал-православие.

Ye. V. Drobotushenko
Chita, Russia**The Influence of Orthodoxy on Society in Modern Russia**

The article is devoted to assessment of the impact of orthodoxy on social processes. The author attempts to analyze currently available publications on the subject, and identifies the most famous explorers. It is noted that the number of publications is not significant. The features of the Russian Orthodox Church and the direction in which it can influence social processes are distinguished. Current Internet resources are estimated in terms of assessing the role of Orthodoxy in the state. The contemporary Russian “church journalism” is characterized. The author tries to identify the ways of further possible development of Orthodoxy.

Keywords: Orthodox Christianity, society, the Russian Orthodox Church, social processes, social institution, secularization, politorthodoxy, nationalorthodoxy.

Если вера – явление, которое может быть сугубо индивидуальным, то религия – явление социальное. Неоспоримо взаимное влияние религии на общества и общества на религию. 90-е гг. XX в. – время всплеска религиозности, а в некоторой мере и «псевдорелигиозности». Происходит резкая активизация религиозных организаций. На этом фоне резко возрастает интерес учёных к различным аспектам религиозной политики государства, деятельности религиозных сообществ, значению той или иной религиозной конфессии и т. д.

Разговоры о возрастании или сокращении роли религии, причём не важно ка-

кой, активно ведутся на фоне кризисных ситуаций. Для России здесь, естественно, на первом месте православие. Из так называемого экономического кризиса конца первого – начала второго десятилетия XXI в. Россия вышла, если верить СМИ, достаточно быстро и практически безболезненно. Хотя справедливости ради стоит отметить, что Россию, с её экономикой в зачаточном состоянии, преимущественно добывающей промышленностью и на момент начала кризиса практически отсутствующим серьёзным рынком кредитования, кризис вообще практически не затронул. Иная ситуация с кризисом духовности, с кризисом православия.

Выражение его видим в усиливающейся обособленности православной общности от социума в целом.

Выделим две основные функциональные составляющие в деятельности православной церкви. Первая – мировоззренческая. Вторая – социально-политическая. Здесь возникают две взаимно влияющие друг на друга пары «государство – церковь» и «общество – церковь». Отметим, что полностью данные пары разделить нельзя. Общественно-церковные отношения, несомненно, входят в отношения государственно-церковные. В то же время в первом случае можно рассматривать сугубо отношения власть и церковь, власть и религия.

Соотношению православия и общества посвящено достаточно много исследований. Они различны с точки зрения подходов в оценке ситуации на разных этапах. Некоторые тенденциозны и сиюминутны. Далеко не всегда предлагаются видимые, возможные пути дальнейшего развития отношений в названной паре. Некоторые же работы данные перспективы определяют.

О влиянии православия на общество в той или иной мере говорило достаточно большое количество исследователей. Это авторы дореволюционные. Их работы, несомненно, носили характер почитания Русской православной церкви и не всегда напрямую говорили о роли православия в социальной составляющей жизни государства. Здесь определённый интерес представляет объёмная работа конца XIX в. профессора А. А. Царевского, в которой автор анализирует значение православия для русского, а затем российского внутри- и внешнеполитического процесса. Характеризуется взаимодействие православия и власти в лице царя. Не новый для нашей современности, но значимый для времени написания работы взгляд на православие – как определяющий фактор в формировании мировоззрения и культуры русского человека [19].

В советский период практически не было работ, характеризующих взаимное влияние православной религии на общество и наоборот. Однако один аспект выражение всё же находил. Это вопросы секуляризации. Философское осмысление проблем духовной секуляризации нашло своё отражение в советское время у А. Г. Твалтвадзе. Автор говорит о необратимости процесса секуляризации отношений, считая религию явлением историческим [16, с. 326].

Ситуация кардинально меняется в конце 90-х гг. XX – начале XXI вв. Одним из наиболее известных и неоднозначно оцениваемых авторов этого времени, посвятившим свои исследования, в частности, анализу роли православия в социуме, является А. Дугин. Это публикации с характеристикой православной традиции с опорой на работу Рене Генона «Восток и Запад». Анализ проводится на сравнении православия, католицизма, шиизма и суннизма, с выводами, естественно, о специфике православия. В скором будущем от России не следует ожидать превращения в капиталистическое государство «западного» типа [6].

Находит отражение роль православия в социуме у А. Панарина, где православие в функции ухода от цепи социума, в уходе-возвращении, в пустынночестве как источнике спасения и обновления. Православная цивилизация противопоставляется «западу». «Западный социум» нормативен и оторван от окружающей среды. Социум российский, благодаря православию, противоположен [12].

Православная социальная идея в рамках определения вектора цивилизационного развития России – предмет активного изучения Ю. Булычева. В основе – попытка осознания уровня соотношения православия и современной цивилизации. Автором отмечается, что из непонимания названного соотношения в настоящее время исходит постоянное углубление раскола между церковной сферой и социумом. Отметим и оценку сов-

ременной действительности как кризиса отечественной цивилизации, причем кризиса системного, выход из которого возможен только с изменением отношения к действительности [2].

Рассуждения о значении православия для государства, нации, социума содержатся у протоиерея Всеволода Чаплина. Работы пронизывает идея о патриотизме, присущем православным христианам. Основная мысль в том, что патриотизм естественен для православных. Но для православного патриотизма не важно сохранение нации и государства как таковых, они выступают как внешняя составляющая сохранения религиозной общины. Внешние рамки сохранения православной общины – этнические, государственные, территориальные [20].

Основная масса исследователей рассматривает православие через цивилизационную парадигму развития России. В то же время исследователи отмечают, что значение православия для адаптации и выживания в экстремальных жизненных условиях в науке не нашло своего должного отражения, хотя для российского общества в кризисных ситуациях это может являться основополагающим в процессе выживания [1].

Можно выделить самые различные аспекты влияния религии на социум в целом и влияние на общество конкретно православия. Причем при выделении данных аспектов необходимо учитывать самые разные подходы. В одном случае в государственно-церковных отношениях это вопросы духовной секуляризации и, соответственно, антисекуляризации, или борьбы религиозных организаций, в данном случае Русской православной церкви, за сохранение религиозности в обществе, а при возможности и её увеличение. Секуляризацию же можно рассматривать через призму видов деятельности церкви. Это, несомненно, миссионерство, благотворительность и сфера образования. Названные виды оказывают самое прямое, непосредственное влияние на формиро-

вание религиозной среды социума. При ином подходе ситуация несколько иная. Это опосредованное влияние религиозных организаций на общество через экономические отношения. Здесь вопрос об имуществе, о финансово-экономическом состоянии, разговор о влиянии внешнего видимого материального благополучия на восприятие индивидом или группой той или иной конфессии.

Говоря о православии, исследователи отмечают, что оно ни на одном историческом этапе не смогло войти в социум так, как это сделал католицизм. Православие (и особенно русское православие) никогда не превращалось в социальную религию, оставаясь над этим уровнем [6]. Возможно, некоторым исключением стал краткий период 90-х гг. XX в., когда при всплеске религиозности в обществе социум резко развернулся к религии. Правда, разворот произошел не только к православию. Однако трансформационные процессы очень быстро расставили все по своим местам и православие вновь стало достаточно изолировано от общественных процессов, не вызывая сильного, ярко выраженного интереса значительной части социума.

В разговоре о влиянии православия на общественные отношения важной является попытка выяснить, что лежит в основе данного процесса. Часто говорят о православной традиции, которая во многом составляет основу общественных отношений и, с другой стороны, формирует мироощущение в русском государстве. М. Дмитриев под религиозной традицией понимает систему церковных институтов, богослужебных практик, вероучения и формируемых этими тремя факторами мироощущений человека. Здесь на первое место выводится разница между идеологией и мироощущением. Замечание автора о том, что традиционные (premodern) православные общества не укладываются в категории анализа в рамках опыта западнохристианских стран, несомненно, очевидно. Здесь ин-

терес представляет мысль о религиозной терпимости и нетерпимости. Отмечается, что для православной традиции не приемлемы сами категории «терпимости» и «нетерпимости». Россия была терпима к неправославию, но при этом присутствовало больше равнодушие, индифферентность. В западной традиции это нашло бы отражение в формулировке «толерантность» [5].

В настоящее время достаточно часто можно встретить замечания в отношении ортодоксального христианства, т. е. православия, о его толерантности, невероятной терпимости к иным религиозным верованиям. На наш взгляд, более справедливым было бы сказать не о равнодушии православия к иным верованиям, а о неприятии. Причём в некоторых случаях данное неприятие принимает достаточно резкие формы: «национал-православие», «расовом национал-православии». Здесь отметим размытость категории «национал-православие», к которому относят достаточно много течений. В литературе можно встретить упоминания национал-православных фундаменталистов, православных национал-социалистов.

Всплеск создания национал-православных организаций приходится на конец 80-х гг. XX в. Тогда появляются структуры, в названии и идеологии которых звучало православие: «Православное монархическое согласие», «Русский национал-православный центр», «Народно-православное движение», «Русский христианский патриотический союз» и многие другие. Названные движения разделялись, на их базе создавались новые, закрывались. В дальнейшем, в 90-е гг. XX – начале XXI вв. появляются новые течения и получают развитие некоторые старые. Причём существовать они могут как в рамках институциональных, так и просто как часто позиционированные наборы взглядов. Это «Союз православных хоругвеносцев», «Союз православных братств», «Союз “Христианское возрож-

дение”», «Православное национал-коммунистическое самодержавие» и др. Характерно, что все эти организации малочисленны.

Малочисленны и относительно спокойны по отношению к иным религиозным верованиям и этническим группам организации так называемого альтернативного православия, возникшие в 90-е гг. XX в., которые на слух могут ассоциироваться с Русской православной церковью, такие как «Российская Свободная Православная Церковь», «Истинно православная Церковь», «Церковь Божьей Матери» [9, с. 65].

Помимо партий и организаций конкретно православной направленности, существуют структуры политической направленности, которые в своих программных положениях содержат пункты, согласно которым православие должно определять социально-политическое устройство России. Здесь заметное место занял русский политический консерватизм, который единство государства видит, помимо прочего, в утверждении и сохранении приоритета в обществе русской православной традиции. Это отмечено в манифесте русских консерваторов. Одна из основных идей – «обмирщение православия», т. е. введение православных принципов в нормы семейного и «бытового» права [11].

И всё же, несмотря на значительное количество организаций, тем или иным образом выступающих с позиций защиты и усиления православия в современной России, на наш взгляд, общая тенденция говорит о том, что православие, несмотря на всё внешнее видимое благополучие, в настоящее время является религией и способом самовыражения для определенной, не столь широкой как хотелось бы, Русской православной церкви, части общества.

Один из подходов объясняет ситуацию, сложившуюся с православием в современности тем, что православным людям чужды установки современного

мира. Современному миру православная цивилизация противоположна [2]. Отсюда видится закономерной своеобразная изоляция православного сообщества в общегосударственном российском социуме. Здесь не лишним будет упомянуть оценки отношения общества к новым, не традиционным для России ценностям в целом. Речь идёт о восприятии только общих основ или рамок демократии, её внешнего антуража – периодического участия в выборах. «Западные ценности» гражданского общества, правового государства не стали для россиян своими, основополагающими в определении вектора поведения. Социум в целом и индивид в частности в большинстве случаев сохранил своё пристрастие к коллективному сознанию, тягу к патернализму в общественно-государственных отношениях. Общество восприняло идеи рыночной экономики, индивид готов выставить личное экономическое благополучие вперёд по сравнению с благополучием группы. В то же время индивиды участвуют в политическом процессе только через общественное восприятие и общественную реакцию.

Православные, как и иные представители общества, в какой-то степени участвуют в политической жизни, согласны с установками рыночной экономики и иногда даже готовы участвовать в общественной жизни. На этом восприятие современной действительности ограничивается. У основной массы, за исключением радикального православия, пассивная позиция как актора политического и социального процесса. Представители же самой Русской православной церкви видят свою активность в нескольких направлениях. Это борьба за церковное имущество, в советское время переданное светским властям; борьба за введение в средних общеобразовательных учреждениях курса «основ православия»; миссионерская работа (степень и объёмы её до конца не ясны). Остальная работа проводится в границах воцерковленного православного сообщества.

Выше упоминалось отношение православного духовенства, в значительной его массе, к рыночным преобразованиям 90-х гг. XX в. Однако в публикациях можно встретить и иные взгляды. Некоторые авторы отмечают, что православие в своей нестяжательской составляющей выступало против установления капитализма, а значит, и нового жизненного уклада. Говорится о том, что капитализм в России установился чуть ли не вопреки православию. Новая экономическая и политическая элита являлась «противной по духу» истинному православию [7]. Вероятно, согласиться с данной точкой зрения будет достаточно сложно. Нестяжательство как одна из основ православного духа свойственно для достаточно незначительного количества представителей православия. Русская православная церковь, по сути, на всех этапах своего развития являлась достаточно богатой. Отметим, что капиталистические тенденции были восприняты православным духовенством. Развитие торговли и небольших предприятий приветствовалось церковным руководством, епархиальным всячески поощрялось, а со стороны центрального по крайней мере не находило препятствий. Примеров этому находим множество при разговоре о финансовом благополучии отдельных православных монастырей и церковью Русской православной церкви [6, с. 65].

Сложно однозначно оценить, кто относится к «православному обществу». Иногда в широком смысле под ним может пониматься по традиции все «русское» (российское) общество. В ином случае мы вводим в границы понятия всех относящих себя к православным или всех крещённых, в третьем – это воцерковленные православные. Существует понятие «православная общественность» [6, с. 65]. Это группа православных людей, занимающих активную позицию, часто выступающих с позиции православия. Видится, что по крайней мере в ближайшее время православные представители социума так и останутся общественностью.

В работе Арнольда Джозефа Тойнби «Постижение истории» на фоне характеристики цивилизаций оценивается христианское общество на начальной стадии своего развития и в процессе своей трансформации. Интересны характеристики церкви как «раковой опухоли, поедающей ткань цивилизации», или церкви как «куколки». Это два подхода в оценке роли церкви в социальных процессах. В первом случае роль церкви определяется как сугубо разрушительная. Во втором – жизнетворный центр нового общества в период межгосударственности. Это яйцо, из которого рождается новое. Правда, следует сказать, что данная роль А. Тойнби отводится католической христианской церкви. Автор, характеризуя упадок одной цивилизации и зарождение в её недрах другой, оценивает роль церкви как основополагающую. В то же время сам задаётся вопросами, действительно ли переход от одной цивилизации к другой возможен лишь через церковь-куколку? Можно ли быть уверенным, что история церкви-куколки и история нарождающейся цивилизации столь строго взаимосвязаны и взаимозависимы? [17, с. 610–613]. Возможно, ответом на поставленный вопрос будет являться переход от авторитарного советского общества к обществу постсоветскому. В полном смысле это не смена цивилизаций, а смена цивилизационных парадигм. Резкая смена ценностных ориентаций у всего общества в целом, у отдельных социальных групп, у индивидов, приводит к достаточно краткому по времени поиску нового смысла. В этом поиске наблюдается всплеск истинной религиозности и псевдорелигиозности. Но, несомненно, любая церковь: православная, католическая, буддистская, иудейская или какая иная – выступила в роли начала. Начала поиска нового смысла. В роли той самой куколки или яйца.

90-е гг. XX в. – время распространения принципа религиозной свободы в России, к этой ситуации приспосабливается всё общество. С одной стороны, неверующие, которые вынуждены либо

смириться с новой ситуацией и терпеть её, критикуя по мере возможности, либо просто её не заметить. С другой стороны, верующие. Религиозное сознание вынуждено приспосабливаться к меняющейся ситуации. Постепенно изменение сознания приводит к обособлению социальных групп. Видится справедливым замечание Ю. Хабермаса о том, что с функциональным обособлением частных социальных систем жизнь религиозной общины отделяется от её социального окружения [18, с. 71]. Думается, подобное мы можем наблюдать в современной России. Несмотря на то, что православие позиционируется как основа современной российской государственности, на то, что в СМИ мы в основном наблюдаем именно Русскую православную церковь, сложилась ситуация, при которой эта церковь существует как бы самостоятельно, отдельно от общества. Воскресные школы, православные курсы, семинары и конференции, газеты существуют в основном для верующих, точнее, не просто для верующих, а более для воцерковленных. Несколько иная картина была в 90-е гг. XX в. Можно, конечно, предположить, что связано подобное со сменой епархиального и центрального церковного руководства. Однако более справедливым представляется предположение, что названное является тенденцией развития отношений в паре «церковь – общество». Локализация православной церкви в общественных отношениях, в рамках своих интересов связана, вероятно, с секуляризационными тенденциями, причём не только в современной России, а во всём мире.

Один из вопросов обсуждения православия в социальных процессах современной России – это взаимодействие с иными религиями. Оценки данного взаимодействия могут быть самыми разными. От утверждений о невероятной толерантности Русской православной церкви до негативных замечаний. Один из подходов оценивает отношение православия к иным конфессиям как резко

отрицательное. Особенно касается это крупных религиозных течений, которые рассматриваются как георелигиозные проекты. Русская православная церковь, если и не должна объявлять им войну на уничтожение, то должна следить за ростом их экспансии и максимально этому сопротивляться [3].

Влияние православия на общество находит своё выражение не только в современной России. Это деятельность Русской православной церкви за рубежом, это адаптация мигрантов из России. О православии говорят как о нравственной опоре для преодоления идейного и жизненного кризиса, выделяя при этом следующие составляющие:

1. Православие как предпосылка для сохранения национальной идентичности личности и социума в условиях эмиграции. Православный приход как форма национальной и гражданской самоорганизации в изгнании.

2. Православие как нравственная, духовная опора для людей, лишившихся отечества, семей, имущества.

3. Православное мировоззрение как выход из идейного тупика философских метаний русской (и европейской) мысли на рубеже XIX–XX вв. «Геоцентрическое сознание» как ключ к пониманию истории и современности [1].

При оценке современной ситуации с православием в России обязательно встает вопрос о перспективах развития православия в контексте его влияния на общественные отношения. В абсолютно упрощенном виде три взгляда на данные перспективы обозначает в одной из работ А. С. Свистухина:

1) усиление влияния православия на социум (православие становится государственной религией или одной из государственных; основанная на нем национальная и социальная идея становится основополагающим компонентом российского цивилизационного проекта; под флагом православия возрождается национально-патриотическая идеология);

2) снижение влияния православия на общество (ослабление православия за счёт секуляризации, усиление нехристианских конфессий);

3) сохранение за православием существующих в обществе позиций [15, с. 27].

Несомненно, имеют право на существования все три подхода, однако современная ситуация, на наш взгляд, позволяет оценить их следующим образом. Мы не наблюдаем особого активного усиления влияния православия на современное российское общество. Из приведенных аспектов первого подхода согласимся с тем, что православие, исподволь, медленно, но, судя по всему, верно становится государственной религией де-факто. Это постоянное отражение в средствах массовой информации православных праздников, при практически полном отсутствии такового по иным конфессиям. Позиционирование представителей власти во время православных церемоний. Мы не видим президента или премьер-министра России на буддистских или иудаистских праздниках, но видим на православных. Не совсем понятна вторая составляющая. О какой национальной и социальной идее в России идет речь? Мы не наблюдаем ни первой, ни второй. Отчасти можно согласиться с возрождением национально-патриотической идеологии под эгидой православия. Отчасти потому, что, как отмечалось выше, всплеск появления таких движений был в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. И потому, что в настоящее время хоть и действует активно определенное количество подобного рода организаций, их число и численность по масштабам России незначительно.

Не совсем справедливым видится третий из предлагаемых подходов. На наш взгляд, говорить о сохранении за православием в нынешней ситуации существующих позиций, наверное, не приходится. В основе подобного утверждения лежит осознание того, что православие сейчас является религией для узкого круга. За исключением некоторых попыток вклю-

ниваться в общественные процессы, оно существует само в себе и само для себя. Более справедливым представляется второй подход. Причины ослабления православия названы. Это духовная секуляризация общества и усиления иных конфессий. Несмотря на названное выше видимое православие, православие в его ценностях для основной массы современного российского общества далеко. Оно скорее видимый антураж, черта времени. Сейчас модно быть религиозным, почему не православным?

Три пути дальнейшего развития православия предлагал еще в конце XIX в. упомянутый выше А. А. Царевский:

1. Православие – руководственное начало России. Православие – культурный идеал нашего будущего.

2. Возможность исчезновения Православия. Мы не свет миру, а только владем светом для мира. Если Господу будет угодно, то Он весь мир человеческий привлечет в лоно Православия.

3. Духовный мрак из Европы переходит и к нам. Православие – единственный источник обновления. Под сенью Православия Россия спасется и сохранится [19].

Характерно, что мысль о возможности исчезновения православия возникала более ста лет назад.

Та же А. С. Свистухина говорит о том, что в XXI в. православие в России остается культурной матрицей страны, которая определяет поведение россиян, формирует их мировоззрение [15, с. 27]. Полностью согласиться с данным высказыванием сложно. Во-первых, значительная часть населения – приверженцы иных верований. Во-вторых, не понятно заявление о культурной матрице. Сказать, что православие, в упрощенном смысле, определит культура россиян или их поведение, наверное, нельзя. Существует множество иных значимых факторов.

Православие в социальных процессах можно рассматривать как ресурс, прежде всего политический. Мобилизационный

в экстренных ситуациях, электоральный на выборах. Протоиерей Андрей Кураев, отмечая, что такое отношение к православию кощунственно, относит его к понятию «политправославие» [14]. Данное понятие достаточно размытое. Иногда в рассуждении о данной, относительно новой категории говорят о необходимости, но отсутствии «православной партии», «православного гражданского общества». Пожалуй, наибольшую известность политправославие получило благодаря высказываниям политолога, заведующего отделом Украины Института стран СНГ, пресс-секретаря Союза Православных Граждан Кирилла Фролова, его электронному журналу «Клерикализм, “политическое Православие”, понимаемое как воцерковление политики». Или же главе «Византийского клуба» Аркадию Малеру. Вообще скажем, что политправославие в современном разговоре используется более применительно к Украине. Станет ли политправославие значимым явлением в жизни общества, сказать сложно. Internet-страницы испещрены негативными замечаниями в адрес того же К. Фролова, самого течения «политправославия», «миссионерского православия». В то же время с их стороны постоянны нападки на своих оппонентов, таких как главный редактор православного журнала «Благодатный огонь» С. Носенко (Н. Каверин). Само наличие подобного рода направлений, обсуждение в его рамках степени влияния православия на общество, достаточно показательны.

В основе «миссионерского православия», да, в общем-то, и политправославия, идеология борьбы с внутренними течениями, ослабляющими ряды православных, и внешним влиянием. Задачи Ассоциации православных экспертов – в определении направлений православной миссии. Главное же в том, что настоящий момент подходит для миссионерского прорыва, причем миссионерства массового, воцерковления не отдельной личности, а большинства российского наро-

да. Задача эта сторонниками «миссионерского православия» видится в контексте проекта Святейшего Патриарха Кирилла.

В споре с политправославием Н. Каверин говорит об отрицании им индивидуальности. В обвинениях в их адрес проводится сравнение с миссионерством католическим, а именно: в основе лежит количество обращенных в православие, качество же их веры никого не интересует [8].

Помимо временами достаточного радикального политправославия в последние годы активное развитие находят и иные течения, это «гламурное православие», которое иногда характеризуется как «православие комфортное». Его суть в православии без самоограничений. Данный вариант именуют облегченным. Он не подразумевает борьбы с грехом или молитвенный подвиг. Здесь вера, которая не требует от человека усилий, она максимально приближена к современному секулярному, секуляризационному обществу [8].

В попытке оценить позиции политправославия или его оппонентов мы не станем ругать или хвалить кого-либо, так же как не станем вдаваться в методологические аспекты их споров. Остановимся, пожалуй, на главном, на отношении к тому, каким должно быть православное миссионерство – массовым и агрессивным или индивидуальным и относительно спокойным? Отдельно выделим современную церковную (православную) журналистику, через которую православие может активно влиять как на общество воцерковленное, так и на весь социум. Яков Кротов, называя современную православную журналистику гламурной, отмечает её неагрессивность. Напомним, что понятие гламурного православия содержит, прежде всего, отрицание активного, агрессивного действия. В одной из публикаций Я. Кротов говорит о постоянном отрицании церковной журналистики, причем отрицании не обществом, а самим человеком в его умении или желании поднять и осветить в СМИ ту или иную тему, а точнее, освещать все темы. Как запретной он видит тему недостатков церковных людей [10].

Названная выше позиция видится абсолютно справедливой. Церковная журналистика могла бы стать если не двигателем православия в общество, то, по крайней мере, новых православных идей. Нынешние православные СМИ (имеются в виду не отдельные издания, такие как, «Благодатный Огонь» и др., на страницах которых ведутся дискуссии, и делаются попытки активизации православного сообщества, не направлены в широкое общество. Речь идет, скажем, о епархиальных изданиях. Их страницы во многом и зачастую – это узкий круг тематической направленности. Распечатки выдержек из Библии или Евангелия, краткие новости по епархии, да пожалуй и всё. В редких случаях – что-то действительно интересное. Привлечь подобными публикациями широкую общественность нельзя, да нельзя привлечь и общественность узкую. Предлагаемая тематика для узкого круга воцерковленных, хотя думается, и их интерес здесь очень ограничен. Здесь мы поднимаем вопрос о роли журналистики в миссионерстве. Не важно, о каком миссионерстве мы говорим, массовом или индивидуальном. Любое религиозное СМИ должно быть направлено прежде всего вовне, на привлечение в лоно данного религиозного учения новых последователей. Либо для ответа на вопросы сомневающимся. Подобное возможно только при том, что журналистика будет как минимум активной и как максимум агрессивной.

Нами сделана попытка определить основные направления анализа влияния православия на общественные процессы и общества на развитие православия. При достаточно большом количестве разного рода публикаций, характеризующих общественно-церковные отношения (применительно к православию), на наш взгляд, работ, которые бы анализировали данные аспекты всесторонне, не много. Зачастую это характеристика одного какого-либо отдельного или нескольких моментов. При наличии множества дискуссий о дальнейших перспективах развития православия в России подобное видится не совсем справедливым.

Список литературы

1. Бондарева Е. Православие как нравственная основа преодоления идейного и жизненно-го кризиса. Духовный опыт русской диаспоры в Югославии (1920–1941) // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 2. URL : http://www.srcc.msu.su/bib_roc/jmp/01/02-01/07.htm (дата обращения 21.11.2010).
2. Булычев Ю. Православие, национальная идея и социальная идея – основополагающие компоненты нашего цивилизационного проекта // Русская линия. URL : <http://rusk.ru/st.php?idar=7378>. (дата обращения 21.11.2010) ; он же. Православие, Россия и современная цивилизация // Христианский социализм как русская идея. URL: http://chri-soc.narod.ru/bulpravoslavie_rossia.htm (дата обращения 07.11.2010) ; он же. Ценности христианской и национальной культуры как факторы государственно-правовой жизни // Социальное богословие. URL : <http://www.soctheol.ru/researches.php?id=286> (дата обращения 21.11.2010).
3. Влияние РПЦ на общество идет по нарастающей... Интервью с Аркадием Малером // Единое отечество. URL : <http://www.otechestvo.org.ua/main/20055/705.htm> (дата обращения 21.11.2010).
4. Глотов М. Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С 19.
5. Дмитриев М. Человек Православный и Homo Catholicus // Библиотека Якова Кротова. URL : <http://krotov.info> (дата обращения 21.11.2010).
6. Дугин А. Русское православие и инициация // Милый ангел. Т. 2. URL : <http://angel.org.ru/2/pravini.html> (дата обращения 21.11.2010).
7. Елисеев А. Влияние православия на русское общество // БГ – Знание. Ру. URL : <http://www.bg-znanie.ru/article.php?id=858> (дата обращения 21.11.2010).
8. Каверин Н. Миссионерский патерик // Благодатный огонь. Православный журнал. URL : <http://www.blagogon.ru/articles/4/> (дата обращения 21.11.2010).
9. Казьмина О. Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России. М. : МГУ, 2009. С. 65.
10. Кротов Я. Успехи церкви в сфере ритуальных услуг // Livejournal. URL : <http://yakov-krotov.livejournal.com/660486.html> (дата обращения 21.11.2010) ; он же. Между попом и собакой // Библиотека Якова Кротова. URL : http://krotov.info/yakov/2_chlvek/6_commnkio/zhurnal2.htm (дата обращения 07.11.2010).
11. Милитарев В. Русский политический консерватизм // Агентство политических новостей. URL : <http://www.apn.ru/publications/article10058.htm> (дата обращения 21.11.2010).
12. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. 496 с.
13. Петрова И. Э. Конфессиональная социальная работа : аспекты теоретического анализа // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 288.
14. Протоиерей Андрей Кураев о культуре, книгах, политике и обществе // Православие и мир. URL : <http://www.pravmir.ru/protodiakon-andrej-kuraev-o-kulture-knigax-politike-i-obshhestve/> (дата обращения 21.11.2010).
15. Свистухина А. С. Православие как фактор современных российских трансформаций. Ставрополь : СГУ, 2009. С. 27.
16. Твалтвдзе А. Г. Указ соч. С. 326.
17. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. : Айрис-Пресс, 2010. С. 610–613.
18. Хабермас Ю. Дополитические основы демократического правового государства? // Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М. : Библейско-богословский институт Св. Апостола Андрея, 2006. С. 71.
19. Царевский А. А. Значение Православия в жизни и исторической судьбе России. Казань, 1898 // Азбука веры. URL : <http://azbuka.ru> (дата обращения 21.11.2010).
20. Чаплин В. Протоиерей, Русская православная церковь, права человека и дискуссии об общественном устройстве // VIPERSON. URL : <http://putin.viperson.ru/wind.php?ID=382746&soch=1> (дата обращения 21.11.2010) ; он же. Пять постулатов православной цивилизации // Социальное богословие. URL : <http://www.soctheol.ru/researches.php?id=286> (дата обращения 21.11.2010).

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2011

В. Г. Зарубин, Н. А. Мартянова
г. Санкт-Петербург, Россия

**Гуманитарные технологии как механизм конструирования
профессий в современной образовательной системе**

Влияние образования как социального института на развитие профессий. Социологический анализ профессий в классических теоретических концепциях. Гуманитарные технологии в современной образовательной системе.

Ключевые понятия: образование как социальный институт, профессия, социологический анализ профессий, гуманитарные технологии.

V. G. Zarubin, N. A. Martjanova
St. Petersburg, Russia

**Humanitarian Technologies as a Mechanism of Designing Professions
in a Contemporary Educational System**

The influence of education as a social institute on the development of professions. Sociological analysis of professions in classic theoretical conceptions. Humanitarian technologies in a contemporary educational system.

Keywords: education as a social institute, profession, sociological analysis of professions, humanitarian technologies.

Образование как социальный институт традиционно является объектом повышенного научного интереса. Социальная природа образования характеризуется, прежде всего, его значимыми функциями, среди которых следует выделить конструирование профессий и содействие профессиональному самоопределению личности.

Конструирование профессий предполагает создание в рамках университетов новых профессионально-образовательных программ, направленных на удовлетворение потребностей современной экономики в определённых специалистах, достижение равновесия спроса и предложения рабочей силы на рынке труда. Конструирование профессий как сложный социальный процесс требует глубокого социологического анализа, который невозможно осуществить без обращения к наследию классиков социологии.

Исследование различных аспектов становления новых профессий представлено в трудах многих теоретиков социологии,

в частности Э. Дюркгейма, М. Вебера, Э. Хьюза, Т. Парсонса, Р. Мертона и других. Однако прежде чем перейти к анализу профессий, необходимо определить, что же понимается под профессией в социологии и в чем отличие профессий от всех других видов занятий. Ведь практически любое занятие, обеспечивающее человека средствами к существованию, может стать объектом социологического изучения. На протяжении многих лет с точки зрения социологии изучались различные виды трудовой деятельности и в особенности те из них, которые претерпевали изменения в методике, социальной организации и в своем социально-экономическом статусе. По мнению Э. Хьюза, занятие – это, в сущности, не та или иная конкретная совокупность видов деятельности, а участие индивида в любой продолжающейся системе деятельности [2, с. 497]. Профессии представляют собой наиболее почитаемый и популярный из всех видов исторических занятий в сов-

ременном обществе. Они обладают особыми институционально закрепленными полномочиями, в частности доступом к запрещенному знанию, правом совершать опасные действия, возможностью влиять на других людей. Им предоставляются также многочисленные привилегии, выраженные как в сравнительно высоком материальном доходе, так и в нематериальных благах, коими является престиж, общественное признание, высокая степень автономии.

Профессии как один из видов исторических занятий разделяются на «обслуживающие» и «необслуживающие». «Обслуживающие» профессии, особенно юристы и медики, работают в основном на гонорарном принципе (даже и тогда, когда гонорары определяются по скользящей шкале), что прямо включает их в экономическую систему. Важный момент состоит здесь в том, что «обслуживающие» профессионалы получают свой гонорар прямо или косвенно от клиентов, которые сами профессионалами не являются, и потому в этом отношении они не контролируются другими членами профессии. Профессия в целом не имеет коллективной власти, способной регулировать распределение денежных вознаграждений. Она может в известной мере контролировать профессиональную репутацию в глазах широкой общественности, хотя публичная критика одним профессионалом другого встречается чрезвычайно редко и обычно осуждается [1, с. 34].

Напротив, в «необслуживающих» профессиях, особенно тех, что связаны с преподаванием и исследовательской работой, профессиональное мастерство не является объектом «продажи». Даже преподавание в этом смысле представляет собой качественно другое явление; это не удовлетворение «потребности», подобное тому, которое имеет место при врачебной помощи или юридической консультации, ибо речь идет не о реакции на немедленный индивидуальный кризис. За эффективность образования в той же

степени ответственен как обучаемый, так и обучающий. (Если врач чувствует себя ответственным в случае, когда предлагаемые им способы лечения не помогают, то от профессора обычно не требуется, чтобы он стремился продолжить обучение студента после того, как тот провалился на экзамене) [1, с. 35].

Таким образом, профессии представляют собой социальную группу, наделенную особыми правами (на получение информации, отступление от норм, совершение опасных действий) и имеющую специфические обязанности (удовлетворять определённые потребности людей).

Представители американского структурного функционализма, прежде всего Т. Парсонс и Р. Мертон, уделяли особое внимание изучению профессий, как на теоретическом, так и эмпирическом уровнях. Следует отметить, что профессии рассматриваются обоими социологами с позиции их общих теоретических концепций. К примеру, Т. Парсонс изучал профессии с точки зрения их значимости для поддержания равновесия в социальной системе, а Р. Мертон фокусировал внимание на структурном принуждении профессионалов.

Значение профессий для социальной структуры в трактовке Т. Парсонса может быть суммировано следующими выводами: профессиональный тип – это институциональная рамка труда, в которую внесены многие важные социальные функции, особенно занятие наукой, профессиональной подготовкой и практическим применением в медицине, технологии, праве и преподавании. Профессиональный тип зависит от поддержки институциональной структуры, которая создает комплексный баланс разных социальных сил [12, с. 34–46].

Исследование профессий в структурном функционализме продолжил Р. Мертон. В своей статье «Некоторые замечания о профессиях в американском обществе» (1960) он говорит о том, что профессии занимают наивысшее положение в общественном

сознании. Выбор профессии является важнейшим выбором для человека и, в случае неудачи, самым частым поводом для сожалений. Мертон не называет современную эпоху «эрой профессионалов», так как не любит наклеивать ярлыки, но подчеркивает, что именно сейчас профессионалы становятся «героями нашего времени», а это является показателем высокого уровня социальных и культурных ценностей в современном обществе [11, с. 6].

Мертон неоднократно подчеркивает, что профессии пользуются большим уважением, чем все другие виды занятий. Это подтверждает количество исследований, изучающих атрибутивные, структурные, функциональные, описательные аспекты профессий. В качестве примера можно привести работы таких учёных, как А. Флекснер [5, с. 576–590], Л. Брандейс [3], Э. Гринвуд [7, с. 44–55], Р. Нолл [8, с. 92–104] или У. Гуд [6, с. 194–200], рассматривающих профессии как «превосходящие» другие виды занятий. По результатам многочисленных исследований профессии, связанные с медициной, юриспруденцией, преподаванием в университетах, духовенством и архитектурой, находятся на вершине иерархии престижных профессий в США (в эту иерархию не входят высшие посты в правительстве, Верховном суде и т. д.).

Мертон отмечает распространяющуюся тенденцию профессионализации в современном обществе, сравнивая её с другими социальными процессами, например, с урбанизацией. Подобно тому, как развиваются, урбанизируются маленькие города, происходит и профессионализация многих традиционно не-профессиональных отраслей, таких как бизнес или индустрия. Эти отрасли приобретают по меньшей мере внешнюю видимость, а часто и внутреннее содержание профессиональных стандартов, ценностей и образования. Как отмечает Мертон, «мы сейчас слышим почти столько же о профессионализации коммерции, сколько о коммерциализации профессий» [11, с. 7].

Что же является источником процесса профессионализации? Мертон считает, что возрастающий престиж профессий происходит благодаря тройному сочетанию социальных ценностей. Это, во-первых, ценность, относящаяся к систематическому знанию и специализированному интеллекту: *знание*. Почти каждое определение профессий ссылается на их особый комплекс теоретических и эмпирических знаний, которые не имеют широкого распространения среди населения в целом. Профессия, незакреплённая расширяющимся систематически организованным знанием, становится, по словам Альфреда Уайтхеда, «беспорядочным набором прошлых отблесков рассудка, повторяющихся в традиционных действиях» [15, с. 60]. Во-вторых, к профессиям относится ценность, связанная с техническим мастерством и подготовленной способностью: *умение*. От профессионалов ожидается применение их теоретических знаний для решения первостепенных жизненных проблем: в случаях болезни, беззакония, греха и нарушения человеческих прав. Поиск путей решения главных проблем обычно имеет превосходство перед рутинными требованиями повседневной жизни. Профессиональная экспертиза требуется в момент кризиса, когда ставки и риски высоки. Третьей ценностью, присущей профессиональной роли помимо знания и умения, является служение другим: *содействие*. Профессии отличаются от других занятий своей приверженностью «идеалу служения» [6, с. 198], «коллективной ориентацией» [13, с. 489] и «служением общественности» [14, с. 96]. Профессиональные отношения руководствуются принципом объективности, когда профессионалы становятся в результате доверенными лицами на страже интересов клиента [4, с. 422].

Профессии, таким образом, имеют свой особый «эмоционально выраженный комплекс ценностей и норм, представленных в форме предписаний, предпочтений, допущений, запрещений. Они узаконены

в терминах институциональных ценностей» [10, с. 605]. Ценность «содействие», определяемая нормой альтруизма, наряду с ценностями «знание» и «умение» является частью профессионального этоса [9, с. 114–115].

Как и в любой социальной системе, действие, ориентированное на нормы в профессиях, поддерживается благодаря, прежде всего, процессам социализации и профессионального самоопределения. Р. Мертон определяет социализацию как процесс приобщения индивидов к своей культуре. Более конкретно с точки зрения индивидов это понятие «обозначает процесс, с помощью которого люди выборочно приобретают ценности и установки, ин-

тересы, умения и знания (иными словами, культуру), распространенные в группах, членами которых они являются или хотят быть» [9, с. 186–187]. Более кратко можно определить социализацию как отображение целостной социальной структуры – норм, возможностей и мнений – на личности человеческих индивидов.

Таким образом, обращение к классическим социологическим концепциям позволяет сделать вывод о решающей роли института образования в становлении и развитии новых профессий. Можно сказать, что конструирование современных профессий также напрямую связано с институтом образования и детерминировано им.

Список литературы

1. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки / пер. с англ. Л. А. Седова // Научная деятельность : структура и институты : сб. пер. М. : Прогресс, 1980. 320 с.
2. Хьюз Э. Исследование занятий // Социология сегодня : проблемы и перспективы / сокр. пер. с англ. ; под ред. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1965. 560 с.
3. Brandeis L. D. Business – A Profession Boston: Small, Maynard, 1925. 122 p.
4. Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. The Professions Oxford: The Clarendon Press, 1933. 560 p.
5. Flexner A. Is Social Work a Profession? // Proceeding of the National Conference of Charities and Corrections. Chicago, 1915.
6. Goode W. J. Community Within a Community: The Professions // American Sociological Review. 1957. № 22.
7. Greenwood E. Attributes of a Profession // Social Work. 1957. № 2.
8. Hall R. H. Professionalization and Bureaucratization // American Sociological Review. 1968. № 33.
9. Merton R. K. Social Research and Practicing Professions / Ed. By A. Rosenblatt and T. F. Gieryn. Cambridge, Massachusetts: Abt Books, 1982. 820 p.
10. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Enl. ed. New York: The Free Press, 1968. 740 p.
11. Merton R. K. Some Thought on the Professions in American Society // Brown University Papers. 1960. № 37.
12. Parsons T. The Professions and Social Structure (1939) // Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition). New-York The Free Press, 1966.
13. Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951.
14. Tawney R.H. The Acquisitive Society. New York: Harvest Books, 1946.
15. Whitehead A.N. Adventures of Ideas. New York: The Free Press, 1933. 340 p.

Рукопись поступила в редакцию 17.03.2011

Социолого-управленческий подход к анализу интеграционных процессов в высшем профессиональном образовании

Предпринята попытка анализа содержания интеграционных процессов, происходящих в высшем профессиональном образовании России в рамках социологического знания. Автор рассматривает разворачивающиеся процессы на трех уровнях: практика, теория и законодательная сфера. Они выступают как взаимообуславливающие и взаимокоррелирующие процессы.

Ключевые слова: интеграционные процессы, высшее профессиональное образование, интеграция, глобализация.

I. I. Katanaev
Chita, Russia

Sociological and Administrative Approach to the Analysis of Integration Processes in Higher Education

The article deals with the analysis of results and consequences of integration processes taking place in the sphere of higher education of Russia. The author reveals them on three levels: reality, scientific researches and legislation. They are observed as interacted processes.

Keywords: integration processes, the higher vocational training, integration, globalization.

Противоречивость происходящих процессов интеграции и глобализации в сфере высшего профессионального образования может быть рассмотрена на трёх уровнях: теории, практики и законодательной сфере. Зачастую происходит несовпадение событий, обуславливающих существование каждого уровня. Становится очевидным, что законодательная база современной России формировалась с заметным опозданием, в качестве отклика на уже давно начавшие происходить процессы на уровне практики.

Анализ процессов интеграции в образовательной среде на уровне практики, который представлен в многочисленных современных исследованиях, показывает, что они отличаются рядом особенностей. С одной стороны, эти особенности являются общими для всех социальных институтов, с другой – определяют отличие образования от других явлений социального порядка.

Интеграционные процессы в сфере высшего профессионального образования – часть процессов социального, экономического и политического развития мира. Во многом они обуславливаются ими и на них влияют. Специфика понимания интеграции образования зависит от содержания термина «интеграция», которая в разных научных источниках наполняется различным смысловым содержанием. Это подтверждает многогранность и противоречивость как самого термина, так и процесса, который он обозначает.

Л. В. Абракова рассматривает интеграцию как этап интернационализации хозяйственной и общественно-политической жизни. Автор пытается связать образовательную интеграцию с процессами, происходящими в международной экономике. Исследователь выделяет восемь основных направлений экономической интеграции, нашедших продолжение в образовании: международное разделе-

ние труда, международное перемещение производственных и финансовых ресурсов, распространение технологического способа производства и интернализация производительных сил, международная специализация и кооперация, миграция рабочей силы, расширение и качественное изменение международной торговли, быстрое развитие сферы услуг, нарастание проблем мирового масштаба (охрана природы, освоение мирового океана, борьба с терроризмом и пр.). «В этих условиях насущной задачей современных образовательных систем становится выработка совместной стратегии действий, общих приоритетов и направлений сотрудничества для решения глобальных проблем» [1, с. 17]. Экономический подход в анализе интеграционных процессов образования позволяет Л. В. Абраковой констатировать, что их основным субъектом выступает крупный частный капитал, а основными регионами их разворачивания – Северная Америка, Западная Европа и Тихоокеанский бассейн.

Сегодня образование меняет своё функциональное предназначение. Образование как обслуживание нужд промышленности в квалифицированных кадрах трансформируется в важнейший фактор географии производства. Это отразилось в становлении образовательной организации в форме технопарков и технополисов, которые предполагают синтез высоких технологий, телекоммуникации и научно-образовательный потенциал. Одной из проблем коммерциализации высшего образования в глобальном масштабе является утрата его автономности, переориентация на получение прибыли в условиях жёсткой конкуренции. Ф. Альтбах считает, что университетская автономия будет скомпрометирована в случае их попадания в сферу юрисдикции ВТО [2].

Сегодня практически все страны мира, за редким исключением, вступили в новую фазу интернационализации мировой экономики – фазу глобализации. Глобализация – это «взаимодействие го-

сударств, народов, этносов, социальных общностей в единой системе отношений на планетарном уровне. Основной глобализации является настолько интенсивная информатизация, когда возникает информационное гиперпространство» [5, с. 8].

Исследователи очень внимательны к употреблению терминов «интернационализация» и «глобализация». П. Скотт убежден, что необходимо четко разграничивать эти понятия, поскольку университет является институтом интернационализации, но не глобализации. «Современный университет – продукт национального государства», – отмечает П. Скотт, а глобализация отрицает национальное государство [7]. Энгельгардт считает, что интеграция – это не цель, а путь к достижению цели [6, с. 15].

Любые интегративные процессы в социальных системах, традиционно противопоставляемые органическим (биологическим), носят искусственно сконструированный характер, что предполагает необходимость специальных усилий, направленных на выявление, установление, упорядочение и совершенствование интегративных связей разных элементов. Структура образования как социальной структуры позволяет характеризовать её не просто как разноуровневое, но и как разноинтенсивное, что означает возможность протекания интеграционных процессов на разных уровнях и с разной скоростью и качеством.

Субъективность явлений институциональной интеграции порождает иллюзию её произвольности, что не соответствует объективной реальности, рассматриваемой в науке как управляемую стихийно сложившимися законами упорядоченность. К ним относят закон всеобщей связи явлений, время как фактор уплотнения жизненного опыта, возрастающий объём информации, необходимость творчества на основе стабильного опыта, интенсивный характер образования и воспитания и т. п.

Исследования зарубежных ученых привели к построению разных моделей интеграции вузовского образования, прежде всего, в содержательном плане, т. е. интеграция различных компонентов содержания обучения. Так, университет в европейских странах выступает интеграцией классического и утилитарного высшего образования [3, с. 208].

Интеграция содержания через интеграцию институтов является формой оптимизации качества высшего профессионального образования, что особенно востребовано в контексте становления постиндустриального (информационного) общества. Это делает остро актуальными разработки и построения интеграционных моделей университетов. Естественны попытки развития дополнительных концепций, не идущие по пути объединения уже существующих институтов. Зарубежные исследователи описывают следующие варианты интегральных систем высшей школы:

- мультиверситет (как конгломерат разных институтов);
- университет монастырского типа;
- либеральный университет (центральная система отопления);
- город интеллекта (центральная интеллектуальная сила общества) [3, с. 216–226].

В исследованиях педагогических систем интеграция понимается «как целенаправленное установление структурно-органических связей элементов педагогической системы вокруг профессиональной направленности, обеспечивающее эффективное её функционирование. При этом интеграционный процесс рассматривается в следующей логике:

- смысловое обоснование создаваемой системы;
- обнаружение энергетического потенциала системы и его направленности;
- установление иерархической зависимости структуры и органической интенции человека в этой структуре;
- создание неравновесных состояний взаимодействия элементов системы, порождающих движущие силы механизмов интеграции;

– создание благоприятных условий для субъект-субъектного взаимодействия в системе;

- использование диагностических критериев, позволяющих адекватно оценить динамику и качество результатов процесса» [6, с. 20].

Действие закона универсализации основных свойств общественных формаций и культур в эволюционной перспективе ведёт к формированию единых требований к содержанию и конечному результату обученности в глобальном масштабе. Чаще всего называют открытый характер образованности, поскольку в современных условиях человеку приходится учиться практически в течение всей своей жизни. Однако на конкретном региональном уровне возникает противоречие между универсальной общечеловеческой миссией образования и его этнокультурной специфической функцией (следовательно, формой и содержанием).

В настоящее время в научной литературе можно встретить понятие «модель интеграции российского образования в мировую образовательную систему», позволяющее отличать проекты и теоретические разработки, предлагаемые разными авторами и исследователями, от реально протекающих процессов интернационализации высшего профессионального образования. Под этим термином понимается «совокупность правовых, административных, организационных инструментов, а также взаимосвязанных и скоординированных направлений деятельности и мероприятий, обеспечивающих эффективное развитие международного сотрудничества в условиях возрастающей глобализации в сфере экономической, социальной и культурной жизни» [4, с. 4].

Построение оптимальных моделей развития позволит акцентировать на двух основных направлениях интернационализации образования:

1. Обеспечение подготовки высокопрофессиональных специалистов, обла-

дающих самыми передовыми знаниями и культурой освоения знаний на протяжении жизни, способностью работать на российских предприятиях с глубоким пониманием факторов интернационального характера, опытом международного общения и подготовкой для эффективной работы в интернациональной среде, умениями адаптироваться в условиях быстро меняющегося мира, знаниями иностранных языков и культур.

2. Создание дополнительных предпосылок и условий для повышения финансовой и образовательной эффективности вузов, расширения эксперта знаний, трансграничного обмена людьми и идеями, международного обмена культурным опытом и культурными ценностями, трансфера и развития технологий, достижения конкретных экономических результатов российских предприятий и компаний в условиях нарастающей международной конкуренции за счет вклада специалистов-выпускников вузов.

Таким образом, результаты международной интеграции ВПО одинаково необходимы как для развития внутреннего образовательного пространства, так и для экспорта образовательных услуг на мировой рынок.

В рамках отечественного законодательства были определены основные механизмы и направления развития международных интеграционных процессов. В законе «О высшем и послевузовском образовании» содержание ст. 2 нацелено на формулирование принципов и условий государственной политики в области высшего образования: «Интеграция системы высшего и послевузовского профессионального образования РФ при сохранении и развитии достижений и традиций российской высшей школы в мировую систему высшего образования».

Закон определяет средства участия вузов в международном сотрудничестве, что сформулировано в ст. 33. Прежде всего, это участие «в программах двустороннего и многостороннего обмена

студентами, аспирантами, докторантами, педагогическими и научными работниками». Среди традиционных широко практикуемых мероприятий ст. 33 называет проведение совместных научных исследований, конгрессов, конференций, симпозиумов и других мероприятий. Наконец, осуществление фундаментальных и прикладных научных исследований, опытно-конструкторских работ по заказам иностранных юридических лиц, а также участие в международных программах совершенствования высшего и послевузовского профессионального образования. Кроме того, учебных заведения системы ВПО имеют право (ст. 33, § 3) вступать в неправительственные международные организации, заключать с иностранными партнерами договоры о совместной деятельности, создавать с участием иностранных партнеров структурные подразделения.

Приказом Минобрнауки России от 1 декабря 2005 г. № 297 принято «Типовое положение о филиалах федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования», устанавливающее порядок создания филиалов российских вузов за рубежом, где определяется, что «деятельность филиалов осуществляется в соответствии с законодательством иностранного государства, на территории которого он расположен».

Организация вузов с участием зарубежных партнеров регулируется ст. 10 Федерального Закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г.

Одобренная Президентом В. В. Путиным 18 октября 2002 г. Концепция государственной политики РФ в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях имеет основополагающее значение для развития интеграции российского образования в мировое образовательное пространство. Реализация Концепции обеспечивается утверж-

дённой Постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2005 г. № 803 Федеральной целевой программой развития образования на 2006–2010 гг. и утверждённым Распоряжением Правительства РФ от 1 июля 2006 г. № 944-р Планом мероприятий по поддержке развития экспорта образовательных услуг на период до 2008 г.

В последние годы были приняты нормативно-правовые акты, определяющие порядок приёма иностранных граждан в вузы страны. На 2006 г. Россия заключила 75 межправительственных и 38 межведомственных договоров и соглашений с зарубежными государствами. В отношении совершенствования нормативно-правовой базы, обеспечивающей международное сотрудничество, исследователи выделяют следующие направления по выработке методических рекомендаций:

- открытие филиалов (представительств) российских вузов за рубежом и поддержание их деятельности;
- порядок финансово-экономического сопровождения образовательной деятельности за рубежом;
- деятельность зарубежных вузов и их филиалов на территории России [4, с. 7].

Главная задача формирования правовой основы, касающейся международной деятельности российских вузов, заключается в создании благоприятных условий для продвижения качественного российского образования в других странах и препятствие внедрению в России некачественного зарубежного образования.

Основной формой образования международных связей является расширение объёмов международной академической мобильности. В качестве главного механизма этого процесса выступает процедура признания зарубежных документов об образовании.

Существует ряд конвенций о признании дипломов о высшем образовании, разработанных ЮНЕСКО для разных регионов мира. Всего было принято шесть таких конвенций: для арабского,

африканского, азиатско-тихоокеанского, европейского, латиноамериканского и средиземноморского регионов мира. РФ принимает участие в двух региональных конвенциях: для государств Азии и Тихого океана (Бангкок, 1983 г.) и Европейского региона. Безусловно, ведущее значение для России имеет общеевропейская правовая база, поскольку во многих сферах – экономической, политической, культурной и пр. – страна позиционирует себя в качестве ориентированного на Европу государства. Особое место принадлежит в этом отношении Болонскому соглашению.

Кроме того, Россия является участником подписанной в Лиссабоне в 1997 г. «Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе». Конвенция и её поправки представляют собой практику механизмов академического и профессионального признания для максимально широкого спектра дипломов и квалификаций. Закон от 4 мая 2000 г. № 65-ФЗ ратифицировал Лиссабонскую конвенцию, и с 2001 г. наша страна является её полноправным участником. На практике уже отработаны и применяются процедуры признания документов об образовании, выданных в других странах.

По состоянию на 2006 г. Российская Федерация уже имеет 102 законодательных акта (двухсторонних и многосторонних соглашений, протоколов, меморандумов и др.) о взаимном признании документов об образовании с зарубежными странами.

Признание документов осуществляется государственными органами управления образования. Приказом Министерства образования № 15 от 9 января 1997 г. установлен порядок признания и установления эквивалентности документов иностранных государств об образовании. С 2004 г. признание и установление эквивалентности иностранных документов об образовании возложено на Рособрнадзор России.

Следующим значительным шагом, определяющим углубление международной интеграции российского образования, будет являться вступление России во Всемирную Торговую Организацию (ВТО). Это присоединение станет полномасштабным включением отечественного образования в формирование международного рынка образовательных услуг. Страны, ставшие членами ВТО, при регламентации функционирования системы образования руководствуются «Генеральным соглашением по торговле услугами» (GATS).

Согласно данному документу, создание глобального рынка образовательных услуг предполагает четыре типа участия:

1. Экспорт – предоставление трансграничного образования.

2. Передвижение потребителей – академическая мобильность.

3. Прямые иностранные инвестиции – коммерческое присутствие в форме учредительства или соучредительства.

4. Передвижение поставщиков услуг – открытие зарубежных кампусов, филиалов и представительств.

Для обозначения процессов и явлений, реально разворачивающихся в образовательном пространстве, введено понятие «интернационализация образования», под которым понимается «объективный процесс возрастающего взаимодействия и взаимного влияния систем образования различных стран мира в условиях глобальных трансформаций» [4, с. 19].

Интернационализация образования подразумевает значительный спектр форм и механизмов международного образовательного взаимодействия: мобильность студентов, исследователей и преподавателей; мобильность образовательных программ и институтов; интеграция в учебные программы международного измерения и развитие международных образовательных стандартов; институциональное партнерство во всех формах, включая создание стратегических образовательных альянсов.

Общепризнанными являются четыре стратегии интернационализации высшего профессионального образования.

Стратегия согласованного взаимодействия позволяет развивать сотрудничество, минимизируя конкуренцию между непосредственно взаимодействующими учреждениями. Она обусловлена стратегиями на долгосрочное развитие в целях достижения оптимальных политических, культурных и академических целей. Её основная форма осуществления – поддержка академической мобильности, стимулирование институционального партнерства в сфере высшего образования.

Стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы нацелена на привлечение иностранных студентов и специалистов к работе в принимающей стране. Данный подход реализуется через систему программ академических грантов, поддержанных инициативами со стороны государства по облегчению визового режима и иммиграционного законодательства.

Стратегия получения дохода позволяет получать доход от экспорта образовательных услуг двумя вышеописанными способами, но без опоры на государственную поддержку. Это предполагает обучение на платной основе с предоставлением стимулирующих льгот определенной категории студентов. Данный подход стимулирует становление предпринимательской культуры и конкуренции между учебными заведениями.

Стратегия расширения собственных возможностей предполагает получение высшего образования за рубежом или в национальных вузах и определяется широким географическим распространением. Она реализуется в форме программ поддержки зарубежной мобильности преподавателей, исследователей и студентов; предоставление иностранным институтам, программам и преподавателям благоприятных условий для образовательной деятельности в собственной

стране, поощрение партнёрских связей между национальными и зарубежными вузами. Анализ реальной образовательной практики показывает, что обозначенные стратегии не реализуются в чистом виде, а представляют собой скорее комбинации форм, средств и механизмов. Таким образом, проведенный в данной

работе анализ содержания процессов интеграции в высшем профессиональном образовании показал противоречивость происходящих процессов на уровне практики, теории и законодательной сферы. Их сложность приводит к взаимокоррелируемым усложнениям на всех уровнях.

Список литературы

1. Абракова Л. В. Интеграционные процессы в мировом высшем образовании : дис. ... канд. пед. наук. Рязань : Рязанский гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. 2008 с.
2. Альтбах Ф. Высшее образование и WTO : безумие глобализации // Альма-матер : вестник высшей школы. 2001. № 6. С. 39–42.
3. Захаров И. В., Ляхович В. С. Миссия университета в европейской культуре. М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1994. 240 с.
4. Модель интеграции российского образования в мировую образовательную систему. М. : РУДН, 2006. 46 с.
5. Население и глобализация / Н. М. Римашевская, В. Ф. Галецкий, А. А. Овсянников [и др.]. М., 2002. 322 с.
6. Нюдюрмагомедов А. Н. Интеграционные процессы в педагогическом образовании : дис. ... д-ра пед. наук. Ростов н/Д : Ростовский гос. пед. ун-т, 2003. 365 с.
7. Скотт П. Глобализация и университет // Альма-матер : вестник высшей школы. 2000. № 4. С. 3–8.

Рукопись поступила в редакцию 19.03.2011

А. В. Ковалёва
г. Горно-Алтайск, Россия

Распространённость нецензурной лексики у школьников

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение степени распространённости нецензурной лексики среди учащихся старших классов, определение отношения к использованию нецензурной лексики в различных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: нецензурная лексика, уровень информированности, степень распространённости, социальная реклама.

A. V. Kovaljova
Gorno-Altaiisk, Russia

The Prevalence of Uncensored Lexis among High School Students

The article shows the results of sociological research aimed to the investigation of the prevalence of uncensored lexis among high school students, the attitude of uncensored lexis usage in different situations.

Keywords: uncensored lexis, level of awareness, prevalence level, social advertisement.

Не секрет, что употребление нецензурной лексики является довольно распространённым явлением в нашей жизни, однако её использование в общественных местах не только оскорбляет присутствующих, но и, согласно российскому законодательству, является правонарушением. В целях изучения степени распространённости нецензурной лексики среди школьников г. Барнаула и определения отношения к ней было проведено социологическое исследование. Задачи исследования были сформулированы следующим образом:

- выявление представлений старшеклассников об основных составляющих жизненного успеха;
- выявление мнений старшеклассников по поводу приемлемости употребления нецензурной лексики в разных жизненных ситуациях;
- оценка частоты употребления нецензурной лексики в обиходной речи;
- определение уровня информированности старшеклассников по поводу административной и уголовной ответственности за использование нецензурной лексики.

В качестве метода сбора информации использован анкетный опрос, который проводился в школах пяти районов города Барнаула: Центральном, Железнодорожном, Индустриальном, Ленинском и Октябрьском). В каждом из указанных районов были отобраны по две средних общеобразовательных школы и по одной школе типа «гимназия» или «лицей». В каждом учебном заведении опрашивались учащиеся двух произвольно выбранных классов среди 10-х и 11-х (в выборке представлены 50 % десятиклассников и 50 % одиннадцатиклассников), всего в опросе приняли участие 557 школьников.

Основные блоки вопросов, содержащихся в анкете, направлены на:

- выявление отношения подростков и осмысление ими понятия нецензурной лексики, брани;
- оценку ими интенсивности, частоты употребления гражданами мата в общественных местах, в семье и т. д.;
- выяснение знания законодательства в данной области;

- выявление мнений подростков по поводу приемлемости, адекватности употребления мата в разных жизненных ситуациях;

- получение общих сведений о респонденте: пол, возраст, материальное положение и тип семьи и др.

Общая характеристика опрошенных

В опросе приняли участие 44 % мальчиков и 56 % девочек 10-х и 11-х классов школ г. Барнаула.

Типы семьи. Основная доля – старшеклассники, живущие в полных семьях (64 %); вторая группа – ребята из неполных семей, проживающих без отца (26 %). Оставшиеся 10 % – учащиеся, проживающие в неполных семьях без матери и без родителей (проживающие в детдомах, с опекунами или дальними родственниками).

Количество детей в семье. Согласно полученным данным, наши респонденты живут в семье с одним ребенком – 44 %; в семье с двумя детьми – 46%; в семье с тремя детьми – 6,5 % и в семье с количеством детей более 3 – 3,5 %. При этом 25,5 % респондентов являются старшими детьми в своей семье; 26,5 % – младшими по отношению к своим братьям и сестрам; 3,2 % – средними детьми в семье.

Оценки материального положения семьи характеризуются следующим образом: 50,2 % респондентов заявили, что относят свою семью к среднеобеспеченной (на покупку дорогих вещей приходится копить деньги); 37 % считают, что их семья живет достаточно обеспеченно и может покупать дорогие вещи (мебель, технику); 7,7 % утверждают, что живут очень обеспеченно, ни в чем себе не отказывая. Отнесли свою семью к малообеспеченным, а также к совсем бедным (когда денег не хватает на питание) 1,6 % и 1,2 % респондентов соответственно. Следует отметить, что при ответе на вопрос о материальном положении семьи зафиксирована небольшая доля отказов или разных форм уклонения от ответа.

Иерархия средств достижения жизненного успеха, по оценкам старшеклассников, складывается следующим образом:

1. Таланты, способности, природные задатки – 64 %.

2. Умение красиво и правильно говорить – 50,8 %.

3. Документы об образовании («корочки») – 50,3 %.

4. Начитанность, широкий кругозор – 46,3 %.

5. Связи, протекция влиятельных людей – 35,7 %.

6. Харизма – 31 %.

7. Законопослушность, умение следовать общественным правилам – 21,9 %.

8. Красивая внешность – 21,5 %.

9. Материальная поддержка со стороны семьи – 18,3 %.

10. Престижная одежда и аксессуары – 12,8 %.

Примечательно, что «знания» как средство достижения жизненного успеха отметили лишь 0,5 % опрошенных. Единичны такие мнения, как «целеустремленность», «интеллект», «свое личное мировоззрение».

Отношение старшеклассников к нецензурной лексике характеризуется следующим образом:

- Скорее плохо – 40 %

- Нормально отношусь – 36,3 %

- Терпеть не могу – 14,2 %

- Мне нравится, в этом что-то есть! – 3,4 %

- Скорее хорошо – 1,6 %.

Таким образом, негативное отношение к нецензурной лексике продемонстрировали чуть более половины опрошенных, что является тревожным фактом. Прозвучали такие высказывания, как: «без этого не получается», «в определенном месте, в определенное время выражаться можно», «не обращаю на неё внимания», «нельзя материться в присутствии девушек и детей», «мне вообще не важно, лишь бы человек дифференцировался, исходя из общества», «ненормативной лексикой можно сокра-

щать предложение одним словом», «употребляю каждый день», «хорошо выражает эмоции», «отношусь нормально, но сама не употребляю», «необходим, если собеседник иначе не может понять».

Анализируя различия в ответах по признаку «пол», отметим, что девочки гораздо чаще выражают резко негативное отношение и, наоборот, большее количество мальчиков не просто хорошо относятся к мату, но даже приветствуют его употребление:

	<i>Мужской</i>	<i>Женский</i>
Терпеть не могу	26,58 %	73,42 %
Скорее плохо	35,87 %	63,68 %
Нормально отношусь	53,96 %	46,04 %
Скорее хорошо	77,78 %	22,22 %
Мне нравится, в этом что-то есть!	68,42 %	31,58 %

Среди мужских ответов зафиксированы такие, как: «Нельзя материться в присутствии девушек и детей»; «Ненормативной лексикой можно заменить предложение одним словом»; «Употребляю каждый день»; «Мат хорошо выражает эмоции». Женские ответы более гибкие, компромиссные: «Отношусь нормально, но сама не употребляю»; «По настроению»; «Мат необходим, если собеседник иначе не может понять». Мальчики также чаще сетуют, что без мата не получается, но при этом главное, чтобы было подходящее время и место.

Согласно полученным данным, **наиболее часто нецензурную лексику респонденты слышат/видят:**

- На улицах города – 70,7 %
- В местах учебы/работы – 46,3 %
- В своем дворе – 35,4 %
- В Интернете – 30,3%;
- В собственном подъезде – 14,9 %
- По ТВ – 12,9 %
- В собственном доме – 8,6 %
- На эстраде – 5,8 %
- В газетах, журналах – 2,7 %
- В художественной литературе – 2,5 %
- Везде – 1,8 %
- По радио – 1,6 %.

Также говорят о том, что нецензурную лексику слышат от друзей, от любимого человека, в общественном транспорте, в чатах сотового телефона. Анализируя «источники» нецензурной лексики, отметим, что это, в первую очередь, места массовых скоплений населения и средства массовой информации.

По мнению опрошенных, **употребление мата – это:**

- Неконтролируемая привычка – 45 %
- Признак невежества – 27,1 %
- Русский менталитет – 13,5 %
- Свидетельство тяжелой жизни – 5,4 %
- Выражение протеста – 4,1 %.

Высказываются мнения о том, что употребление мата – это способ выражения мысли, эмоций, «возможность лучше выразиться, вредная привычка», «способ связи слов», «способ самовыражения и самоуверенности», «пытаются казаться крутыми, более взрослыми», «состояние души», «переизбыток негативных эмоций», «признак необразованности», «то, когда человеку нечего сказать», «вся семья пьёт и ругается матом», «деградация личности».

Вместе с тем, девочки больше склонны определять мат как невежество, привычку или свидетельство тяжёлой жизни, а мальчики склонны списывать употребление мата на менталитет:

	<i>Мужской</i>	<i>Женский</i>
Признак невежества	39,07 %	60,93 %
Неконтролируемая привычка	39,20 %	60,40 %
Свидетельство тяжёлой жизни (нервной, бедной, несчастливой и т. д.)	33,33 %	66,67 %
Русский менталитет	73,33 %	26,67 %

По мнению опрошенных, человек, употребляющий нецензурную лексику (мат), выглядит более взрослым, самостоятельным – 93,2 %; более эпатажным, креативным – 91,2 %; более смелым, вольным – 71,3 %; менее образованным – 71,6 %; менее воспитанным – 83,3 %.

Учащиеся демонстрируют следующий уровень знания того, что нецензурная брань в общественных местах является правонарушением:

- Да, это административное правонарушение – 47,6 %
- Нет, нецензурная брань правонарушением не является – 24,6 %
- Затрудняюсь ответить – 24,2 %
- Да, это уголовное правонарушение – 3 %.

Полученные данные свидетельствуют о том, что примерно половина опрошенных не знает, что использование нецензурной лексики в общественных местах является правонарушением.

Отметим, что за использование нецензурной брани в общественных местах в КоАП РФ предусмотрена административная ответственность. Согласно ч. 1 ст. 20.1 КоАП, «мелкое хулиганство, нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, влечет наложение административного штрафа в размере от 500 до 1 тыс. рублей или административный арест на срок до 15 суток».

Частота употребления нецензурной лексики в семье

- Редко, для этого должны быть очень веские причины – 53,9 %
- Время от времени, в особых ситуациях – 22,8 %
- Я никогда не слышал от членов своей семьи нецензурных слов – 17,8 %
- Постоянно, почти каждый день (жизнь такая!) – 5 %.

Таким образом, более половины опрошенных заявляют, что слышат нецензурную лексику в семье довольно редко.

В рамках исследования выявлялись ситуации, в которых приемлемо/неприемлемо употребление нецензурной лексики. Выделены те ситуации, в которых **использование нецензурной лексики, по мнению опрошенных, неприемлемо:**

Дома, только с самыми близкими людьми:

- Ни в коем случае – 73,4 %
- Иногда можно – 21,5 %
- Вполне нормально – 2,3 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 0,9 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 0,7 %.

В общении с младшими по возрасту:

- Ни в коем случае – 78,1 %
- Иногда можно – 12 %
- Вполне нормально – 4,5 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 1,8 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 2 %.

В общении со старшими по возрасту:

- Ни в коем случае – 82,6 %
- Иногда можно – 11,5 %
- Вполне нормально – 3,4 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 1,1 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 0,9 %.

В магазине:

- Ни в коем случае – 75,4 %
- Иногда можно – 16,5 %
- Вполне нормально – 3,8 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 1,4 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 2,3 %.

В общественном транспорте:

- Ни в коем случае – 71,3 %
- Иногда можно – 20,3 %
- Вполне нормально – 3,8 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 1,1 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 2,9 %.

Во дворе, в подъезде с соседями, знакомыми:

- Ни в коем случае – 62,8 %
- Иногда можно – 24,2 %
- Вполне нормально – 7,7 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 2,5 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 2,1%.

В повседневных разговорах для связки слов в предложении:

- Ни в коем случае – **60,9 %**
- Иногда можно – 25,8 %
- Вполне нормально – 6,1 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 3,4 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 3,4 %.

Ситуация меняется в сторону допустимости использования нецензурной лексики в том случае, когда «дома собралась компания друзей и приятелей»:

- Ни в коем случае – 21,5 %
- Иногда можно – **50 %**
- Вполне нормально – 19 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 4 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 3,4 %.

В общении с ровесниками:

- Ни в коем случае – 24,4 %
- Иногда можно – **45 %**
- Вполне нормально – 21,4 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 21,4 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 4,3 %.

В школе, на перемене:

- Ни в коем случае – 44,7 %
- Иногда можно – **35,4 %**
- Вполне нормально – 13,5 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 2,9 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 3,2 %.

На отдыхе с друзьями:

- Ни в коем случае – 28,6 %
- Иногда можно – **45,2 %**
- Вполне нормально – 13,5 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 5,2 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 6,3 %.

На улицах города:

- Ни в коем случае – 42,6 %
- Иногда можно – **39,3 %**
- Вполне нормально – 11,5 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 2,5 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 3 %.

В общении с любыми людьми, если ты их не уважаешь:

- Ни в коем случае – 46 %
- Иногда можно – **34,8 %**
- Вполне нормально – 10,6 %
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 3,6 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 4,7 %.

Считают обоснованным использование нецензурной лексики в конфликтной ситуации с целью оскорбить человека:

- Ни в коем случае – 23,9 %
- Иногда можно – 44,2 %
- Вполне нормально – **14,5 %**
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 5,4 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – **11,3 %**.

Рассказывая друзьям анекдот, смешную историю (для усиления шутливого эффекта):

- Ни в коем случае – 20,8 %
- Иногда можно – 42,4 %
- Вполне нормально – **16,3 %**
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – **11,5 %**
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – 8,6 %.

Для выражения сверхсильных эмоций, например, большого испуга, расстройства:

- Ни в коем случае – 21,7 %
- Иногда можно – 44,7 %
- Вполне нормально – **17,1 %**
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 6,6 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – **9,3 %**.

Во время спора (для убедительности):

- Ни в коем случае – 40,9 %
- Иногда можно – 37,7 %
- Вполне нормально – **12,4 %**
- Можно употреблять, это даже весело, интересно – 3,2 %
- Не просто можно, даже нужно, без него не обойтись – **5,2 %**.

Опираясь на полученные данные, можно разработать комплексную программу профилактики использования нецензурной лексики в общественных местах с применением средств социальной рекламы.

Рукопись поступила в редакцию 28.03.2011

А. В. Комарова
г. Санкт-Петербург, Россия

**Государственная гражданская служба:
наследие Р. Мертона в области функционального анализа**

В статье проведен анализ бюрократической организации, примером которой выступает государственная гражданская служба, с позиций функционального анализа в трактовке идей Р. Мертона. Уделено внимание положительным чертам (оперативность, работоспособность, действенность) и недостаткам бюрократических структур (формализм, конформизм).

Ключевые слова: государственная гражданская служба, бюрократическая организация, функциональный подход, конформизм, дисфункции.

A. V. Komarova
St. Petersburg, Russia

State Civil Service: the Heritage of R. Merton in the Field of the Functional Analysis

The analysis of the bureaucratic organization from the positions of the functional analysis of R. Merton ideas is made in the given article. The example of such organization is the state civil service. The attention is paid to positive lines (efficiency, working capacity, effectiveness) and to lacks of bureaucratic structures (formalism, conformism).

Keywords: state civil service, bureaucratic organization, functional approach, conformism, dysfunctions.

«Государственная гражданская служба» – понятие сложносоставное. Обратимся к анализу его составных частей. Под «службой» понимают вид общественной деятельности людей, работу, профессиональное занятие. Кроме того, служба – это долг, верность, готовность защищать общественный или групповой интерес. Таким образом, соотношение понятий «служба» и «государство» раскрывает содержание изучаемого понятия, которое означает служение государству, а в современной трактовке – процесс государственного управления.

При изучении государственной службы особый интерес представляет функциональный подход. В логике этого подхода государственная служба представляет собой структурно-фрагментированное образование, где каждый элемент имеет функциональное назначение. Под структурой в этом случае понимается совокуп-

ность элементов, связанных между собой отношениями зависимости или функциональными отношениями.

В российской социологии существует богатая традиция изучения творчества классика американской социологической мысли Роберта Мертона [1; 2; 3; 5].

Государственная гражданская служба относится к типу бюрократических организаций. Основатель функционального подхода Р. Мертон выделил несколько типов бюрократии: частное предпринимательство, государственные службы, политические механизмы, религиозные ордена.

«Формальная, рационально организованная социальная структура предполагает строго установленный образ деятельности, в котором (в идеальном случае) каждый ряд действий функционально связан с целями организации» [4, с. 323]. В таких формальных организациях су-

существует ряд должностей; социальные статусы, расположенные в иерархическом порядке; обязанности; права и привилегии; определяющие всё это правила. К примеру, для государственной гражданской службы такими правилами являются: устав, законы, регламенты и т. п. Каждая из подобных должностей «содержит сферу вменяемой компетенции и ответственности» [4, с. 323].

При этом право руководства (авторитет) является частью должности (происходит из признания статуса должностного лица), а не лица, исполняющего должностные обязанности. Соответственно, если это лицо покинет замещаемую должность, оно уже не будет иметь тот же статус, права, обязанности и привилегии, что и раньше. При уходе должность остаётся как таковая, а люди, занимающие её, меняются.

По замечанию Р. Мертон, в подобных организациях принятый способ поведения предполагает формальность и социальную дистанцию в отношениях между людьми, работающими в данной организации. Отсюда вытекает формальность в отношениях между государственными служащими. Р. Мертон называет это «социальным ритуалом», который обеспечивает поддержание порядка во взаимоотношениях между людьми, занимающими различные должности. В этих правилах существует положительный момент: поддержание дистанции и уважение занимаемых статусных позиций между людьми ведёт к ограничению личных контактов, к уменьшению конфликтов. Следовательно, возникает возможность предсказать поведение других участников организации, или образуется «стабильный ряд взаимных ожиданий» [4, с. 323].

Подобная формализация в отношениях помогает в работе, несмотря на то, что между сотрудниками могут быть негативные отношения. Тем самым «... подчинённый защищён от произвольных действий своего начальника, поскольку взаимно признанный ряд правил сдерживает поступки каждого» [4, с. 324].

Р. Мертон считает, что бюрократия является идеальным примером формальной организации. Для выполнения какого-либо вида деятельности необходимо распределение обязанностей между людьми, которые занимают ту или иную должность. Как же происходит назначение на должность? Р. Мертон считает, что есть два пути: либо через объективную процедуру установления квалификации, либо в соответствии со способностями, то есть посредством экзамена.

Подобная практика существует в современной России. Претенденты на должность обязаны иметь документы, подтверждающие их образование по специальности или сдать квалификационный экзамен. Правда, есть и ещё один путь: назначение на должность производится руководителем, который согласно своему статусу имеет на это право.

Р. Мертон отмечает наличие стабильного положения у лиц, замещающих должности в бюрократических организациях. Как правило, они пребывают там довольно долгое время. Бюрократия стремится обезопасить своих служащих от страха остаться без работы. Служащим гарантируется стабильное пребывание в должности, достойная пенсия, различные премии и денежные пособия, возрастающий денежный оклад, продвижение по службе. Всё это помогает мотивировать работников к добросовестному исполнению служебных обязанностей, согласно сформированным правилам, инструкциям, регламентам. «Именно бюрократическая структура обращается к полной ликвидации личных взаимоотношений и нерациональных соображений (враждебности, страха)», – считает Р. Мертон [4, с. 325].

Инструменты и оборудование, необходимое для работы (средства производства), в современном мире всё в большей степени переходят в распоряжение бюрократических структур: частных или государственных. Поэтому, чтобы зарабатывать на жизнь, человек вынужден наниматься в подобную организацию.

Этим объясняется неуклонный рост численности работников бюрократических структур, что мы можем наблюдать в современной России. С подобным положением дел связана проводимая в стране реформа государственной службы, целью которой является сокращение численности государственных служащих и устранение дублирования выполняемых ими функций. Характерная черта бюрократии – избегание публичного обсуждения своих методов, технологий работы.

Проанализировав позитивные достижения бюрократической организации, Р. Мертон переходит к анализу её недостатков. Он обращает внимание на то, что в общественном сознании «мерзкий гибрид, бюрократ – стал эпитетом, бранным словом» [4, с. 326]. Р. Мертон полагает, что бюрократическая структура оказывает на человека определённое давление, стремясь к тому, чтобы он был дисциплинированным (то есть имел надёжность реакции); исполнительным; предусмотрительным.

Таким образом, дисциплина, призванная изначально служить выполнению целей организации, превращается в самоцель, становится ценностью для человека. Это обеспечивает его конформизм, по отношению к правилам организации. Бюрократ начинает стремиться «... с настойчивостью, не вызывающей сомнений, к педантичному исполнению правил и к формализованным процедурам» [4, с. 329]. Такое поведение может вначале приносить пользу, однако затем оно приводит к нежеланию чиновников быть гибкими и принимать самостоятельные решения. Возникает служебная нетерпимость, волокита. В итоге бюрократ возводит правило, которое уже давно перестало способствовать целям организации, в ранг непререкаемого, а значит, он не способен его перейти и не способен помочь своим клиентам. (Р. Мертон называет людей, пользующихся услугами бюрократических организаций, клиентами. Он описывает структурные источ-

ники такого поведения, называемого им «сверхконформизм». Они же являются источниками дисфункций (нежелательных последствий) в работе бюрократии). Возможно, это и есть те механизмы, посредством которых осуществляются функции и которые пришли в негодность и уже не дают хороших результатов.

Почему же чиновник стремится следовать установленным правилам? Р. Мертон находит ответ на этот вопрос в структуре бюрократической организации и выгодах, которые она даёт своим служащим. Чиновники, понимая положительные стороны, которые даёт им организация, стремятся сохранить своё место и поэтому усердно выполняют предписания. Как следствие проявляется робость, консерватизм, формализм.

Как отмечает Р. Мертон, среди чиновников «конкуренция относительно невелика, поскольку продвижение по службе зависит от старшинства» [4, с. 330]. Однако такое положение дел порождает следствия: бюрократы стремятся защищать существующее положение дел; они пекутся, в первую очередь, о своих интересах и лишь потом о клиентах или вышших должностных лицах.

Другая проблема, которую отмечает Р. Мертон, связана с «нормой обезличенности». «Как эта норма, так и тенденция “разбивать идею по категориям”, которая развивается из доминантной роли общих, абстрактных правил, становится причиной конфликта в контактах бюрократа с обществом или заказчиками» [4, с. 332]. Это происходит потому, что чиновники сводят на нет личные отношения, раскладывают, сортируют частные проблемы по общим категориям и игнорируют исключительные детали какого-либо случая. Поведение чиновника обижает клиента, который уверен в особенности своей проблемы и требует к ней индивидуального подхода. Бюрократа обвиняют в надменности, высокомерии, чёрствости. Протест клиента или попытка его обращения к другому чиновнику не одобряется в

сфере бюрократов. Действует дух корпоративной солидарности. В отличие от дел с частной компанией клиент не имеет возможности выбора, так как большинство государственных услуг производится именно бюрократией. Возникает диссонанс между представлением клиента о чиновнике как «слуге народа» и властными полномочиями, надменностью, которую демонстрирует последний.

Другая причина конфликта между чиновником и клиентом возникает как раз из-за отсутствия формализованных, обезличенных отношений там, где они необходимы. По словам Р. Мертон, «замена безличного рассмотрения на личное внутри структуры сталкивается с широко распространённым неодобрением и характеризуется такими эпитетами, как взяточничество, фаворитизм, семейственность и т. п.» [4, с. 335].

Суть неодобрительной реакции на замену безличных отношений лично окрашенными Р. Мертон объясняет латентной функцией сохранения бюрократии. Поскольку бюрократия организована как «вторичная групповая структура», замена безличных отношений на личные, то есть создание первичной группы, разрушает бюрократическую структуру.

Таким образом, проблема изучения государственной службы всегда вызывала интерес у классиков социологической мысли. Р. Мертон, исследуя природу бюрократии, признавал функциональность чиновничества, которая выражалась в дисциплине, точности, надёжности. В то же время чиновничеству присущи и дисфункциональные характеристики – сверхконформизм, фаворитизм, взяточничество, формализм.

Список литературы

1. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. СПб. : Радуга, 1996. 526 с.
2. История социологии / отв. ред. Г. В. Осипов, В. П. Култыгин М. : Норма, 2009. 1104 с.
3. Зарубин В. Г., Мартыянова Н. А. Концепция структурного функционализма Роберта К. Мертона. СПб. : Легион, 2010. 157 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. 873 с.
5. XX век. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса. История теоретической социологии / под ред. Ю. Н. Давыдова. М. : Академический проект, 2010. 308 с.

Рукопись поступила в редакцию 10.04.2011

Е. Л. Луценко
г. Биробиджан, Россия

Роль и место молодёжи в социальной структуре Еврейской автономной области

В статье рассмотрено представление о социологии молодёжи как комплексной научной проблеме, её концептуальных особенностях, понятиях и категориях; о молодёжи как объекте и субъекте социальных преобразований в Еврейской автономной области; о молодёжной политике автономии; о формировании политической культуры и гражданской позиции молодого человека как непосредственных атрибутов социально активной личности.

Ключевые слова: молодёжь, социализация, ценности, право, образование, трудовой потенциал.

Ye. L. Lutzenko
Birobidzhan, Russia

The Role and the Place of the Youth in the Social Structure of the Jewish Autonomous Region

The article covers the ideas of youth sociology as a complex scientific problem, its conceptual features, concepts and categories. The author considers the youth as an object and a subject of social transformations in the Jewish autonomous region, the youth policy of the autonomy, the formation of political culture and a civic stand of a young man as direct attributes of a socially active person.

Keywords: youth, socialization, values, the right, formation, labour potential.

В целом, роль молодёжи в обществе обусловлена следующими объективными обстоятельствами.

1. Молодёжь, являясь достаточно большой социально-демографической группой, занимает важное место в народно-хозяйственном производстве, как единственный источник пополнения трудовых ресурсов.

2. Молодёжь – основной носитель интеллектуального потенциала общества. Она обладает большими способностями к труду, к творчеству во всех сферах жизни.

3. Молодёжь имеет достаточно большую социальную и профессиональную перспективу. Она способна быстрее других социальных групп общества овладеть новыми знаниями, профессиями и специальностями.

Обозначенные обстоятельства можно подтвердить фактическими и статистическими данными.

К началу 1990 г. в бывшем СССР насчитывалось 62 млн чел. в возрасте до 30 лет. При этом каждый четвёртый житель города и каждый пятый села были молодыми людьми. Всего граждане в возрасте до 30 лет составляли 43 % трудоспособного населения [5, с. 32].

Доля молодёжи в возрасте 16–30 лет в бывшем СССР на 1990 г. составляла 22 % всего населения. За последние десять лет произошло сокращение населения молодого возраста на территории бывшего СССР на 4,8 млн чел., доля молодёжи в 1989–1999 гг. уменьшилась с 22 до 20 %.

По данным 1986 г., всего в народном хозяйстве бывшего СССР было занято около 40 млн юношей и девушек. При

этом в отдельных отраслях более половины работающих составляла молодежь. Например, в промышленности и строительстве 54 % работающих были в возрасте до 30 лет, в сельском хозяйстве – 44, в машиностроении – 40, в легкой промышленности – более 50 % [14; 5].

Показательным аргументом влияния молодежи на преумножение национальных богатств страны является её доля в совокупном общественном продукте. Так, прирост общественного производства в бывшем СССР (от общих объёмов) обеспечивался молодежью в седьмой пятилетке на 30 %, в восьмой на 57, в девятой и десятой на 90 %. И сегодня, и в будущем рост промышленного производства также зависит, прежде всего, от того, как в него вовлекаются новые молодые работники.

Конечно, однозначно рассматривать приведённые данные нельзя. Скорее, можно вести речь об определенной эксплуатации молодежи обществом, использовании её потенциальных возможностей.

Роль молодежи как субъекта и объекта в историческом процессе развития общества весьма специфична. С точки зрения механизма социализации молодежи, вначале молодой человек, вступая в жизнь, является объектом воздействия социальных условий, семьи, друзей, институтов обучения и образования, а затем в процессе взросления и перехода от детства к юношеству учится и начинает сам творить мир, т. е. становится субъектом всех социально-экономических, политических и общественных преобразований.

Понятно, что проблема молодежи имеет глобальный, общечеловеческий характер и потому находится в центре внимания всех стран и крупнейших организаций мира. По линии ЮНЕСКО, например, только с 1979 по 1989 гг. было принято более 100 документов, касающихся проблем молодежи. В большинстве из них подчеркнуто, что молодые люди сами, своим трудом должны реализовать свои цели. Молодежь должна быть в пос-

тоянном поиске, дерзать, строить свою судьбу. Естественно, это присуще только демократическим обществам, странам с высоким уровнем экономического и социального развития.

Вместе с тем, на сороковой сессии Генеральной Ассамблеи ООН при обсуждении проблем молодежи было обращено внимание и на то, что «молодые люди играют двоякую, на первый взгляд противоречивую, роль: с одной стороны, они активно способствуют процессу социальных изменений, а с другой – оказываются его жертвами» [11; 4]. При этом на сессии указывалось, что в 80-х гг. основными проблемами, оказывавшими воздействие на молодых людей во всём мире, были проблемы развития, семейной жизни, трудовой деятельности и культуры.

В прошлом молодежь рассматривалась как объект воздействия, воспроизводства не только новых поколений, но и заранее заданных ей идей и установок. Г. Черный объясняет суть новых требований и подходов к молодежи переходом от преимущественно директивно-командной системы политического руководства молодежью к преимущественно демократичной, массовой молодежной политике, предполагающей «обратную связь» и контроль «снизу», учитывающий плюрализм интересов, позиций и мнений в молодежной среде и широкий спектр социально-политической динамики различных молодежных объединений [6, с. 123].

Действительно, сегодня молодежь не может быть ориентирована исключительно на выполнение общегосударственных дел, связанных с решением плановых заданий; она должна получить возможность решать и свои, молодежные проблемы. Интересы молодежи, её реальные, насущные проблемы – органическая часть всех социальных задач общества. Здесь уместно напомнить интересное высказывание известного психолога И. С. Кона о том, что в XX в. темпы смены новой техники стали опережать темпы смены новых поколений. Такая особенность науч-

но-технической революции существенно отразилась на психике и психологии молодежи, ярче выявила её неприспособленность к жизни. С этой проблемой молодежи мы вступим и в XXI век.

Наряду с утратой старшими поколениями права на выполнение традиционной обучающе-воспитательной функции обострилась проблема самостоятельности молодежи, её подготовки к жизни, к осознанным действиям.

Молодёжь сегодня, с одной стороны, всё больше ощущает себя особой группой общества в пределах некой «молодежной культуры», а с другой – всё больше страдает от неразрешимости многих своих специфических проблем. При этом наиболее серьезным фактором, деформирующим психику молодых людей, является отсутствие определённого доверия к ним. Юноши и девушки крайне мало привлекаются к решению и реализации самых разных проблем жизни современного общества. Более того, они даже не включаются на равных в обсуждение разнообразных вопросов, которые беспокоят всех граждан.

Анализ данных, приведенных в работе, основывается на результатах проведённого весной – летом 2009 г. исследования, посвящённого изучению социально-экономического положения молодежи ЕАО.

Вид исследования – описательный, так как объектом исследования являлась большая общность людей, отличающихся разнообразными характеристиками. Опрошенные – это студенты, служащие, безработные, домохозяйки; лица, состоящие и не состоящие в браке; проживающие как в городе, так и в районах Еврейской автономной области.

Подвид исследования – точечное, так как собрана информация об объекте в момент его изучения.

Разновидность опроса – очное анкетирование.

Вид опроса – массовый.

Выборочная совокупность исследования составила 500 человек (по 100 рес-

пондентов с каждого района), проживающих на территории Еврейской автономной области. Обработка полученных результатов осуществлялась с использованием специального пакета прикладных программ SPSS 11.0, являющегося международным стандартом обработки социологической информации. Графическое и текстовое представление данных осуществлено с помощью программных пакетов Microsoft Excel 2003 и Microsoft Word 2003.

Объектом эмпирического исследования являлась категория населения в возрастном диапазоне 18–30 лет.

По результатам исследования, семья и семейная жизнь занимают одно из ведущих мест в рейтинге ценностей молодежи, уступая по значимости одно из ведущих мест лишь здоровью и материальному благополучию.

Глубже оценить роль успешного брака в ценностных установках молодого поколения позволили заданные в анкете вопросы. В результате большинство респондентов связывают успешность брака с сексуальной гармонией (89,9 %); второе место среди предложенных ценностей они отдают согласию и ладу в семье (80,0 %); взаимная любовь, взаимопонимание (68,9 %) – третье место среди представленных ценностей, связанных с образом успешного брака.

Достаточно интересной, на наш взгляд, представляется картина семейного положения молодых людей. Каждый шестой опрошенный, не состоящий в браке, не собирается в него вступать и в будущем. Практически половина (49 %) респондентов 18–20 лет – холостяки; 30 % – состоят в гражданском браке; 17 % опрошенных состоят в зарегистрированном браке; 2 % – в разводе; 2 % – собираются расписаться в ближайшее время. Не многим отличаются респонденты, возраст которых 21–25 лет. Здесь тенденция направлена на увеличение численности гражданских браков (42 %); 24 % состоят в законных отношениях; 20 % – холостяки;

8 % состоят в разводе и 6 % опрошенных респондентов собираются узаконить свои отношения. Третья возрастная группа – молодёжь 26–30 лет. 36 % молодых людей и девушек отметили, что они состоят в законном браке; 12 % – в разводе; 4 % – холостяки; в гражданском браке состоят 48 % респондентов.

Таблица 1

**Основные жизненные ценности
молодого поколения
(в процентах от числа опрошенных)**

<i>Ценности молодёжи</i>	<i>18–20</i>	<i>21–25</i>	<i>26–30</i>
Хорошая семья	58,8	60,0	62,4
Здоровье	70,0	72,0	69,0
Хорошие товарищи	38,4	23,0	20,0
Друзья	53,6	46,4	36,8
Жизненный успех	32,8	34,4	40,0
Интересная работа	30,0	30,0	42,4
Высокое материальное положение	66,6	68,6	67,0
Свобода и независимость	49,9	15,4	54,0
Дети	43,4	58,0	58,9
Успехи в бизнесе	25,0	18,0	10,8
Желание приносить пользу людям	15,0	10,5	18,0
Личная безопасность	27,0	32,0	21,0
Почёт и уважение	9,0	18,9	25,0
Содержательный досуг	15,4	21,0	30,0

Современная молодёжь откладывает создание семьи на более поздний срок, что совпадает с общероссийскими тенденциями: сокращение общего числа браков, увеличение среднего возраста вступления в брак.

Так, по результатам исследования среди 20-летней молодежи, состоящей в браке, детей имеют только 6 %; среди 25-летней – около 32 %; среди 30-летней – порядка 70 %.

Кризисная ситуация в стране привела к усилению экономической зависимости детей от родителей. По данным социологического опроса, до 40 % молодых супругов считают нормальным явлением

оказание родителями помощи молодым; 50 % полагают, что их условия жизни в первую очередь зависят от них самих.

Значительная часть молодых людей (34,2 % опрошенных) получает денежную помощь от родных для поддержки своего существования, а 3,8 % молодых полностью содержат родственники. Имеют собственное жильё 47,9 % городских семей и 39,4 % сельских, а 30,4 % в городе и 35,8 % в селе проживают в жилищах, принадлежащих родственникам. Даже сравнительно высокие доходы не гарантируют приобретения собственного жилья. Лишь 19,2 % опрошенных рассчитывают приобрести жильё в ближайшем будущем.

Анализ структуры доходов и расходов молодёжи свидетельствует об усилении противоречия между естественным стремлением молодых людей к экономической самостоятельности и возрастанием её материальной зависимости от родителей. Фактически государство переложило заботу о молодёжи на плечи родителей, лишив большинство молодых людей собственного устойчивого материального положения. Материальной поддержкой родителей пользуется 80 % молодых людей в возрасте 18–29 лет, независимо от того, проживают молодые вместе с родителями или отдельно, имеют собственную семью или нет, работают или учатся.

Важным показателем материального положения являются жилищные условия. Сегодня жилищная проблема является актуальной для большинства молодых людей. Трудное жилищное положение оказывает отрицательное влияние на репродуктивное поведение молодой семьи, поскольку основная доля рождений приходится на первые брачные годы. Неудовлетворительное жилищное положение увеличивает количество разводов среди молодых семей. Здесь, впрочем, молодые не исключение. Собственно, жилищная проблема является актуальной для всего российского общества.

В рамках данного социологического исследования нами был проведён опрос молодого населения Еврейской автономной области с целью выяснения их репродуктивных намерений. Опрос был проведён на основе репрезентативной выборочной совокупности как для городского, так и для сельского населения ЕАО и контролировался по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта, где проживают респонденты.

В качестве основных показателей, характеризующих репродуктивные намерения, обычно рассматривается «идеальное», «желаемое» и «ожидаемое» число детей.

«Идеальное» число детей – это представление индивида о наилучшем числе детей в семье вообще, без учёта конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений. Ответы респондентов на вопрос об идеальном числе детей дают возможность говорить скорее всего об их представлении о социальной норме детности. Хотя в целом такие нормы обладают довольно большой устойчивостью, недавний опыт России показал, что и они подвержены резким колебаниям, когда население испытывает стресс и дискомфорт вследствие социально-экономических потрясений.

В среднем по совокупности опрошенных в ЕАО «идеальное» число детей на июль 2009 г. составило 2,14, в том числе у мужчин этот показатель оказался несколько выше, чем у женщин, – соответственно 2,14 и 2,10.

«Желаемое» число детей – это то их число, которое индивид предпочел бы иметь в своей семье, исходя из собственных склонностей, без учёта конкретных обстоятельств жизни и индивидуальной биографии. Этот показатель даёт более конкретную характеристику репродуктивных предпочтений респондентов. В данном опросе этот показатель оказался ниже, чем «идеальное» число детей, и составил в среднем по всей совокупности опрошенных 2,08, у женщин 2,10, у мужчин 2,05.

Данный факт, возможно, связан с массовым распространением однодетной семьи и, соответственно, с очень высокой долей первенцев в общем числе родившихся. Если доля первых рождений в Еврейской автономной области – одна из высоких, то доли вторых и третьих рождений, напротив, давно уже одни из низких среди молодого поколения.

Это общее стихийное движение указывает на то, что на изменения в условиях жизни, получения образования, труда, быта, здоровья и т. п. молодёжь откликается поисками того участка их жизненного пути, который в новых условиях наиболее удобен для рождения и воспитания детей. Вначале отказ от рождения детей более высоких очередностей естественным образом вёл к омоложению рождаемости, но затем, когда малодетность получила всеобщее распространение, родители, по-видимому, стали осознавать, что для того, чтобы родить и вырастить одного, двоих или троих детей, уже нет необходимости начинать рожать детей в молодом возрасте, как это было принято прежде. Рост числа нерегистрируемых браков и, соответственно, внебрачных рождений – тенденция, которая ассоциируется с так называемым «вторым демографическим переходом». Частично она отражает отсутствие фактических браков, частично – лишь отказ от их регистрации. Нельзя утверждать, что эта тенденция, равно как и её демографические и социальные последствия, хорошо изучены и до конца поняты. Но то, что её нельзя считать особенностью автономии или вообще каких-либо отдельных регионов Российской Федерации, не вызывает сомнения, она имеет универсальный характер.

«Ожидаемое» число детей – третий наиболее конкретный показатель, характеризующий репродуктивные намерения молодёжи. «Ожидаемое» число детей – это число детей, которое респондент «планирует» иметь в своей семье к концу репродуктивного периода. Хотя в реальной

жизни «ожидаемое» число детей не всегда совпадает с фактическим; рождаемость тем не менее в значительной степени определяется репродуктивными планами семьи и личности, которые являются, по мнению многих ученых, довольно устойчивыми на протяжении репродуктивного периода жизни. Данный показатель составил 1,94 в целом для опрашиваемой совокупности, в том числе для мужчин – 1,94, для женщин – 1,90.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что в настоящее время существует более или менее благоприятная динамика «идеального» и «желаемого» числа детей и то, что напряжение и страх, которые испытывало население в первые годы реформ, постепенно уступает место (по крайней мере у людей молодого возраста) адаптации к существующим экономическим и социальным условиям. Но падение «ожидаемого» числа детей всё же настораживает. Правда, надо учитывать, что данный опрос проводился во время финансового кризиса, и население ещё не оправилось от полученных ударов.

Репродуктивные намерения людей изменяются при переходе от одного поколения к другому. Казалось бы, «идеальное» и «желаемое» число детей должно коррелировать с возрастом. Однако опрос показал меньшие различия во мнениях респондентов разных возрастных групп об «идеальном» и «желаемом» числе детей в семье. Социальная норма детности, оставаясь низкой для всего населения, имеет тенденцию к сближению у всех возрастных групп. Существующие различия не позволяют говорить о выраженной тенденции изменения показателей с возрастом.

«Желаемое» число детей в некоторых возрастных группах ниже «идеального», но в некоторых группах (21–25 лет) соотношение обратное, так что и здесь чёткой закономерности не прослеживается. Если бы желаемое число детей во всех возрастных группах респондентов было таким

же, как у 21–25-летних, и если бы эти желания реализовались, то можно было бы рассчитывать на простое воспроизводство населения в ЕАО.

Но такому прогнозу, видимо, не суждено сбыться, так как «ожидаемое» число детей даже в самом активном репродуктивном возрасте не достигает двух: в возрасте 20–24 года – 1,84 и в возрасте 25–29 лет – 1,77.

Необходимо отметить также, что «идеальное» и «желаемое» число детей у семейных молодых людей (2,20 и 2,19) незначительно превышало эти же показатели среди других групп населения. Наиболее существенные различия отмечены по показателю «ожидаемое число детей»: самое высокое (1,46) среди холостых (неженатых), оно почти в 1,5 раза выше, чем у женатых и замужних, и в два раза выше, чем у разведённых. В группе разведённых отмечаются существенные различия между мнениями молодых мужчин и женщин по поводу «желаемого» и «ожидаемого» числа детей в семье: разведённые женщины склонны иметь больше детей, чем разведённые мужчины. «Ожидаемое» число детей у разведённых молодых женщин (0,82) на треть ниже фактического показателя суммарной рождаемости в целом по области (1,17 рождений на одну женщину). В то же время в целом у всех опрошенных молодых женщин «ожидаемое» число детей выше, чем у мужчин.

Одна из важных демографических характеристик, влияющих на дифференциацию представлений респондентов о репродуктивном поведении, наличие детей и их число. По данным июльско-го опроса 1998 г. (накануне финансового кризиса), зависимость между репродуктивными установками, наличием детей и их числом такова: чем меньше детей у респондентов, тем ниже показатели «идеального», «желаемого» и «ожидаемого» числа детей. Почти 52 % респондентов считают, что в «идеальной» семье должно быть двое детей. Респонденты, у которых в семье двое детей, в качестве «иде-

ального» и «ожидаемого» числа назвали более двух детей (2,26). Другая группа, на которую приходится 19,3 % от числа опрошенных, это те, кто имеет в своей семье троих детей. У них «идеальное» число детей составляет 2,53, «желаемое» – 2,69 и «ожидаемое» – 2,03. Эта группа респондентов в основном реализовала свои планы, но среди них есть и такие, которые, имея троих детей, хотели бы ещё иметь одного-двух.

Ответы респондентов на вопросы об «идеальном», «желаемом» и «ожидаемом» числе детей заметно зависят от уровня образования.

Наивысшие показатели – у респондентов с высшим образованием. Но при этом различия между имеющими высшее и среднее образование не очень велики, а вот респонденты с образованием ниже среднего заметно отличаются и от тех, и от других. При практически таком же, что и у лиц с высшим образованием, «идеальном» числе детей, «ожидаемое» число у них чуть не вдвое (на 46 %) меньше.

По итогам опроса, «идеальное», «желаемое» и «ожидаемое» число детей у молодых мужчин и женщин, имеющих один и тот же уровень образования, различаются не очень сильно. По «идеальному» числу детей различие особенно заметно в группе среднего образования (у молодых женщин оно на 0,07 ребёнка меньше). По «желаемому» числу детей, напротив, в этой группе гендерные различия невелики, а вот женщины с высшим образованием (23–30 лет) отстают от мужчин на те же 0,07 ребёнка. Зато у женщин с образованием ниже среднего «желаемое» число детей на 0,34 ребёнка выше, чем у мужчин. «Ожидаемое» число у респондентов-женщин с высшим и особенно средним образованием заметно ниже, чем у мужчин. Возможно, это связано с тем, что, когда доходит до дела, образованные женщины более реалистично, чем мужчины, представляют проблемы, связанные с появлением ребёнка в семье и часто не хотят жертвовать деловой карьерой. Оп-

ределённую роль в репродуктивном поведении играют ценности, которых придерживаются представители отдельных религиозных конфессий. Респонденты, исповедующие ислам и другие виды религий, кроме православия, имеют более высокие репродуктивные установки по сравнению с респондентами православного вероисповедания или неверующими.

Как замечено исследователями, ценностные ориентации влияют на репродуктивные установки в большей степени, чем другие факторы. Тем не менее, в каждый конкретный момент существенное воздействие на установки детности оказывают и условия жизни населения. Это воздействие происходит не прямо, а через субъективную оценку материальных условий жизни молодой семьи.

«Желаемое» и «ожидаемое» число детей имеет тесную корреляцию с самооценкой материальных условий. «Желаемое» число наиболее высоко у тех молодых людей, кто оценивает материальные условия своей семьи как очень хорошие (3,05) и хорошие (2,11). Но особенно существенны различия в «ожидаемом» числе детей: респонденты, оценивающие материальное положение как очень хорошее, ожидают не более двух детей (2,25), а те, кто считает свое материальное положение хорошим, – 1,18. У тех, кто считает, что семья живет в очень плохих условиях, этот показатель в 3 раза ниже и составляет менее одного ребёнка (0,76). К сожалению, среди опрошенных доля тех, кто оценивает своё материальное положение как хорошее или очень хорошее, крайне невелика.

Интересно отметить, что респонденты, оценивающие материальные условия своей семьи как очень плохие и называющие низкое «ожидаемое» число детей, имеют довольно высокие показатели «идеального» и особенно «желаемого» числа детей.

Проведённый опрос показал, что среди молодёжи области восстанавливается территориальная дифференциация репродуктивных установок, существовавшая до

начала переходного периода. Так, восстановлена тенденция в отношении показателя «идеальное» число детей: нарастание показателя идёт от города Биробиджана к районам области, наивысший уровень зафиксирован в сельской местности.

В социологическом исследовании показатели «идеального», «желаемого» и «ожидаемого» числа детей, среди молодых людей (состоящих в законном и гражданском браке), возрастали от центра области к сельским населённым пунктам. «Желаемое» число детей наиболее высоко среди респондентов, проживающих в сельской местности, затем следуют жители двух городов нашей области (Облучье и Биробиджан).

Результаты данного исследования демонстрируют ярко выраженную ориентацию молодёжи на малодетность.

Таким образом, современная молодая семья – это достаточно сложное явление, чаще – это гражданский брак. Объяснения этому могут быть различные. Так, в молодёжной среде наблюдается приоритет установки на формирование себя как

специалиста, где ведущим мотивом служит получение профессионального образования, создание социальной и экономической основы дальнейшей жизни, а затем – создание собственной семьи. С другой стороны, молодёжный возраст – это самый благоприятный как для репродуктивной, так и для сексуальной функции этап жизнедеятельности.

В процессе подготовки данной статьи я руководствовалась тем, что сегодня важно, прежде всего, попытаться очертить основные проблемные вопросы, определить особенности, черты и качества молодого человека как личности, формирование и совершенствование которых представляется наиболее существенным в современных условиях.

При всей общности особенностей молодёжи все же есть и некоторые частные. Они заслуживают внимания и относятся к таким сферам жизнедеятельности, как образование, труд, общественно полезная деятельность и др., являющиеся решающими факторами в становлении личности.

Список литературы

1. Бабинцев В. П., Бояринова И. В., Реутов Е. В. Проблема социального аутсайдерства молодёжи региона // Регионоведение. 2008. № 2. С. 240–251.
2. Багашев А. Духовно-нравственное воспитание молодёжи // Воспитание школьников. 2008. № 9. С. 10–13.
3. Белоусов О. А., Жеребин В. М. Многоаспектная классификация российских молодёжных семей // Вопросы статистики. 2007. № 5. С. 39–48.
4. Бурцев В. Молодёжная политика – идеология и принципы осуществления // Человек и труд. 2007. № 1. С. 22–24.
5. Быков А. К. Проблемы патриотического воспитания // Педагогика. 2006. № 2. С. 37–42.
6. Жизненные пути одного поколения / под ред. М. Х. Титмы, Л. А. Коклягиной, В. В. Семёновой. М.: Наука, 1992. 345 с.
7. Запесоцкий А. С. Дети эпохи перемен: их ценности и выбор // Социс. 2006. № 12. С. 98–104.
8. Переверзев М. П. Менеджмент в молодёжной политике. М., 2007. 236 с.
9. Переверзев М. П. Экономические основы работы с молодёжью. М., 2008. 208 с.
10. Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Социология образования: прикладной аспект. М.: Юрист, 1997.
11. Эриксон Э. Х. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. 341 с.
12. Ярыгина Т. Молодёжь в России. М., 1997. 32 с.
13. Adolescence in Context: The Interplay of Family, School, Peers, and Work in Adjustment. Ed. by R. Silbereisen, and E. Todt. N.-Y.: Springer-Verlag Inc., 1994.
14. Coleman J. S. and T. Hoffer. Public and Private High Schools: Impact on Communities. N.-Y.: Basic Books, 1987.
15. Coleman J., T. Hoffer and S. Kilgore. High School Achievement: Public, Catholic, Private Schools Compared. N.-Y.: Basic Books, 1982.

Рукопись поступила в редакцию 05.04.2011

А. Н. Лучников
г. Горно-Алтайск, Россия

**Студенческая профсоюзная организация
как важная часть системы студенческого самоуправления**

В статье профсоюзная организация студентов рассматривается в роли свободного пространства для удовлетворения социальных потребностей студентов. Занимая серьезное место в системе молодежной политики, профсоюзные организации не только верны идеям и традициям, но и постоянно стремятся к развитию и инновациям, выступая фактором развития социальной компетентности студенческой молодежи.

Ключевые слова: студенческое самоуправление, профсоюзная организация, профсоюзная организация студентов и аспирантов Горно-Алтайского государственного университета, социальная компетентность.

A. N. Luchnikov
Gorno-Altaiisk, Russia

**Students Trade Union Organization as an Important Part
of a Student Self-administration System**

In the given article the Students Trade-Union Organization is regarded as a free space for satisfaction of students' social needs. Taking a serious place in the system of youth policy, trade-union organizations are not only devoted to ideas and traditions, but they are also constantly moving to development and innovations, acting as the factor of development of social competence of the student youth.

Key words: student self-government, trade union organization, trade union organization of students and post-graduate students of Gorno-Altaiisk State University, social competence.

На сегодняшний день одной из важнейших задач в области государственной молодежной политики является привлечение молодежи к участию в строительстве гражданского общества, к активному обозначению своей позиции в общественной и политической сферах деятельности государства [5].

Современная жизнь ставит перед молодежью задачи, которые требуют активного включения в общественные отношения, во взаимодействие с людьми и социальными институтами в экономической, политической и духовной сферах. Молодежная инициатива, стремление к самостоятельному участию в жизни общества и государства, к удовлетворению и реализации различных социальных потребностей и интересов ведут к воз-

никновению лидерства, общественных объединений, добровольчества и других форм социальной активности.

Общественные организации студентов представляют собой одну из подсистем воспитательного процесса вуза, обеспечивающую личностное саморазвитие будущего специалиста на основе индивидуального творческого подхода, избирательного отношения к действительности, свободного выбора субъектной позиции, добровольного принятия жизненных ценностей и приоритетов [2].

Самоуправление выступает в роли свободного пространства для удовлетворения социальных потребностей учащейся молодежи в самоутверждении и самоопределении. В нём главным является социально значимое неформальное и

абсолютно свободное общение, уровень которого зависит от уровня социальной зрелости студентов и от уровня социальных требований со стороны всех общественных и государственных институтов и центров воспитания и образования [3].

Участие в деятельности молодёжных общественных организаций, как никакая иная деятельность студентов, предоставляет молодым людям возможность осознать себя личностью, индивидуальностью, самоутвердиться, развить свои интересы и способности одновременно, осознать себя частью коллективных общностей [2].

В настоящее время на уровне образовательных учреждений можно выделить следующие виды организационных структур студенческого самоуправления:

1. Орган общественной самостоятельности, выполняющий функции студенческого самоуправления (студенческий совет, студенческий деканат, студенческие научно-производственные отряды, студенческие кафедры, студенческие комитеты, студенческие клубы по интересам и т. д.); статус органа может определяться приказом ректора (директора), другим локальным актом образовательного учреждения или договором между органом самоуправления и администрацией образовательного учреждения.

2. Профсоюзная организация студентов, выполняющая функции органа студенческой самостоятельности. Статус и полномочия профсоюзной организации в сфере студенческого самоуправления определяются коллективным договором (соглашением).

3. Орган студенческого самоуправления в форме общественного объединения. Таким объединением может быть студенческий совет, союз студентов данного образовательного учреждения или отделение муниципальной, региональной, межрегиональной, общероссийской общественной организации, заключившей договор с образовательным учреждением; статус этой организации опреде-

ляется соглашением между объединением и администрацией образовательного учреждения.

4. Профсоюзная организация студентов (далее ПОС) и общественное объединение, совместно выполняющие функции органа студенческого самоуправления; статус органа студенческого самоуправления определяется трехсторонним соглашением; профком приоритетно выполняет функции социальной защиты студентов, а общественное объединение занимается реализацией социально значимых программ (проектов) и поддержкой инициатив студенческой молодёжи [1].

Одним из традиционных и активных субъектов студенческого самоуправления на уровне вуза зачастую выступает студенческая профсоюзная организация, статус и полномочия которой в сфере студенческого самоуправления вуза определяются коллективным договором (соглашением).

Профсоюзные организации – единственные общественные организации, чьи права и гарантии закреплены законами (Федеральный Закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», Трудовой кодекс РФ) [6]. Это студенческие организации, действующие в рамках единой общегосударственной структуры, объединяющей молодёжь с другими категориями граждан. Эти и другие особенности дают студенческим профсоюзам, функционирующим на принципах самоуправления, значительное преимущество и позволяют выполнять функцию регулирования отношений между администрацией вуза и студентами посредством социального партнерства.

Согласно статистике, в России сегодня насчитывается около 2 млн членов первичных профсоюзных студенческих организаций.

Основными задачами существования и осуществления деятельности ПОС является представительство и защита ин-

дивидуальных и коллективных социально-экономических и иных, связанных с обучением, прав и интересов студентов членов профсоюза [6]. Однако, на наш взгляд, в качестве дополнительных задач, стоящих перед студенческими профсоюзными организациями, можно выделить и две следующие:

1. Подготовка молодых граждан с активной жизненной позицией, наличием чётких моральных и социальных установок.

2. Участие в реализации государственной молодёжной политики.

Каждый день студент приходит в вуз получать знания, но в процессе учёбы нередко возникают проблемы, связанные с социальной сферой. Вопросы, относящиеся к организации питания, работы медпункта, библиотеки, гардеробов в корпусах, и другие влияют на протекание учебного процесса. Все эти проблемы необходимо решать путём переговоров и закреплять нормативно-правовой базой.

Сегодня первичная профсоюзная организация студентов и аспирантов Горно-Алтайского государственного университета является самой многочисленной молодёжной организацией в Республике Алтай. Она объединяет 3630 студентов и аспирантов, это 98,9 % от всей численности обучающихся в вузе.

Начав свою активную деятельность 18 лет назад, профсоюзная организация студентов успела завоевать доверие не только студентов ГАГУ, но и также администрации вуза, городских и республиканских властей.

При непосредственном участии профкома студентов и аспирантов готовились и утверждались внутренние нормативные документы университета, такие как: «Положение о стипендиальном обеспечении и других формах социальной поддержки студентов и аспирантов», «Положение об общежитии», «Правила внутреннего распорядка ГАГУ», положения о проведении конкурсов «На лучшую комнату в общежитии», «Лучшее общежитие ГАГУ» и др.

Постоянно меняющееся законодательство РФ требует незамедлительной реакции и оперативной работы, поэтому профком студентов постоянно выходит с инициативой о внесении изменений и дополнений в нормативные документы, направленные на улучшение условий обучения в вузе.

Одним из ведущих направлений в деятельности организации является работа по защите прав студенческой молодёжи. В рамках правовой работы профсоюзная организация студентов и аспирантов ГАГУ уже не первый год сотрудничает с Юридической клиникой нашего университета. Это сотрудничество позволяет организовать квалифицированную помощь студентам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Помимо этого, в кабинете студенческого профкома ежедневно ведёт работу студент юридического факультета, консультирующий обучающихся, законные права которых были нарушены в рамках учебно-воспитательного процесса.

Ежегодно ПОС проводит встречи студентов с администрацией вуза, в которых принимают участие более 300 обучающихся. В открытом диалоге с ректором обсуждается огромное множество проблем, с которыми сталкиваются студенты. Происходит совместный поиск решений. Разрабатываются рекомендации по улучшению учебного процесса, жилищно-бытовых условий, оздоровления.

Особенной заслугой работы профсоюзной студенческой организации является участие в процессе принятия решений: когда студенты получают возможность через своих профдепов и старост распределять адресную материальную помощь, социальную стипендию, места в общежитиях.

Первичная профсоюзная организация студентов и аспирантов Горно-Алтайского государственного университета активно и планомерно ведёт работу со студенческим активом университета. Их творческие инициативы постоянно поддерживаются, а результативная деятельность поощряется. В организации выстроена чёткая

система премирования профсоюзного актива, когда студент получает надбавку к стипендии за общественно полезную деятельность.

Внутри организации ведётся работа по обучению молодёжи активной практической деятельности и взаимодействию с людьми. Ежегодно согласно плановым мероприятиям проводятся семинары профсоюзного актива, на которых освещаются такие вопросы, как: роль профсоюзной организации в помощи социально незащищенных студентов, делопроизводство, знакомство с нормативно-правовыми документами, касающимися жизнедеятельности студенчества, что даёт возможность свободно владеть спецификой профсоюзной деятельности и возможность профессионально работать профактиву в студенческих группах.

Огромную роль в повышении эффективности работы студенческого актива играют межрегиональные семинары, на которые каждый год профком направляет студентов, отличившихся в общественной жизни университета. Приобретённый ими опыт значительно расширяет возможности социально-правовой деятельности в вузе. А также усиливает мотивацию членства в профсоюзе и укрепляет фундамент студенческого самоуправления.

Одно из направлений организации – культурно-массовая и спортивная работа на факультетах и в университете в целом. Получают поддержку мероприятия, проводимые студенческим активом, выделяются по мере возможности денежные средства на их проведение. Активно поддерживается движение КВН, такие крупные мероприятия, как «Мисс студентка», «А ну-ка парни», «Многоликая планета», «Талантино» и т. д.

Стремясь к совершенствованию творческого потенциала, наши активисты посредством информационной деятельности работают над созданием положительного имиджа как профсоюзной организации студентов и аспирантов, так и студенческого самоуправления в целом.

Работая над повышением социальной активности молодёжи, наша организация стремится проводить различные акции, вовлекая в их организацию и проведение как можно больше молодых людей. За прошедший год было проведено более десяти всевозможных акций: «Возложение венка к мемориалу Победы», «Городской молодёжный автобус», «Агент 009», «Нешуточная оттепель», «Доброе утро», «Снежный городок – детскому дому», «Новогодний БУМ», «Бесплатная ксерокопия» и многие другие.

Самым «видимым» в деятельности профкома является оздоровление и отдых студентов. Ежегодно проводятся выезды на спортивно-оздоровительную базу «Горизонт» на берегу Телецкого озера. Благодаря финансированию ректората на базе ежегодно отдыхают и поправляют здоровье более 300 студентов. В 2010 г. отдохнуло 643 студента. За прошедший год по ходатайству профкома более 50 студентов сирот и инвалидов оздоровились в санатории города Белокуриха. Всю работу по организации путёвок и выездов осуществляют председатели профбюро факультетов, что позволяет приобретать им организаторские и управленческие навыки.

Профсоюзная организация уделяет должное внимание молодёжи, попавшей в трудную жизненную ситуацию. При пожаре, в случае болезни либо потери близкого родственника студенту в обязательном порядке выделяется материальная помощь. Помимо этого, детям категории сирот, которым не исполнилось 18 лет, а также семейным студентам и аспирантам с детьми в Новый год профсоюзный комитет выдает новогодние подарки.

Работа профсоюзного комитета несёт в себе и воспитательную функцию. Привлекая студентов к участию в общественной жизни, работе семинаров и круглых столов, разработке различных нормативных актов, мы воспитываем определённые мировоззренческие взгляды и формируем гражданскую позицию у членов

профсоюза. Активисты ПОС проявляют себя на всех уровнях власти (Молодёжный парламент, Молодёжное правительство, Молодёжный совет при администрации города и т. п.).

Проявляя себя в работе профсоюзной организации в студенческие годы, профсоюзные активисты достигают профессиональных успехов после окончания университета.

Мы думаем, что верность идеям, традициям и в то же время стремление к постоянному развитию и инновациям позволяют профсоюзным организациям оставаться на высоком уровне среди многих других молодёжных общественных организаций, занимать серьёзное место в системе молодёжной политики страны.

Также хотелось бы отметить, что участие в работе общественной организации, работе органов студенческого самоуправления способствует развитию студента, поскольку по отношению к личности самоуправление выполняет следующие функции:

– адаптационную (умение строить взаимоотношения в коллективе);

– интегративную (даёт возможность сочетать коллективные и индивидуальные виды деятельности);

– освоение управленческой культуры (появляется возможность осуществить самостоятельный выбор в принятии решения, важного для себя и для коллектива; осознание свободы и ответственности) [4].

Развивая такие качества личности студента, как целеустремлённость, эмпатию, доброжелательность, психологическую стабильность, социальную активность, общественные организации выступают фактором развития социальной компетентности студенческой молодёжи.

Учитывая вышеупомянутые факторы, а также стремление молодёжи к объединению с единомышленниками, можно сделать вывод, что деятельность общественных организаций в учебных заведениях имеет особо важное значение и выполняет многие важные задачи, стоящие перед государственной молодёжной политикой страны в целом.

Список литературы

1. Концепция развития студенческого самоуправления в Российской Федерации // Роль студенческого самоуправления в подготовке конкурентоспособных специалистов: материалы Всероссийской конференции. 4–6 мая 2005 г.
2. Меликадамян Т. Р. Молодежное самоуправление – инструмент формирования гражданских институтов и развития правового государства // Благотворительный фонд социального развития. URL : <http://www.soc-pr.ru/> (дата обращения 15.01.2011).
3. Состояние и перспективы студенческого самоуправления в городе Саратове // Материалы городской научно-практической конференции. 20 ноября 2009 г., г. Саратов.
4. Студенческое самоуправление: инновации, проблемы и перспективы // Материалы Общероссийской студенческой конференции. 29–30 апреля 2010 г.
5. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 18.12.2006.
6. Устав Общероссийского Профсоюза образования : утв. учредительным I Съездом Профсоюза 27 сентября 1990 г.

Рукопись поступила в редакцию 28.03.2011

А. И. Начкин
г. Санкт-Петербург, Россия

**Технология оперативного социологического сопровождения
управленческой деятельности в университетском сообществе**

В статье рассматривается технология оперативного социологического сопровождения управленческой деятельности. Выявляются модели включения оперативного социологического сопровождения в университетском сообществе. Раскрыт теоретический и прикладной аспект социологического сопровождения.

Ключевые слова: университетское сообщество, управление, оперативность, социологическое сопровождение, модели.

A. I. Nachkin
St. Petersburg, Russia

**Technology of Operative Sociological Support
of Administrative Activity in University Community**

In the article the technology of operative sociological support of administrative activity is considered. Models of inclusion of operative sociological support in the university community come to light. Theoretical and applied aspects of sociological support are uncovered.

Keywords: university community, management, efficiency, sociological support, models.

Объектом технологии является университетское сообщество конкретного российского образовательного учреждения высшего профессионального образования, составляющее органическое единство администрации, профессорско-преподавательского состава, сотрудников, аспирантов и студентов; а также результаты их деятельности, творческий потенциал и корпоративные ценности.

Проблема исследования деятельности системы высшего профессионального образования относится к числу важнейших общественных задач. Их решение связано с краткосрочным и долгосрочным планированием на базе сочетания поискового и нормативного прогнозов. Поисковый прогноз помогает найти оптимальные пути разрешения существующих противоречий в системе высшего образования. А нормативный прогноз обеспечивает создание возможных моделей развития образования на перспективу.

Предметная сторона проблемы исследования высшего профессионального образования требует построения типологии выявленных противоречий. Типология противоречий строится с учётом уровней их разрешения. Противоречия, существующие в сфере высшего образования:

Первое противоречие – между социальной потребностью в подготовке специалистов высокой квалификации и качеством её реализации. В современных условиях система высшего образования отстаёт от запросов социальной практики.

Второе противоречие – между законодательной базой высшего профессионального образования и уровнем её усвоения управленческим корпусом и профессорско-преподавательским составом вузов. Модель подготовки специалиста в высшем профессиональном образовательном учреждении научно не разработана, что затрудняет практическое разрешение данного противоречия.

Третье противоречие – между социальным заказом общества на подготовку высококвалифицированного специалиста, адаптированного к рыночным условиям, и состоянием образовательной среды, которая призвана осуществить данный общественный заказ.

Развертывание вышеназванных противоречий порождает состояние социальной напряженности в образовательной среде. Социальная напряженность представляет собой динамический процесс и требует адекватных методов исследования проблемы высшего профессионального образования и технологий, обеспечивающих инновационный путь развития.

Оперативное социологическое сопровождение инновационной деятельности является средством управления университетским сообществом. Цель оперативного социологического сопровождения состоит в создании эффективных условий, качественного информационного фона для решения социальных проблем, возникающих в процессе реализации инновационной образовательной программы. Реализация поставленной цели способствует улучшению условий саморазвития и самореализации участников образовательной деятельности университета. Это ведёт к формированию нового качества университетского сообщества. Новое качество предполагает созидательное взаимодействие и диалог между различными целевыми группами, которые составляют сообщество. Новое качество предполагает также повышение творческой активности преподавателей и познавательной активности студентов.

Эта особенность оперативного социологического сопровождения составляет его сущность и выступает основным качественным отличием от других видов социологического сопровождения. Его основой являются фундаментальные идеи в области современной социологической теории и концептуальные разработки в различных отраслях социологического знания (социологии образования, социологии молодёжи и т. д.).

Оперативное социологическое сопровождение относится к классу гуманитарных технологий, которые строятся по принципу «здесь и сейчас». Данный класс технологий предполагает два ограничителя. Временной ограничитель синхронизирует процесс социологического исследования с процессом принятия управленческого решения. Это приводит к тому, что социологическая информация имеет ценность только в том случае, если она оказывается частью управленческого решения. Пространственный ограничитель четко определяет сферы, где распространяются потоки социологической информации (целевые группы ответственные за принятие и исполнение управленческих решений).

Временной и пространственный ограничитель определяет специфику задач, на реализацию которых направлена технология оперативного социологического сопровождения инновационной образовательной программы.

Первая задача направлена на создание условий для принятия ответственных решений внутри университетского сообщества. Реализация задачи предполагает организацию самообследования и самоанализа в процессе выполнения принятых ранее управленческих решений.

Вторая задача направлена на создание условий для принятия решений, которые предполагают изменение ситуации, сложившейся в университетском сообществе. Реализация этой задачи предполагает корректировку самих решений путём введения новых параметров, выявленных в процессе изучения проблемной ситуации.

Третья задача направлена на изучение предполагаемых процессов и явлений, которые возникают в ходе проектной деятельности. Её реализация активизирует инновационный потенциал университетского сообщества.

Четвёртая задача направлена на изменение общественных настроений внутри университетского сообщества. Реализация задачи, с одной стороны, показывает,

на базе каких данных готовилось управленческое решение, с другой – стимулирует органы университетского управления к реализации принятого решения.

Технология оперативного социологического сопровождения опирается на сочетание количественной и качественной стратегии социологического исследования.

Количественный подход представляет собой такую методологию и конкретные исследовательские практики, когда отправной точкой исследования являются теоретические гипотезы, которые в процессе исследования верифицируются (подтверждаются или опровергаются). При этом процедура верификации построена на использовании математики в качестве доказательства: на измерении социальных признаков, интересующих исследователя, и анализе полученной социологической информации.

Качественный подход представляет собой такую методологию социологического исследования и конкретные социологические практики, целью которых является изучение социальных явлений и процессов, прежде всего, с точки зрения действующего индивида как начала любой социальности, интерпретирующего мир вместе с другими людьми и действующего в нем в соответствии со своими интерпретациями. Исследователь здесь должен непременно «погрузиться» в мир личностных смыслов изучаемых людей, понять мотивы и цели их поступков, их объяснения происходящего, чтобы потом конструировать понятия, призванные вобрать в себя этот субъективный опыт.

В ходе реализации инновационной образовательной программы сотрудниками кафедры прикладной социологии (В. Г. Зарубин, О. К. Крокинская, Н. А. Мартынова, В. А. Макаридина, А. В. Начкин, Н. В. Немирова, В. В. Тумалев) были проведены социологические исследования с опорой на количественную методологию по темам: «Потребность в специалистах, владеющих гуманитарными технологиями: по материалам экспертного опроса

работодателей в сфере административного управления, в общественных организациях, бизнес-среде и в СМИ», а также «Потребность в специалистах, владеющих гуманитарными технологиями: по материалам экспертного опроса работодателей в образовательных учреждениях Санкт-Петербурга». С опорой на качественную методологию было проведено социологическое исследование по теме: «Адаптация студентов младших курсов в университетском сообществе РГПУ имени А. И. Герцена» [1; 5; 6].

Таким образом, количественная и качественная стратегии проведения исследования отличаются друг от друга: а) методом получения знания – формализованными (математико-статистическими) или неформализованными (глубинные интервью, фокус-группы, брейн-сторминги); б) уровнем изучения явлений – социальные и профессиональные группы или индивид и малые группы.

Есть ли что-то общее, что объединит две методологии? Конечно, есть. Это общее выражается в логике исследования. Логика исследовательского поиска имеет вид технологической цепочки: формирование цели – программирование – сбор информации – обработка информации – анализ информации – результирующий социологический документ. В обоих случаях речь идёт об исследовании социальных процессов внутри университетского сообщества. Таким образом, количественная и качественная методологии одновременно и взаимопротивоположны, и взаимодополняемы. В нашем случае принцип дополнительности двух методологий является проявлением междисциплинарности. Соединение двух методологий даёт не просто всестороннюю, но и адекватную картину происходящего, т. к. возникает эффект взаимного контроля.

В распоряжении органов университетского управления должны находиться эффективные средства обратной связи и качественные каналы получения информации. Практика управления позволила

выработать достаточно большое число форм и методов изучения и передачи информации. Она поступает через статистические отчеты и справки, выступления на заседаниях Учёного совета университета и советов факультетов.

Тем не менее, такого рода информационные потоки имеют ряд существенных недостатков. Во-первых, процесс информационного обмена в рассматриваемом варианте носит, как правило, стихийный характер. Во-вторых, количество получаемой информации или число её поставщиков может быть слишком мало для адекватных ситуации обобщающих выводов. В-третьих, поступление такой информации не имеет временных ограничений, что снижает возможность точного прогноза ситуации, а следовательно, и принятия упреждающих решений. Если не преодолеть университетскую рутину, то любой инновационный проект может потерпеть неудачу. Любое управленческое действие может потерять эффект, столкнувшись со стереотипными представлениями, опасениями перед нововведениями. Любое управленческое действие может превратиться в свою противоположность в силу некомпетентного исполнения.

Нарастающий динамизм университетской жизни, усложнение социальных процессов и явлений, обострение многообразных противоречий требует более эффективных форм получения информации, позволяющей фиксировать оценки, мнения, изучать запросы и потребности различных социальных групп не только внутри университетского «кампуса», но и за его пределами.

Реализация инновационной программы ведёт к созданию соответствующей среды университета. Создаются условия для развёртывания командной проектной деятельности по разработке научно обоснованных и практико ориентированных рекомендаций, методик использования современного научного знания. Это ведёт к возникновению сферы, где находят

профессиональное применение специалисты, владеющие гуманитарными технологиями.

Деятельность специалиста, владеющего технологией оперативного социологического сопровождения, должна быть направлена на формирование деловой среды вуза. Он может входить в состав команды проектировщиков целевых программ развития университета, участвовать в разработке механизма, обеспечивающего взаимодействие преподавателей и сотрудников различных структурных подразделений университета, создавать каналы для участия работодателей и социальных партнёров в реализации инновационной программы и оценке её результатов. В то же время его деятельность должна быть направлена на выявление потребностей в новых гуманитарных технологиях среди учащихся, родителей, учителей.

Технологическая цепочка оперативного социологического сопровождения имеет следующий вид: описание ситуации (нормативная модель + решаемая проблема + прогнозируемая модель), «дерево» возможных решений, проверка гипотез относительно пригодности вариантов возможных решений, «дерево» принятых решений.

В этой схеме нормативная модель изучаемой ситуации означает должное её состояние, к которому необходимо стремиться, чтобы обеспечить нормальное функционирование университетского сообщества.

Прогнозируемая модель означает возможное состояние ситуации (его прогнозирует гуманитарный технолог) в случае, если никакие меры по её изменению не будут приняты.

«Дерево» возможных решений – здесь всё многообразие типичных решений, которые когда-либо уже использовались или могли быть использованы в аналогичных ситуациях. Главный поставщик этих решений – опыт решения сходных проблем в других университетских сообществах. Большую услугу здесь могут

оказать эксперты внешние и внутренние, т. е. эксперты со стороны и специалисты, работающие в самой организации и знающие проблему изнутри. Большое значение имеет и личный опыт специалиста, владеющего гуманитарными технологиями, его знание жизни.

«Дерево» принятых решений – это совокупность конкретных решений, пригодных и эффективных «здесь и сейчас», в данной проблемной ситуации. Эти решения отбираются из всего спектра возможных – самыми различными способами: экспертным опросом, с помощью фокус-групп и т. д.

Следует сказать, что логическая последовательность звеньев оперативного социологического сопровождения, представленная в модели, может не совпадать с логикой организации исследовательских процедур, временной последовательностью организационных этапов исследования.

Технология оперативного социологического сопровождения является разновидностью гуманитарных технологий, её целью является получение в сжатые сроки достоверной и конкретной информации о состоянии и процессах, происходящих в университетском сообществе и требующих адекватного и быстрого управленческого воздействия.

Какова специфика способов оперативной диагностики социологического сопровождения?

Первая особенность оперативной диагностики – направленность на практические задачи, принятие определенных управленческих решений. Вторая характерная черта – исследование проводится не по инициативе исследовательской группы, а по инициативе заказчика. И третья характерная черта – итоговый результат направлен на принятие конкретного управленческого решения.

Удельный вес фундаментальных исследований минимален. Основу оперативной диагностики составляют экспресс-методы. Объясняется это высокой

информационной доступностью объекта исследования и преимущественной ориентацией опроса на решение практических задач университетского сообщества. При этом надо соблюдать одно простое правило: спрашивать надо только то, чего нельзя получить с помощью объективной информации.

По сравнению с традиционной версией методологической части программы социологического исследования, включающей пять основных элементов (формулировку проблемы, определение объекта и предмета исследования, постановку цели и задач, интерпретацию основных понятий, предварительный системный анализ исследования и выдвижение гипотез), технология оперативного социологического сопровождения включает только два элемента: а) формулировку проблемы, определение объекта и предмета исследования; б) выдвижение гипотез.

Относительно гипотез необходимо ввести ограничение. Разработка научной гипотезы – дело высокопрофессиональное. В случае оперативной диагностики речь идёт всего лишь о временных гипотезах. Такие гипотезы вырабатываются на основе тех вопросов, которые включены в анкету. Это иное переложение или описание их, не претендующее на особую научную глубину.

Для того чтобы быстро и качественно провести оперативное исследование, важно иметь каталог стандартизированных вопросов. Группа из трёх-четырёх специалистов в короткий срок может не только разработать программу, но и получить конечный результат.

Оперативное социологическое сопровождение инновационной деятельности можно представить в виде технологической цепочки: проблемная ситуация → оперативное социологическое сопровождение → управленческое решение.

Цепочка имеет множество модификаций. Рассмотрим три возможные модификации.

Опыт ГУ ВШЭ свидетельствует, что оперативное социологическое сопровождение может быть элементом принятия управленческого решения. Именно благодаря этому инструменту удалось разработать систему управленческих решений, которые привели к качественным изменениям в организации учебного процесса [7].

Опыт РГПУ им. А. И. Герцена в области изучения проблемы развития гуманитарного образования и определения потребности в специалистах гуманитарного профиля на рынке труда Санкт-Петербурга показал, что оперативное социологическое сопровождение является не только инструментом управленческой деятельности, но и способом осуществления прогностической функции в области научно-исследовательского проектирования [3].

Опыт РГПУ им. А. И. Герцена показал, что в процессе внедрения системы внутреннего рейтингования университета, факультетов и кафедр оперативное социоло-

логическое сопровождение является каналом обратной связи между администрацией университетского сообщества и самим университетским сообществом [2; 4].

Таким образом, предназначение технологии оперативного социологического сопровождения состоит не в получении нового научного знания о реальности, а в конкретизации и уточнении уже имеющихся знаний об объекте для принятия управленческого решения. Никаких объективных закономерностей протекания социальных процессов здесь не открывается. Ведь закономерность – это знание об устойчивых, не зависящих от места и времени тенденциях, имеющих объективный характер; знание, многократно подтверждаемое другими исследованиями в иных условиях и в разное время. Знание же, полученное в оперативных условиях, напротив, локализовано и связано с конкретным университетским сообществом. Данная технология является способом получения информации оперативного использования.

Список литературы

1. Гуманитарные технологии и рынок труда / под ред. В. Г. Зарубина. СПб. : Академия исследования культуры, 2008. 229 с.
2. Зарубин В. Г. Рейтинги : «за» и «против» // Вестник Герценовского университета. 2007. № 6. С. 23–25.
3. Зарубин В. Г. Социологическое сопровождение инновационной программы // Вестник Герценовского университета. 2007. № 10. С. 28–29.
4. Зарубин В. Г., Крокинская О. К. Высшее педагогическое образование : тревоги, ожидания, точки роста // Материалы пленума УМО. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 112–117.
5. Компетентностный подход в подготовке кадров в области гуманитарных технологий / под ред. В. Г. Зарубина, Л. А. Громовой. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 511 с.
6. Прогнозирование потребностей рынка труда Северо-Западного региона РФ в специалистах в области гуманитарных технологий / под ред. В. Г. Зарубина. СПб. : Академия Исследования культуры, 2008. 197 с.
7. Радаев В. В. Новые формы организации учебного процесса в ГУ ВШЭ // Университетские инновации. Опыт высшей школы экономики / под ред. Я. И. Кузьминова. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 89–118.

Рукопись поступила в редакцию 20.03.2011

Н. С. Николаева
г. Биробиджан, Россия

Образование как социальный институт: функции и дисфункции

В статье рассмотрена проблема недостаточной разработанности соотношения функций и дисфункций в системе образования. Описаны подходы к определению функций образования. Охарактеризованы основные направления деятельности в области образования.

Ключевые слова: функции, дисфункции, образование.

N. S. Nikolaeva
Birobidzhan, Russia

Education as a Social Institution: Functions and Dysfunctions

The paper considers the problem of lack of elaboration of functions and dysfunctions relations in the education system. The approaches to determining the functions of education are described. The main directions of the activity in the field of education are characterized.

Keywords: function, dysfunction, education.

Проблема функций образования входит в центр отраслевой теории и прямо связана с управлением образовательными системами. Возрастание значимости управления образованием обусловлено следующими обстоятельствами:

1. Образование – крупнейшая подсистема современного общества, тесно связанная со всеми его институтами, социально-экономическими слоями и многочисленными профессиональными и культурными общностями.

2. На развитие системы образования выделяются крупные ресурсы, сопоставимые со стратегическими расходами государств. Столь же велики и ожидания общества по поводу отдачи от образования.

Критика общественной системы образования обычно возникает в связи с массовыми требованиями и оценками, выходящими на проблему темпов развития или безопасности страны. В своё оправдание руководители утверждают, что образование удовлетворяло главные потребности общества: для индустриализации – политехническая школа, для

обороны – главенство точных наук в школе, для рыночной экономики – массовая подготовка экономистов. Многие требования к образованию предписываются законом, но и они пересматриваются. В чем же, если не в законах и не в массовых требованиях к системе образования, заключены надежные ориентиры управления ею?

Исходя из концепции социального института, эффективное управление образованием достигается соответствием объективным функциям образования, т. е. комплекса его объективных связей с другими подсистемами общества, а также с учетом его внутренней структуры. Образование как институт характеризуется особой системой функций, ориентированных на определенные общественные потребности. Выполнение этих функций способствует, с одной стороны, поддержанию целостности и развитию общества и, с другой стороны, воспроизводству самого института образования.

Эти потребности, трансформируясь через социальные интересы общества и

групп, доводятся тем или иным способом до сведения системы образования и так приобретают форму социальных заказов.

Социальные заказы на образование многоплановы, как и спектр социальных интересов и источники заказа, которыми могут служить и государственные, и территориальные, и групповые, и индивидуальные интересы. Но в этом многообразии выделяется ведущий заказ, выражающий либо интегральный интерес, либо интерес доминантных групп. Именно ведущий заказ, сформулированный в понятиях данных групп, служит ориентиром для практического руководства системой образования и при определенных условиях переводится в статус задачи, формализованной в виде законов.

Ведущий заказ к образованию, как видно из истории, чаще выступал в педоцентристском и единичном образе, соотносимом с какой-либо одной стороной формирования личности.

Разные субъекты по-разному определяют для себя функциональность образования. Отдельные учреждения попадают в противоречивую ситуацию: ведущему заказу может противоречить конфигурация других заказов, поскольку функции этих учреждений оказываются в пересечении интересов разных субъектов – государства, работодателей, преподавателей, родителей учащихся и т. д.

В ситуации недостаточной определенности ведущего социального заказа теории педагогики допускают, что государственный заказ образованию «может строиться только на общих принципах и ориентирах» и что установление «конкретных целей и задач воспитания – сфера самоопределения самих педагогических коллективов, учителей, воспитателей». Предложен и новый термин – «педагогический самозаказ» [1]. Близок к нему термин из «философии современной школы»: «Педагогический коллектив, учащиеся и их родители должны выбрать оптимальную модель развития школы и построить на её основе целостный обра-

зовательный процесс» [4]. В таких предложениях, по сути, звучит отказ от научного управления образованием.

Управление образованием нацелено на его формально-организационные стороны (стандарты, учебные планы) и экономические показатели. Из сферы управления, вопреки декларациям, выпадает формирование личности, эффективность передачи социального опыта, долгосрочные последствия образования.

Какие же стороны системы образования должны удерживаться во внимании всегда, а не только на период очередной реформы? Каковы объективные функции образования в обществе, обеспечивать выполнение которых призвано государство в лице руководителей системы образования?

Сегодня управление российским государственным образованием исходит из двух оснований: объёма выделяемых средств и провозглашённого «поворота образования к человеку». Но эти основания не составляют достаточной базы для научного управления. Слабость ресурсного обеспечения вызывает институциональные возмущения внутри системы образования (столкновения разных уровней и подсистем), а поворот к личности достигает такого угла, что образование подчас оказывается повернутым спиной к обществу и к его потребностям.

Приведённые выше основания недостаточны для полноценного управления общественной системой образования, поскольку они являются временными, пожарными, вытекают из идеологии индивидуализма, ориентированы на внешние условия, а не на комплекс функций образования в обществе.

Функциональная модель образования важна для социального управления. Она позволила бы перевести целеполагание из области спонтанных социальных взаимодействий в плоскость научного анализа.

В исследовательском и социально-прикладном плане определение функций образования послужит выработке более

универсальной системы показателей влияния образования на общество. Учитывая, что сегодня такая система отсутствует, нельзя осуществлять сравнительный анализ функционирования образования ни во временной динамике, ни на региональном или национальном уровнях [5].

Функция – назначение, роль, которую выполняет определённый социальный институт, или процесс по отношению к целому. Функция социального института – это польза, которую он приносит обществу. Иначе говоря, совокупность решаемых задач, достигаемых целей, оказываемых услуг.

Если институт помимо пользы приносит обществу вред, то такое действие называют дисфункцией. Основная функция института образования – готовить всесторонне развитых специалистов. Но если он не справляется со своей задачей, то ни развитых индивидов, ни классных специалистов общество не получит. Школы и вузы выпускают в жизнь рутинеров, дилетантов, полузнаек. Функция превратится в дисфункцию. Деятельность социального института считается функциональной, если она способствует сохранению стабильности и интеграции общества. Она может расцениваться как дисфункциональная, если работает не на его сохранение, а на разрушение. Нарастание дисфункций в деятельности социальных институтов может вести к социальной дезорганизации общества.

Школа и вуз ставят перед учащимися многочисленные задачи, включая усвоение учебного материала, осознание нравственных целей, овладение освоенными навыками. Но этот список всегда возглавляет умение мыслить, учитель и преподаватель обязаны обучить ему молодое поколение. Однако так обстоит дело только в теории. Хотя развитие мышления занимает важное место в школьных и вузовских программах, творческому мышлению целенаправленно никто не обучает. Подтверждается это рядом исследований, основанных на наблюдениях в классе и

аудитории. Результаты тестирования учащихся свидетельствуют о неспособности большинства учителей научить умению аналитически мыслить. Особенно заметно снизилось логическое мышление и применение знаний. Если институт работает как надо, то плюсов у него намного больше, чем минусов. И, наоборот, плюсы, или функции, укрепляют, стабилизируют и развивают общество. Минусы, т. е. дисфункции, его расшатывают.

Крупные общественные потрясения, например войны, революции, экономические и политические кризисы, могут привести к нарушению деятельности одного или нескольких институтов, таких как правительство, производство, собственность, школа, религия. В их функционировании возникают сбои и дисфункции. У социальных институтов есть не только функции (приносимая ими польза), но и дисфункции (наносимый обществу вред).

Понятие социальной функции многогранно. Иногда очень трудно провести разграничительную линию между функцией и дисфункцией.

Функции и дисфункции бывают явные, если они официально заявлены, всеми осознаются и очевидны, и латентными, если они скрыты от глаз, не заявляются. Явные функции свидетельствуют о том, чего хотели добиться люди в рамках того или иного института, а латентные – о том, что из этого получилось. Концепцию явных и латентных функций разработал в середине XX в. выдающийся американский социолог Роберт Мертон. Первые – осознаваемые и произвольные функции социальных процессов, вторые – неосознаваемые и непреднамеренные. Явными называют такие функции (или дисфункции), последствия деятельности которых носят намеренный характер и осознаются людьми. Латентными принято называть функции (дисфункции), последствия деятельности которых не осознаются участниками и носят ненамеренный характер.

К явным функциям школы как института среднего образования относится приобретение грамотности и аттестат зрелости, подготовка к вузу, обучение профессиональным ролям, усвоение базисных ценностей общества. Но у неё есть также скрытые функции: приобретение определённого социального статуса, который позволит взобраться на ступеньку выше неграмотного; завязывание прочных дружеских связей, поддержка выпускников в момент их вступления на рынок труда. Явными функциями института высшего образования можно считать подготовку молодёжи к освоению различных специальных ролей и усвоение господствующих в обществе ценностных стандартов, морали и идеологии; а неявными – закрепление социального неравенства, имеющего место при получении высшего образования [2].

Латентные функции выступают в качестве побочного эффекта деятельности социального института. Они могут быть как позитивными, так и негативными. Негативные называют еще дисфункциями. Можно убедиться, что функции и дисфункции относительны, а не абсолютны. Каждая из них имеет два вида – явный и латентный. Функция может быть явной для одних членов общества и латентной для других. То же самое и с дисфункцией. К примеру, одним важно приобрести в университете фундаментальные знания, а другим – завязать знакомства.

Социальные институты имеют явные и латентные (скрытые) функции. Латентные функции тем отличаются от дисфункций, что они не наносят вреда. Они показывают, что пользу от любого института можно извлечь гораздо большую (и, прежде всего, для себя лично), нежели об этом заявляется [2].

Образование – важнейший конструкт цивилизации, поскольку главным её условием является преэминентность общественной жизни, а образование служит основным элементом, транслирующим культурные достижения. В остро кри-

тические периоды развития общества стремление к образованию было инстинктивной силой. Несмотря на состояние упадка, парализовавшего все сферы жизни, учебные аудитории продолжали заполняться, росло количество абитуриентов.

Высшее образование оказывает решающее воздействие на культурогенез современного человека. А. Субетто разделяет точку зрения относительно того, что на смену информационному обществу приходит образовательное общество, функция которого – опережающее развитие лучших качеств человека, образовательных систем в обществе, общественного интеллекта.

Но, несмотря на свое высокое предназначение, высшее образование испытывает кризис: всё больше усугубляется диспропорция между потенциалами человеческой культуры, достижениями общества и культурой масс; всё более ощутим разрыв между достижениями, профессиональным мастерством отдельных выдающихся личностей и деятельностью основной массы работников; нарушены коммуникации между специалистами, что может стать препятствием для распространения их достижений. Трудности отечественного высшего образования усугубляются насаждением догматизма, тоталитарным механизмом управления сферой образования, что подавляет инициативу, творческий подход к содержанию и организации учебного процесса [7].

Откликом на сложившуюся ситуацию является рост интереса к проблемам высшего образования как со стороны СМИ и общественных организаций, так и социальных исследователей.

Во-первых, это отечественная социология образования, которая внесла значительный вклад в изучение и описание жизни вузов. Благодаря работам Г. Е. Зборовского, Д. Л. Константиновского, В. Я. Нечаева, Я. М. Рошиной, В. С. Собкина, С. В. Твороговой, Ф. Э. Шереги, А. Г. Эфендиева, выполненным на боль-

шом эмпирическом материале, имеется значительный объём информации о разных сторонах жизни вуза.

Поскольку основной массив эмпирического материала нашего исследования собран на материале вузов Дальневосточного региона, большую роль сыграли уже имеющиеся данные, которые представлены в работах Н. М. Байкова, Е. Л. Ли, Е. Л. Мотрич, Е. О. Скрипник [3].

Отдельно следует упомянуть о тех авторах, которые обращаются к исследованию функций и дисфункций в системе высшего образования и интересы которых непосредственно близки теме данного исследования. Это С. М. Косолапов, А. И. Кравченко, В. Н. Лавриненко, В. Я. Нечаев, Г. В. Осипов, В. П. Подвойский, В. П. Сальников, Э. В. Тадевосян, В. Б. Тарабаева, И. Шаймарданов и др. Несмотря на то, что некоторые из этих исследователей предпринимают попытки классификации функций и дисфункций в системе образования и их обобщенного описания, на данном этапе преобладает оценочный подход, с явным доминированием прикладной направленности перед теоретическим анализом. Это говорит о том, что исследование проблемы, несмотря на достаточное количество эмпирического материала, пока не выходит на уровень концептуальных разработок [3].

Очень важны социологические исследования, посвящённые социальным функциям и социальной роли образования. Обычно выделяют следующие важнейшие функции:

а) функция передачи (трансляции) от поколения к поколению и распространения культуры;

б) функция генератора и хранения культуры общества;

в) функция социализации личности, особенно молодёжи, и её интеграции в общество, ибо без усвоения культурного наследия немислимы ни прогресс общества, ни развитие личности;

г) функция социального отбора (селекции), дифференциации членов общества,

в первую очередь молодёжи, благодаря чему обеспечивается воспроизводство и изменение социальной культуры общества, индивидуальная и социальная мобильность, поскольку уровень образования служит сегодня одним из важнейших критериев определения социального статуса личности;

д) функция социокультурных изменений, ибо именно в системе образования во многом рождаются новые идеи и теории новых технологий на обновление общества и обогащение его культуры;

е) функция социального контроля [6].

Но нельзя вместе с тем не видеть, что тут же возникли и обострились негативные тенденции коммерциализации образования, серьёзного нарушения принципа равных стартовых возможностей получения образования, отсутствия в ряде случаев обязательных государственных образовательных стандартов и снижения уровня обучения, перелива высококвалифицированных кадров из государственного в частный сектор образовательной системы.

В системе высшего образования наблюдаются сегодня следующие кризисные процессы:

1) коммерциализация – расширение платной основы обучения, которое имеет не только несомненные плюсы, но и явные минусы, принимая такие уродливые формы, как взятки за поступление в вуз или сдачу сессий;

2) элитизация – сокращение доли выходцев среди студентов рабочих и крестьян и увеличение доли гуманитарной и технической интеллигенции;

3) регионализация – замыкание абитуриентов на своих региональных вузах и связанная с этим;

4) децентрализация системы высшего образования – расширение самостоятельности вузов в части создания собственных программ обучения, поиска источников финансирования.

В середине 90-х гг. в вузовской науке наблюдались следующие негативные

тенденции: физическая и моральная деградация научной инфраструктуры; отток научных кадров (прежде всего молодого и среднего возраста) в другие, преимущественно коммерческие сферы; ухудшение качественного состава оставшихся в вузах научных сотрудников (в определенной мере это относится к профессорско-преподавательскому составу), ослабление желания молодежи связывать свою судьбу с наукой. Опасаясь безработицы, более половины вузовских ученых оценивают свои возможности трудоустройства как средние или даже «безысходные». Престиж науки в глазах общества, в том числе и самих ученых, падает. Не получая от государства своевременных дотаций на

питание, материальную помощь, компенсации на отдых, лечение, учебные принадлежности, проезд, студенты вынуждены ограничивать не только свои первичные потребности, но и потребности духовного порядка.

На каждую функцию обязательно найдется противofункция, или дисфункция. На смену одним неблагоприятным факторам, устраненным техническим прогрессом, приходят другие неблагоприятные факторы, порожденные техническим прогрессом. Таким образом, материальная культура, технический прогресс, с одной стороны, снижают угрозу жизни и здоровью людей, а с другой – повышают ее. Функция сопровождается дисфункцией.

Список литературы

1. Воспитание и педагогическая поддержка детей в образовании. М., 1996. С. 9, 11.
2. Кравченко А. И. Социология. М., 2008. С. 204–206.
3. Леонтьева Э. О. Институализация неформальных практик в сфере высшего образования : автореф. дис. Хабаровск, 2010. С. 4–5.
4. Образование 21 века : проблемы, модели, проекты. СПб., 1998. С. 18.
5. Социология образования : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2005. С. 98.
6. Тадевосян Э. В. Социология. М., 1998. С. 112.
7. Шаймарданов И. Социологические подходы к изучению культуры. Структурно-функциональный подход. URL : <http://sociologist.nm.ru/articles/reseach-01.htm>

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2011

Н. П. Романова, И. В. Романова
г. Чита, Россия

**Свободное время как способ самореализации
личностных качеств одиноких женщин**

Рассмотрена структура и основные составляющие свободного времени одиноких женщин посттрудового периода жизни. Ранжированы группы досуговых потребностей. На основании известной классификации типов досуговой активности для исследованной категории городских женщин установлены преобладающие типы: домашний и традиционный, минимизирован развивающий. Для сельских женщин этой категории досуг ограничен только домашним и традиционным типами, которые практически утрачивают типовую разграниченность.

Ключевые слова: одинокие женщины, посттрудовой период, досуговая активность, бюджет времени.

N. P. Romanova, I. V. Romanova
Chita, Russia

Free Time as a Way of Single Women's Personal Qualities Self-realization

The structure and the main components of single women's free time in post-labour period are considered. Leisure demands are ranged into groups. The prevailed types: domestic and traditional are stated on the basis of famous classification of leisure activity for investigated category of urban women, the developmental type is being minimized. For countrywomen of this category leisure is restricted only by domestic and traditional types which practically seem to lose its limits.

Keywords: single women, the postlabour period, free time activity, time budget

Одной из важнейших обобщающих характеристик условий для развития человека и удовлетворения его потребностей является бюджет времени населения. Бюджет времени представляет собой распределение фонда времени (чаще всего суточного) по направлениям его использования отдельными социально-демографическими группами или всем населением. Он позволяет определить, каковы затраты времени на осуществление различных видов деятельности человека (семьи).

По принятой в настоящее время классификации в суточном фонде времени выделяются следующие элементы [1–3]: рабочее, вне рабочее и свободное. Рабочее время расходуется на выполнение общественно необходимых работ, величина и качество которых зависит от ра-

ционального использования вне рабочего времени, связанного с производством, и свободного времени.

Свободное время вместе с трудом образует единый жизненный путь человека, наполняет его смыслом и перспективой, это величайшее благо и распоряжаться им следует с умом, пользой и удовольствием.

Таким образом, свободное время – социальная категория, имеющая непосредственное отношение к развитию личности и понимаемая как время для досуга и возвышенной деятельности человека.

Специфические особенности социальной группы одиноких женщин посттрудового периода [4] предопределяют перераспределение бюджета времени таким образом, что для большинства из них из его структуры уходят или значи-

тельно сокращаются элементы, связанные с общественно полезным трудом, и значительно увеличивается свободное время. Однако структура свободного времени одиноких пенсионерок в общетеоретическом представлении претерпевает значительные изменения. В ней, по нашему представлению, следует выделять время, затраченное на обеспечение своей жизнедеятельности, это доля лично необходимых затрат времени, связанных с ведением домашнего хозяйства, удовлетворением естественных потребностей, работой на садово-огородном участке и т. п., и собственно свободное время.

По нашим данным, в бюджете времени рассматриваемой категории женщин лично необходимые затраты по напряженности и длительности сопоставимы с затратами на общественно полезный труд работающих женщин. В силу известных причин женщины посттрудового периода практически перестают пользоваться услугами предприятий бытового обслуживания или делают это значительно реже, чем 10...15 лет назад. Причин несколько, но в первую очередь – значительное возросшие цены на услуги прачечных, химчисток, парикмахерских и т. п.

Большая доля опрошенных (более 70 %) «производит» услуги для самих себя. Земельные участки, которые имеют более 50 % опрошенных, а 12 % пользуются участками родственников, давая необходимые продукты питания, «съедают» большую часть в бюджете времени. Земельный надел выполняет сегодня для одиноких женщин функции источника дополнительного дохода, оздоровительного учреждения, спортивного зала или стадиона, полигона для любительских видов деятельности и т. д.

Согласно результатам опроса, собственно свободное время в бюджете женщин посттрудового периода занимает не более 4...5 ч в сутки. Его отличительной чертой является более гибкий (свободный) график в суточном цикле.

Изменение показателей социального статуса женщин в посттрудоном периоде теснейшим образом связано со свободным временем и определяется наличным фондом, сложившейся структурой и содержанием (набором видов деятельности) свободного времени. Удовлетворенность одиноких женщин своим досугом является одним из важнейших индикаторов их положения и социального самочувствия, она серьезно влияет на их собственное мировосприятие. Об этом свидетельствует тот факт, что отсутствие возможностей провести свой досуг так, как хотелось бы, наряду с плохим материальным положением, отсутствием социальных гарантий, проблемами с жильём и здоровьем, выделяется женщинами в качестве одной из наиболее болезненно переживаемых ими причин неустроенности собственной жизни [5]. На практике выясняется, что невозможность иметь полноценный досуг, во многом определяющий образ и качество жизни, беспокоит исследуемую категорию женщин практически так же, как ситуация с работой или с отсутствием социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности.

В исследовании свободного времени одиноких женщин посттрудового периода жизни нами предпринята попытка охарактеризовать его в двух аспектах: досуговая и развивающая составляющие свободного времени.

Говоря об индикаторах досуговых возможностей различных слоёв населения, необходимо подчеркнуть, что свободное время и разнообразие форм его проведения является одной из важнейших сфер проявления неравенства возможностей людей и ярким примером различий в их уровне и качестве жизни.

В России за последние годы в этой сфере наблюдается очень заметная динамика расширения досуговых возможностей. Наиболее значимыми с точки зрения возможностей выбора определённого стиля жизни [6] являются те формы проведения

свободного времени, которые связаны с внедомашней досуговой активностью, но именно они требуют наибольших дополнительных материальных затрат.

Сокращение в бюджете времени одиноких женщин посттрудового периода времени, связанного с общественно полезным трудом, ведёт к увеличению временного пространства для удовлетворения «досуговых потребностей». Обычно выделяется семь основных групп досуговых потребностей: информационные, развлекательные, общение, физические, социальные (в узком смысле значения слова), образовательные и пассивный отдых. Их ранжирование и доленое распределение среди исследуемой категории женщин показало следующее.

Первый ранг (более 60 % опрошенных) уверенно занимают информационные потребности, реализуемые обычно при просмотре телепередач. Небольшая часть женщин посттрудового периода, составляющая около 17 %, освоившая в последние годы работы компьютер и коммуникационные информационные технологии, получает необходимую информацию через сеть Интернет. Однако для общей массы одиноких женщин пенсионного возраста этот вид информации остаётся недоступным по трём основным причинам: неумение общения с этим видом современной техники, материальная невозможность приобретения и обслуживания компьютера и достаточно высокая ежемесячная абонентная плата. Вообще, характерной чертой исследуемой социальной группы женщин является явное неприятие современной коммуникационной инфраструктуры. *«...Выгляжу даже в своих глазах какой-то дремучей дурой, но меня пугают все эти платежные аппараты»* – подобные заявления озвучиваются большинством женщин пенсионного возраста. У женщин старше 60...65 лет возникают значительные сложности с освоением мобильной связи.

Кроме того, невозможность для большинства из них выделить солидную сум-

му на подписку хотя бы одной газеты или журнала в качестве единственного источника информации оставляет телевизор.

Второй ранг (46 %) занимает потребность в общении с членами семьи, друзьями, сослуживцами, соседями.

На третьем месте развлекательные потребности, но их доля в перечне значительно минимизирована – только 16 % женщин посещает зрелищные учреждения и мероприятия. Главная причина снижения интереса к учреждениям культуры связана, прежде всего, с недостатком средств. По мнению многих, *«Всё заменяет телевизор – и кино, и театр, и цирк. Всё дома и всё бесплатно...»*.

Четвертый ранг установлен для занятий физкультурой, спортом, туризмом; пятый – образовательные потребности (учеба, повышение квалификации, т. е. приобретение новых знаний и умений), шестой – социальные (участие в деятельности общественных и религиозных организаций). Одиноким женщине пенсионного возраста, отработавшей рабочий день в структурах общественной занятости (устроиться в которые считается большой удачей) или от восхода и до захода солнца – на дачном участке, подчас становится не мил даже белый свет, собственные родные и близкие, а не только политическая борьба, партии, их союзы, партийные уставы и программы, цели и задачи, митинги и демонстрации и т. п. Комментируя низкий ранг социальной досуговой потребности, следует также связать её с феноменом посттрудового бедности одиноких женщин, следствием которой являются социальные формы отчуждения человека от человека, от предпосылок и результатов труда, с существенным ограничением потребления материальных и духовных благ.

Названные группы потребностей реализуются в разных видах деятельности. Однако, например, чтение может быть одновременно и развлечением и средством получения новых знаний, информации

и просто отдыхом. То же можно сказать о просмотре телепередач и других занятиях. Анализ высказанных мнений одиноких женщин посттрудового периода, касающихся своего досуга, показывает крайне ограниченный набор его доминирующих форм.

Современный образ проведения досуга не требует от женщин больших умений. Это подтвердили в ходе исследований данные ответов на вопрос о досуговых умениях. Среди них цветоводство, любительские занятия (шитье, вязание и т. п.), уход за комнатными животными, различные увлечения, занятия и пристрастия. Причём, как выяснилось, основные досуговые формы в представлениях одиноких женщин менее тяготеют к понятиям отдыха, развлечения, а более – просто к смене трудовой деятельности.

Различные виды досуговой активности в реальной жизни одиноких женщин в целом связаны преимущественно с домашним времяпрепровождением. Простые домашние формы проведения своего времени (помощь детям, собственно работа по дому, на садово-огородном участке, просмотр телепрограмм, чтение, прогулки, общение по телефону) при отсутствии любой социальной деятельности вне дома и любых попыток как-то разнообразить свой досуг формируют простейший и доминирующий (домашний) тип досуговой активности.

Известны расширенные классификации типов досуговой активности. Согласно одной из них, кроме «домашнего» выделяются следующие типы: «традиционный», образованный за счет расширения домашнего досуга такими формами, как отдых на природе и встречи с друзьями дома или в гостях. Добавление к этим традиционным для российского населения видам деятельности тех или иных увлечений, включая занятия компьютером, самообразование, другие занятия или хобби, обогащающие свободное время женщин более продвинутыми формами домашнего досуга, несущими

в себе ярко выраженный развивающий компонент, позволило выделить «развивающий» тип досуговой активности. Однако досуг этих трех типов ограничен «домашней» нацеленностью проведения свободного времени. Социальные контакты предпочитающих домашний досуг людей способны расширяться только за счёт более-менее регулярных встреч с друзьями или родственниками, и это становится едва ли не единственной формой их социальной жизни вне дома. Часть женщин, тип досуга которых характеризуется как «домашний», «традиционный» или «развивающий», не в состоянии проявлять активное социальное участие, являющееся признаком полноценного и разностороннего досуга, важным условием высокого качества жизни.

Социальное участие начинается только при условии расширения спектра досуговых предпочтений за счёт внедомашних видов рекреационной, развлекательной, политической или иной деятельности. При этом доминирование таких форм проведения досуга, как посещение кино, театров, музеев, концертов, клубов, кафе и т. п., позволяет выделить такой тип активного досуга, как «развлекающий». Включенность женщин в деятельность различных культурных, образовательных, общественно-политических или гражданских институтов формирует так называемый «деятельный» тип досуговой деятельности. Любая социальная активность вне дома требует заметных дополнительных затрат (как материального, так и интеллектуального плана), но именно она и придает жизни людей наибольшую полноту. Поэтому «деятельный» тип досуга, венчающий собой иерархическую лестницу типологии досуговой активности, наиболее богат, разнообразен и социально привлекателен.

Попытка привязать результаты наших исследований к расширенной типологии выявила следующую картину (см. табл.).

**Распространенность типов досуга в зависимости
от уровня материальной обеспеченности, %**

Уровень материальной обеспеченности	Типы досуга				
	Домашний	Традиционный	Развивающий	Развлекающий	Деятельный
женщины 55–65 лет					
Бедности	49,1	45,4	3,4	-	2,1
Малообеспеченные	44,3	48,3	2,9	1,2	3,3
Приемлемый образ жизни	29,3	34,7	12,8	16,7	6,5
Обеспеченный образ жизни	14,3	23,1	19,8	35,7	7,1
женщины 65 лет и старше					
Бедности	68,6	29,5	1,9	-	-
Малообеспеченные	65,6	27,2	4,9	-	2,3
Приемлемый образ жизни	50,7	27,2	9,3	8,3	4,5
Обеспеченный образ жизни	40,6	22,2	12,7	20,7	3,8

Анализ приведенных данных показывает, что социальная активность женщин в сфере досуга жестко детерминирована в первую очередь уровнем материальной обеспеченности. Наши исследования позволили выявить пропорцию, согласно которой одинокие женщины делятся по типу проведения своего свободного времени на две части, характеризующиеся направленностью досуговой активности: в начальный период посттрудовой стадии три четверти организуют свой досуг внутри и четверть – вне дома, в более поздние периоды домашний тип организации досуга присущ четырем пятым всех женщин.

При этом говорить об устойчивости выявленного соотношения типов досуговой активности по линии «дом» – «вне дома» в зависимости от поселенческого фактора нет никаких оснований. Совершенно очевидно, что в сельских поселениях Забайкалья практически нет условий для полноценного социального досуга, включающего в себя культурную, развлекательную, рекреационную активность вне дома. Поэтому досуг здесь ограничен только домашним и традиционным типами, которые из-за большей развитости в

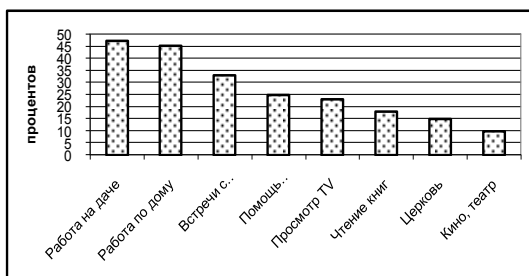
сельских поселениях социальных контактов теряют типовую разграниченность. Здесь следует отметить, что пожилые женщины на селе оценивают свой отдых как пассивный скорее всего из-за того, что сама сельская жизнь с тяжелым физическим трудом, с невысокими возможностями провести время разнообразно представляется им как малособытийная, пассивная.

В то же время неравномерность культурного развития женщин, связанная с поселенческим фактором, обязана не только наличию (отсутствию) культурных учреждений, но и уровню развития духовных потребностей самой женщины. Важна не только доступность ценностей культуры, но и потребность в их освоении.

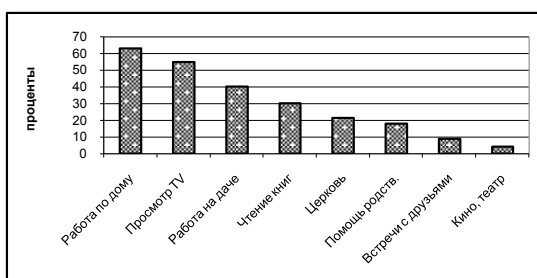
Нами также предпринята попытка установления различия в ранжировании лично необходимых затрат времени и формах проведения свободного времени двух возрастных групп одиноких женщин посттрудового периода в разрезе двух возрастных градаций: 55...60 и 65 и более лет (см. рис. 1).

Приведенное распределение показывает, что основную часть бюджета времени обеих возрастных групп женщин

занимают лично необходимые затраты времени. Для первой возрастной группы (рис. 1, а) кроме собственно домашних форм проведения свободного времени на значимом уровне поддерживаются формы, связанные с социальными контактами (встречи с родственниками, друзьями, сослуживцами, посещения кинотеатров, концертов, исполнение церковных обрядов и пр.). Социальное участие начинается только при условии расширения спектра досуговых предпочтений за счет внедомашних видов рекреационной, развлекательной, политической или иной деятельности.

а

б

Рис. 1. Ранжирование лично необходимых затрат времени и форм проведения свободного времени двух возрастных групп одиноких женщин посттрудового периода:
а – 55...65 и б – 65 и более лет
(ранжированы по частоте встречаемости в выборке)

Для второй возрастной группы (рис. 1, б) формы, связанные с социальными контактами, заметно минимизируются, так как любая социальная активность вне дома требует заметных дополнительных затрат как материального, так и интеллектуального плана, а ограниченность материальных средств, проблемы, связанные со здоровьем, накопленная жизненная усталость практически не позволяют её реализовать

в какой-либо форме. Социальные контакты этой возрастной группой женщин поддерживаются в основном только за счёт более-менее регулярных встреч с друзьями или родственниками, и это становится едва ли не единственной формой их социальной жизни вне дома [7].

Попытки дифференцировать формы проведения свободного времени по другим критериям (например, профессиям) оказались unsuccessfulными.

Одним из основных выводов, следующих из приведённого материала, является то, что в связи с изменившимися условиями жизни и, прежде всего, плохим материальным положением одиноких пенсионеров произошло снижение ценности свободного времени. Так, среди опрошенных женщин только 5,6 % хотели бы иметь больше свободного времени.

С вступлением в посттрудоу жизнь главными интересами одиноких женщин становится здоровье, проблемы, связанные с организацией лично необходимых затрат времени на обеспечение своей жизнедеятельности, а также организация своего отдыха. Многие одинокие женщины посттрудоу периода вынуждены искать дополнительные источники средств существования: продолжать работать, заниматься торговлей, кустарной деятельностью, садом, огородом и т. д. Это приводит к значительному увеличению их трудовой нагрузки (оплачиваемой или приносящей доход и не оплачиваемой) и ухудшению условий отдыха. Социальные последствия изменений в жизни пенсионеров неоднозначны. С одной стороны, для общества полезно использовать труд женщин, имеющих, как правило, высокую квалификацию и большой жизненный и профессиональный опыт. С другой, неудовлетворительное материальное положение большинства из них предопределяет необходимость задействовать большую часть суточного бюджета времени на непроизводительные затраты времени, связанные с обеспечением своей жизне-

деятельности, минимизируя таким образом своё время досуга, что не способствует эффективному восстановлению их физических и духовных сил.

Чтобы увеличить долю свободного времени в суточном фонде, необходимо уменьшить долю лично необходимых затрат времени, т. е. решить проблемы «марафонов» по магазинам и аптекам в поисках более дешёвых и качественных продуктов питания и лекарств, улучшить организацию медицинской помощи и

обеспечения медикаментами, организовать эффективно действующую службу психологической реабилитации одиноких женщин.

Из всего сказанного следует, что переход к новым экономическим и другим общественным отношениям со всей необходимостью ставит вопрос рационального использования свободного времени на уровне каждой личности, семьи, а также широких общностей и организаций.

Список литературы

1. Социальная статистика / под ред. чл.-кор. РАН И. И. Елисеевой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2002. 480 с. : ил.
2. Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения / ред. В. Д. Патрушев. М. : ИС РАН, 1999.
3. Патрушев В. Д. Жизнь горожанина (1965–1998). М. : Academia, 2000.
4. Романова И. В. Адаптация одиноких женщин к посттрудоовому периоду жизни : науч. издание. Чита : ЧитГУ, 2004. 189 с.
5. Смирнова С. В. Психологические особенности позднего возраста // Актуальные вопросы психиатрии : сб. науч. тр. Иваново, 1996. С. 83–85.
6. Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы / Р. М. Ануфриева, Е. И. Головаха, Е. А. Донченко [и др.]. Киев : Наукова думка, 1982.
7. Медведева Г. П. Введение в социальную геронтологию. М., 2000. С. 63–67.

Рукопись поступила в редакцию 05.03.2011

И. В. Романова
г. Чита, Россия

**Социальные связи как важнейшая составляющая
образа жизни одиноких женщин**

Исследованы социальные связи одиноких женщин посттрудового периода. Показано, что в их среде преобладают связи, основанные, главным образом, на родственно-семейных, дружеских и соседских отношениях. Минимизировано участие в деятельности общественных организаций. Приведены результаты исследования социальных связей в разрезе прямых и опосредованных общений, частоты и характера контактов, использования ресурсов «других» и расходования своих. Рассмотрен аспект доверия-недоверия в сфере социальных связей.

Ключевые слова: социальные связи, образ жизни, одинокие женщины, социальная среда, социальная поддержка.

I. V. Romanova
Chita, Russia

Social Relations as the Main Part of Single Women's Life

Single women's social relations in the post labour period are studied. The author shows the prevalence of relations based on family, friendly and neighborly ties in their surrounding. Participation in public organizations is being minimized. The results of social relations investigation due to direct and indirect communication, number and character of contacts, using personal and impersonal reserves are described.

Keywords: social relations, way of life, single women, social surrounding, social support.

Функционирование любой социальной системы осуществляется благодаря определённой связи между её элементами. В качестве таковой выступают социальные связи. Термин «социальные связи» обозначает совокупность факторов, обуславливающих совместную деятельность людей для достижения поставленных ими целей и задач. Социальная связь – это зависимость людей, реализованная через социальное действие, осуществляемое с ориентацией на других людей, с ожиданием соответствующего ответного действия партнера. В социальной связи выделяются: 1) субъекты связи (двое или тысячи людей); 2) предмет связи (по поводу чего осуществляется связь); 3) механизм регулирования взаимоотношений. Прекращение связи может происходить при изменении или у-

рате предмета связи или если участники связи не согласны с принципами её регулирования. Чаще всего социальные связи классифицируют в зависимости от тех отношений, которые лежат в их основе. Соответственно выделяются следующие их виды: родственно-семейные; дружеские; соседские; профессиональные; клиентские; общественные (включенность в разного рода общественные движения, ассоциации и пр.).

Специфика объекта нашего исследования – одинокие женщины посттрудового периода жизнедеятельности – такова, что здесь преобладают связи, основанные, главным образом, на родственно-семейных, а также дружеских и соседских отношениях.

Анализ связей осуществлялся по следующим параметрам [1]:

– характер связей: непосредственные, основанные на личных контактах, или опосредованные, базирующиеся на использовании средств связи (почта, телефон);

– интенсивность связей, измеряемая через частоту контактов;

– роль связей в оказании социальной поддержки (обращение к родственным и дружеским связям в определённых жизненных ситуациях и оказание поддержки другим);

– «открытость» или «закрытость» индивида по отношению к людям, не принадлежащим к близкому их кругу (родственников, друзей), степень доверия к ним как к потенциальным субъектам социальных связей и поддержки.

Социальная среда служит основой для существования и реализации социальных связей. Её можно охарактеризовать с помощью таких компонентов, как:

а) акторы связей (родственники, друзья, коллеги);

б) инфраструктура [2; 3], делающая эти связи возможными (телефонная, телеграфная и электронная связь, развитие транспорта, почтовой связи);

в) обычаи, нормы, регулирующие общение, контакты.

Так, для осуществления родственных связей необходимо иметь родственников и признавать их таковыми, для дружеского общения – иметь людей своего круга, которых можно рассматривать как своих друзей; для того чтобы общаться с коллегами, надо быть занятым в сфере профессиональной деятельности на предприятии, учреждении.

Любые связи предполагают наличие прямых или опосредованных контактов, зависящих от территориальной удалённости агентов связей, наличия и степени развития соответствующей инфраструктуры – телефонной, почтовой, а в последние годы – электронной связи, транспорта, его доступности, регулярности сообщения, стоимости проезда, степени его комфорта.

Безусловно, названные элементы инфраструктуры – необходимые, но недостаточные условия осуществления разно-

го рода социальных связей. В конечном счете, роль связей в решении жизненных проблем людей определяется обычаями, культурой, а также развитием других социальных институтов, обеспечивающих те же потребности, что и «институт» социальных связей.

Для исследования нашего объекта – одиноких женщин посттрудового периода, нами получены характеристики некоторых элементов социальной среды, в которой они функционируют. Так, одинокие женщины имеют обоих родителей (19 %), одного отца – 29 %, одну мать – 52 %; имеют других родственников (двоюродные братья и сестры, тети, дяди, племянники и др.) – 68 %; проживают совместно с родителями (в разных вариациях) – около 20 %, со взрослыми детьми – 24 %; имеют детей 18 лет и старше – 47 %; имеют близких друзей: среди коллег – 77 %, среди соседей – 53 %, среди других людей – 43 %. Приведённые данные говорят, что исследуемая группа одиноких женщин имеет достаточно широкий круг родственников и друзей.

Для характеристики родственных связей представим описание контактов с родителями и друзьями в качестве примера наиболее универсальных и распространённых родственных и дружеских отношений. Примерно каждая пятая из опрошенных женщин проживает совместно с матерью. Ещё около 25 % навещают своих родителей, живущих отдельно, часто не реже раза в неделю. Редко навещает родителей (несколько раз в год и реже) примерно такая же доля женщин. В какой мере недостаток частых личных контактов восполняется опосредованными – через телефонные звонки, письма?

Казалось бы, названные средства должны заметно восполнять недостаток личных контактов. Можно предположить, что чем реже прямые контакты, тем чаще опосредованные. Однако исследование показало, что одинокие женщины нечасто интенсифицируют способы общения с родителями через телефонные звонки, письма, не говоря уже о более

современных и быстрых способах, таких как факс, электронная почта. Так, не реже раза в неделю связываются с родителями немногим менее половины опрошенных женщин. Определённое влияние оказывает ещё слабая телефонизация Забайкалья, особенно в сельской местности, а также медленно работающая почта. Мобильная связь, позволяющая заметно исправить положение, пока кардинально не изменила ситуацию, во-первых, из-за высказанной сложности практического освоения этой новой для женщин преклонного возраста техники и, во-вторых, как показал опрос, из-за обычно малой позитивности процесса общения (выдержка из интервью: «... слышишь в основном о тех же проблемах, в которых живешь сама: болячки, лекарства, дороговизна питания, тарифы ЖКХ и др.»). Приведённые материалы говорят о том, что определённую роль играет, во-первых, существующая потребность в общении, во-вторых, принятые стереотипы опосредованного общения (более слабая российская привычка звонить по телефону, писать письма).

Родственные отношения, основанные на контактах с детьми, относятся так же, как и контакты с родителями, к наиболее востребованным. Более трети женщин (36 %) видятся со своими взрослыми детьми довольно часто – не реже 1 раза в неделю (помимо тех, кто живёт совместно со взрослыми детьми, а это четверть опрошенных, в большей мере сельские жители) и около половины женщин контактируют не реже 1 раза в неделю по телефону. Инициатива этих контактов принадлежит в большей мере женщинам. Около 13 % женщин практически не контактируют со своими детьми. Что касается контактов с братьями и сестрами, то в целом они реже, чем с родителями или с детьми. Так, лишь 11 % женщин ответили, что они встречаются с родными братьями, сестрами не реже раза в неделю, а 16 % – лишь несколько раз в году и реже.

Исследование частоты и характера дружеских контактов позволило установить следующее. Во-первых, дружеские связи

достаточно распространены среди одиноких женщин и, во-вторых, их отличает большая по сравнению с родственными контактами эмоциональная насыщенность. Так, более половины опрошенных женщин (52 %) встречаются со своими близкими друзьями (подругами – 90 %), в основном коллегами по работе, минимум раз в неделю; около 20 % – по крайней мере 2–3 раза в месяц. С соседями поддерживаются еще более тесные контакты. Что касается опосредованного общения, то картина выглядит следующим образом. Ежедневно: домашний (стационарный) телефон – 71 %, мобильный телефон – 31 %. Как минимум раз в неделю: домашний (стационарный) телефон – 31 %, мобильный телефон – 10 %.

Одна из главных особенностей дружеских контактов состоит в том, что их частота уменьшается с возрастом: почти в 2 раза через пять лет после выхода на пенсию, однако и в более зрелом возрасте (старше 60 лет) она остается достаточно высокой: около трети опрошенных женщин встречаются с друзьями-коллегами по меньшей мере один-два раза в месяц. Поселенческий аспект накладывает свою специфику – среди жительниц села и малых городов преобладают личные встречи, причём практически ежедневно.

Используя данные о прямых и опосредованных общениях, нами предпринята попытка построения «кругов общения» одинокой женщины посттрудового периода в зависимости от частоты этих контактов, причём с дифференциацией на две возрастные группы: 55...65 лет и старше 65 лет.

Для первой возрастной группы выстраивается следующая последовательность интенсивности общения: 1) близкие друзья и бывшие коллеги по работе, 2) дети и внуки, 3) соседи, 4) родители (в последовательности мать, отец), 5) родные братья и сёстры, 6) родственники «по закону» (родители мужа (вдовы), братья, сёстры мужа), 7) племянники, двоюродные братья, сестры, тети, дяди. Вывод, несколько нарушающий гипотетические представ-

ления о прямых и опосредованных контактах одиноких женщин посттрудового периода, заключается в том, что с близкими друзьями (в основном коллегами по прежней работе) они общаются столь же часто, сколь и с детьми. Это можно объяснить тем, что коллеги по работе являются одной из нитей, связывающей наступившую, в основном пассивную, жизнь с активной прошлой жизнью.

Для второй возрастной группы (старше 65 лет) «круг общения», во-первых, значительно сужается, а во-вторых, перераспределяются его члены: 1) дети (внуки практически исчезают из этого круга), 2) родители, 3) соседи, 4) близкие друзья и бывшие коллеги по работе.

Если говорить о связях, которые возникают на основе общественной активности людей, то они практически не распространены среди исследованной категории женщин. Минимизировано участие в деятельности политических партий, ассоциаций, политических клубов, профсоюзов или профессиональных организаций, церкви. Незначительная часть одиноких женщин (9 %) участвовала в общественной деятельности по месту проживания, еще меньше (около 5 %) – в деятельности клубов по интересам. Таким образом, у одиноких женщин посттрудового периода основной «источник» социальных связей – родственные, соседские и дружеские (в основном с бывшими коллегами по работе) отношения, минимизированы связи, основанные на базе совместной общественной активности.

Исследованный показатель – частота контактов – дает лишь представление о схожести явлений, но не их содержании. В этой связи рассмотрим вопрос, в какой мере родственные и дружеские связи обеспечивают социальную поддержку, помогая решать те или иные жизненные проблемы. Для ответа на него используем данные о том, к кому женщины чаще всего обращаются за помощью в случае болезни, при необходимости занять какую-то сумму денег, найти работу и в трудных жизненных ситуациях (стресс, депрессия, и т. п.).

Нами получены следующие ответы. Помочь по дому при болезни, сделать покупки: дети – 18 %, сестра, брат – 15 %, близкие подруги – 11 %, соседи – 10 %. Занять денег: родители – 12 %, дети – 10 %, сестра, брат – 9 %, близкие подруги – 8 %, соседи – 6 %. Отсутствие в этом перечне кредитных организаций объясняется сверхсложной реализацией этой услуги для российских пенсионеров и неприемлемыми для них процентными ставками. В трудных жизненных ситуациях, когда тяжело на душе и хочется с кем-то поделиться своими переживаниями, одинокие женщины чаще всего обращаются за помощью к близким подругам – 11 %, далее следуют родители – 10 %, дети – 7 %, соседи – 4 %. Таким образом, функцию морально-психологической поддержки чаще всего выполняет семья и близкие друзья.

Удручающим фактом является то, что со временем такая поддержка со стороны друзей и подруг значительно ослабевает [4]. Мы специально опросили одиноких женщин с более чем десятилетним стажем пенсионной жизни и отметили значительное перераспределение акторов участия в жизни одиноких пенсионеров.

В разрезе исследования качества жизни одиноких женщин-пенсионерок им был предложен вопрос: «На чью помощь Вы рассчитываете в трудных жизненных ситуациях?». Для ответа на этот вопрос нами было предложено 6 вариантов: 1) только на саму себя; 2) на помощь детей; 3) на помощь близких друзей; 4) на помощь предприятия, организации, где завершила трудовую деятельность; 5) на помощь государства (органов социального обеспечения); 6) другое.

Анализ ответов показал следующее. Основное большинство одиноких пенсионерок рассчитывает только на себя, несколько меньшая часть – на детей. Эти данные, видимо, отражают реальную ситуацию, сложившуюся в исследованной выборке. Действительно, первая группа пенсионерок, вероятно, уже полностью минимизировала (утратила) какие-либо

родственные связи и не рассчитывает на реальную помощь ни от каких людей, организаций, фондов и прочее. Вторая группа ощущает поддержку со стороны детей и рассчитывает на неё и в будущем. Только 3,1 % одиноких пенсионерок ещё ощущает поддержку от близких друзей-ровесников. Однако эта тонкая ниточка может порваться из-за их болезни и ухода из жизни. Незначительная часть одиноких пенсионерок (6,6 %) ощущают небольшую поддержку тех организаций, где они завершили трудовую деятельность. Здесь были названы такие её формы: приглашения на знаменательные даты (праздники) и события, продуктовые наборы ко Дню пожилых людей, медицинский патронаж (для медицинских организаций). При выборе варианта «другое» был указано на помощь со стороны благотворительных организаций.

Если говорить о роли родственных и дружеских связей при поиске работы в официальный посттрудовой период, то из числа нашедших работу одиноких женщин Забайкалья, нашли её самостоятельно около 10 %, с помощью родственников 45 %, знакомых и друзей около 30 %. Доля женщин, нашедших работу по формальным каналам, через различные службы, рекламу, составила лишь около 5 %.

Социальные связи предполагают не только использование ресурсов других людей (родственников, друзей): их времени, душевных и физических сил, финансов, но и расходование своих ресурсов на поддержание этих связей. Полученные нами данные показывают степень вовлечённости одиноких женщин в оказание социальной поддержки. При этом круг людей, кому эта помощь оказывалась, – обычный круг общения: родственники, близкие друзья, соседи. При ответе на вопрос «Как часто за прошедший год Вы оказывали какую-либо помощь?» были получены следующие ответы. Помощь по дому, приобретение продуктов, лекарств: часто – 21 %, редко – 45 %, никогда – 26 %. Давали денег в займы: часто – 7 %, редко – 65 %, никогда – 28 %. Установлено, что предоставляемая сумма не превышала 500 руб. Уде-

ляли время для того, чтобы поговорить с расстроенным человеком: часто – 41 %, редко – 45 %, никогда – 14 %.

Приведённым перечнем практически исчерпываются все возможные варианты помощи, которую посильны оказать одинокие женщины-пенсионерки. Естественно, что здесь преобладает помощь в виде поддержки в осуществлении витальных потребностей человека и, в основном, это психологическая поддержка. Почти половина этих женщин оказывала её родственникам и соседям, полагая, что подобная помощь при необходимости будет оказана и им.

Как видно из приведённых данных, женщины достаточно часто используют своё время на то, чтобы помочь другим людям, чаще психологически и физически, реже финансами. При этом две трети опрошенных людей не считают эту помощь чем-то обременительным для себя, и только четверть полагают, что иногда друзья, родственники требуют больше, чем следует. В целом можно сказать, что родственные и дружеские связи играют важную роль в оказании разного рода социальной поддержки. Обращение в формальные организации, такие как службы психологической поддержки, благотворительные организации, практически не имеет распространения в Забайкалье. Даже в случае поиска необходимой суммы денег роль семейных и дружеских связей остаётся достаточно важной. Таким образом, для исследуемой категории женщин характерна распространённость «инструментальных» представлений о дружбе, т. е. ожидания помощи в своих делах, интеллектуальное общение минимизировано.

Родственные и особенно дружеские связи могут существовать, если есть доверие к родственникам и друзьям. В российском менталитете эти связи особенно важны, поскольку среди россиян в большей мере, чем в других странах, распространён своего рода психологический «изоляционизм» – недоверие и настороженное отношение к другим людям, не входящим в круг близкого общения (родственники

и друзья). Эта особенность российского менталитета актуализируется средствами массовой информации: с экрана телевизора постоянно демонстрируются новые «технологии» обмана пожилых людей при сделках с недвижимостью; новые «технологии» обеспечения лекарственными препаратами; чудо-приборы, излечивающие от всех болезней; ограбления пожилых, осуществляемые всевозможными проходчиками, действующими под видом представителей социальных служб, органов охраны правопорядка, ЖКХ и т. п.

В связи со сказанным мы попытались выяснить степень доверия одиноких женщин посттрудового периода жизни к «другим». Оказалось, что более 80 % женщин считают, что полностью можно доверять близкому кругу общения: родственникам, близким друзьям, соседям. Ещё больше (около 90 %) согласны с тем, что если не быть начеку, то другие этим непременно воспользуются. Поэтому, с одной стороны, родственные и дружеские связи выполняют функцию «психологического убежища»; с другой – во всех сложных ситуациях (бытовых или деловых) люди обращаются, прежде всего, к родственникам, друзьям, т. е. знакомым людям, в действиях которых в определённой мере можно быть уверенными.

На протяжении всего посттрудового периода одиноких женщин наблюдается угасающая динамика социальных связей [5]. Подобно тому, как старится сам человек,

так старятся его родные, друзья и соседи. Практически это означает, что некоторые из них уходят из жизни, другие заболевают, становятся калеками, переезжают жить к детям или в дома престарелых. Иными словами, число связей с друзьями постоянно уменьшается, а связь с оставшимися в живых ослабляется. Это значит, что пожилой человек постепенно утрачивает социальные связи. Такое состояние часто провоцирует острый или затяжной, иногда хронический эмоциональный стресс, сопровождающийся разрушительным влиянием на личность одинокой пожилой женщины, наличием расстройств депрессивного спектра, нередким появлением переживаний ненужности и безысходности [6].

В заключение следует отметить следующее. Родственные и дружеские связи играют важную роль в оказании социальной поддержки и помощи в решении таких проблем, как помощь по хозяйству, уход за больными, оказание психологической поддержки и даже одалживании денег. Степень открытости и доверия к другим людям, не принадлежащим к близкому кругу (родственники, друзья), у одиноких женщин является достаточно низкой. Если признать, что открытость и доверие к другим людям является основой существования других видов связей на основе общественной активности, то условия для её возникновения у исследованной категории женщин менее благоприятны.

Список литературы

1. Хахулина Л. Человек в системе социальных связей // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 39–49.
2. Павлов А. П. Социальные проблемы коммуникативного порядка. URL : <http://arctogaia.krasu.ru/laboratory/pavlov/soc.shtm>.
3. Золотухин С. А. Социальные связи, отношения и коммуникации: общее и различное у американцев и казахстанцев // Теория и практика коммуникации. Сб. науч. тр. : Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 2 / под общ. ред. И. Н. Розиной. Ростов н/Д : ИУ-БиП, 2004. 244 с. С. 72–77.
4. Арефьева Т. К. Социальные проблемы пожилых в современном российском обществе // Пожилые люди. Взгляд в XXI век / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2000.
5. Биксон Т. К., Пелло П. Э., Рук К. С., Гудчайдло Ж. Д. Жизнь старого и одинокого человека // Лабиринты одиночества / пер. с англ. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М. : Прогресс, 1989.
6. Козлова Т. З. Одиночество пожилых людей (Одинокие пожилые люди в России) // Социология. Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. 2000. С. 105–127.

Рукопись поступила в редакцию 15.03.2011

Ю. В. Табакаев, Е. В. Литягин
г. Горно-Алтайск, Россия

Межнациональные отношения в современной России и Республики Алтай

У населения современной России не имеет своей общей идентификации в масштабе страны. Поэтому ситуация в сфере отношений между людьми различных национальностей ухудшилась к концу 2010. Это время характеризуется массовыми протестами молодёжи в Москве и других российских городах с радикальными лозунгами, которые имеют националистическую природу. Алтайская республика – место довольно мирного межэтнического обитания. Хотя, это благосостояние основано на общем историческом наследии и единстве жилой территории. Однако, запас стабильности установленных факторов не будет длиться вечно, и в конце концов он исчезнет если не будет объединенной национальной и федеральной идеологии.

Ключевые слова: идеология, отношения между людьми разных национальностей, само и этноидентификация.

Yu. V. Tabakayev, Ye. V. Lityagin
Gorno-Altaiisk, Russia

Multinational Relations in Modern Russia and the Altai Republic

The population of modern Russia hasn't got its general identification on a scale of Russia as an integral state. Therefore the situation in the sphere of relations between people of different nationalities has deteriorated by the end of 2010. This time is indicated by mass protests of youth in Moscow and other Russian cities with radical slogans that bear a nationalistic nature. The Altai Republic is a place of rather peaceful interethnic coexistence. Although, this well-being is based on the common historical heritage and the unity of the residential territory. The reserve of stability of the stated factors will not last for ever, and it will extinct in case of the lack of a united national and federal ideology.

Keywords: ideology, relations between people of different nationalities, self-and ethno-identification.

Проект 90-х гг. XX в. идеологической экспансии по насаждению на постсоветском пространстве вульгарного неолиберализма, ставшего духовной основой современного однополярного глобалистического мира, блокирует возникновение и функционирование каких-либо национально-государственных идейно-ценностных доктрин. Население современной России до сих пор не имеет общей идентификации в масштабе единого государства. Как показывают социологические опросы в Республике Алтай, почти треть респондентов негативно относится к своей национально-гражданской принадлежности (россияне) [7]. Тем не менее, необходимость быть причастным

к тем или иным социальным группам является неотъемлемым компонентом личности. Каждый человек, живущий в обществе, входит во множество групп и выделяет из них интруппы (свои) и аутгруппы (чужие). Отмеченная выше идеология неолиберализма с ориентацией на такие ценности, как гедонизм, потребительство, космополитизм и т. п., способствует лишь социальной атомизации и аномии в современном российском социуме, не являясь консолидирующим референтным ядром. Именно поэтому граждане вынуждены выбирать иную самоидентификацию (религиозную, политическую, национально-этническую, экономическую, статусно-ролевою и т. п.). Спрос

на ценностные ориентиры и групповую принадлежность породил многочисленные «предложения» со стороны «ловцов душ», начиная от откровенных шарлатанов-экстрасенсов, прорицателей-учителей из разнообразных сект, представителей религиозных доктрин, лидеров молодёжных субкультур и заканчивая националистическими движениями и политическими партиями.

Итогом накопившихся проблем стало резкое обострение ситуации в сфере межнациональных отношений к концу 2010 г., проявившееся в массовых выступлениях молодёжи под радикальными националистическими лозунгами в Москве и других городах России. По результатам социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенным 24.04.2010, 32 % респондентов отметили, что за последний год межнациональные отношения в России стали напряженнее, нетерпимее [1]. Как отмечается в Докладе Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год [3, с. 82], стала очевидной необходимость принятия радикальных комплексных мер по изменению ситуации и профилактике экстремистских настроений прежде всего в среде молодежи. К нашему сожалению, авторы Доклада, проводя анализ положения в стране и справедливо отмечая комплекс причин нарастания межнациональных конфликтов, таких как: кризис миграционной политики (отсутствие четкой стратегии, увязанной с регулированием социально-трудовых отношений) и коррупция в правоохранительных органах; сложная ситуация на рынке труда (отсутствие рабочих мест приводит к маргинализации и криминализации мигрантов); неблагоприятная социальная ситуация (отсутствие внятных жизненных перспектив, всепроникающая коррупция, бюрократический произвол, повальное пьянство, драки и

мат); культурно-поведенческие противоречия в молодёжной среде (взаимное неприятие иноэтничных нормативов поведения), – обошли своим вниманием основные причины этого:

- отсутствие чёткой национально-государственной идеологии, отвечающей за реализацию таких необходимых социальных функций, как интеграция, целеориентация, мобилизация и др.;
- отсутствие консолидирующего национального актора – титульной нации, способной противостоять таким современным вызовам, как культурная глобализация (американо-европизация), ассимиляция (Китай, Средняя Азия, Кавказ), терроризм (религиозный фундаментализм, экстремизм), внутренняя конфронтация (этнонациональный сепаратизм) и др.

В результате авторы Доклада перечисляют ряд предложений, носящих характер оперативного реагирования на последствия, но не устраняющие саму причину межнациональной конфликтогенности.

Более конструктивное понимание причин межнациональной напряженности в современной России было высказано Президентом РФ 11 февраля 2011 года на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [6, с. 82]. Д. А. Медведев обозначил несколько приоритетных задач, первой из которых является организация работы по вопросам межнационального мира, межнационального общения, которую необходимо начинать со школы, университета. «Именно там закладываются основы мировоззрения человека, и именно от того, какой образ мыслей приобретает человек во время получения образования, зависит и его мироощущение, зависит то, каким образом он относится к окружающему миру, насколько его взгляды совместимы с взглядами других людей, умеет ли он слушать других людей, умеет ли он уважительно относиться к привычкам других людей, способен ли он соблюдать правила современной жизни». Президент РФ также особо подчеркнул роль СМИ и потребность

создания медийной продукции, направленной на гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений.

Идеологическая основа рассматриваемых проблем очевидна. В Горно-Алтайском государственном университете проводится научно-исследовательская работа по изучению места и роли идеологических конструкций в трансформации межнациональных отношений в современной России (на примере Республики Алтай), в ходе которой были проведены социологические опросы и произведён анализ причин инфляции национально-государственной идентичности в российском обществе [7, с. 168].

В отличие от многих других регионов России Республика Алтай не испытывает на себе высокого миграционного давления, оставаясь местом компактного достаточно мирного сосуществования трёх преобладающих здесь этносов: алтайцев, казахов и русских. Именно поэтому на первое место здесь выступают «внутренние» межэтнические отношения, для понимания которых необходим целостный, в том числе исторический подход.

Процесс интеграции населения Горного Алтая (алтайцев) и России (русских) условно можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский (современный). Первый период проходил в условиях существования Российской империи. Мировой опыт показывает, что практически все империи, проводя колонизаторскую политику, руководствовались методами либо физического уничтожения, либо полной ассимиляции не «титულных» народов. Исключением из этого правила выступает, пожалуй, только Россия. Особенность российского пути исходит из объективных исторических условий, географического положения и климата. Как отмечает Ч. С. Кирвель, широта пространств, их малонаселенность превращали в совершенно неразумное занятие полное искоренение и денаци-

онализацию ассимилируемых Россией территорий. Напротив, для выживания в суровых условиях необходимой была кооперация усилий, сотрудничество. В результате этого у русского народа сформировались такие архетипические качества, как открытость, всечеловечность, уникально терпимое и доброжелательное отношение к другим народам [4, с. 62]. Тем не менее, в этот период сохранялась определенная дистанция в культурно-ценностной интеграции народов. Несмотря на активные действия со стороны царского правительства и Алтайской духовной миссии (распространение единой нормативно-правовой основы, христианизация, образование и т. п.) и стихийный процесс расширения взаимосвязей алтайского населения и русских переселенцев, отношения строятся как между «инородцами», «иноплеменниками».

В советский период этот недостаток был преодолен благодаря новой государственной идеологии. Национально-этническая принадлежность стала расцениваться как нечто второстепенное, а на первый план выходит идея социально-классового равенства в коммунистической интерпретации. Основные ценности советского общества были универсальными для всех этнонациональных групп, входящих в состав Союза. Сохраняя все многообразие этнических культур, советская идеология, между тем, не допускала появления социальных клаузул, не позволяя возводить социальные барьеры и замыкаться национально-этническим группам «внутри себя». Эмоциональное поле общности выстраивалось на уровне надэтнонациональной идентификации. Свидетельством того выступают такие идеологические понятия, как «товарищ», «советский народ», «братство народов», «семья народов» – включающие в себя психо-эмоциональную окраску. Огромное значение в интеграционном процессе сыграли такие исторические события, как Великая отечественная война и пос-

левоенное восстановление страны, в которых, как в доменной печи, выплавлялся единый социум.

Третий период ознаменовался крушением СССР и упразднением советской системы ценностей. Отказ от идеологии «дружбы народов» подтолкнул многие национальности страны к этническому изоляционизму и сепаратизму. По мнению М. Н. Губогло, это стало основой конфликтности в трех основных категориях идентичности: этничности, конфессиональности и имущественной принадлежности [2, с. 62], что нашло свое практическое выражение на постсоветском пространстве в виде так называемого «парада суверенитетов» и сопутствующих этому процессу межнациональных и межэтнических конфликтов. Отсутствие четкой и эффективной национальной политики способствовало и продолжает способствовать этносоциальному изоляционизму и напряженности межнациональных отношений.

Сегодня Республика Алтай, как отмечалось выше, место достаточно мирного межэтнического сосуществования. Однако подобное благополучие зиждется на фундаменте общего исторического наследия и единства территории проживания. Тем не менее, запас прочности указанных факторов не вечен и при отсутствии единой национально-государственной культурно-ценностной системы может иссякнуть.

Среди выявленных в ходе исследований факторов, вызывающих межнациональную напряженность в Республике Алтай, можно отметить следующие: назначение на руководящие и престижные должности по национальному признаку; недостаточное участие представителей своих этносов в работе органов власти; влияние национального фактора при приеме на работу; негативные высказывания людей одних национальностей о людях других национальностей (и наоборот); групповые хулиганские действия и нарушения общественного порядка на национальной почве среди молодежи. Для улучшения

межнациональных отношений необходимо, по мнению опрошенных, обеспечить нравственное воспитание в системе всех институтов социализации, прежде всего в семье, исключить мононациональный принцип формирования групп в различного рода учебно-воспитательных, спортивных, культурно-творческих, профессиональных, религиозно-конфессиональных и других учреждениях; приветствовать национально-смешанные браки. Особое значение для нашего исследования представляет то, что респонденты часто отмечали необходимость в существовании некоей общей цели, обеспечивающей сплоченность всего общества.

В целом, исследования показали, что подавляющее большинство респондентов терпимо относится к представителям других национальностей. Однако косвенные данные свидетельствуют о присутствии националистических признаков в обществе. Так, например, контент-анализ объявлений о предоставлении жилой площади для студентов выявил желание авторов данных объявлений предоставлять жильё исключительно представителям своей национальности и процент таких объявлений достаточно высокий (около 30 %). При этом процент указаний на принадлежность к русской национальности значительно выше, что позволяет сделать вывод о настороженном отношении русских к представителям других национальностей. Этот вывод подтверждается результатами фокус-групповых исследований. В декабре 2010 г. в г. Горно-Алтайске было проведено 4 фокус-группы (две с экспертами алтайской национальности и две с русскими). Именно русские эксперты отметили агрессивность со стороны представителей алтайской национальности, прежде всего молодежи, по отношению к русским. Прозвучали следующие высказывания: «Они считают русских людьми второго сорта, подчёркивают свою национальную исключительность и превосходство; считают себя единственными

хозяевами Республики Алтай». «В некоторых местах города, где собирается алтайская молодёжь, невозможно пройти русским; родственно-клановые связи распространяются и на представителей правоохранительных органов, которые покрывают их хулиганские действия». «Межнациональные отношения, особенно на бытовом уровне, обострены, но все (политики, СМИ) об этом молчат». Кроме этого, продолжается конфликт и внутри алтайского народа, прежде всего между «северными» и «южными» алтайцами. Существует напряжённость в отношениях городских «обрусевших»

алтайцев и приезжих из мононациональных алтайских сёл. Сложившаяся ситуация требует самого пристального изучения для разработки современной доктрины национально-культурной политики в Республике Алтай и Российской Федерации. Бесспорным является то, что дальнейшее развитие России немислимо при отсутствии достаточно прочной основы для интеграции всего российского общества. Формирование общегосударственной культурно-ценностной системы, выраженной в идеологии, – важнейшая задача для современного поколения.

Список литературы

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL : <http://wciom.ru/zh/print>.
2. Губогло М. Н. Этничность. Конфессиональность. Гражданственность. ЭКГ России // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. 5. М. : ФРПЦ, 2000. С. 4–31.
3. Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. URL : <http://opr.f.ru/files/Doklad>
4. Кирвель Ч. С. Глобализирующийся мир : путь в рабство или к свободе? // Розмысл. 2002. № 5. С. 38–76.
5. Литягин Е. В. Межэтнические отношения в Республике Алтай // Муниципальный мир : науч.-ан. журн. М. ; Горно-Алтайск, 2010. С. 43–45.
6. Стенографический отчёт о заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 года. URL : <http://news.kremlin.ru/news/10312>.
7. Табакаев Ю. В. Литягин Е. В. Дискредитация исторических символов в идеологической трансформации межнациональных отношений в современной России // Социальные процессы в современной Западной Сибири : сб. науч. статей. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2010. С. 168–171.

Рукопись поступила в редакцию 28.03.2011

Л. А. Табылгинова
г. Горно-Алтайск, Россия

Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция»

В статье на основании анализа существующих концепций и теорий социальной интеграции выделены два основных подхода к понятию «социальная интеграция»: первый подход – это теории о развитии и функционировании общественной системы как цельности, в совокупности сложных взаимосвязей, возникающих между различными подсистемами общества; второй подход – это теории о возникновении и развитии взаимоотношений между индивидом и обществом через усвоение ценностно-нормативной системы.

Ключевые слова: социальная интеграция, солидарность, взаимодействие, объединение, консенсус, согласие.

L. A. Tabyuginova
Gorno-Altaiisk, Russia

The Main Scientific Approaches to the Concept of “Social Integration”

On the grounds of the analysis of existing concepts and theories of social integration the author emphasizes two main approaches to the concept “social integration”. The first approach – theories about the development and operating the public system as an integrity in the set of complex intercouplings, appearing between different subsystems of society. The second approach – theories about the origin and the development of the relations between individual and society through assimilation of value-normative system.

Keywords: social integration, solidarity, interaction, union, consensus, consent.

Понятие «интеграция» пришло в социальные науки из естественных – физики, биологии и других, где под ней понимается состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое и процесс, ведущий к такому состоянию.

В обиход европейской науки и в частности в психологию понятие интеграции введено Карлом Густавом Юнгом. Под интеграцией он понимал следующее: а) осознание конфликта между фрагментами сознания; б) принятие конфликтующих сторон как равных по значимости [1, с. 54]. Смысл интеграции заключается в том, что та область сознания, которая вытеснялась, подавлялась личностью, более не отвергалась. То есть, интеграция означает принятие и осознание того материала психической реальности, который

изгонялся из сферы Эго в бессознательное при помощи защитных механизмов (подавление, вытеснение).

В современной социологической литературе понятию социальной интеграции, как отмечают З. Т. Голенкова, Е. Д. Ихитханян, уделяется недостаточно внимания, и нет четкой определенности понятийного аппарата. Чаще всего социальная интеграция понимается как (от лат. *integratio* – соединение, восстановление) состояние и процесс объединения в единое целое, сосуществование ранее разрозненных частей и элементов системы вместе, на основе их взаимозависимости и взаимодополняемости, в том числе как процесс гармонизации отношений между различными социальными группами [4, с. 22].

Согласно энциклопедическим данным, понятие «интеграция» анализируется с нескольких точек зрения: 1) обозначает степень, в которой индивидуум испытывает чувство принадлежности к социальной группе или коллективу на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений [3, с. 544]; 2) объединение в целое каких-либо частей или элементов [2, с. 432]; 3) степень, в которой деятельность или функция различных институтов, подсистем в обществе скорее дополняют друг друга, чем противоречат друг другу [6, с. 433]; 4) наличие специфических учреждений, поддерживающих дополнительную и координированную деятельность других подсистем общества [5, с. 508].

В философской и социологической мысли XVIII–XIX вв. преобладало понимание интеграции как качественной характеристики макросистем (общества, культуры, цивилизации). Культуры (или «цивилизации») рассматривались как замкнутые, тотально интегрированные органические единицы, характеризующиеся внутренней согласованностью составляющих элементов (Дж. Вико, Ш. Монтескье), естественным внутренним равновесием (Э. Берк, Ж. де Местр), воплощающие в себе некие общие принципы, единые «культурные конфигурации», специфические «национальные идеи», «коллективный дух» (Ж.-Ж. Руссо, И. Гердер, П. Чаадаев, О. Шпенглер, Дильтей, Буркхарт).

В позитивистской социологии О. Конта и Г. Спенсера впервые были ясно актуализированы основы функционального подхода к социальной интеграции. Согласно О. Конту, кооперация, основанная на разделении труда, выполняет функцию по поддержанию социальной гармонии и установлению в обществе «всеобщего согласия» (консенсуса). Г. Спенсер выделял две стороны любого процесса развития: дифференциацию (структурную и функциональную) и интеграцию, обеспечивающую согласованность всё более специализируемыми институтами.

Э. Дюркгейм, определяя общество как интегрированное целое, состоящее из взаимозависящих частей, выделял два типа обществ: с механической (архаическое общество) и органической (индустриальное общество) солидарностью.

Органическая солидарность – это консенсус, то есть сплоченность коллектива, рождается вследствие дифференциации или объясняется ею. Солидарность рассматривалась Дюркгеймом как условие выживания и стабильности общества, а основной функцией социальных институтов он считал интегративную. Разделение труда в современных обществах закладывает основу социальной интеграции нового типа.

Необходимо также отметить: Дюркгейм, исследуя феномен самоубийства, ведёт поиск социально интегрирующих факторов, которые предохраняют личность от социальной изоляции (одна из причин суицида). На основании результатов своего исследования Э. Дюркгейм установил, что число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид.

Позиция Дюркгейма основывается на представлении, согласно которому действия людей по реализации общественных интересов создают основы социальной интеграции, а главным фактором социальной интеграции стал выделять моральное воспитание и политическое действие [7, с. 178].

Таким образом, Э. Дюркгейм утверждал, что общество есть единый коллектив, поддающийся точному определению, хоть и с естественно меняющимся составом индивидов, который будет объединять система институционализованных ценностей, то есть общая культура и реализация этих ценностей в обществе.

Г. Зиммель сближается с Дюркгеймом в том смысле, что тоже открывает в структурах и институтах капиталистического общества функциональные эквиваленты

элементарных связей обычая, которые (по идее) поддерживали единство традиционного общества. В другом месте он показывает, что в современном обществе развитое разделение труда и действия в области экономики одновременно укрепляют высокий уровень доверия в общественных отношениях, что может способствовать более успешной интеграции.

Т. Парсонс утверждал, что процесс становления и поддержания социальных взаимодействий и взаимоотношений между деятелями (агентами) – одно из функциональных условий существования и равновесия социальной системы наряду с адаптацией, достижением цели и сохранением ценностных образцов.

Для Парсонса интеграция является фундаментальным свойством или функциональным императивом социальной системы (социетального общества), она обеспечивает солидарность членов общества и необходимый уровень их лояльности по отношению друг к другу и по отношению к системе в целом. Социетальное общество, являясь ядром общества, обеспечивает «различные порядки и уровни внутренней интеграции». «Социетальный порядок требует ясной и определенной интеграции в смысле последовательности нормативного строя, с одной стороны, и социетальной «гармонии» и «координированности» – с другой» [12, с. 151]. То есть интегративные процессы, согласно концепции учёного, носят компенсаторный характер, так как обеспечивают восстановление равновесия после возмущений и гарантирует непрерывность и воспроизводство общества.

Также, согласно взглядам Т. Парсонса, центральным моментом процесса социальной интеграции как органичной части социализации является интернализация культуры того общества, где родился индивид, который «вбирает» в себя общие ценности (аксиологические паттерны) в процессе общения со «значимыми другими» или, по П. Бергеру и Т. Лукману, перенимает их от «другого». В результа-

те этого следование общезначимым нормативным стандартам становится частью мотивационной структуры индивида, его потребностью. Данный процесс хорошо представил Дж. Г. Мид: «...индивид должен ввести в свое индивидуальное сознание социальный процесс в форме принятия установки других индивидов по отношению к нему и друг другу, а также принять их установки по отношению к социальной деятельности, а затем действовать в направлении всеобщего социального процесса» [11, с. 225]. Следовательно, развитие и жизнедеятельность личности совершается в процессе общения индивида с членами определенной социальной группы, в ходе совместной деятельности, в процессе межличностного взаимодействия. В целом, явление взаимодействия представляет определённую систему, где в рамках процесса интеракционирования существует тесная функциональная связь между центрами взаимодействия, и поведение или состояние одного из них тотчас же отражается на поведении и состоянии другого, изменения одного (доминирующего в данный момент) индивида определяют (часто латентно) изменения в поведении и состоянии его контрагента. Отсюда единство, высокая степень социальной интеграции возможны только при установлении между индивидами функциональных связей, то есть отношений взаимодействия.

По мысли американского социолога Ч. Миллса проблема порядка и тем самым интеграции стабильных систем социального взаимодействия, то есть социальной структуры, сосредотачивается на интеграции мотиваций деятелей и нормативных стандартов культуры, которые межличностным образом интегрируют систему действия между личностями.

Немецкий социолог М. Вебер рассматривает процесс интеграции через единство самого индивида и его поведения. Отдельный индивид и его поведение является как бы «клеточкой» социологии и истории, их «атомом», тем «простейшим

единством», которое само уже не подлечит дальнейшему разложению и расщеплению [9, с. 14]. Профессор Мичинского университета И. Х. Кули понятие «интеграция» рассматривал через изначальное единство общественного сознания и единство личности и общества. И, как отмечал учёный, «единство общественного сознания» состоит не в сходстве, а в организации, взаимовлиянии и причинной связи его частей [10, с. 14].

Таким образом, социальная интеграция является характеристикой меры совпадения ценностей, целей, интересов различных социальных групп, индивидов; и близкими к ней понятиями в различных аспектах является согласие, социальная сплоченность, солидарность, включение индивида в группу, партнёрство. Естественным вариантом её абсолютизации выступает синкретизм, когда индивид в обществе ценен не столько сам по себе, сколько в зависимости от того, к какому социальному целому он принадлежит, к какой профессиональной группе, организации и т. п. Индивид рассматривается как элемент целого, его ценность определяется вкладом в целое (организацию, общество).

Самая жизнеспособная разновидность социальной интеграции, как отмечают З. Т. Голенкова, Е. Д. Ихитханян, складывается из единства разнообразия, формирования целостности на основании совпадения целей и интересов. Однако, как указывает Э. Дюркгейм, в современном обществе затруднительно решить вопрос о нормальности, о целостности какого-либо явления. Всё определяется конкретной социальной ситуацией, поведением окружающих, конкретным видом деятельности. При этом, с точки зрения Э. Дюркгейма, болезнь не делает человека особым существом, а лишь принуждает его иначе адаптироваться.

Ещё одним фактором интеграции личности в общество в социологической мысли рассматривали право. Концепции правоведения к интеграции использова-

ли в своих исследованиях такие учёные, как Г. Спенсер (начала структурно-функционального изучения общества как организм); М. Вебер (теория социального действия, учение легитимации власти, концепция рациональной бюрократии); Т. Парсонс (право как средство социального контроля и фактор интеграции индивидуальных ценностных ориентаций); Г. Гурвич (право как фактор интеграции и институционализации в общественных отношениях). Говоря о роли права в социальной интеграции личности в общество, следует отметить, что все точки зрения исследователей сходны в своей сути: право – это некая совокупность мер свободы и ограничения. Право через закрепленные определённым образом нормы поведения является основой самовоспроизводства общественных связей, а значит, и самого общества. Таким образом, право является одним из важнейших элементов в социальной интеграции людей с ограниченными возможностями.

Также вопросами понимания социальной интеграции, её природы и типов интегративных процессов занимались такие представители современной социологии, как Э. Гидденс и Ю. Хабермас. В своих рассуждениях о жизненном мире и системе Хабермас в рамках концептуальных стратегий заключает: «Фундаментальная проблема социальной теории состоит в том, как удовлетворительным образом соединить две концептуальные стратегии, обозначенные понятиями «система» и «жизненный мир» [13, с. 149]. Ю. Хабермас называет эти концептуальные стратегии «социальной интеграцией» и «системой интеграции». Именно в рамках данных стратегий описывается ещё один из факторов социальной интеграции – коммуникация.

Подход к социальной интеграции концентрируется на жизненном мире и на том, как система действия интегрирована посредством нормативно гарантированного или достигнутого в коммуника-

ции консенсуса. Социальные теоретики, считающие, что общество объединено посредством социальной интеграции, отталкиваются от коммуникативного действия и отождествляют общество с жизненным миром.

Британский социолог Э. Гидденс трактовал понятие «интеграция» не как синоним сплоченности или консенсуса, а как процесс взаимодействия. Ученый проводит различие между понятиями «системная интеграция» и «социальная интеграция». Социальная интеграция – это взаимодействие между субъектами действия. Она определяется как системность на личном уровне, что предполагает пространственное и временное соприсутствие агентов взаимодействия. Системная интеграция – это взаимодействие групп и коллективов, составляющее основу системности общества как целого.

Отечественный ученый Н. Н. Федотова считает, что любые определения интеграции не универсальны, так как они учитывают очень немногие из элементов, функционирующих в социуме. Социальную интеграцию учёный рассматривает как совокупность процессов, благодаря которым происходит сцепление разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему, формы поддержания социальными группами определённой устойчивости и равновесия общественных отношений. При этом двумя наиболее важными подходами выделяет: интерпретацию интеграции на основе общих ценностей (Т. Парсонса) и на основе взаимозависимости в ситуации разделения труда (Э. Дюркгейм).

Интересная концепция социальной интеграции представлена в исследованиях отечественных социологов Б. Г. Жогина, Т. Ф. Масловой, В. К. Шаповаловой. Согласно данной концепции, социальная интеграция выступает как характеристика меры совпадений целей, интересов различных социальных групп, индивидов.

С точки зрения Д. В. Зайцева, рассмотрение учёными единства целей, ценностей, взглядов и убеждений индивидов в качестве одного из главных оснований их интеграции в общество является недостаточно правомерным, так как происходит объединение индивидов с различным габитусом. Учитывая, что каждый человек имеет свою собственную систему взглядов, ценностей, предпочтений, а процесс интеграции в общество предполагает, прежде всего, организацию совместной деятельности на основе межличностного взаимодействия, взаимоадаптирования, её и необходимо, считает автор, рассматривать в качестве определяющего признака социальной интеграции [8, с. 255].

Таким образом, пространство социальной интеграции способствует развитию коммуникативной культуры человека, предоставляет возможность для сознательного и бессознательного обучения необходимым, адекватным и продуктивным практикам социального интеракционирования посредством освоенных ранее социальных ролей и формирует у индивида социальное поведение, ожидаемое обществом и обусловленное социальным статусом, то есть социальной позицией, связанной с определёнными правами и обязанностями и культурными нормами. В целом, социальная интеграция сводится, во-первых, к объединению людей на основе существования общих ценностей и взаимозависимости, а во-вторых, к возникновению межличностных связей, практик взаимодействия, взаимной адаптации между социальными группами и интегрированными индивидами. При этом уровень интеграции, с точки зрения Э. Дюркгейма, определяется степенью испытываемого индивидом чувства принадлежности к социальной группе или коллективу на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений.

Анализируя и обобщая взгляды исследователей, непосредственно касаю-

щихся проблем интеграции, приходим к выводу, что существует множество теорий, которые в основном можно свести к двум подходам: а) теории о развитии и функционировании общественной системы как цельности, в совокупности сложных взаимосвязей, возникающих между различными подсистемами общества (Э. Гидденс, О. Конт, Н. Луман, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.); б) теории о возникновении и развитии взаимоотношений между индивидом и обществом – усвоение ценностно-норматив-

ной системы общества (Э. Дюркгейм, И. К. Кули, Ю. Хабермас и др.). Однако цельной и единой теории, которая объясняла бы, какие основания являются универсальными для интеграции как индивида, так и общества в целом, нет.

Понятие «социальная интеграция» можно рассматривать, с одной стороны, как процесс активного включения индивида в социальную жизнь общества, а с другой стороны – как процесс активного усвоения индивидом общественных норм и ценностей.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология : учеб. для вузов. М. : Аспект-Пресс, 2000. 373 с.
2. Антикризисное управление : учебник / под ред. Э. М. Короткова. М. : ИНФРА-М, 2000. 432 с.
3. Большой социологический словарь. М. : Вече, 1999. Т. 2. 544 с.
4. Герасименко О. А., Дименштейн Р. П. Социально-педагогическая интеграция. Выработка концепции // Социально-педагогическая интеграция в России / под ред. А. А. Цыганок. М. : Теревинф, 2001. 7 с.
5. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. М. : Вече Аст, 1999. Т. 1-2 (А-О, П-Я). 544 с.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда : метод социологии. М., 2000. 433 с.
7. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 27–34.
8. Зайцев Д. В. Социально-образовательная интеграция нетипичных детей : современные тенденции и перспективы // Российское общество и социология в XXI веке : социальные вызовы и альтернативы : в 3 т. М. : МГУ, 2003. Т. 2. 594–595 с.
9. Мартыненко А. В. Медико-социальная работа в России : основные положения концепции // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 1998. № 2. С. 9-12.
10. Меринова В. Н. Особенности интеграции в общество лиц с ограниченными возможностями здоровья : дис. ... канд. социол. наук. Иркутск, 2007. 176 с.
11. Мид Дж. Г. Азия. Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во МУБиУ, 1996. 234 с.
12. Добровольская Т. А., Шабалина Н. Б. Инвалиды : дискриминируемое меньшинство? // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 35-38.
13. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М., 1996. 151 с.
14. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Бостон, 1987. Т. 2. 149 с.

Рукопись поступила в редакцию 05.04.2011

И. А. Таскина
г. Горно-Алтайск, Россия

**Национальные традиции как фактор социализации молодёжи
в условиях Республики Алтай**

Рассматривается процесс социализации личности с точки зрения влияния этнического фактора, включающего в себя традиции, обычаи, семейное воспитание. Проанализированы алтайские традиции опыта социального взаимодействия и общения. Отмечена необходимость учета в системе образования этнического фактора для целенаправленного формирования норм и эталонов, отражающих специфику социально-исторического опыта жизни народов, проживающих в республике.

Ключевые слова: традиции, нация, социализация, семья.

I. A. Taskina
Gorno-Altaiisk, Russia

National Traditions as Youth Socializing Factor in Conditions of the Republic of Altai

The individual socialization process using ethnical factor influence point of view, including traditions, customs and family upbringing is examined in the article. Altaian traditions of social networking and communication are analyzed. The necessity of taking ethnical factor into consideration in educational system for purposeful norms and etalons forming which reflect the specifics of living in the republic peoples' social and historical life experience is marked.

Keywords: traditions, nation, socialization, family.

Социально одобряемые черты характера формируются в период социализации личности. При этом, как известно, на данный процесс значительное влияние оказывают различного рода факторы, например этнос и всё что с ним связано (язык, культура, менталитет, традиции и пр.).

В связи с этим этнические особенности, связанные со способами социализации, подразделяются на витальные (способы физического развития детей, вскармливание ребенка, характер питания, охрана здоровья детей и др.) и ментальные (менталитет – совокупность установок людей к определенному типу мышления и действия) [2].

Рассмотрим влияние национальных традиций на процесс социализации молодёжи в условиях Республики Алтай.

Традиции – это набор представлений, обычаев, привычек и навыков практической деятельности, передаваемых из поколения в поколение, выступающих одним из регуляторов общественных отношений [1]. В связи с этим традиции являются важнейшим фактором социализации личности человека, а социальным институтом, призванным сохранять и передавать традиции этноса и нации, является семья.

Общеизвестно, что воспитание в семье основывается на убеждениях родителей, установках, полученных ими от своих родителей. В семье формируются и воспитываются навыки общения взаимодействия с окружающими, вырабатывается традиционное отношение к окружающим.

Послушание, терпимость, спокойствие, почтительное отношение к родителям, старшим по возрасту – все эти качества высоко ценятся в народе. Освящённые своей традиционностью, они составляют кодекс нравственно-этических представлений этноса [3; 5].

В алтайской семье социальный опыт из поколения в поколение передаётся через обычаи, обряды, ритуалы. В основу традиционной культуры общения алтайцев положены принципы взаимодействия людей, как представителей половозрастных групп. Характерным принципом, выступающим одним из внешних проявлений культурного облика алтайского народа, является уважительное отношение к старшим. Люди старшего поколения, как живая память коллектива, олицетворяют собой житейскую мудрость и выступают главными хранителями социального опыта. Подчёркивание престижа старшего по возрасту становится постоянной моральной обязанностью в ритуалах приветствий, обращений, знакомств, ведения беседы.

В традиционно-бытовой культуре общения алтайцев характерной является другая нравственная категория – «почитание женщины». Особое отношение ярко проявляется в обычае первенства угощения женщин: первый подарок предназначался хозяйке дома, сватовские подношения направлялись сначала матери невесты. Согласно жизненному идеалу алтайской семьи престиж и авторитет многодетной матери выше.

Основу обычая гостеприимства составлял характер жизни алтайского народа. У скотоводческих народов обычно путники не брали с собой запаса провизии, отправляясь в дальний путь: они знали, что в любой семье их накормят и напоят. Истоки гостеприимства исходят из поверья: трёх не угощать, может не быть достатка в пище. В алтайской культуре угощение означает сложный ритуал подношения еды вкруговую, по принципу старшинства и почётности присутствующих. Совместная трапеза, являющаяся сердцевинной и средоточением обычая и

гостеприимства, выступает как символ общения гостей и хозяев, как модель общения в обществе.

Культура общения любого этноса имеет свою специфику, выраженную в исторически сложившихся принципах коммуникации. Образец социально одобренного поведения, хранящийся в памяти народа, включает в себя объект общения (старец, женщина, гость, дети и пр.), вокруг которого выстраиваются морально-нормативные предложения предписывающего и запрещающего характера [6].

Общепринято считать, что человек не один и всегда может полагаться на помощь других, особенно родственников; с другой стороны, он должен поддерживать добрые отношения с окружающими. Концепция взаимной помощи довольно сильна среди алтайцев: необходимо учитывать нужды окружающих и делиться преимуществами, оказывать гостеприимство и соблюдать благожелательность и учтивость. Эти качества личности необходимы, поскольку Россия издревле является многонациональным государством. Поэтому в последние годы одной из актуальных задач системы образования является целенаправленное формирование норм и эталонов, отражающих специфику социально-исторического опыта жизни народов, проживающих в регионе; привитие навыков межнационального общения; формирование умения преодолевать конфликтные ситуации; развитие интереса к историко-культурному наследию народов, проживающих в Республике Алтай.

Важную роль в этом играет студенчество, именно в студенческой среде должна формироваться и распространяться межнациональная культура общения. Если в студенческую группу входят представители не одной, а нескольких национальностей, то актуализируется значение этнопсихологических особенностей общения в ходе социализации студенческой молодёжи, ведь в многонациональном коллективе наблюдается большое количество форм межличностных отноше-

ний по национальной принадлежности, обусловленных культурной спецификой, своеобразием языка, обычаев, традиций.

С точки зрения социальной психологии, межэтническое общение является формой реализации межнациональных отношений на личностном уровне, с личностно-психологичной конкретизацией процесса социализации. При межэтническом взаимодействии психологические проблемы могут возникать в связи с национальными установками и стереотипами поведения и восприятия людьми друг друга. Итак, активизируется проблема создания такой атмосферы, которая бы способствовала адекватному восприятию студенческой аудиторией иноэтнического представителя. Процесс социализации в студенческой группе может сопровождаться конфликтами, опасность которых заключается в том, что они вызывают возникновение резких негативных эмоций и отражаются в учебной деятельности студента. В процессе совместной деятельности причинами конфликтов, как правило, становятся два вида детерминант: предметно-деловые разногласия и различия личностно-прагматических интересов. Кроме того, конфликты возникают как между студентами, так и между студентами и преподавателями. При условии, если во взаимодействии студенческой среды, которое осуществляет совместную учебную деятельность, преобладают предметно-деловые разногласия, конфликт, в основном, не приводит к разрыву межличностных отношений и не сопровождается нагнетанием эмоционального напряжения и враждебности. Когда же противоречия возникают в сфере личностно-прагматических интересов, то они легко переходят в неприязнь и вражду. Случаются ситуации, когда различия личностно-прагматического характера прикрываются предметно-деловыми спорами или же когда длительные предметно-деловые споры постепенно приводят к личной неприязни. Все перечисленные варианты конфликта создают для студента неблагоприятный морально-психологический климат в группе, что вызывает снижение

интереса к учебе и общения в группе, в целом неэффективный процесс социализации. Если конфликт возникает между студентом и преподавателем и не решается, у студента может зародиться внутренняя неприязнь как к преподавателю, так и к преподаваемой им учебной дисциплине.

Вышеупомянутое позволяет рассматривать процесс социализации студента в вузе и как частный случай общения и как особым образом организованное общение, в ходе которого происходит управление познанием, усвоением общественно-исторического опыта; социально-психологическое отражение, воспроизведение и усвоение всех видов деятельности и реалий микросоциума. Социально-психологические характеристики учебной деятельности охватывают также особенности межличностного общения в студенческой группе. Следовательно, на эффективность социализации влияет социально-психологический климат в студенческой группе, уровень потребности в общении, присущий группе стиль общения, этнопсихологические особенности участников коммуникативного процесса, возможность удовлетворения познавательных и коммуникативных потребностей студентов.

Изучение социально-психологических особенностей социализации студенческой молодежи позволяет выделить несколько направлений руководства развитием студенческой группы, создание психологических предпосылок для оптимального процесса межличностного общения, которое является важным для успешной учебной деятельности и эффективного коммуникативного развития студентов как будущих специалистов: процесс формирования студенческой группы (предпочтение формированию неоднородной по психологическим характеристикам, но совместной в этом плане группы: неоднородность группы и связанная с ней необходимость более разнообразной и индивидуальной деятельности благоприятно влияет на формирование у будущих специалистов гибких подходов к профессиональной деятельности); формирование

соответствующего механизма межличностного общения в студенческой группе; индивидуальная психодиагностическая и психокоррекционная работа со студентами (она связана с изучением и оптимизацией их коммуникативных особенностей).

В контексте социализации студенческой молодежи важно выяснить социально-психологические феномены, связанные с отношением молодого человека к общественным процессам. Социально-психологическое отражение общественной жизни в сознании студента непосредственно фиксируется в виде оценочных суждений, переживаний, верований, волевых актов субъекта, «восприятий». Именно они дают представление о состоянии общественного сознания, отношении субъекта к ценностным ориентациям и другим психологическим компонентам общественной жизни. Фундаментом создания мировоззрения молодого человека являются социальные ценности, то есть обобщённые представления о целях и нормах поведения. Ценностные ориентации студенчества формируются в процессе социализации в ходе усвоения новых знаний и социально-психологического опыта и проявляются в целях, интересах, убеждениях, общении и деятельности личности. Ценности молодежи реализуются в процессе жизнедеятельности и подтверждаются или отвергаются жизненным опытом. Изменения, происходящие в обществе, определённым образом находят отражение в сознании молодёжи и тем обуславливают изменения в системе их ценностных ориентаций. Факторы,

опосредующие влияние социальной среды на формирование и трансформацию ценностных ориентаций, весьма разнообразны: социально-психологический климат в студенческой группе, членом которого является данное лицо; семейное окружение с его традициями; доступ к средствам образования и культурных достижений общества; религиозные убеждения и комплекс других условий, влияющих на личность [4].

Таким образом, в современном обществе процесс социализации молодёжи осложняется трудностями, возникающими вследствие переоценки традиций, норм и ценностей: если раньше молодёжь в значительной степени опиралась на опыт предыдущих поколений, то теперь молодые люди усваивают и создают новый социальный опыт, полагаясь в основном на себя, что в значительной мере предопределяет наличие противоречивых тенденций в сознании и поведении современной молодёжи. Как следствие, в студенческой среде функционирует множество различных моделей самореализации: для многих студентов основными ценностями являются: «найти себя в этой жизни», «оставаться человеком», «материальное обеспечение» и т. д. Следовательно, современные студенты задумываются и о материальном благосостоянии, и о духовных ценностях, в противоположность своим предшественникам, которые в меньшей степени ощущали материальные затруднения, но и меньше думали о смысле жизни.

Список литературы

1. Белик А. А. Культура и личность. Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии : учеб. пособие. М. : Российский гос. гум. ун-т, 2001. 378 с.
2. Мудрик А. Социализация человека. М. : Академия, 2004. 304 с.
3. Платонов Ю. П. Этническая психология : монография. СПб. : Речь, 2001. 320 с.
4. Социология молодежи : учеб. пособие / Рек. Акад. гум. наук РФ ; Ю. Г. Волков, В. И. Добреньков, Ф. Д. Кадария, И. П. Савченко, В. А. Шаповалов. [Б. м. : б. и.]. Ростов н/Д : Феникс, 2001. 576 с.
5. Стефаненко Т. Н. Этнопсихология : учеб. для вузов. М. : ИП РАН ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 320 с.
6. Шатинова Н. И. Семья у алтайцев : научно-популярное издание. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1981. 184 с.

Рукопись поступила в редакцию 28.03.2011

А. В. Яушев
г. Санкт-Петербург, Россия

Социологическая концепция партогенеза М. Я. Острогорского

В статье рассматривается концепция известного русского социолога М. Я. Острогорского. Выявлена взаимосвязь между процессом демократизации и становлением политических партий. Особое внимание уделяется процессу образования партий, функционированию партийной машины и становлению внутрипартийной власти.

Ключевые слова: политическая партия, демократия, партогенез, власть.

A. V. Yaushev
St. Petersburg, Russia

The Sociological Conception of Partogenesis of M. Ya. Ostrogorsky

In the article the conception of the well-known Russian sociologist M. Ya. Ostrogorsky is considered. The interrelation between process of democratization and formation of political parties is revealed. Special attention is given to the process of formation of parties, functioning of the party mechanism and formation of the inner-party power.

Keywords: political party, democracy, partogenesis, the power.

Конец XIX – начало XX вв. представляют собой важный качественно новый этап в истории человечества. Его отличительными признаками стали: возросшее участие масс в политической жизни, наличие правил создания политических институтов, ориентированных на представительство интересов различных групп, и конструирование политического пространства на основе конкуренции и плюрализма. Это привело к возникновению новых способов легитимации политической власти. Прежде всего, политическая власть стала апеллировать не к божественному источнику или наследственным привилегиям, а к воле масс. Кроме того, появляются специфические организационные приемы завоевания и удержания политической власти, следствием чего становится создание партий, ориентированных на поддержку как можно большего числа сторонников. И наконец, образуются каналы эффективно-го воздействия на групповое поведение и общественное сознание.

Многие социологи констатировали наличие новых политических реалий. Автором одной из наиболее интересных концепций, раскрывающей социальную природу политики, является русский ученый М. Я. Острогорский.

Моисей Яковлевич Острогорский (1854–1919) учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Сначала он работал в Российском министерстве юстиции, затем окончил Свободную школу политических наук во Франции. В 1898 г. вышел из печати фундаментальный труд «Демократия и политические партии». Книга была издана в Париже и Нью-Йорке. В 1906 г. М. Я. Острогорский был избран депутатом Первой Государственной думы. «Таким образом, – отмечает А. Н. Медушевский, – теоретический интерес к западной демократии сочетался с практической деятельностью по её созданию в России» [4, с. 9]. Далее А. Н. Медушевский продолжает: «В отличие от других крупных русских

социологов, как М. М. Ковалевский, он не был создателем особой научной школы, не был он и крупным политическим деятелем, как П. Н. Миллюков. Его вклад в науку носит, главным образом, теоретический характер. Сам Острогорский, по-видимому, не предполагал, что совершил крупнейшее научное открытие, значение которого станет ясно лишь значительно позднее» [3, с. 95].

В Западной Европе и в США новизна теории М. Я. Острогорского была отмечена сразу же. Наряду с М. Вебером и Р. Михельсом он признан одним из основателей политической социологии, прежде всего, такой её специфической области, как учение о политических партиях. На наш взгляд, причина такого успеха М. Я. Острогорского заключается в том, что он показал, что демократия и её политические институты является проблемой для жизни общества, он увидел проблему там, где другие считали всё решённым.

Для М. Я. Острогорского демократия выражается в постоянном столкновении противоположных интересов, социальных слоев, групп, партий. Партии – это особый тип организаций, которые развиваются по особым законам. Понять демократию можно только в том случае, если анализировать политическое поведение индивидов, которые находятся за пределами правительственной сферы. Иными словами, необходимо изучать деятельность общественных организаций, сообществ и политических партий, которые ведут борьбу за власть.

Концепция М. Я. Острогорского, раскрывающая природу парогенеза, включает несколько аспектов.

Первый аспект – процесс образования партий – рассмотрен на примере политической истории Великобритании. Партии возникли и длительное время существовали только в парламенте. Это произошло независимо от избирателей, которые были скорее вассалами партийных лидеров. М. Я. Острогорский отмечает: «В

стране они едва ли существовали помимо лиц и фамилий, их воплощавших. Избиратели являлись только личной свитой соперников, объявивших друг другу дуэль [2, с. 81].

Следующим этапом стал выход партий за пределы парламента с целью мобилизации и активизации деятельности своих сторонников. Борьба за потенциальных избирателей приобрела для партий особенно большое значение, став решающим условием их представительства и влияния в парламенте. Процесс регистрации избирателей, наблюдение и контроль за ними оказались в этих новых условиях важным средством распространения влияния партий в широких слоях населения. С этой целью создается специфический тип внепарламентских политических ассоциаций – обществ по регистрации, основная цель которых состояла в проверке избирательных списков и записи избирателей. Однако фактически задача этих новых институтов состояла в стимулировании инертной массы избирателей и вербовке новых приверженцев партийной программы. М. Я. Острогорский пишет: «Заброшенная публичной властью, регистрация стала как бы брешью, через которую организованные партии, до того ограниченные пределами парламента, проникли в округа и распространили постепенно на всю страну сеть своей организации» [2, с. 84]. Этот механизм оказался выгодным, главным образом, либералам, поскольку в условиях расширения равенства избирателей позволял им потеснить традиционную консервативную аристократию и увеличить влияние новых элит на политическую жизнь. Первая группировка этих регистрационных обществ имела либеральный характер. Либеральная ассоциация по регистрации избирателей составила ядро современной политической партии.

Третий этап формирования партии связан со значительным увеличением числа избирателей. Предвыборная агитация

предполагает регулярную организацию. В таких условиях появляются местные избирательные комитеты, предназначенные для организации избирателей.

Второй аспект – партия как действующая политическая машина. Партия, представляя собой сложный механизм, предназначенный для трансформации рассредоточенной политической энергии выборов в организованную парламентскую работу, может функционировать лишь при условии определенного постоянства состава и профессионализма политиков. М. Я. Острогорский сравнивает партию с машиной. Он «видит в партиях формальную «машинную» силу, которая противопоставляет себя силам реальным и живым, действующим в политической жизни. Он указывает на угрозу господства «машины», которая, создавая иллюзию закономерности политических сил, воздействует также реально на сознание и волю масс», – замечает Т. К. Дандарова [1, с. 13].

Чем более чётко, бесперебойно функционирует данная машина, тем более ясно проявляются негативные явления. Прежде всего, это эффект унификации мышления, превращения его в стереотипное, когда в обращение идут обобщенные категории, в которых растворяется конкретное содержание, индивидуальные черты. «Логика партийной борьбы, – пишет А. Н. Медушевский, – ведёт к упрощению, схематизации общественного мнения, поглощая или маскируя разнообразие, нивелируя различные мнения в рамках общей партийной идеологии. Данный феномен создания особой «партийной религии», выражающейся в схоластических дискуссиях и постоянной борьбе за чистоту линии, особенно заметен в тоталитарных партиях XX века» [3, с. 103–104].

Третий аспект – функционирование внутрипартийного механизма власти. М. Я. Острогорский акцентировал внимание на административной составляющей партии, её ядра – кокуса.

«Кокус» – английское слово, вошедшее в лексикон в середине XVIII в. Оно означает: «тот, кто советует, наставляет, поощряет».

Термин «кокус» прочно вошёл в политический лексикон. Одна часть исследователей считает, что этот термин восходит слову «kaw- kaw-was», что на языке северо-американских индейцев означает «обсуждать», «совещаться». Другие придерживаются мнения о том, что термин произошел от английского слова «caulker» (конопатчик) и выражения «caulker meeting» – собрание конопатчиков. Ироничное выражение было применено к политическим деятелям города Бостона. Они образовали «Caucus club» (Кокус клуб). Местом встреч была мастерская конопатчиков.

Если в истории американских партий «кокус» связывается с представлением о маневрах и ухищрениях беззастенчивых избирательных дельцов и о политической коррупции, то в Англии он обозначает название новой либеральной организации» [2, с. 99]. Центральным органом Кокуса являлась Национальная либеральная ассоциация. Местные избирательные комитеты либералов из чисто вспомогательных технических органов партии стали превращаться в политические институты, а их лидеры стали претендовать на самостоятельную роль. С помощью апелляции к воле народа и использования популистских лозунгов они атаковали традиционных лидеров партии, представлявших партию в парламенте. В результате произошел переход от аристократических правящих групп к новым группам, которые имели более тесную связь с массами и были лучше организованы. Одним из первых и наиболее известным среди них был либеральный Кокус в Бирмингеме во главе с Дж. Чемберленом.

Фактический смысл термина «кокус» – приватная или предварительная встреча членов политической партии для выдвижения кандидата на занятие должности или объединения усилий в партий-

ных интересах; в современном политическом языке под «кокусом» понимается встреча лиц, формирующих и управляющих мнением сторонников.

В понимании М. Я. Острогорского кокус не только не стремится афишировать своё влияние в обществе и в партии, а напротив, тщательно маскирует его. Возникнув первоначально как специализированный орган, обеспечивающий связь парламентских партий с массами избирателей, кокус со временем становится институтом, владеющим инструментом мобилизации масс, способным организовать поддержку той или иной программы, а также обеспечить координацию партийной работы в массах, подбором и назначением функционеров на руководящие посты в местном и центральном аппарате управления.

Кокус представляет собой механизм, позволяющий небольшому числу людей контролировать и направлять поведение масс. М. Я. Острогорский отмечает, что «достаточно горсточка людей, чтобы создать могучую организацию, охватывающую тысячи избирателей» [2, с. 168].

С появлением кокуса в партии скрытые силы берут верх над силами реальными, живыми. Создавая иллюзию реальности, условные силы воздействуют на сознание и волю людей. «За ними, – пишет исследователь, – соглашаются признать самостоятельное существование, их учитывают, с ними считаются, сообразуют своё поведение; таковы на финансовом рынке бумаги без реальной ценности, которые, будучи пущены в оборот, переходя из рук в руки и подвергаясь учету, осуществляют все функции орудий обмена, по крайней мере до ближайшей несостоятельности или первого краха» [2, с. 107–108]. Скрытый (латентный) центр – кокус руководит организацией различных политических кампаний в обществе.

М. Я. Острогорский, прослеживая структуру политических партий, обращает внимание на то, что с образованием кокуса процесс концентрации власти

и бюрократизации не останавливается, но идёт значительно дальше – появляется своего рода кокус в кокусе. «Обычно исполнительный комитет и сам слишком многочислен, чтобы действовать. Поэтому в его среде образуется «интимный кружок», который концентрирует всю власть», – пишет учёный [2, с. 170].

Четвёртый аспект – парламентская демократия и партийная дисциплина. В условиях парламентской демократии кокус контролирует поведение депутата на всем протяжении его деятельности, от подготовки и проведения избирательной кампании до участия в деятельности парламента. Депутат должен доказать свою преданность интересам партии, что фактически означает отказ от собственного мнения. Средствами давления на депутата является финансирование его избирательной кампании, организационная помощь, наконец прямой нажим со стороны партийных лидеров в случае неповиновения или проведения независимой политики. В результате член парламента от какой-либо партии, по словам М. Я. Острогорского, всё более и более превращается из представителя в простого делегата, агента для поручений.

Механизм воздействия на депутатскую деятельность в парламенте стал предметом специального рассмотрения. В составе любой партийной элиты выделяется лицо, имеющее специфическую роль, так называемый «кнут». «Эти лица представляли собой подлинных режиссёров парламентской комедии, обосновывая проведение воли вождей в партийной организации», – отмечает А. Н. Медушевский [3, с. 235]. Кнуты назначаются лидерами, работают в тени и неизвестны широкой публике. Посвящённые лидерами во все тайные планы намеченной деятельности, они обеспечивают её выполнение и неотступно следят за исполнителями главных ролей, чтобы каждый был на своем месте и своевременно выполнял свою роль. В круг обязанностей кнута входит также наблюдение за настроениями умов

и информирование об этом лидеров для принятия соответствующих мер. Роль подобных доверенных лиц велика, через них регламентируются многие стороны политической жизни, вплоть до санкционированных аплодисментов на митингах. В результате лидеры превращаются «в значительной мере в людей, одураченных иллюзией, которую они же помогли создать. Им уже слышится... биение сердец, которые свободно, непосредственно вибрируют в унисон с их сердцами» [2, с. 239].

Для М. Я. Острогорского партии, профсоюзы и другие ассоциации граждан – это, прежде всего, инструменты формирования и выражения мнений и интересов граждан, а значит, и демократия зависит от существования многообразных и противостоящих сил, использующих своё право на такое объединение.

Поэтому учёный предлагает заменить закрытые партии тоталитарного типа, бюрократизированные партии широкими общественными движениями, объединёнными конкретными целями. Важнейшей предпосылкой этого должен стать рост гражданского общества, отличающегося богатым спектром социальных отношений, противоречий и интересов.

Теория политических партий М. Я. Острогорского легла в основу исследования партий Р. Михельса. Он прошёл сложный путь в своей эволюции – от социализма через синдикализм к фашизму, в котором видел режим национальной солидарности, выражающий единство харизматического вождя и народа. В отличие от М. Я. Острогорского Р. Михельс полагал, что в основе политической и социальной жизни лежат не гуманистические и реформистские идеи, а сила.

Список литературы

1. Дандарова Т. К. Теория демократии М. Я. Острогорского : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1995. 21 с.
2. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М. : РОССПЭН, 1997. 640 с.
3. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм : российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : РОССПЭН, 1997. 650 с.
4. Медушевский А. Н. Проблемы современной демократии // Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М. : РОССПЭН, 1997. С. 5–42.

Рукопись поступила в редакцию 20.03.2011

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

УДК 316.334.22
ББК С 55.44

А. В. Бачурина
г. Биробиджан, Россия

Помогающие профессии в контексте компетентностного подхода

В статье рассматривается развитие представлений зарубежных и отечественных исследователей о компетентностном подходе. Автор раскрывает проблему формирования компетентности как особо важную для представителей помогающих профессий. В частности, анализируется модель компетентного специалиста помогающих профессий.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентность, помощь, помогающие профессии.

A. V. Bachurina
Birobidzhan, Russia

Helping Professions in the Context of the Competency Approach

This paper describes the development of representations of foreign and local researchers about the competence approach. The author reveals the problem of forming a competence as particularly important for representatives of helping professions. In particular, the author examines the model of a competent professional of helping professions.

Keywords: competence approach, expertise and assistance to help the profession.

Теоретическое осмысление понятия «компетентность» изначально обусловлено своеобразием проблем общества.

Для европейского сообщества – это сохранение демократического, открытого общества, мультилингвизм, мультикультура, развитие комплексных организаций, экономические изменения [6]; давление работодателей, выразивших мнение о неподготовленности работников в отношении ключевых компетенций, то есть к новым требованиям рынка труда; необходимость повышения конкурентоспособности выпускников на основе новых международных стандартов; пре-

кращение академических дискуссий по поводу компетентностного подхода изменения [6, с. 22].

В США появлению ориентированного на компетенции образования (СВЕ) содействовали специфические ожидания работодателей и общества, связанные с профессиональной деятельностью выпускников, поскольку именно уровень соответствия индивидуальных показателей выпускника ожиданиям работодателя и общества считается основным показателем компетентности; необходимость объективной оценки пригодности каждого индивидуального соискателя к будущей

деятельности; потребность в выработке четких критериев качества профессиональной деятельности, позволяющих будущим работникам осуществлять целенаправленную подготовку для получения необходимого сертификата и получения признания в этой области; диалектическая альтернатива более традиционному кредитному подходу, ориентированному на нормирование содержательных единиц образования [1].

Таким образом, история компетентностного подхода – это осмысление понятия «компетентность» с позиции научного сознания, обусловленного кризисом европейской культуры, выражающегося «в смене принципа мышления человека... основанного на рациональности, на том, что объект познания существует сам по себе, независимо от человека. И задача человека – как можно глубже проникнуть в сущность этого предмета на основе своего разума.

Развитие истории XX в. показало, что любой объект испытывает на себе огромное влияние человека... Следовательно, возникает познание, которое ориентируется на знание самого контакта человека и мира. И это другая логика, другая система знания, другое мышление» [4].

Р. Уайт одним из первых определяет компетентность как содержательное наполнение категории компетенции собственно личностными составляющими, включая мотивацию [6]. Говоря о тенденциях ядра личности, Р. Уайт рассматривает её двояко: «как попытку достичь результата посредством своих действий (мотивация эффективности) и как попытку достичь компетентности в своей деятельности (мотивация компетентности)» [9, с. 109]. «Возможно, что первой появляется мотивация эффективности, тогда как по мере достижения личностной зрелости к ней добавляется мотивация компетентности» [9, с. 496]. По мнению Р. Уайта, стремление к компетентности является врождённым. Этот вид мотивации при нормальном развитии связан с

актуальной (реальной) компетентностью и субъективным переживанием чувства компетентности. Говоря о развитии компетентности, Р. Уайт берёт за основу позицию Э. Эриксона о восьми стадиях жизненного цикла.

Рассуждая по поводу компетентности, Н. Хомский отмечает: «...мы проводим фундаментальное различие между *компетенцией* (знанием своего языка говорящим, слушающим) и *употреблением* (реальным использованием языка в конкретных ситуациях)» [18, с. 9].

А. Г. Бермус, анализируя наиболее значимые и содержательные отличия компетентностного подхода в странах Запада, отмечает, что там компетентность рассматривается как «способность к решению задач и готовность к своей профессиональной роли в той или иной области деятельности» [1], а в качестве основного показателя компетентности полагается «уровень соответствия индивидуальных показателей «ожиданиям работодателя и общества» [1]. Раскрывая содержание этого европейского определения, А. Г. Бермус ссылается на то, что «в западной культуре компетентность рассматривается как неклассический феномен, укоренённый в общественной образовательной практике и отражающий существующий баланс интересов общества (в меньшей степени государства), образовательных институтов, работодателей, а также потребителей услуг» [1]. А. А. Пинский, поддерживая эту точку зрения, пишет о том, что рассуждения о компетентности в европейском и американском научном сообществе появились как отражение «внешнего давления на образование, в результате диалога образования с «необразованием» (в первую очередь, со стороны представителей индустрии, бизнеса), по поводу недовольства последнего первым [13]. Таким образом, по выражению Л. М. Долговой, компетентность (и) на Западе сформулированы «внешними по отношению к системе образования субъектами на основе их потребностей» [5, с. 18–19].

Дж. Равен в работе «Компетентность в современном обществе», появившейся в Лондоне в 1984 г., даёт развёрнутое толкование компетентности. Это явление, которое «состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга, ... некоторые компоненты относятся скорее к когнитивной сфере, а другие к эмоциональной, ...эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения» [12, с. 253]. Таким образом, по Дж. Равену, «компетентность характеризует единство когнитивного, эмоционального и волевого аспектов деятельности, направленной на реализацию ценностных установок субъекта» [3].

Б. Оскарссон подбирает синоним понятия «компетентность» – «базовый навык». Он даёт определение базовых навыков как «личностных и межличностных качеств, способностей, навыков и знаний, которые выражены в различных формах и многообразных ситуациях работы и социальной жизни» [6].

Некоторые зарубежные исследователи соотносят компетентность с ключевыми квалификациями. Компетентность по П. Вейллу – «это способность получать запланированный конкретный результат», что «проявляется в конкретных итогах деятельности и соответствии их насущным потребностям реальной практики» [3].

Иными словами, в основе отличия европейской и американской трактовки компетентности лежит его укорененность в неклассических представлениях позитивизма, прагматизма, современной теории менеджмента, тестологии [1]. В частности, американская ситуация предполагает определение компетенций в рамках *многостороннего социального диалога*, в нашем случае речь идёт о необходимости *научного обоснования* соответствующих понятий, поскольку «... российская теория и практика профессионального образования (особенно, в вы-

сшей школе) на философском уровне в большей степени связана с классической университетской традицией, находящей своё обоснование в идеях платонизма, новоевропейского рационализма, философии культуры и др.» [1].

Было подчеркнуто, что компетентность как «понятие шире понятия знания, или умения, или навыка». В его структуру должны быть включены не только когнитивная и операциональная – технологическая составляющая, но и мотивационная, этическая, социальная и поведенческая [13, с. 14].

А. Г. Бермус, определяя компетентность, ссылается на А. М. Аронова, который рассматривает её как «готовность специалиста включиться в определённую деятельность», и на П. Г. Щедровицкого, по мнению которого, это – «атрибут подготовки к будущей профессиональной деятельности» [1].

«Компетентность как единство теоретической и практической готовности... к выполнению профессиональных функций характеризует не только деятельность, но и самого» соискателя «как её субъекта в его самостоятельном, ответственном, инициативном взаимодействии с миром» [3]. Г. В. Горланов, Д. А. Мещеряков, А. В. Хуторской и др. рассматривают понятие «компетентность» как характеристику работника (специалиста). Компетентность – «мера соответствия компетенции», под которой понимается наперёд заданное требование к выполнению профессиональной роли, к образовательной подготовке; «степень освоения компетенции, личностная характеристика человека» [3].

Как отмечают В. А. Болотов, В. В. Сериков, «компетентность, выступая результатом обучения, не прямо вытекает из него, а является следствием саморазвития индивида, обобщения личностного и деятельностного опыта» [2].

А. Г. Бермус приводит точку зрения М. Е. Бершадского о том, что «понятие компетентности не содержит каких-либо

принципиально новых компонентов, не входящих в объём понятия «умение»; поэтому все разговоры о компетентности и компетенции: представляются несколько искусственными, призванными скрыть старые проблемы под новой одеждой» [1].

Компетентность соотносится с «владением, обладанием человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности». Компетентность анализируется в российской... культуре классическим образом, то есть как идеальная сущность, подлежащая изъяснению и осмыслению» [1].

«Компетентность» трактуется нами как основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека» [6].

Компетентность понимается как обладание опытом, «способность действовать в ситуации неопределенности...» [8].

По мнению Б. Д. Эльконина, «компетентность – мера включенности человека в деятельность» [20].

Л. М. Долгова отмечает, что «компетентность – это способность (умение) действовать на основе полученных знаний. В отличие от ЗУНов (предполагающих действие по аналогии с образцом) компетентность предполагает опыт самостоятельной деятельности на основе универсальных знаний». «Компетентность – это существование знаний и умений в виде социальных практик». «Идея компетентности появляется тогда, когда к результатам работы образования предъявляются социокультурные общественные требования» [5].

Классифицируя компетентности по разным основаниям, мы можем отметить, что в каждой профессиональной сфере могут быть выделены наиболее характерные для неё компетентности. Это положение касается и профессий типа «человек-человек», в основе которых – оказание разных видов помощи. Такие специалисты определяются в научной литературе как

представители помогающих профессий. А. Гуггенбуль-Крейг относит к ним психологов, педагогов, социальных работников, врачей и других ориентированных на оказание разноплановой помощи человеку [7, с. 8].

Определяя специфику этих профессий на сегодняшний день, необходимо проследить эволюцию их становления, опираясь на анализ ключевого слова «помощь».

Этимологический анализ этого слова даёт возможность понять, что оно означало физическое содействие, представленное чаще всего как «работа сообща на поле с угощением». Человека, способного на такое содействие, называли могучим, определяя, с одной стороны, его физический статус («сильный», «здоровый», «мощный», «могучий»), с другой стороны – его социальный статус («знатный», «власть имущий»), с третьей стороны душевный и духовный статус («dominus»).

Таким образом, во-первых, такое толкование указывает на то, что для человека помогающего характерно быть «в состоянии», проявлять состоятельность, то есть активность, самобытность, самодостаточность. Всё это характеристики субъекта, не являющиеся врождёнными, а рассматриваемые как результат работы человека над собой.

Во-вторых, эта состоятельность сама по себе многогранна, так как затрагивает все стороны человеческого: телесную, ментальную, душевную, духовную.

В-третьих, слово «состоятельность» является аналогом понятия «компетентность», то есть качество, свойство, обеспечивающее вместе или по отдельности физическое, психическое, духовное соответствие объекта определенной необходимости (от лат. *competentia* – согласованность, соразмерность частей целого; *compete* – совпадать, соответствовать, подходить, согласовываться, быть годным, способным) [14]. М. Фасмер, говоря о состоятельности, кроме названных выше сторон выделяет ещё и социальное соответствие.

Таким образом, помощь – это и есть проявление состоятельности или компетентности как особого качества, но не врождённого, а развиваемого человеком на основе самобытности (внутренней культуры) и образованности.

Простота жизни в эпоху архаики (выполнение отдельных видов сезонных работ) предопределила помощь как физическое содействие. Таким образом, выражаясь современным языком, состоятельными (компетентными) считались *помочане* – крестьяне, объединившиеся для проведения полевых работ. Дальнейшее усложнение социальной жизни людей привело к многообразию ситуаций, требующих помогающего поведения, мотивами которого были либо с альтруизм, либо эгоизм.

Анализ мотивации помогающего поведения человека поддерживает идею о возрастании потребности в помощи населению, что характерно для XX–XXI столетий. Это эпоха глобальных, негативных изменений, которые обусловлены рядом причин. Последних так много, что возникает необходимость классифицировать их по уровням (мега-, макро, мезо-, микропричины), а также по источнику возникновения (природные и социальные). Но все они оказывают отрицательное воздействие на любого человека, независимо от социального положения, возрастных данных, этнической принадлежности, вероисповедания, приводя к разнообразным нарушениям в его здоровье и благополучии. Таким образом, нынешняя эпоха перемен требует от человека постоянного восполнения и активизации им собственных ресурсов, необходимых для полноценного функционирования в этом мире. Для реализации этой цели им могут быть использованы два варианта поведения: самопомощь и помощь специалиста, профессионала. И то и другое требует от человека изначального философского осмысления собственной природы.

Среди огромного количества гипотез, раскрывающих человеческую сущность,

выдвигаемых исследователями, заслуживает внимания точка зрения А. Адлера: человек – это интегрированная целостность в рамках социальной системы; он един с тем, что его окружает. Под целостностью понимается неразделённость внутреннего мира человека и внешней реальности (природной и социальной) [15], связь реальностей, объективизируемая в понятии «психосоциальность». Это обозначает, что проблемы, возникающие у человека под влиянием усложняющейся социальной жизни, социальных связей, носят интегрированный психосоциальный характер. Для их разрешения человек должен овладеть психосоциальным знанием, включающим в себя понятия «неблагополучие», «дезадаптация», «проблема», «ситуации невозможности».

Причины возникновения неблагополучия могут быть подразделены на три группы:

– внутреннего порядка, выражающиеся, по мнению Н. Ф. Басова, Е. И. Холостовой, «в деформации различных личностных структур как осознаваемого, так и неосознаваемого уровня (неадекватность самооценки и уровня притязаний, нарушение эмоционально-коммуникативной и мотивационно-нравственной сфер, процессов саморегуляции, негативные фиксированные установки, психотравмы, комплексы)» [16, с. 269];

– внешнего порядка, к которым исследователи (Н. Ф. Басов, Е. И. Холостова) относят социальные, социально-экономические, медико-социальные, а именно: «потеря работы, близких, инвалидность и хроническая болезнь, смена жительства и привычных условий жизнедеятельности, адаптация после возвращения из мест лишения свободы, психологические последствия военных конфликтов и боевых действий, природных и техногенных катастроф и т. д.» [16, с. 269];

– сложное сочетание причин внутреннего и внешнего порядка [16, с. 269].

Деадаптация – «отсутствие оптимальных взаимоотношений человека и

среды вследствие доминирования неконструктивных реакций или несостоятельности конструктивных подходов» [11, с. 13].

Проблема – «трудности, обусловленные несоответствием между желаемым и возможным» (Н. Ф. Басов). В структуре любой проблемы может входить объективный и субъективный компонент. Объективный компонент, или трудности, это объективные обстоятельства, нарушающие жизнедеятельность человека. Под субъективным компонентом, или затруднениями, понимается особое психическое состояние, препятствующее нормальной жизни индивида, группы или общности, ощущение угрозы возникновения объективного нарушения жизнедеятельности. Общим для них является следующее:

– объективный и субъективный компоненты приводят к нарушению жизнедеятельности;

– появление объективного и субъективного компонентов связано с недостатком или отсутствием у человека средств регулирования собственной жизнедеятельности.

Ситуации невозможности – ситуации, в которых субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.). Именно разные виды и типы ситуаций невозможности вызывают у человека глубокие переживания, называемые страданиями.

Таким образом, контекст социальных проблем требует от самого человека интегрированного глубокого знания, включающего в себя психологический аспект (факты и закономерности психики человека, его душа) и социальный аспект (закономерности развития общества и его влияние на отдельного человека) [16]. Этот контекст вызывает к жизни появление специалистов помогающих профессий. Эти профессии характеризуются тем, что в них «средством познания другого человека и помощи ему является

личность специалиста», «высокой степенью ответственности за результаты своих воздействий» [7, с. 8].

Анализ этих признаков приводит к пониманию того, что такой специалист помогающих профессий изначально должен быть компетентен в плане оказания помощи самому себе. Этот и есть собственно состоятельность.

Вторым важным моментом компетентности специалистов помогающих профессий необходимо назвать состоятельность как способность стоять рядом с тем, кто испытывает трудности и затруднения при столкновении с жизненными обстоятельствами; как способность содействовать другому человеку в активизации его самобытности, активности, самодостаточности, то есть проявлению его субъектности.

Анализируя модели эффективного специалиста помогающих профессий [19], мы остановились на модели, предложенной К. Шнейдером. Он выделяет три важных постулата оказания квалифицированной помощи.

1. Личная зрелость, подразумевающая успешность специалиста в решении собственных жизненных проблем; открытость, терпимость и искренность по отношению к себе.

2. Социальная зрелость, включающая в себя способность специалиста оказывать помощь другим людям в различных жизненных ситуациях; открытость, терпимость и искренность по отношению к другим.

3. Зрелость специалиста – это процесс, а не состояние. Подразумевается, что невозможно быть зрелым всегда и везде.

Данная модель специалиста помогающей профессии представляет его как наиболее компетентного, состоятельного, могущего разобраться в ситуациях невозможности, порождающих как возникновение объективных обстоятельств, нарушающих жизнедеятельность человека, группы, общества, так и появление субъективного их отражения (затруднений).

1. Бермус А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентного подхода в образовании // Эйдос : Интернет-журнал. 2005. 10 сент. URL : <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>.
2. Болотов В. А., Сериков В. В. Компетентностная модель : от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10.
3. Борытко Н. М. Профессионально-педагогическая компетентность педагога // Эйдос : Интернет-журнал. 2007. 30 сент. URL : <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-10.htm>.
4. Голуб Г. Б., Чуракова О. В. Попытка определения компетенции как образовательного результата // Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию : материалы семинара / под ред. А. В. Великановой. Самара : Профи, 2001. 60 с. С. 13–18.
5. Долгова Л. М. Материалы к обсуждению доклада // Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию : материалы семинара / под ред. А. В. Великановой. Самара : Профи, 2001. 60 с. С. 18–19.
6. Зимняя И. А. Ключевые компетенции новая парадигма результата современного образования // Эйдос : Интернет-журнал. 2006. 5 мая. URL : <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>.
7. Кокоренко В. Л. Арт-технологии в подготовке специалистов помогающих профессий. СПб. : Речь, 2005. 101 с.
8. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12.
9. Мадди Сальваторе Р. Теории личности: сравнительный анализ. СПб. : Речь, 2002. 539 с.
10. Пинский А. А. Ключевые компетенции : философский подход и политическое решение // Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию : материалы семинара / под ред. А. В. Великановой. Самара : Профи, 2001. 60 с. С. 21–25.
11. Психология социальной работы / О. Н. Александрова, О. Н. Боголюбова, Н. Л. Васильева [и др.] ; под общ. ред. М. А. Гулиной. СПб. : Питер, 2002. 352 с.
12. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002. 253 с.
13. Стратегия модернизации содержания общего образования : материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М., 2001.
14. Трифонов Е. В. Психофизиология человека : толковый русско-английский словарь. URL : <http://tryphonov.narod.ru>.
15. Фирсов М. В., Шапиро Б. Ю. Психология социальной работы : содержание и методы психосоциальной практики. М., 2002.
16. Холостова Е. И. Словарь-справочник по социальной работе. М. : Юристъ, 2000. 424 с.
17. Холстед М, Орджи Т. Ключевые компетенции в системе оценки Великобритании // Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию : материалы семинара / под ред. А. В. Великановой. Самара : Профи, 2001. 60 с. С. 8–13.
18. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
19. Шмелева Н. Б. Формирование и развитие личности социального работника как профессионала. М : Дашков и К, 2004. 196 с.
20. Эльконин Б. Д. Ключевые компетенции как образовательный результат : теоретический подход // Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию : материалы семинара / под ред. А. В. Великановой. Самара : Профи, 2001. 60 с. С. 4–8.

Рукопись поступила в редакцию 01.03.2011

И. М. Воротилкина
г. Биробиджан, Россия

Физическая культура в социальной защите населения

В статье представлен научно-практический материал по проблеме использования средств физической культуры в социальной защите населения. На основе анкетирования изучены вопросы по взаимодействию физкультурных и социальных работников.

Ключевые слова: физическая культура, население, социальная защита, социальные работники.

I. M. Vorotilkina
Birobidzhan, Russia

Physical Culture in Social Protection

This paper presents the scientific and practical material on the use of physical culture in social protection of population. The aspects of the interaction of athletic and social workers are investigated on the basis of the survey.

Keywords: physical education, population, social protection, social workers.

Физическая культура как часть общей культуры человечества, которая представляет собой творческую деятельность по освоению прошлых и созданию новых ценностей преимущественно в сфере физического развития, оздоровления и воспитания людей [4], характеризует важный этап социализации и индивидуализации личности [8; 9].

В процессе успешного формирования физической культуры личности закладываются основы физического и духовного здоровья человека, на базе которых только и возможно действительно разностороннее и гармоничное развитие. Данное обстоятельство обуславливает непреходящую ценность физической культуры, её общекультурное значение [10; 11].

Физическая культура в социальной защите населения в современной России имеет принципиально важное значение, так как, согласно Концепции федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы», регулярно занимаются физической культурой

в Российской Федерации только около 11 процентов, в то время как в развитых стран – до 40...50 процентов.

Основными причинами снижения интереса людей к занятиям физическими упражнениями является недостаточная физкультурная образованность, недостаток свободного времени или неумение рационально его организовать и использовать, отсутствие достаточно комфортных условий для занятий, слабое обеспечение спортивными базами, инвентарем и оборудованием, одеждой и обувью, неустраиваемость быта, серьезные экономические трудности и некоторые другие причины [17].

Научные и статистические исследования подтверждают, что по сравнению с лицами, не занимающимися спортом, люди, активно и регулярно занимающиеся спортом, в 1,5 раза меньше страдают от утомляемости, в 2 раза реже болеют заболеваниями органов пищеварения, в 2,5 раза реже – гипертонической болезнью, в 3,5 раза реже – хроническим тонзиллитом, в 2 раза реже – гриппом. Как

результат, лица, активно занимающиеся спортом, в 2,3 раза реже пропускают работу по состоянию здоровья.

В настоящее время накоплен достаточно интересный опыт по использованию мониторинга физического состояния населения, который позволяет тестировать людей от 5 до 80 лет [2].

На первом уровне обработки результатов тестирования создается протокол с результатами и оценками испытуемого. В нём представлены все измеряемые параметры в абсолютных величинах и в оценочном выражении. В конце протокола даются примерные рекомендации для занимающихся оздоровительной физической культурой самостоятельно. Эти рекомендации не относятся к спортсменам.

На втором уровне обработки результатов обследования создаётся индивидуальный профиль морфофункционального состояния, представленный в виде графика.

На третьем уровне с использованием выборочной информации об обследованных из базы данных создаётся сводный протокол с первичными параметрами для последующего анализа.

На четвёртом уровне на основе группового протокола создаётся морфофункциональный профиль выбранной группы обследованных в графическом виде.

На пятом уровне представляется групповая информация в виде статистических показателей (в свёрнутом виде) – средних, СКО, ошибки средних.

На шестом уровне проводится анализ динамики физического состояния обследованных на основе сравнения показателей первого и последующих тестирований.

Апробация вышеизложенной технологии тестирования, оценки, обработки полученных результатов и передачи её в центр сбора информации свидетельствует об её эффективности и пригодности использования в системе мониторинга физического состояния населения. Она обладает высокой пропускной способностью, экономична и может быть реко-

мендована в практике обследований [2], так как состояние здоровья нации имеет тенденцию к ухудшению. И связано это с развитием цивилизации, которая изменила главные причины смерти человека.

Если до XX в. такими причинами были инфекции, то, как показывают статистические данные Всемирной организации здравоохранения, теперь в промышленно развитых странах всего четыре главные болезни: артериосклероз, ишемическая болезнь сердца и мозга, диабет.

Это болезни второй половины человеческой жизни – болезни образа жизни, или иначе их еще называют болезнями цивилизации, которые являются основными причинами смерти в среднем и пожилом возрасте. В числе определяющих причин – низкая двигательная активность людей зрелого возраста, которая сопровождается гиподинамией и, как следствие, возникновением вышеперечисленных болезней. Отсутствие привычки к активному проведению свободного времени и приводит к подобным явлениям [7].

В этой связи вовлечение широких масс населения, социально-незащищенных слоев общества в физкультурно-оздоровительную, спортивную деятельность является одним из факторов физической, психологической, социальной реабилитации [1; 3; 15].

Важнейшим направлением деятельности социальной защиты является использование оздоровительной физической культуры в системе медико-социальной реабилитации пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями (детей-инвалидов, инвалидов).

Занятия в спортивной секции, особенно среди здоровых, дают опыт лицам с ограниченными возможностями нормальных человеческих отношений в коллективе, товарищества, взаимопомощи и взаимовыручки, сотрудничества и сотворчества, обмена полезными знаниями и информацией. На совместных тренировках всегда можно получить

нужный совет, показ правильной техники, выполнить необходимые дополнительные упражнения. Совершенно естественно с обоюдной пользой для всех происходит постепенное стирание границ между человеком-инвалидом и неинвалидом [5; 12; 16].

В этом контексте интересен опыт ГОУ Центр-школа «Динамика» города Санкт-Петербурга [6], где использовались спортивные бальные танцы для людей с ограниченными возможностями. По мнению С. Е. Кукушкиной, М. А. Седакова и др., спортивные бальные танцы обладают уникальными возможностями в формировании гармоничного духовного и физического развития любого человека. Занимаясь спортивными бальными танцами, «танцор на коляске» играет ту или иную роль в зависимости от характера танца, вживается в разные образы, вступает в общение с другими танцорами (и теми, что на колясках, и теми, что на ногах). Познавая внутренний мир и отношения людей, их взаимодействие, он переживает поражение и радость побед. Спортивные бальные танцы активизируют внимание, память, снимают умственное утомление, создают творческую атмосферу, устраняют застенчивость.

Реализация указанного выше направления осуществляется прежде всего в центрах социальной реабилитации, социального обслуживания и других социальных учреждениях и общественных организациях.

Особая роль в деятельности в области физической культуры отводится социальному работнику, которому необходимо работать в тесном контакте со специалистами: тренерами детских спортивных школ, руководителями спортивных обществ и организаций, преподавателями по физической культуре учебных заведений, тренерами общественниками по месту жительства. Содружество с ними поможет решить многие задачи по пропаганде и вовлечению в физическую культуру и массовый спорт широких

слоев населения и создания для них соответствующих условий для систематических занятий [15].

Как же обстоят дела на практике? С этой целью мы провели анкетирование, в котором принимали участие педагоги, физкультурные и социальные работники в количестве 127 человек. Из них социальных работников – 45 человек, работников физической культуры (учителей физической культуры и тренеров спортивных школ) – 42, учителей начальной школы – 40. В основном это были люди с высшим образованием (от 27 % до 58 %).

Из опрошенных систематически занимаются физкультурой 79 % физкультурных работников, 28 % учителей начальных классов и всего 2 % социальных работников, по выходным к ним присоединяется ещё 10 %.

Активно заниматься своим физическим развитием мешает недостаток времени. Так ответило большинство физкультурных работников и учителей начальных классов (41 % и 64 % соответственно), 17 % социальных работников. В то же время большинство социальных работников (57 %) выделили фактор, мешающий физическому развитию, – продолжительный рабочий день.

Источники знаний по физической культуре – это в основном чтение специальных книг у физкультурных работников (58 %), а у социальных работников и учителей начальных классов – передачи по телевидению и радио (28 % и 76 % соответственно). Статьи в газетах и журналах отметили 55 % физкультурных работников, 44 % учителей и 17 % социальных работников. Среди опрошиваемых респондентов не оказалось тех, кто бы совсем не интересовался вопросами физической культуры.

Выделяя основные задачи физической культуры в социальной защите человека, физкультурники на первое место поставили профилактику заболеваний и укрепление здоровья человека (44 %); на второе место – продление активного творческо-

го долголетия (36 %); на третье место – социальную, медицинскую физическую, психолого-педагогическую адаптацию инвалидов, детей сирот, людей пожилого возраста (20 %). В то время как социальные работники (59 %) на первое место определили социальную, медицинскую физическую, психолого-педагогическую адаптацию инвалидов, детей сирот, людей пожилого возраста.

Большинство физкультурных (76 %) и социальных работников (61 %) отметило важность взаимодействия и сотрудничества социального работника со специалистами: тренерами детских спортивных школ, руководителями спортивных обществ и организаций, преподавателями по физической культуре учебных заведений, тренерами-общественниками по месту жительства.

В то же время, осуществляют взаимодействие и сотрудничество 47 % физкультурников и всего 27 % социальных работников.

Из наиболее эффективных форм физической культуры с населением физкультурные и социальные работники выделяют секционные занятия (лечебная физическая культура в лечебных заведениях, социальных учреждениях) – 58 % и 53 % соответственно. В то время как учителя начальных классов в основном отдали предпочтение систематическим занятиям физическими упражнениями (утренняя гимнастика, коррекционные занятия, прогулки на свежем воздухе) (67 %).

На вопрос «Какую работу вы осуществляете по пропаганде и вовлечению в физическую культуру и массовый спорт широких слоев населения?» физкультурные работники и учителя начальных классов выделили выступление на родительских собраниях (55 % и 62 % соответственно), а социальные работники (68 %) распространение листовок (буклетов).

Из анкетирования также видно, что как в образовательных, так и в социальных учреждениях созданы в принципе неплохие условия для вовлечения в фи-

зическую культуру и массовый спорт широких слоев населения. Об этом написали 51 % физкультурников, 59 % учителей начальных классов и 26 % социальных работников.

На вопрос «Знакомы ли вы с законодательной базой по физической культуре?» 66 % физкультурников, 36 % учителей начальных классов и всего 7 % социальных работников ответили положительно.

К сожалению, большинство из опрошенных респондентов – 58 % физкультурников и 55 % социальных работников не сотрудничает с центрами социальной реабилитации, социального обслуживания и других социальных учреждений и общественных организаций в реабилитационной и рекреационной работе с населением посредством физической культуры и спорта. Это побудило нас разработать и провести обучающий семинар «Физическая культура в социальной защите населения».

На вопрос о том, какова роль социального работника в реализации основных направлений деятельности в области физической культуры, большинство физкультурных работников (65 %) выделило пропаганду и вовлечение в физическую культуру и массовый спорт широких слоев населения и создание для них соответствующих условий для систематических занятий; в то время как большинство социальных работников (57 %) отметило взаимодействие и сотрудничество социального работника со специалистами: тренерами детских спортивных школ, руководителями спортивных обществ и организаций, преподавателями по физической культуре учебных заведений, тренерами-общественниками по месту жительства. Затруднились ответить на данный вопрос 21 % физкультурников и всего 5 % социальных работников.

Все респонденты были единодушны в том, что сохранение и укрепление здоровья человека – это важнейшая социальная задача, а физическая культура и массовый спорт является средством борьбы

с различными формами девиантного поведения, средством развития у человека социально значимых качеств, проявляющихся в способности к общению, сопереживанию и т. д., средством развития внутригруппового общения, повышение уровня «контактности» личности, взаимопонимания между людьми, стабилизации социально-психологического климата в коллективе, семье в процессе совместных занятий физической культурой.

Физкультурные работники (69 %) и социальные работники (71 %) обозначили основные задачи физической культуры в социальной защите человека. К ним отнесли профилактику заболеваний и укрепление здоровья человека; продление активного творческого долголетия; организацию досуговой деятельности и профилактику асоциального поведения молодежи; социальную, медицинскую, физическую, психолого-педагогическую адаптацию инвалидов, детей сирот, людей пожилого возраста.

Все опрошиваемые респонденты в качестве приоритетных направлений деятельности социальной защиты в реабилитационной и рекреационной работе посредством физической культуры выделили: использование оздоровительной физической культуры в системе медико-социальной реабилитации пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями (детей-инвалидов, инвалидов). Особо отметили роль центров социальной реабилитации, социального обслуживания и других социальных учреждений и общественных организаций в реабилитационной и рекреационной работе с населе-

нием посредством физической культуры и спорта. Большую роль в привлечении населения к активным занятиям физической культурой большинство респондентов (51–78 %) обозначило средства массовой коммуникации (печать, радио, кинематограф, телевидение, компьютерные сети). Хотя эта точка зрения далеко не бесспорна.

Исследования показывают, что влияние средств массовой коммуникации (СМК) на развитие человека хотя и неоднозначно, но в целом позитивно. Так, исследования, проводившиеся во Франции, показали, что телесмотрение значительно влияет на представления и кругозор малообразованных слоёв населения [13; 14].

СМК весьма существенно влияют на усвоение людьми всех возрастов широкого спектра социальных норм и на формирование у них ценностных ориентаций в сфере культуры, в том числе и физической, экономики, идеологии, права и пр.

Однако следует отметить, что, несмотря на положительные стороны СМИ, их злоупотребление нарушает привычный ритм жизни и способствует снижению двигательной активности, что приводит к проблемам в здоровье.

В связи с этим только физическая культура может решить вопросы, связанные с укреплением и сохранением здоровья. А для этого необходима пропаганда и вовлечение в физическую культуру и массовый спорт широких слоёв населения и создания соответствующих условий для систематических занятий.

Список литературы

1. Благодаренко Н. И. Реабилитация и оздоровление граждан пожилого возраста и инвалидов средствами физической культуры и спорта в условиях центров социального обслуживания // Социальное обслуживание. 2010. № 9. С. 42–45.
2. Гаврилов Д. Н., Комков А. В., Малинин А. В., Романова Е. Е., Савенко М. А. Особенности мониторинга физического состояния населения // Теория и практика физической культуры. 2006. № 3.
3. Грец Г. Н. Технология сохранения и восстановления двигательных возможностей инвалидов и спортсменов средствами физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2005. № 7.

4. Евсеев Ю. И. Физическая культура : учеб. пособие для студ. вузов. Ростов н/Д : Феникс, 2002. 382 с.
5. Карпова Г. Г. Инвалиды и культурная политика : проблемы доступности // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 74–80.
6. Кукушкина С. Е., Седаков М. А., Лозко Е. П., Аксенова Е. П. Социализация и интеграция инвалидов опорно-двигательного аппарата с помощью адаптивного спорта, или О спортивных танцах «больных» людей с «ограниченными возможностями» // Адаптивная физическая культура. 2008. № 1 (33). С. 27–33.
7. Лихачев О. Е., Жуков А. Н., Павлова О. П. Рекреационные занятия спортивными играми с мужчинами зрелого возраста // Теория и практика физической культуры. 2005. № 7.
8. Лубышева Л. И. Концепция формирования физической культуры человека. М. : ГЦИФК, 1992. 120 с. С. 214.
9. Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 240 с.
10. Лукьяненко В. П. Исследование проблемы соотношения двигательного и интеллектуального компонентов содержания общего образования в области физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2002. № 9. С. 40–45.
11. Лукьяненко В. П. Состояние и перспективы совершенствования физического воспитания школьников в свете современных концептуальных подходов // Физическая культура : воспитание, образование, тренировка. 1999. № 1/2. С. 18–25.
12. Мелихов В. В. Адаптивная двигательная рекреация – один из главных способов социальной интеграции инвалидов // Адаптивная физическая культура. 2008. № 4 (36). С. 27–37.
13. Мудрик А. В. Общение в процессе воспитания : учеб. пособие. М. : Пед. о-во России, 2001. 320 с. С. 257.
14. Мудрик А. В. Социальная педагогика : учеб. для студ. пед. вузов / под ред. В. А. Сластёнина. М. : Академия, 1999. 184 с. С. 258.
15. Основы социальной работы : учебник / отв. ред. П. Д. Павленок. 3-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2006. 560 с.
16. Петракович Н. Спорт как средство социальной реабилитации инвалидов // Социальная педагогика в России. 2010. № 2. С. 51–53.
17. Теория и методика физической культуры : учебник / под ред. проф. Ю. Ф. Курамшина. 2-е изд., испр. М. : Советский спорт, 2004. 464 с.
18. Худоренко Е. А. Лица с ограниченными возможностями здоровья. Проблемы образования и инклюзии // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 65–70.

Рукопись поступила в редакцию 01.03.2011

УДК 338.24+378
ББК У9(212)+Ч481

В. Г. Зарубин
г. Санкт-Петербург, Россия
С. З. Кимова
г. Чита, Россия
В. А. Макаридина
г. Санкт-Петербург, Россия

Экспертная оценка работодателей как условие конструирования новых специальностей в социогуманитарной сфере

В статье дана структура подготовки гуманитарного технолога и раскрыто содержание каждого из её модулей. Дана экспертная оценка работодателей по следующим позициям: сбалансированность, конкурентоспособность, кадровая политика, вакансии для молодежи. Также показаны модули, наиболее востребованные на современном рынке труда.

Ключевые слова. Модуль, технология, признак, переменная, кластерный анализ.

V. G. Zarubin
St. Petersburg, Russia
S. Z. Kimova
Chita, Russia
V. A. Makaridina
St. Petersburg, Russia

The Expert Evaluation of Employers as the Factor of New Specialties Construction in Sociohumanitarian Sphere

The authors of the article deal with the structure of innovative programme of training the human technologist and present the content of each module. The expert evaluation of employers is given according to the following points: balance, competitiveness, the staff policy, vacancies for the youth. Besides, the modules which are in-demand under the conditions of the modern labour-market are shown in the article.

Keywords: module, technology, characteristic, changeable mark, cluster analysis.

Образование – сфера социогуманитарного творчества, где совершается становление человека, личности, «взятый» в практике общественной, научной, производственно-профессиональной, политической, коммуникационной жизнедеятельности, которая развёртывается в поле современной культуры. В этом смысле образование в целом есть не что

иное, как *система гуманитарных технологий*, служащая вхождению личности в современный мир. Причём его задача двойная: не только построить образовательный процесс как систему гуманитарных технологий, но и сообщить этому процессу способность трансляции этих технологий посредством системно организованного модуля образовательных

программ и учебных курсов¹. Выбор и направленность этих курсов, объединенных в модули, обусловлены компетентностным подходом, т. е. построены – от потребностей практики, а также от задач, которые предстоит решать выпускнику в его последующей социогуманитарной теоретической и практической работе. Этот логический ход отличает учебный курс от академической дисциплины, которая строится в логике той или иной науки. Понятно, что такую учебную программу можно построить только по междисциплинарному принципу.

Остановимся на различении понятий «междисциплинарный подход» и «интеграция». Междисциплинарность означает участие многих в едином процессе, участие в той или иной мере паритетное. Как правило, одна из дисциплин становится ведущей, задавая алгоритмы и долю содержательного участия для других. Интеграция же предполагает такое взаимодействие различных дисциплин, которое базируется на общем основании, причём

¹ Исследование проводилось в рамках инновационной образовательной программы РГПУ им. А. И. Герцена «Создание инновационной системы подготовки специалистов в области гуманитарных технологий в социальной сфере». Классификация образовательных модулей осуществляется на основании опросов экспертов работодателей. Опросы проводились исследовательской группой под руководством ведущего кафедрой прикладной социологии РГПУ им. А. И. Герцена В. Г. Зарубина в сентябре–октябре 2007 г. В разработке программы и проведении полевого этапа исследования принимала участие зав. кафедрой социологии ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского С. З. Кимова. Исследование проводилось в двух экспертных сообществах. Первое экспертное сообщество – реальный сектор общественного производства, услуг и информации: работодатели, занятые в сфере материального производства; в государственных, региональных, муниципальных органах управления, в некоммерческих и общественных организациях (политических партиях), в сфере социального обеспечения, здравоохранения, медицины; в сфере культуры, науки, образования; в сфере услуг (торговля, финансы, реклама, маркетинг, IT и др.); в средствах массовой информации. Второе экспертное сообщество – сектор образования. Среди экспертов были директора и завучи общеобразовательных школ; директора и завучи системы начальной профессиональной подготовки и руководители системы дополнительного педагогического образования. Было опрошено 212 экспертов, которые представляли реальный сектор общественного производства, услуг и информации, и 202 эксперта, которые представляли образовательные учреждения.

это основание внеположено для каждого из участников взаимодействия, взятого отдельно. Так, в интеграционном взаимодействии дисциплин учебного плана общей оказывается цель – конкретный спектр компетенций, заданных модулем. Например, для инвариантного модуля – это создание совместными усилиями всех пяти учебных курсов целостной гуманитарной картины мира, ориентированной задачей обретения студентом базовых, универсальных компетентностей понимания и конструирования моделей социогуманитарных процессов.

Таким образом, образовательную программу гуманитарного технолога можно представить в последовательности решения трёх основных задач:

- развить способность *осознавать* своё ответственное присутствие в современности, сформировать в сознании студента адекватный образ мира и человека в нём; здесь используются технологии интеллектуальной саморефлексии, культурной идентификации, актуализуется личностное «я-сознание»;

- развить способность *теоретического конструирования* моделей социокультурных процессов в технологиях гуманитарного исследования, то есть в реализации системно-комплексной методологии социогуманитарного исследования;

- обучить *искусству работы с людьми*, поскольку и образование, и производство, и экономика, и наука, и техника, не говоря уж о политике, юриспруденции или журналистике, – дела человеческие.

Собственно, весь спектр модулей, которые предлагаются в образовательной программе для освоения в алгоритмах выбора, можно расположить в пределах решения этих трёх задач, ориентировать учебные курсы на освоение всех трёх групп гуманитарных технологий.

Инвариантный модуль «Методология гуманитарного исследования», преимущественно, ориентирован на решение двух первых задач, а все вариативные модули акцентируют инструментальный аспект образовательной программы.

Кроме того, чрезвычайно важно классифицировать все вариативные модули по тем пяти векторам, которые заданы инвариантом: человек–природа; человек–культура; человек–общество; человек–человек; Я и Другой. Такой подход обеспечит системность, полноту и целостность образовательной программы подготовки специалиста в сфере гуманитарных технологий, а также возможность строительства вариативных образовательных маршрутов.

Инновационная образовательная программа «Создание инновационной системы подготовки специалистов в области гуманитарных технологий в социальной сфере» включает тридцать восемь образовательных модулей. Критерий сочетания функционального назначения модуля с содержанием деятельности специалиста, владеющего гуманитарными технологиями, лежит в основе построения типологии образовательных модулей (рис. 1).

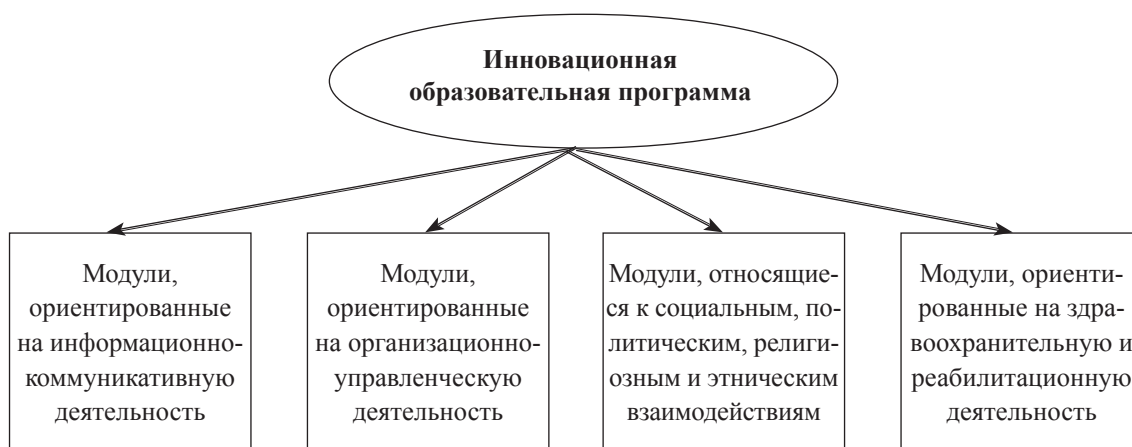

Рис. 1

К первой группе можно отнести образовательные модули, преимущественно ориентированные на информационно-коммуникативную деятельность. Речь идёт об обслуживании образовательного процесса с точки зрения организации обмена информации и выстраивания постоянных устойчивых связей между социальными объектами.

Первая группа, ориентированная на информационно-коммуникативную деятельность, включает: модуль 5. «Технологии международной коммуникации в сфере образования и науки»; модуль 8. «Технологии интеллектуальных коммуникаций»; модуль 18. «Технологии извлечения, обработки и анализа информации»; модуль 22. «Технологии работы с социотекстом»; модуль 28. «Технологии социального ориентирования человека в глобальном информационном простран-

стве»; модуль 31. «Технологии взаимодействия человека с высокотехнологичной информационной средой»; модуль 33. «Технологии социального мониторинга»; модуль 34. «Технологии образования средствами высокотехнологичной информационной среды»; модуль 38. «Технологии общественной коммуникации».

Часть модулей, ориентированных на информационно-коммуникативную деятельность, направлено на освоение базовых («вводных») информационных умений и навыков и специфической социальной информацией, объединенной в тексты. Далее следует освоение технологий, позволяющих человеку эффективно ориентироваться в современной высокотехнологичной информационной среде – социальной составляющей в глобальном информационном пространстве. Ещё одна составляющая относится к приме-

нению данных принципов в отдельных областях: образовательной и социальной области. Другая часть модулей, ориентированных на информационно-коммуникативную деятельность, более однородна. Здесь мы имеем дело с освоением технологий довольно устойчивых видов коммуникаций: интеллектуальных, международной и общественной.

Вторая группа, ориентированная на организационно-управленческую деятельность, включает: модуль 3. «Технологии продвижения образовательных услуг на рынок»; модуль 4. «Технологии управления репутацией»; модуль 6. «Технологии проектирования социальной среды»; модуль 7. «Технологии гуманитарной экспертизы и социального аудита»; модуль 16. «Технологии обеспечения безопасности (информационной, экологической, экономической)»; модуль 18. «Технологии модерации в сфере социального взаимодействия»; модуль 19. «Технологии управления конфликтом»; модуль 24. «Технологии управления в социальной сфере»; модуль 25. «Технологии управления образовательными системами»; модуль 26. «Технологии мотивации персонала в организации»; модуль 27. «Технологии формирования корпоративной культуры»; модуль 37. «Технологии современного фандрайзинга в социальной сфере».

Во второй группе можно выделить управленческие технологии в образовательной и социальной сфере, технологии проектирования, обеспечения безопасности, экспертизы и аудита, образовательного маркетинга. Наряду с этими относительно общими проблемами присутствуют также сравнительно частные сюжеты, требующие решения в образовательном процессе: репутация, модерация, конфликт, мотивация персонала и корпоративная культура, фандрайзинг.

Третья группа, ориентированная на социальные, политические, религиозные и этнические взаимодействия, включает: модуль 1. «Технологии формирования

политической, этнической и религиозной толерантности»; модуль 11. «Технологии социального партнёрства в сфере образования»; модуль 12. «Технологии межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия»; модуль 13. «Технология волонёрской деятельности в социальной сфере»; модуль 15. «Технологии конструирования гендера»; модуль 21. «Технологии в условиях кризисного социального взаимодействия»; модуль 30. «Технологии гармонизации межвозрастных отношений»; модуль 32. «Технологии адаптации мигрантов»; модуль 36. «Технологии социокультурной адаптации в северных регионах».

В третью группу собраны разнообразные технологии, относящиеся к социальным, политическим, религиозным и этническим взаимодействиям. В основном речь идёт о формировании и функционировании органов гражданского общества. К первой подгруппе можно отнести технологии, устанавливающие общие принципы социального взаимодействия, межконфессионального и межкультурного взаимодействия, принцип толерантности и социальное взаимодействие в условиях кризиса. Во вторую подгруппу включены более частные сюжеты: социальное партнёрство в сфере образования, волонёрство, гендер, генерация, адаптация мигрантов и адаптация в северных регионах Российской Федерации.

Четвёртая группа, ориентированная на здравоохранительную и реабилитационную деятельность, включает: модуль 2. «Технологии психологической помощи в кризисных и чрезвычайных ситуациях»; модуль 9. «Здоровьесберегающие технологии в социальной сфере»; модуль 10. «Технологии обеспечения психологической безопасности в социальном взаимодействии»; модуль 14. «Технологии профилактики девиации в социальной сфере»; модуль 20. «Социально-реабилитационные технологии»;

модуль 23. «Технологии профилактики аддиктивного (зависимого) поведения»; модуль 29. «Технологии психологической помощи семье»; модуль 35. «Технологии разрешения социально-психологических проблем развития детей группы риска».

Здесь также можно выделить как минимум две подгруппы. В первую входят модули, обеспечивающие технологии сбережения здоровья, в первую очередь психологическую помощь. Вторую подгруппу составляют технологии, относящиеся к профилактике и реабилитации различных негативных социально-психологических процессов.

Анализ современного состояния рынка труда выявил ключевые проблемы, связанные с несоответствием требований работодателей и подготовки специалистов системой высшего образования:

- несбалансированность спроса и предложения рабочей силы на рынке труда;
- низкая конкурентоспособность молодёжи, не имеющей профессионального образования, и лиц, нуждающихся в социальной защите;
- недостаточное развитие внутрифирменного обучения персонала, вследствие чего сдерживается рост профессионального мастерства, мобильность рабочей силы и увеличивается фрикционная безработица;
- отсталость кадровой политики большинства организаций, ориентированных в основном на достижение текущих результатов, а не на перспективное развитие;

- отсутствие вакансий для молодёжи, не имеющей опыта трудовой деятельности.

Где же выход? Думается, что специалист гуманитарного профиля будет востребован на рынке труда только в том случае, если он будет уметь свободно ориентироваться в мире людей и знаний (способность к навигации) и самостоятельно выстраивать свою профессиональную траекторию. Он не останавливается на достигнутом, а находится в постоянном поиске. Его профессиональное поле – гуманитарные технологии.

Опишем технологию классификации образовательных модулей по признаку их социальной значимости. Для каждого модуля выделим группу экспертов, которые данный модуль считают социально значимым. Будем считать, что эксперт *A* считает модуль *M* социально значимым, если по отношению к *M* эксперт *A* положительно ответил на каждый из следующих вопросов: «Является ли актуальным для Вашей организации аспект деятельности, соответствующий квалификации *M*? Заинтересованы ли Вы в соответствующих квалификациях специалистов?» Для каждого модуля найдем процент экспертов, считающих этот модуль социально значимым. Процент респондентов, считающих модуль *M* социально значимым, назовем степенью социальной значимости этого модуля.

Каждому модулю поставим в соответствие ранг в порядке убывания степени важности: ранг 1 получает модуль, набравший наибольшее число положительных экспертных оценок, ранг 38 – модуль, получивший наименьшее число положительных экспертных оценок.

Рейтинг
социальной значимости образовательных модулей по результатам
экспертных оценок работодателей, занятых в реальном секторе
общественного производства

<i>Номер модуля</i>	x_i^*	%	<i>Ранг</i>	<i>Номер модуля</i>	x_i	%	<i>Ранг</i>
Модуль 17	117	55,2	1	Модуль 35	71	33,49	20
Модуль 4	105	49,5	2	Модуль 20	69	32,55	21
Модуль 31	101	47,6	3	Модуль 6	68	32,08	22
Модуль 8	100	47,2	4,5	Модуль 11	66	31,13	23,5
Модуль 38	100	47,2	4,5	Модуль 24	66	31,13	23,5
Модуль 28	91	42,9	6	Модуль 29	65	30,66	25
Модуль 16	90	42,5	7	Модуль 25	63	29,72	26
Модуль 2	88	41,5	8,5	Модуль 21	61	28,77	27,5
Модуль 9	88	41,5	8,5	Модуль 22	61	28,77	27,5
Модуль 18	85	40,1	10	Модуль 3	56	26,42	30,5
Модуль 19	84	39,6	11	Модуль 12	56	26,42	30,5
Модуль 5	81	38,21	13	Модуль 36	56	26,42	30,5
Модуль 23	81	38,21	13	Модуль 37	56	26,42	30,5
Модуль 26	81	38,21	13	Модуль 13	55	25,94	33
Модуль 10	78	36,79	15,5	Модуль 1	54	25,47	34
Модуль 34	78	36,79	15,5	Модуль 30	49	23,11	35
Модуль 33	77	36,32	17	Модуль 7	47	22,17	36
Модуль 14	73	34,43	18	Модуль 15	46	21,70	37
Модуль 27	72	33,96	19	Модуль 32	44	20,75	38

* x_i – число экспертов, считающих модуль (или несколько модулей), попавший в i -ю строку, социально значимым. В столбце «%» – данные в процентах.

Результаты социологического исследования показали, что, по мнению экспертов, занятых в реальном секторе общественного производства, специалисты, прошедшие образовательную подготовку по модулям «Технологии извлечения, обработки и анализа информации», «Технологии управления репутацией», «Технологии взаимодействия человека с высокотехнологичной информационной средой», «Технологии интеллектуальных коммуникаций», «Технологии общественной коммуникации», будут широко востребованы на современном рынке труда.

По мнению экспертов, вызовут интерес специалисты, освоившие такие образовательные модули, как «Технологии социального ориентирования человека в глобальном информационном пространстве», «Технологии обеспечения безопасности (информационной, экологической, экономической)», «Технологии психологической помощи в кризисных и чрезвычайных ситуациях», «Здоровьесбере-

гающие технологии в социальной сфере», «Технологии модерации в сфере социального взаимодействия».

На степень социальной значимости модуля указывает его ранг. Однако ранг вариативного модуля не является достаточно точным показателем его социальной значимости. Действительно, любые два соседних по степени социальной значимости модуля отличаются на один ранг, тогда как сами степени социальной значимости у них могут отличаться значительно, а могут и почти не отличаться. Например, модули 17 и 4, имеющие ранги 1 и 2 соответственно (см. табл. 1), отличаются по степени социальной значимости на 5 %, а модули 28 и 16, имеющие ранги 6 и 7, – на 0,5 %. Следовательно, для классификации образовательных модулей необходимо использовать более тонкий формально-математический инструментарий.

Основными понятиями, которые используются при математической обработке статистических данных, являются понятия «признак» и «переменная».

Признаки и переменные – это измеряемые величины. Измерить признак – это значит присвоить ему некоторую числовую характеристику. Есть несколько способов измерения признака. Измерение осуществляется по той или иной шкале. И вполне возможно, что измерение по различным шкалам даст несовпадающие результаты. Это естественно. Ведь любой результат, полученный статистическими методами, достоверен лишь с определённой вероятностью. Кроме того, каждая из разработанных шкал измерения имеет свои недостатки, и ни одной из них нельзя доверять безоговорочно. Поэтому гипотезу можно считать достоверным фактом лишь в том случае, если она подтверждена хотя бы двумя методами проверки.

В рассматриваемой ситуации признаком является отношение экспертов-работодателей к образовательным модулям, а переменной – уровень социальной значимости конкретного об-

разовательного модуля. Для классификации вариативных образовательных модулей используем метод кластерного анализа. Этот метод группировки широко применяется в социологии. Его идея состоит в том, что в классы – кластеры – объединяются те объекты, разница показателей которых достаточно мала. При этом разница определяется именно как разность числовых показателей признака. Разбивая модули на классы, можно было бы учитывать количественную разность ответов экспертов в пользу того или иного модуля, а именно, разницу в эмпирических частотах между M_{i-1} и M_i . Она выражается числом $x_{i-1}-x_i$. Однако кластерный анализ предполагает вычислять разность не между самими этими числами, а между их нормированными оценками – $z_{i-1}-z_i$. Нормированные оценки и разности между соседними по рангу нормированными оценками приведены в табл. 2.

Таблица 2

Классификация вариативных модулей

Название модуля	x_i	Z_i	$Z_{i-1}-Z_i$	Кластер	Название модуля	x_i	Z_i	$Z_{i-1}-Z_i$	Кластер
Модуль 17	117	2,47		1	Модуль 20	69	-0,22	0,11	3
Модуль 4	105	1,80	0,67	2	Модуль 6	68	-0,28	0,06	3
Модуль 31	101	1,57	0,23	2	Модуль 11	66	-0,39	0,11	3
Модуль 8	100	1,52	0,05	2	Модуль 24				
Модуль 38									
Модуль 28	91	1,01	0,51	3	Модуль 29	65	-0,45	0,06	3
Модуль 16	90	0,96	0,05	3	Модуль 25	63	-0,56	0,11	3
Модуль 2	88	0,84	0,12	3	Модуль 21	61	-0,67	0,11	3
Модуль 9					Модуль 22				
Модуль 18	85	0,67	0,17	3	Модуль 3	56	-0,96	0,29	4
Модуль 19	84	0,62	0,05	3	Модуль 12				
Модуль 5	81	0,45	0,17	3	Модуль 36				
Модуль 23									
Модуль 26									
Модуль 10	78	0,28	0,17	3	Модуль 37				
Модуль 34									
Модуль 33	77	0,22	0,06	3	Модуль 13	55	-1,01	0,05	4
Модуль 14	73	0,00	0,22	3	Модуль 1	54	-1,07	0,05	4
Модуль 27	72	-0,06	0,06	3	Модуль 30	49	-1,35	0,28	5
Модуль 35	71	-0,11	0,05	3	Модуль 7	47	-1,46	0,11	5
					Модуль 15	46	-1,52	0,06	5
					Модуль 32	44	-1,63	0,11	5

Кластерный анализ позволяет заранее задавать количество кластеров. Разобьем все образовательные модули на 5 классов. Чтобы выделить пять кластеров, нам необходимо выбрать четыре граничных расстояния между кластерами – четыре самых больших числа среди чисел $Z_{i-1}-Z_i$. Числа, разделяющие кластеры, называются критериями кластеризации. В качестве четырёх наибольших критериев кластеризации выступают числа 0,67, 0,51, 0,29, 0,28. Они и определяют границы между кластерами.

В первый кластер попал единственный модуль 17. «Технологии извлечения, обработки и анализа информации». Он существенно отличается от остальных: даже если бы мы разбивали все модули на два класса, он остался бы единственным в своем классе: наибольший критерий кластеризации 0,67, и эта граница выделяет его среди других образовательных модулей.

Второй по степени социальной значимости кластер тоже содержит небольшое число модулей, а именно три: 4. «Технологии управления репутацией»; 31. «Технологии взаимодействия человека с высокотехнологичной информационной средой»; 8. «Технологии интеллектуальных коммуникаций».

Самый большой по числу модулей – третий кластер. Он содержит 23 образовательных модуля – 60 % от числа всех модулей. Четвёртый и пятый кластеры – небольшие по числу модулей, они содержат 6 и 4 модулей, соответственно. Следует отметить, что по разнице нормированных оценок третий, четвёртый и пятый кластеры отличаются незначительно.

Используя метод кластерного анализа, проведём классификацию модулей по распределению экспертных оценок социальной значимости образовательных модулей, данных работниками образования. Распределение оценок и ранг модулей приведены в табл. 3.

Таблица 3

Рейтинг социальной значимости образовательных модулей по результатам экспертных оценок работодателей, занятых в сфере образования

Название модуля	x_i	%	Ранг	Название модуля	x_i	%	Ранг
Модуль 5	176	79,28	1	Модуль 26	130	58,56	20
Модуль 3	169	76,13	2	Модуль 23	129	58,11	21
Модуль 34	165	74,32	3	Модуль 38	128	57,66	22
Модуль 4	158	71,17	4	Модуль 19	122	54,95	23
Модуль 31	155	69,82	5	Модуль 10	121	54,50	24
Модуль 17	150	67,57	6	Модуль 18	120	54,05	25
Модуль 9	149	67,12	7	Модуль 6	119	53,60	26
Модуль 25	148	66,67	8	Модуль 24	118	53,15	27
Модуль 29	147	66,22	9	Модуль 21	113	50,90	28
Модуль 8	146	65,77	10,5	Модуль 20	110	49,55	29
Модуль 35	146	65,77	10,5	Модуль 1	109	49,10	30
Модуль 2	143	64,41	12	Модуль 15	105	47,30	31
Модуль 11	142	63,96	13	Модуль 22	100	45,05	32
Модуль 33	136	61,26	14	Модуль 30	95	42,79	33
Модуль 27	134	60,36	15,5	Модуль 7	91	40,99	34
Модуль 28	134	60,36	15,5	Модуль 12	88	39,64	35,5
Модуль 14	133	59,91	17,5	Модуль 36	88	39,64	35,5
Модуль 37	133	59,91	17,5	Модуль 13	86	38,74	37
Модуль 16	131	59,01	19	Модуль 32	74	33,33	38

Используя эти данные, найдём нормированные оценки и разность между

нормированными оценками соседних по рангам модулей (табл. 4).

Классификация вариативных модулей

Название модуля	x_i	Z_i	$Z_{i-1}-Z_i$	Кластер	Название модуля	x_i	Z_i	$Z_{i-1}-Z_i$	Кластер
Модуль 5	176	2,04		1	Модуль 38	128	0,03	0,04	3
Модуль 3	169	1,74	0,30	2	Модуль 19	122	-0,23	0,26	4
Модуль 34	165	1,58	0,16	2	Модуль 10	121	-0,27	0,04	4
Модуль 4	158	1,28	0,30	3	Модуль 18	120	-0,31	0,04	4
Модуль 31	155	1,14	0,14	3	Модуль 6	119	-0,35	0,04	4
Модуль 17	150	0,95	0,19	3	Модуль 24	118	-0,39	0,04	4
Модуль 9	149	0,91	0,04	3	Модуль 21	113	-0,61	0,22	4
Модуль 25	148	0,87	0,04	3	Модуль 20	110	-0,73	0,12	4
Модуль 29	147	0,82	0,05	3	Модуль 1	109	-0,77	0,04	4
Модуль 8	146	0,78	0,04	3	Модуль 15	105	-0,94	0,17	4
Модуль 35									
Модуль 2	143	0,66	0,12	3	Модуль 22	100	-1,15	0,21	4
Модуль 11	142	0,61	0,05	3	Модуль 30	95	-1,36	0,21	4
Модуль 33	136	0,36	0,25	3	Модуль 7	91	-1,53	0,17	4
Модуль 27	134	0,28	0,08	3	Модуль 12	88	-1,66	0,13	4
Модуль 28									
Модуль 14	133	0,24	0,04	3	Модуль 36	86	-1,74	0,08	4
Модуль 37									
Модуль 16	131	0,15	0,09	3	Модуль 13	86	-1,74	0,08	4
Модуль 26	130	0,11	0,04	3	Модуль 32	74	-2,24	0,50	5
Модуль 23	129	0,07	0,04	3					

Пусть число кластеров в данном случае также будет равно 5. Тогда критериями кластеризации следует считать числа 0,50, 0,30 и 0,26 (заметим, что от прежних критериев кластеризации они отличаются незначительно). Таким образом, по экспертным оценкам работников образования социальной значимости образовательных модулей мы получаем пять классов модулей.

В первый по степени социальной значимости класс попал один модуль 5. «Технологии международной коммуникации в сфере образования и науки». Второй класс состоит из двух модулей 3. «Технологии продвижения образовательных услуг на рынок» и 34. «Технологии образования средствами высокотехнологичной информационной среды». Отметим, что по оценкам работодателей, занятых в реальном секторе общественного производства, модули 5 и 34 попали в третий класс, а модуль 3 – даже в четвёртый.

Самый большой по числу модулей – третий класс, он содержит 19 модулей и по нормированным оценкам очень незначи-

тельно отличается от четвёртого, содержащего 15 модулей. Пятый класс отличается от остальных значительно (критерий кластеризации самый большой – 0,50), он содержит один модуль 32. «Технологии адаптации мигрантов». Отметим, что, по оценкам работодателей, занятых в реальном секторе общественного производства, этот модуль тоже попал в пятый кластер.

Вернемся к типологии модулей, рассмотренной в параграфе 5.3. Для каждого из четырёх типов вариативных модулей найдём по два коэффициента социальной значимости: по результатам экспертных оценок работодателей, занятых в реальном секторе общественного производства (группа А), и по результатам экспертных оценок работодателей, занятых в сфере образования (группа Б).

В качестве первой оценки выберем среднюю нормированную оценку класса, в качестве второй – средневзвешенную оценку кластера. Тогда каждый тип модулей получает по четыре оценки. Все данные, необходимые для расчёта этих оценок, приведены в табл. 5–8.

Таблица 5

<i>Модули, ориентированные на информационно-коммуникативную деятельность</i>	<i>Нормированная оценка А</i>	<i>Кластер А</i>	<i>Нормированная оценка Б</i>	<i>Кластер Б</i>
Модуль 5	0,45	3	2,04	1
Модуль 8	1,52	2	0,78	3
Модуль 17	2,47	1	0,95	3
Модуль 22	- 0,67	3	- 1,15	4
Модуль 28	1,01	3	0,28	3
Модуль 31	1,57	2	1,14	3
Модуль 33	0,22	3	0,36	3
Модуль 34	0,28	3	1,58	2
Модуль 38	1,52	2	0,03	3
Коэффициенты социальной значимости класса	0,93	3,56	0,67	3,22

В результате проделанных формально-математических операций модули данной группы распределились на четыре класса.

В первый класс, по кластерным оценкам А (экспертов-работодателей реального сектора общественного производства), входит модуль «Технологии извлечения, обработки и анализа информации»; по кластерным оценкам Б (экспертов-работодателей сферы образования) – модуль «Технологии международной коммуникации в сфере образования и науки».

Во второй класс, по оценкам А, входят модули: «Технологии интеллектуальных коммуникаций», «Технологии взаимодействия человека с высокотехнологичной информационной средой», «Технологии общественной коммуникации»; по оценкам Б – модуль «Технологии образования средствами высокотехнологичной информационной среды».

В третий класс, по оценкам А, входят модули: «Технологии международной коммуникации в сфере образования и науки», «Технологии работы с социотек-

стом», «Технологии социального ориентирования человека в глобальном информационном пространстве», «Технологии социального мониторинга», «Технологии образования средствами высокотехнологичной информационной среды»; по оценкам Б – модули: «Технологии интеллектуальных коммуникаций», «Технологии извлечения, обработки и анализа информации», «Технологии социального ориентирования человека в глобальном информационном пространстве», «Технологии взаимодействия человека с высокотехнологичной информационной средой», «Технологии социального мониторинга», «Технологии общественной коммуникации».

В четвёртый класс, по оценкам Б, входит модуль: «Технологии работы с социотекстом».

Вес модулей, ориентированных на информационно-коммуникативную деятельность, составляет 3,56 баллов по оценкам работодателей, занятых в секторе общественного производства, и 3,22 баллов – по оценкам работодателей, занятых в сфере образования.

Таблица 6

<i>Модули, ориентированные на организационно-управленческую деятельность</i>	<i>Нормированная оценка А</i>	<i>Кластер А</i>	<i>Нормированная оценка Б</i>	<i>Кластер Б</i>
Модуль 3	- 0,96	4	1,74	2
Модуль 4	1,80	2	1,28	3
Модуль 6	- 0,28	3	- 0,35	4
Модуль 7	- 1,46	5	- 1,53	4
Модуль 16	0,96	3	0,15	3
Модуль 18	0,67	3	- 0,31	4
Модуль 19	0,62	3	- 0,23	4

Учёные записки ЗабГГПУ

Модуль 24	- 0,39	3	- 0,39	
Модуль 25	- 0,56	3	0,87	3
Модуль 26	0,45	3	0,11	3
Модуль 27	- 0,06	3	0,28	3
Модуль 37	- 0,96	4	0,24	3
Коэффициенты социальной значимости класса	- 0,014	2,75	0,146	2,5

Во второй класс, по оценкам А, входит модуль «Технологии управления репутацией», по оценкам Б – модуль «Технологии продвижения образовательных услуг на рынок».

В третий класс, по оценкам А, входят модули «Технологии проектирования социальной среды», «Технологии обеспечения безопасности (информационной, экологической, экономической)», «Технологии модерации в сфере социального взаимодействия», «Технологии управления конфликтом», «Технологии управления в социальной сфере», «Технологии управления образовательными системами», «Технологии мотивации персонала в организации», «Технологии формирования корпоративной культуры»; по оценкам Б – модули: «Технологии управления репутацией», «Технологии обеспечения безопасности (информационной, экологической, экономической)», «Технологии управления образовательными системами», «Технологии мотивации персонала

в организации», «Технологии формирования корпоративной культуры», «Технологии современного фандрайзинга в социальной сфере».

В четвёртый класс, по оценкам А, входят модули: «Технологии продвижения образовательных услуг на рынок», «Технологии современного фандрайзинга в социальной сфере»; по оценкам Б – модули: «Технологии проектирования социальной среды», «Технологии гуманитарной экспертизы и социального аудита», «Технологии модерации в сфере социального взаимодействия», «Технологии управления конфликтом».

В пятый класс, по оценкам А, входит модуль «Технологии гуманитарной экспертизы и социального аудита».

Вес модулей, ориентированных на организационно-управленческую деятельность, составляет 2,75 баллов по оценкам работодателей, занятых в секторе общественного производства, и 2,5 баллов – по оценкам работодателей, занятых в сфере образования.

Таблица 7

<i>Модули, ориентированные на социальные, политические, религиозные и этнические взаимодействия</i>	<i>Нормированная оценка А</i>	<i>Кластер А</i>	<i>Нормированная оценка Б</i>	<i>Кластер Б</i>
Модуль 1	- 1,07	4	- 0,77	4
Модуль 11	- 0,39	3	0,61	3
Модуль 12	- 0,96	4	- 1,66	4
Модуль 13	- 1,01	4	- 1,74	4
Модуль 15	- 1,52	5	- 0,94	4
Модуль 21	- 0,67	3	- 0,61	4
Модуль 30	- 1,35	5	- 1,36	4
Модуль 32	- 1,63	5	- 2,24	5
Модуль 36	- 0,96	4	- 1,66	4
Коэффициенты социальной значимости класса	- 1,062	1,89	- 1,152	2,0

В третий класс, по оценкам А, входят модули: «Технологии социального партнёрства в сфере образования», «Технологии в условиях кризисного социального взаимодействия»; по оценкам Б – модуль

«Технологии социального партнёрства в сфере образования». В четвёртый класс, по оценкам А, входят модули «Технологии формирования политической, этнической и религиозной толерантности»,

Социальная работа

«Технологии межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия», «Технология волонтерской деятельности в социальной сфере», «Технологии социокультурной адаптации в северных регионах»; по оценкам Б – модули: «Технологии формирования политической, этнической и религиозной толерантности», «Технологии межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия», «Технология волонтерской деятельности в социальной сфере», «Технологии конструирования гендера», «Технологии в условиях кризис-

ного социального взаимодействия», «Технологии гармонизации межвозрастных отношений», «Технологии социокультурной адаптации в северных регионах».

В пятый класс, по оценкам А и по оценкам Б, входит модуль «Технологии адаптации мигрантов».

Вес модулей, ориентированных на социальные, политические, религиозные и этнические взаимодействия, составляет 1,89 баллов по оценкам работодателей, занятых в секторе общественного производства, и 2,0 баллов – по оценкам работодателей, занятых в сфере образования.

Таблица 8

<i>Модули ориентированные на здравоохранительную и реабилитационную деятельность</i>	<i>Нормированная оценка А</i>	<i>Кластер А</i>	<i>Нормированная оценка Б</i>	<i>Кластер Б</i>
Модуль 2	0,84	3	0,66	3
Модуль 9	0,84	3	0,91	3
Модуль 10	0,28	3	- 0,27	4
Модуль 14	0,00	3	0,24	3
Модуль 20	- 0,22	3	- 0,73	4
Модуль 23	0,45	3	0,07	3
Модуль 29	- 0,45	3	0,82	3
Модуль 35	- 0,11	3	0,78	3
Коэффициенты социальной значимости класса	0,204	3,0	0,310	2,5

В третий класс, по оценкам А, входят все модули данной группы; по оценкам Б – модули: «Технологии психологической помощи в кризисных и чрезвычайных ситуациях», «Здоровьесберегающие технологии в социальной сфере», «Технологии профилактики девиации в социальной сфере», «Технологии профилактики аддиктивного (зависимого) поведения», «Технологии психологической помощи семье», «Технологии разрешения социально-психологических проблем развития детей группы риска».

В четвертый класс, по оценкам Б, входят модули: «Технологии обеспечения психологической безопасности в социальном взаимодействии», «Социально-реабилитационные технологии».

Вес модулей, ориентированных на здравоохранительную и реабилитационную деятельность, составляет 3,0 баллов по оценкам работодателей, занятых в сек-

торе общественного производства, и 2,5 баллов по оценкам работодателей, занятых в сфере образования.

Рассмотрим сводную таблицу коэффициентов социальной значимости классов модулей (табл. 9). В ней классы модулей упорядочены по степени социальной значимости.

Результаты показывают, что на основании оценок работодателей, занятых в сфере общественного производства, и оценок работодателей, занятых в сфере образования, рассматриваемые группы модулей по степени социальной значимости ранжируются одинаково. На первое место выходит группа модулей, ориентированных на информационно-коммуникативную деятельность (кластерные оценки этой группы – 3,56 и 3,22). На втором и третьем местах оказались группы модулей, ориентированные на здравоохранительную и реабилитационную дея-

тельность и ориентированные на организационно-управленческую деятельность (кластерные оценки, характеризующие отношение к ним работодателей в сфере образования, совпали – 2,5, а их кластерные оценки, характеризующие мнение работодателей в сфере общественного

производства, отличаются незначительно – 3,0 и 2,75, соответственно). Четвёртое место занимает группа модулей, ориентированных на социальные, политические, религиозные и этнические взаимодействия (кластерные оценки этой группы – 1,89 и 2,0).

Таблица 9

	<i>Средняя нормированная оценка А</i>	<i>Средняя нормированная оценка Б</i>	<i>Средневзвешенная кластерная оценка А</i>	<i>Средневзвешенная кластерная оценка Б</i>
Модули, ориентированные на информационно-коммуникативную деятельность	0,93	0,67	3,56	3,22
Модули, ориентированные на здравоохранительную и реабилитационную деятельность	0,204	0,310	3,0	2,5
Модули, ориентированные на организационно-управленческую деятельность	- 0,014	0,146	2,75	2,5
Модули, ориентированные на социальные, политические, религиозные и этнические взаимодействия	- 1,062	- 1,152	1,89	2,0

Формально-математический анализ социологической информации позволил классифицировать множество

вариативных модулей и определить их ранг на основании экспертных оценок работодателей.

Рукопись поступила в редакцию 20.03.2011

Качество жизни: генезис идей

В конце XIX – начале XX вв. человечество вступило в новую цивилизацию, получившую название «цивилизация качества жизни». Исследуется процесс становления категории «качество жизни» в истории. В настоящее время в научной литературе выделяются три этапа становления данной категории: «эмбриональный», «квантификационный», «концептуальный». Предлагается выделить четвертый этап, получивший название «интеллектуально-информационный». Дается подробное описание данного этапа становления качества жизни.

Ключевые слова: качество жизни, индекс развития человеческого потенциала, индикаторы, социальные индикаторы.

М. В. Liga
Chita, Russia

Life Quality: Genesis of Ideas

In the end of 19th – beginning of 20th centuries the mankind has entered a new civilization which has received the name “a civilization of quality of a life”. The process of formation of a category “quality of a life” in the history is investigated. There are three stages of formation of the given category in the scientific literature: “embrional”, “quantificational”, “conceptual”. It is offered to allocate the fourth stage – the “intellectual-informative” one. The detailed description of the given stage of formation of quality of a life is given in the article.

Keywords: life quality, index of the development of human potential, indicators, social indicators.

Рубеж XXI в. человечество перешагнуло в условиях сложных, противоречивых событий, процессов и перемен, затрагивающих судьбы многих стран, народов и коренным образом изменяющих общество. Существенное влияние на жизнедеятельность современного общества оказала глобализация экономики; возрастание роли интеллектуальных информационных технологий; переход от высокого уровня удовлетворения материальных потребностей к высокому качеству образования, здравоохранения, к формированию нового типа потребления, обогащенного наличием духовных, социальных и культурных благ; изменение отношений между человеком, обществом и окружающей средой. Развитие общества всё больше зависит не только и не столько от природных ресурсов, сколько от самого человека, знаний, информации,

используемых им технологий. В конце XX – начале XXI вв. общество, переходя от качества товаров к качеству человека, качеству образования, вступило в новую цивилизацию, получившую название «цивилизация качества жизни».

Качество жизни стало средством осуществления реальной социальной политики, целью социально-экономического развития многих стран, критерием научно-технического прогресса, что обусловлено той функциональной ролью, которую оно выполняет на данном этапе развития, а также степенью её адекватности потребностям и запросам общества и личности.

Обращение к проблемам оценки качества жизни необходимо с целью изучения экономических возможностей стран, а также для анализа перспектив развития человеческого капитала. Эта оценка

важна и для определения уровня развития социальной сферы, и для выявления потенциальных возможностей страны и региона.

Особую актуальность и важность приобретают вопросы измерения и оценки качества жизни. Измерение качества жизни позволяет выявить аспекты, отражающие структурные преобразования; оценить слабые и сильные стороны жизнедеятельности современного общества. Оценка качества жизни даёт возможность определять пути и механизмы перехода к политике улучшения качества жизни как стратегической задаче, от реализации которой будет зависеть будущее цивилизации.

Сегодня многие государства, принадлежащие к западной индустриальной цивилизации, стоят перед необходимостью разработки социально-экономической концепции своего развития, имеющей целью обеспечение достойного качества жизни.

Обращение к проблемам качества жизни особенно важно для России, которая переживает период структурной перестройки, трансформацию моделей социальной политики, поиска новых направлений, путей и механизмов социально-экономического развития.

Проблемы качества жизни становятся объектом специального исследования в 1960-е гг. В частности, эти проблемы были в центре внимания таких зарубежных ученых, как А. Арбор, Д. Белл, Д. Гэлбрейт, А. Кэмбелл, М. Нуссбаум, Э. Тоффлер, Э. Фромм и др., которые занимались изучением природы, структуры, содержания и функций качества жизни.

В настоящее время исследователи выделяют три этапа в разработке проблемы качества жизни в истории науки: «эмбриональный», «квантификационный», «концептуальный» [1].

Первый этап – «эмбриональный» (конец 1950 – середина 1960-х гг.). Понятие «качество жизни» только формируется. Оно чаще используется в популярных

публикациях, в избирательных кампаниях с целью пропаганды. Основным показателем качества жизни в это время становится внутренний валовой продукт (ВВП), приходящийся на одного жителя страны. На этом этапе качество жизни понимается как цель перехода от общества с приоритетом получения материальных благ к обществу, где главная цель – удовлетворение духовных потребностей.

Для второго этапа, начало которого относится к 1966 г., получившего название «квантификационный», характерна разработка социальных показателей и индикаторов. Книга Р. Бауэра «Социальные индикаторы» положила начало новому направлению в американской и западноевропейской социологии – «движению за социальные индикаторы» [8]. В конце 1960 – начале 1970-х гг. комиссия американской Академии точных и гуманитарных наук под руководством Д. Белла построила новую систему индикаторов, получившую название «Системы социальных счетов», целью которой стала разработка социальных индикаторов как оценок социальных мероприятий в плане выгод и издержек. Д. Белл определил сферы, для оценки которых необходимо создание системы социальных индикаторов. К этим сферам, по его мнению, относятся:

– социальные издержки и чистые доходы от нововведений (ликвидация издержек перелива и пагубных последствий для рынка труда, связанных с технологическим прогрессом);

– издержки «социальных болезней» (преступность, разрушение семьи, т. е. факторы, снижающие человеческий потенциал и потенциал экономического роста);

– создание бюджета для социальных нужд; экономические возможности (рост доходов населения, увеличение расходов на образование, здравоохранение, создание дополнительных рабочих мест).

Согласно концепции, на которой стояли исследователи данной группы, ка-

чество жизни определяется как разница между социальными выгодами и социальными издержками. Введение «системы социальных счетов» позволило поставить задачу поиска способов измерения, сопоставления качественных характеристик условий и особенностей жизни индивидов; дать оценку существующему положению и определить перспективы развития с целью выработки практических рекомендаций для реализации в социальной политике [8].

Для этого этапа характерны попытки выявить статус категории «качество жизни», дать её научное определение, выделить показатели, найти способы их измерения. Большинство исследователей склонилось к тому, что качество жизни является социологической категорией. Но в то же время в рамках социологического подхода формируются различные методологические основания к анализу данной категории. Так, американский социолог Н. Далки отмечает, что понятие «качество жизни», употребляемое социологами, отличается от понятий, используемых в средствах массовой информации и большинством официальных деятелей. В последнем случае это понятие относится к окружению и внешним обстоятельствам жизни личности – загрязнению, качеству жилья, эстетическому окружению, транспортным проблемам, преступности и т. п. Но такой подход к понятию «качество жизни» является ограниченным, так как не учитывает всех потребностей, удовлетворение которых делает жизнь привлекательной для личности. В соответствии с этим, считает он, политики должны выяснить, что составляет благосостояние личности и какую роль в оценке благосостояния играют такие факторы, как чувство достижения успеха, любовь и привязанность, осознанная свобода и т. д. В связи с этим Д. Далки обращает внимание на то, что необходимо более глубокое исследование понятия «качество жизни» [9, с. 5].

В 60-е гг. XX в. понятие «качество жизни» рассматривается преимущественно

в трех аспектах. Во-первых, со стороны социальных индикаторов, выступающих как исходная основа создания социальных программ, а также в качестве показателей эффективности их реализации. Возникло даже движение за социальные индикаторы – своеобразные критерии измерения, оценки качества жизни в социальной сфере. Причём по вопросу о связи социальных индикаторов с политикой принятия решений, разработкой и реализацией социальных программ сложились две противоположные позиции. Представители одной из них указывали на необходимость обязательного учёта социальных индикаторов при формировании социальной политики [4]. Другие же, напротив, считали, что социальная политика должна формироваться вне зависимости от социальных показателей. Социальные показатели играют роль независимых экспертов «правильности» или «неправильности» принятых решений [4].

Во-вторых, понятие «качество жизни» употребляется как нормативный эталон благосостояния, включающий не только материальные, но и социальные, экологические, политические и нравственные аспекты жизнедеятельности человека. Качество жизни понимается как переход от удовлетворения «основных материальных нужд потребителя» к этапу удовлетворения «уточнённых, видоизменённых личных потребностей потребителя в красоте, престиже, индивидуализации и чувственных отношениях» [4].

В-третьих, анализируемое понятие рассматривается как характеристика последствий экономической и технологической политики, влияния научно-технического прогресса на социальные отношения, на положение человека, на отношения между людьми.

В это период впервые обращается внимание на психологические характеристики качества жизни, которые выражаются в уровне удовлетворённости (неудовлетворённости) человеком условиями своего существования. Эти аспекты анализа ка-

чества жизни получили свою разработку в творчестве А. Кэмбелла, Ф. Конверса, С. Уитни, К. Роджерса. Под качеством жизни они стали понимать «общее осознание удовлетворения потребностей человеком в течение какого-то периода» [3, с. 16]. Исследователи стали рассматривать факторы нематериального порядка – здоровье, условия труда, уровень образования, состояние окружающей среды и другие, как значимые для личности.

Началом третьего этапа («концептуального») считается выход в свет книги Дж. Форрестера «Мировая динамика», в которой он предлагает модели мира, получившие название «МИР-1» и «МИР-2» [6]. Качество жизни здесь рассматривается в аспекте глобальных проблем современности. На этой стадии происходит концептуализация качества жизни, связанная с формированием двух основных направлений исследования данного понятия – «глобального моделирования», что нашло отражение в деятельности Римского клуба, и «субъективного качества жизни», или «ощущаемого качества жизни». В рамках этих направлений формируются различные подходы к изучению качества жизни:

- «глобальное моделирование» – исследование качества жизни общества;
- «субъективное качество жизни» – исследование «качества жизни личности».

В своей работе Дж. Форрестер применил метод системной динамики, который позволил ему рассмотреть мир во взаимодействии таких элементов, как человек, социальные системы, технологии и естественная окружающая среда. В дальнейшем этот метод был использован и другими представителями Римского клуба.

Модель качества жизни, предложенная Дж. Форрестером, включала пять уровней. Первый уровень – население. Второй – капиталовложения. Третий уровень – использование невозобновляемых природных ресурсов. Четвёртый – загрязнение окружающей среды. Пятый – про-

изводство продовольствия. В модели качества жизни Дж. Форрестера все уровни соединены друг с другом прямыми и обратными связями.

По мнению Дж. Форрестера, высокая плотность населения должна приводить к падению качества жизни. Раньше плотность населения имела второстепенное значение, так как территории были слабо заселены. В современном же мире ситуация резко меняется. Под высокой плотностью он подразумевал все неблагоприятные для людей обстоятельства: психологические эффекты, войны и угрозы войны, нехватку территорий и даже просто отсутствие места, чтобы побыть одному» [6, с. 82]. Дж. Форрестер считал, что плотность населения может возрасти до такой степени, что станет главным фактором, влияющим на качество жизни. По его мнению, в первую очередь речь должна идти о преднамеренном ограничении численности населения. Затем надо будет решить проблему сбалансированного развития населения и капитала. Если не остановить рост населения, промышленного производства, загрязнение окружающей среды, хищническое использование природных ресурсов, то качество жизни людей современного периода будет значительно выше, нежели будущих поколений.

Связанное с этими процессами ухудшение качества жизни людей обуславливается следующими факторами: различным уровнем жизни; высокой плотностью населения; уменьшением количества и ухудшением качества пищи; ухудшением экологической ситуации; истощением природных ресурсов; невозможностью людей адаптироваться к нынешним условиям жизни.

К числу индикаторов оценки качества жизни Дж. Форрестер относил и масштабы стрессовых ситуаций, состояние здоровья людей. Он высказывал мысль о том, что высокий уровень жизни, приближенно выражаемый величиной валового национального продукта, связанный

с быстрыми темпами развития промышленности, обуславливает низкое качество жизни. Это связано с тем, что рост промышленности ведёт к истощению природных ресурсов, загрязнению окружающей среды, скученности населения, ухудшению здоровья. Все эти явления свидетельствуют о низком качестве жизни. Но главной причиной ухудшения качества жизни Дж. Форрестер считал рост населения, так как увеличивающееся население вызывает рост индустриализации, рост потребности в продуктах питания и распространение населения на всё большей территории [6, с. 14].

Дж. Форрестер для оценки качества жизни использовал такие показатели, как «обобщённое население» (средние характеристики населения земного шара) и «обобщённые ресурсы» (величина, отражающая общие запасы невозобновимых ресурсов). Учёный считал, что уровень жизни не может выступать в роли обобщённого показателя. В качестве такого показателя, который даёт возможность оценить все составляющие цивилизации, позволяет охарактеризовать состояние человечества («глобальное равновесие» или кризис), установить пределы развития, он рассматривал «качество жизни», которое определял как меру оценки функционирования мировой системы. Им предлагалась формула оценки качества жизни, включающая следующие индикаторы: снабжение и обеспечение продуктами питания; капиталовложения, определяющие уровень жизни; загрязнённость окружающей среды; степень роста населения:

$$QL = (QLS)(QLMxK)(QLCxK)(QLFxK)(QLPxK),$$

где QL – качество жизни; QLS – стандартизованное качество жизни (единица удовлетворённости), определяемое условиями жизни и приравняемое к 1; QLM – множитель зависимости качества жизни от материального уровня жизни; QLC – множитель зависимости качества жизни от плотности населения; QLF –

множитель зависимости качества жизни от питания; QLP – множитель зависимости качества жизни от загрязнения [6].

Дж. Форрестер полагал, что определение среднемирового значения качества жизни может способствовать сравнительному анализу социально-приемлемых альтернатив общественного развития, его перспектив. В данном случае качество жизни выступает как показатель будущего развития общества [6, с. 22]. В соответствии с этим для достижения высокого качества жизни необходимо сбалансированное развитие всех пяти уровней. Сбалансированное развитие общества означает стабилизацию производства, уровня населения, создание технологий, контролирующих процесс загрязнения окружающей среды.

Модель качества жизни, предложенная Дж. Форрестером, имела, как утверждают ученые, ряд существенных недостатков. В частности, не учитывались законы сохранения материальных потоков, механизмы распределения материальных и духовных благ, а также факторы научно-технического прогресса.

В 1970-е гг. цели общества, направленные на улучшение качества жизни, начинают пересекаться с задачами обеспечения индивидуального благополучия. Возникает новый тип взаимодействия «общество – личность – общество». Люди изменяют общество, изменяясь, сами.

В этой стадии вводится новый показатель уровня социального развития – индекс развития человеческого капитала (ИРЧП). Впервые он был употреблён в Докладе ПРООН «Отчёт по человеческому развитию» за 1990 г. С этого времени готовятся ежегодные доклады о развитии человеческого потенциала в странах мира. В первом Докладе ПРООН была сформулирована мысль о том, что целью развития современной цивилизации является предоставление человеку широкого спектра возможностей интеллектуального, социального, экономического и политического выбора для реализации

его потребностей. ИРЧП включал в себя четыре парадигмы и три показателя. К парадигмам развития человеческого потенциала относилось:

– продуктивность как результат эффективной деятельности, направленной на повышение дохода и экономического роста;

– равенство, которое понимается как равенство возможностей в реализации способностей и пользовании благами;

– устойчивость, позволяющая обеспечить доступ к возможностям цивилизации как нынешним, так и будущим поколениям;

– расширение возможностей, предполагающее, что развитие осуществляется не только в интересах людей, но и их усилиями.

В числе показателей, определяющих индекс развития человеческого потенциала, выделяется ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, индекс уровня жизни.

Продолжительность жизни отражает такой показатель, как здоровая жизнь; уровень образования – знания; индекс уровня жизни – достойные человека условия жизни.

Введение этого критерия показало, что на смену экономическим теориям, в основе которых лежал валовой национальный продукт, рост доходов, пришла новая концепция, ориентированная на повышение качества жизни человека. Кроме роста доходов существуют иные цели развития человека: образование, долголетие, участие в политической жизни и т. п. Преимущества ИРЧП состоят в отсутствии фальсификации данных и возможности проведения сравнительного анализа по странам и регионам. ИРЧП можно использовать для определения масштабов финансирования программ социального развития на национальном и региональном уровнях. Индекс позволяет ранжировать не только страны, но и регионы по уровню социально-экономического развития, оценивать их дина-

мику, сопоставлять достижения. ИРЧП предполагает оценку качества жизни в пространственно-временном интервале. Эта методика отличается простотой и доступностью.

Но этому методу, как отмечают М. Б. Лига и И. А. Щёткина, присущ и ряд недостатков. К числу этих недостатков они относят следующее: во-первых, ограничен круг показателей, не учитываются субъективные показатели качества жизни; во-вторых, социальный аспект представлен лишь уровнем образования, отсутствуют такие срезы, как уровень развития науки, инновационной деятельности, нет показателей социальной напряженности, не учитывается состояние окружающей среды; в-третьих, не берутся во внимание национально-этнические и исторические различия; в-четвёртых, отсутствует нормативно-правовая база, необходимая для сравнения; в-пятых, для многих стран ИРЧП не отражает изменений, происходящих за определенный промежуток, так как рассчитывается каждый год [2].

Мы считаем, что сегодня есть все основания выделить четвёртый этап в разработке проблемы качества жизни. Его начало, по нашему мнению, следует датировать 1992 г. В этом году в Рио-де-Жанейро состоялась конференция ООН по проблемам окружающей среды и устойчивому развитию, где была выработана концепция устойчивого развития. Однако до сих пор в литературе существует точка зрения, согласно которой начало четвёртой стадии следует датировать разработкой международных индикаторов качества жизни, а её родоначальником считать А. Эрхарда, который к числу индикаторов качества жизни относил: мирное существование, антифашизм, отсутствие насилия и террора, моральное и физическое здоровье людей. Однако, как нам представляется, разработка международных индикаторов – это результат более глубоких процессов, происходящих в мире. Углубляющийся разрыв в уровне развитых

и развивающихся стран, ведущий к росту международной напряжённости, продовольственная проблема и другие процессы поставили вопрос о формировании показателей, которые должны были стать ориентирами в разработке механизмов решения этих и других глобальных проблем. Индикаторы качества жизни выступали как внешнее выражение глубинных процессов.

На четвёртом этапе формируются новые направления изучения качества жизни. К ним относятся, во-первых, изучение механизмов улучшения качества жизни, причем применительно к развитым и развивающимся странам. Во-вторых, анализ природы и сущности качества жизни. В-третьих, исследование проблемы управления качеством жизни, которая, в частности, включает управление качеством труда, качеством технологий, качеством образования, качеством окружающей среды, качеством культуры и науки, качеством социальных и экологических систем, качеством человека, а также формирование новой системы управления качеством жизни (Total Quality of Life Management) – «всеобщее управление качеством». В-четвёртых, появление нового типа экономики – экономики качества, или «научеёмкой, интеллектуалеёмкой, образованиеёмкой... – рыночной, быстроходной экономики... или экономики знания» [5, с. 270]. В-пятых, выделение основных аспектов анализа качества жизни. Среди них:

– социально-экономический аспект (СЭА) – анализ экономического развития. Целью экономического развития является обеспечение социального равенства, ликвидация бедности и нищеты, создание условий для развития цивилизации. Кроме того, были выделены такие индикаторы, как уровень доходов, валовой внутренний продукт на душу населения, уровень потребления продуктов питания, уровень и качество потребления услуг, уровень и качество здоровья, уровень и качество образова-

ния, уровень и качество безопасности личности, уровень и качество занятости населения, уровень и качество социального обеспечения;

– экологический аспект (ЭА) – анализ существующей экологической политики, направленной на сбалансированное развитие природы и общества и выделение таких индикаторов, как уровень развития антропогенных и экологических систем, состояние окружающей среды, состояние расширенного воспроизводства возобновляемых природных ресурсов;

– политический аспект (ПА) – изучение процесса становления гражданского общества и выделение таких индикаторов, как соблюдение прав и свобод граждан, развитие демократических институтов;

– демографический аспект (ДА) – анализ качества населения и выделение таких индикаторов, суммарный коэффициент рождаемости, условный коэффициент депопуляции, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, младенческая смертность, заболеваемость населения, материнская смертность и др.;

– духовно-культурологический аспект (ДКА) – анализ развития культуры и выделение таких индикаторов, как уровень духовных потребностей личности, удовлетворённость состоянием культурно-досуговой сферы, её доступностью, состояние этнокультурного разнообразия.

Как показал анализ основных стадий формирования подходов и концептуальных оснований, в исследованиях качества жизни для каждого этапа характерен был специфический подход рассмотрения взаимодействия личности и общества. На первом этапе личность рассматривалась как трудовой ресурс, как средство достижения экономического роста, в соответствии с чем основными показателями качества жизни являлись материальные показатели: уровень жизни и семейный бюджет. На втором этапе в центре исследования оказываются социальные условия жизнедеятельности личности. Среди показателей качества

жизни фиксируются нематериальные показатели: здоровье, условия труда, образование, т. е. группа нематериальных факторов. На третьем этапе взаимодействия личности и общества рассматривается на уровне социально-психологических характеристик, а среди показателей качества жизни выделяются социальные показатели развития цивилизации. На четвёртом этапе движущей силой развития общества становятся знания, информация и интеллект; среди показателей фиксируются такие показатели, как уро-

вень и качество здоровья, образования, безопасности личности, занятости населения, социального обеспечения.

Таким образом, на каждой стадии были поставлены и решались определённые проблемы исследования качества жизни, формировались различные теоретические подходы. Всё это способствовало дальнейшему формированию концепции качества жизни и развитию понятия «качество жизни», переходу понятия «качество жизни» в статус научной категории.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И. В., Батыгин Г. С. О «качестве жизни в США // США – экономика, политика, идеология. 1978. № 1. С. 23–25.
2. Лига М. Б., Щеткина И. А. Методология и методика оценки качества жизни : учеб. пособие. 2-е изд. Чита, 2010. 160 с.
3. Попов С. И. Проблема качества жизни в современной идеологической борьбе. М. : Политиздат, 1977. 280 с.
4. Тодоров А. Ст. Качество жизни : критический анализ буржуазных концепций. М. : Прогресс, 1960. 224 с.
5. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности : учеб. пособие. М. : Академия, 2002. 256 с.
6. Форрестер Дж. Мировая динамика / пер. с англ. М. : Академия, Terra Fantactuka, 2003. 384 с.
7. Bauer R. Social Indicators. London, 1969. P. 357.
8. Bell D. The Sozial Framework of the Information Society. Oxford 1980. P. 276.
9. Social Indicators of Well-Being: American/s Perception of Life Quality. N.Y., 1976.

Рукопись поступила в редакцию 01.03.2011

К. И. Локтев
г. Биробиджан, Россия

**Социальная работа как действенный механизм развития
духовности человека (по итогам эмпирического исследования)**

Статья раскрывает специфику социальной работы в контексте духовного развития человека. Представлены теоретические и эмпирические факты, подкрепляющие положение о том, что социальная работа способствует развитию духовности человека.

Ключевые слова: духовность, социальная работа, духовное развитие.

K. I. Loktev
Birobidzhan, Russia

**Social Work as an Effective Mechanism for the Development
of Human Spirituality (based on Empirical Research)**

The article reveals the specifics of social work in the context of human spiritual development. Theoretical and empirical evidences supporting the position that social work promotes the development of human spirituality are presented in the article.

Keywords: spirituality, social work and spiritual development.

В ст. 7 Конституции Российской Федерации дано определение России как социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих деятельную жизнь и свободное развитие человека». Согласно Закону, одним из механизмов такого развития выступает «система социальных служб», уполномоченная на государственном уровне курировать социальную работу. Таким образом, социальная работа возведена в ранг универсального социального института: её носители оказывают помощь всем индивидам, независимо от социального статуса, национальности, религии, расы, пола, возраста и иных обстоятельств. Единственный критерий в этом вопросе – потребность в помощи и взаимопомощи.

За период становления социальной службы сложилось так, что данный критерий выступает ведущим мотивирующим фактором для социальных работников. На наш взгляд, этого не достаточно для повышения качества работы в системе социальных служб. Необходимо, чтобы в социальной работе сотрудник нашёл личностный смысл, чтобы общественно значимое стало личностно-значимым, а

общественная боль (боль другого и других) – личной болью. Такое понимание специфики социальной работы пока мало доступно сотрудникам социальных служб. А всё потому, что мотивация к осуществлению социальной работы самого сотрудника не всегда отражает единство в плане общих интересов и жизненных целей с объектом (на уровне личностных смыслов клиентом), а это снижает качество оказываемой помощи. На наш взгляд, общими жизненными перспективами субъектов социальной помощи по праву способно выступить духовное развитие и духовность как социального работника, так и клиента. Таким образом, можно говорить о создании общего смыслового пространства, о единых жизненных перспективах, об открытых смысловых горизонтах участников процесса социальной помощи. Цель данной статьи – углубить мотивацию социального работника, показать что социальная работа является действенным механизмом по развитию духовности как самого социального работника, так и его клиента.

Истоки социальной работы восходят к благотворительности и подвижничеству, как универсальным формам духовной

практики в доктринах различных конфессий. В процессе эволюции социальная работа прагматизировалась, отходя от истоков духовности, но тем не менее её определение в настоящее время сохранило изначальный духовный семантический стержень: милосердие + умение (искусство жертвенности). Именно милосердие как состояние души человека – социального работника является основой и связующим звеном между социальной работой и духовностью (её развитием).

Современное понимание духовности в науке (психологии, философии, социологии и др.) до сих пор неоднозначно, но всё же прослеживается общая генеральная линия, вокруг которой можно выстроить общее представление, приемлемое для многих исследователей. В психологии имеется целый ряд авторских трактовок, где духовность понимается как определённый тип отношений в различных системах: «Я–Я», «Я–Другой», «Я–Мир», «Я–Бог» (В. Д. Шадриков, В. И. Слободчиков, В. П. Зинченко, А. Ю. Агафонов, Н. В. Марьясова и др.; в философии, Р. Л. Лившиц, С. Аверинцев и др.). Такой подход не случаен, ведь духовность и «...духовная жизнь человека всегда обращена к другому, к обществу, к роду человеческому, к Богу» (В. И. Слободчиков) [11, с. 334]. Специфика духовности, согласно А. А. Разину, «... сводится к помощи ближним и дальним, к милосердию, общественно полезной деятельности» [по 1, с. 26]. К аналогичному выводу приходит и С. П. Штумпф: «Духовность ... всегда связывается с выходом за пределы эгоистических интересов, личной пользы, своекорыстия, мелочных расчётов» [16, с. 38]. По словам С. П. Штумпф, сакральный смысл духовности выходит за рамки религиозных интенций, побуждая человека к высшим меркам проявления социальной потребности действовать, делать что-либо для других. Она подчас заставляет субъекта поступать вопреки и в ущерб своим личным интересам, продиктованным собственными витальными материальными и социально престижными потребностями [16, с. 76]. В этом же смыс-

ле высказывается П. В. Симонов, согласно которому духовность представляет собой диалектическое единство двух этих видов потребностей: «для себя» и «для других». Потребность «для себя» связывается с поиском истины, самостоятельностью мысли, независимостью суждений, чувством собственного достоинства. Потребность «для других» побуждает человека действовать вопреки и в ущерб личным интересам, выводить за пределы личной пользы, утилитарных и узкокорыстных интересов. Эта потребность включает в себя альтруизм, бескорыстие, способность к сочувствию, сострадание, жертвенность и т. п. [9, с. 64].

Духовность всегда отражает отношения людей друг с другом, затрагивает проблемы добра и зла, определяет поведение человека в отношении добра и зла. Как считает Е. В. Веселова: Добро – высшая духовная ценность. Его сущность неизменна. В качестве добра всегда выступает лишь такое действие, которое обусловлено интересами другого человека, нацелено на удовлетворение потребностей другого. Добро всегда бескорыстно. Нельзя самому себе сделать добро, иначе это действие приобретет оттенок корысти. Только в измерении к другому, в практическом поступке индивидуальная субъективность человека конституируется в качестве духовного» [2, с. 27–29].

Пространство духовности – это не только межличностные взаимоотношения, но и отношение человека к самому себе, это «возможность диалога индивида с самим собой» [5, с. 133]. Л. С. Выготский в своё время заметил: «Мы осознаём себя, потому что мы осознаём других, и тем же самым способом, каким мы осознаём других, потому что мы сами в отношении себя являемся тем же самым, чем другие в отношении нас. Я осознаю себя только постольку, поскольку я являюсь сам для себя другим, т. е. поскольку я собственные рефлексии могу вновь воспринимать как новые раздражители» [3, с. 38]. Так, «через других мы становимся самим собой» [3, с. 354], т. е., осознаём свою духовную сущность – устанавливаем новые отно-

шения со своим духовным «Я». В этом же смысле вопрошал и Кьеркегор: «Что же такое дух? Это Я. Но тогда – что же такое Я? Я – это отношение, относящее себя к себе самому... Я – возвращение отношения к себе самому» [6, с. 225]. Рассмотренные выше положения известны в психологии как концепция отраженной субъектности (В. А. Петровский). Согласно этой концепции, «...отражаясь во мне, другой человек выступает как активное деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели» [7, с. 34]. Подобные идеи неоднократно высказывал М. Бахтин и другие исследователи. Вполне очевидно, что отношение – это духовный труд, тяжёлый и постоянный, невозможно осознать свое «Я» раз и навсегда – это приходится делать заново» [14].

Вместе с тем отношение к Другому выступает условием и средством для более глубинного духовного познания самого себя, ведь «...человек познает себя, свой духовный мир через другого человека» [15, с. 257]. В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунов на этот счёт высказывают замечательную мысль: «...если другой – это целый мир, то встреча с ним – это счастье, если есть способность к “прозрению и познанию сущности другого человека”» [4, с. 374].

Отношения имеют смысловую природу (отношение есть смысл – А. Н. Леонтьев), поэтому отношения – это «сложнейшая сфера познания» [14, с. 256]. В. Д. Шадриков пишет: «Понять человека – значит познать его духовный мир. Для того чтобы понять человека, надо иметь с ним сходство, необходимо быть таким же, “как он”, иметь сходство с его духовным миром. Чем больше людей вмещает человек в свое понимание, тем богаче его духовный мир. Понять других – значит быть самому духовно богатым, вмещать в себя других людей в их духовном содержании. Духовно богатый человек вмещает в себя не только духовные качества познаваемого, но и нечто большее – противоположные качества... его противоположность. Чтобы понять человека, требуются осо-

бые способности. Духовные способности – это способности понять, оценить и изобразить других людей» [14, с. 256–257]. Отношения способствуют формированию духовных способностей, которые и есть «интегральное проявление интеллекта и духовности личности» [14, с. 256–257].

Духовность в отношениях качественно характеризуется через понятие – *человечность*. Как считает В. Д. Шадриков, духовность есть высшее выражение человечности, которая формируется и проявляется прежде всего через «...осознание себя и своих отношений с другими людьми, а уже через это (и посредством этого) – осознание добра и зла, осознание своей выгоды и отказ от неё во имя блага другого» [13, с. 84]. По словам В. Д. Шадрикова: «Свою духовность мы получаем от предков, ... через предания. Герои преданий не завещают нам мораль, они оставляют нам поступки. Человечность это не слова, а поступки...» [13, с. 66]. «Поступок – путь к личности, путь к добру, к формированию собственной духовности» [13, с. 101].

Стержнем человечности как высшей формы геноза духовных отношений является механизм жертвенности. Действительно, «...сознательная жертвенность во имя других стоит у истоков духовности» [13, с. 90]. Данный аспект стал поднимать еще Л. С. Выготский: «...личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она *предъявляет* (выделено нами. – Л. К.) для других» [3, с. 354]. Другими словами, духовная сущность человека проявляется в объёме (и содержании) такой значимой «меры», которую способен человек бескорыстно предложить в своих отношениях «другому». В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунов, с опорой на труды М. Бубера подтверждают позицию Л. С. Выготского: «...Когда встречаются друг с другом Я и Другой, обнаруживается ещё остаток, и этот остаток – самое существенное... в нём и “проживает” природа духовности» [3]. Здесь остаётся лишь добавить: значимым «остатком» (мерой) в духовной жизни, справедливо выступает «человечность» [8, с. 392], в основу кото-

рой вложена Любовь. Так «оживотворяется культура», когда в межличностных взаимоотношениях происходит духовное взаимообогащение участников общения, с одной стороны – посредством интериоризации элементов духовной культуры, трансляции смыслов предметов-медиа-торов (В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунов), с другой – опыта человечности (С. Л. Рубинштейн, В. Д. Шадриков).

**Эмпирические факты,
подчёркивающие высокую
приоритетность социальной работы
при развитии духовности**

В ходе осуществленного нами психологического исследования (под научным руководством В. П. Яссман) нас интересовали представления респондентов о детерминантах духовной активности, о том, что побуждает человека духовно совершенствоваться, в каких ситуациях эффективно развивается духовность. С этой целью были обследованы 294 респондент

та в возрасте 18–65 лет, отличающиеся по социальному статусу и профессиональной принадлежности. Участникам исследования предложено ответить на вопросы: «Зачем нужно развивать духовность?» и «Назовите те жизненные ситуации, в которых, по вашему мнению, проявляется высокий уровень духовности?» Полученные данные подвергались частотному и качественному анализу. В процессе частотного анализа выделялись универсалии с последующим их ранжированием. Дальнейшая обработка полученных универсалий осуществлялась посредством факторного анализа в прикладном пакете SPSS 17,0. При проведении факторного анализа применялся метод главных компонент, использовалось вращение Варимакс с нормализацией Кайзера.

В ходе частотного анализа массива данных на задание «Зачем нужно развивать духовность?» была выделена в общей сложности 31 универсалия, из них ведущие десять представлены на рис. 1.

Рис. 1. Универсалии, получившие высокую частотность в ответах на вопрос «Зачем нужно развивать духовность», % ответивших

По мнению участников исследования (рис. 1), духовность нужно развивать в первую очередь для того, чтобы «состояться человеком» (12,2 % – 36 респондентов), ради спасения мира и соответственно для гармонизации тела, души и духа, для саморазвития. Итоги факторного анализа на базе выявленных универсалий (табл. 1) наглядно показали, что ведущие два фактора четко актуализируют объективные и субъективные мотива-

ционные линии. С объективной стороны (1-й фактор) – к развитию духовности побуждает потребность внести индивидуальный вклад в эволюцию человеческого сообщества, это идея «Спасение мира» через добродетель (великодушие, милосердие, сопереживание, добродетель). С субъективной стороны (2-й фактор) – к развитию духовности побуждает метапотребность в самосовершенствовании – развитие внутреннего мира.

Факторы, получившие наибольший процент дисперсии

Наименование	Универсалии вошедшие в фактор	Дисперсия, %
1 фактор	Проявление великодушия (милосердие, сопереживание) (0,764) Добродетель (0,582)	4,702
2 фактор	Развивать внутренний мир (0,669) Утонченность восприятия (0,600) Любовь (развитие) (0,520)	4,579

Учитывая, что духовность, будучи индивидуально-личностным образованием, формируется в «пространстве культуры», важно иметь ясное представление о тех культуросообразных факторах, которые способны выступить условиями развития, выражения и проявления духовности. С целью уточнения данных факторов участникам исследования предложено ответить

на вопрос: «Назовите жизненные ситуации, в которых, по вашему мнению, проявляется высокий уровень духовности и низкий уровень духовности».

В результате частотного анализа ситуаций ВУД получено всего 393 варианта высказываний, из которых сгруппированы 23 универсалии, десять ведущих универсалий приведены на рис. 2.

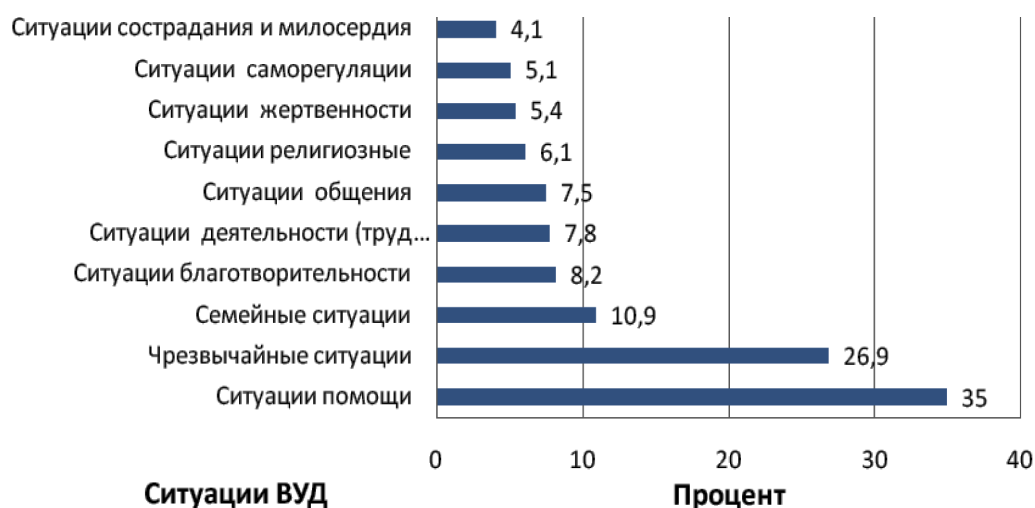

Рис. 2. Универсалии на задание «Жизненные ситуации, в которых проявляется высокий уровень духовности» (% ответов респондентов)

Согласно полученным данным (рис. 2), ситуации, максимально способствующие проявлению духовности, в большей степени связаны с оказанием «помощи другим людям» (1-я позиция – 35 % респондентов); характерные высказывания: оказание помощи, помощь кому-либо в поиске истины внутри себя, подать руку старушке, помощь посторонним, помощь себе). Вторую, не менее значимую позицию заняли ситуации, характеризующиеся как «чрезвычайные» (2-я позиция – 26,9 % респондентов); характерные высказывания: беда,

болезнь, авария, похороны, война, смерть и др. В целом, если обратить внимание на содержание других универсалий, то представленность универсалий, отражающих идею бескорыстного служения другим, идею помощи, составляет более 50 % из представленной десятки.

Дополнительно осуществленный факторный анализ (табл. 2) позволил конкретизировать базовые благоприятные для развития духовности. Оказывается, формирование духовности начинается с микросоциальной ячейки семьи (семей-

ные ситуации), с развития гармоничных отношений в семье, выстраивающихся на взаимной любви. Такие отношения разви-

ваются посредством проявления сострадания к ближним, милосердия и взаимопонимания.

Таблица 2

Факторы, получившие наибольший процент дисперсии

Наименование	Универсалии, вошедшие в фактор	Дисперсия, %
Фактор 1	Семейные ситуации (0,789). Ситуации выражения любви (0,597)	7,123
Фактор 2	Ситуации сострадания и милосердия (0,681) Ситуации межличностного понимания (0,645)	6,795

По итогам анализа ответов на вопрос «Назовите те жизненные ситуации, в которых, по вашему мнению, проявляется низкий уровень духовности» получены 44 универсалии, из которых доминирующие десять универсалий приведены на рис. 3.

Рис. 3. Универсалии на задание «Жизненные ситуации, в которых проявляется низкий уровень духовности» (% ответов респондентов)

Характер распределения данных (рис. 3) для ситуаций НУД показывает, что в большей степени доминантными выступают ситуации предательства (1-я позиция – 8,5 % ответивших); в равной степени – ситуации убийства (причинение физической смерти), равноду-

шия и безразличия (психическое убийство), оставления в беде (бегство, трусость).

По итогам факторного анализа выявленных ситуаций НУД получена 21 компонента, полная объяснённая дисперсия равна 64,850 % (табл. 3).

Таблица 3

Факторы, получившие наибольший процент дисперсии

Наименование	Универсалии, вошедшие в фактор	Дисперсия, %
Фактор 1	Алкоголизм (0,881). Наркомания (867)	4,075
Фактор 2	Зло (0,681). Зависть (0,645)	3,689

Характер ведущих компонент (1-й и 2-й факторы) табл. 3 показывает, что для ситуаций НУД характерны по 1-му фактору асоциальные деструктивные формы психофизиологической и психологической зависимости, предполагающие деструктивный уход от реалий социально-культурных форм жизни (1 F: ситуации алкоголизма

и наркомании). По фактору 2 в ситуациях НУД преобладают объективные и субъективные формы агрессии (зло, агрессия).

На фоне вышеобозначенных положений различных исследователей, также эмпирических фактов можно утверждать, что социальная работа, как никакая другая, способствует развитию духовности,

потому что мотивация творить добро, выраженная в добродетельном поступке, «отливается» в личностную структуру, в конкретные духовные качества и способности, которые в итоге и характеризуют проявления духовности человека. Не случайно в истории социальная работа была и остается одной из самых трудных, благородных и одухотворённых видов деятельности по развитию духовности. Права Е. И. Холостова в том, что не каждый человек может стать социальным работником. Определяющим критерием готовности к социальной работе выступает наличие зрелой системы духовных ценностей, внутренней устремленности к добру, потребность отдавать свои душевные силы ближнему, творить добро, выполняя своё предназначение на этой земле [12].

Таким образом, правомерно утверждать что социальная работа есть действенный и мощный механизм развития духов-

ности человека. На данный факт обратили внимание ещё на «заре» развития человеческого общества люди высокодуховные, которые культивировали такие формы духовной практики. По словам Е. Максимова: «Благотворительность в России с глубокой древности была не вспомогательным средством общественного здоровья, как необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему». «При таком воззрении на благотворительность помощь бедным была делом отдельных лиц, проникнутых идеями христианской нравственности...» [по 12, с. 8]. В наставлениях Святого старца прп. Ефрема Сирина (IV в. н. э.) находим подтверждение вышесказанному: «От входящих к нам не будем отвращаться, но станем встречать их весело; а которые не имеют сил прийти, к тем будем сами посылать; это важнее первого...» [10, с. 136].

Список литературы

1. Бокачев С. И. Духовность : личностный аспект в социальном контексте современности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Ставрополь : РГБ, 2007.
2. Веселова Е. В. Педагогический аспект понятия духовность // Художественная культура : личность, творчество, досуг : материалы регион. науч.-практ. конф. 18–19 октября 2004 г. / под ред. Р. И. Трипольского, Л. С. Беляевой. Мурманск : МГПУ, 2004. Т. 1. С. 27–29.
3. Выготский Л. С. Психология развития человека. М. : Смысл, 2005.
4. Зинченко В. П., Моргунев Е. Б. Человек развивающийся : очерки российской психологии. М., 1994. 333 с.
5. Коваль Н. А. Духовность в системе профессионального становления специалиста : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13. М., 2002.
6. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
7. Петровский В. А. Феномен субъектности в психологии личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Ин-т пед. инноваций Рос. акад. образования. М., 1993. 70 с.
8. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003.
9. Симонов П. В., Ершов П. М., Вяземский Ю. П. Происхождение духовности. М., 1989. 352 с.
10. Сирин Е. Святой Ефрем Сирин. Духовные наставления. М. : Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1998. 304 с.
11. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека : введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
12. Холостова Е. И. Теория социальной работы : учебник / под ред. проф. Е. И. Холостовой. М. : Юристъ, 2001. 334 с.
13. Шадриков В. Д. Происхождение человечности. М. : Логос, 2003.
14. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека : учеб. пособие. М. : Логос, 1996. 320 с.
15. Шадриков В. Д. Духовные способности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб. : Питер, 2000. С. 425–426.
16. Штумпф С. П. Духовность как социокультурный феномен : аксиологическая направленность и перспективы развития : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2007. 156 с.

Рукопись поступила в редакцию 30.03.2011

Л. Г. Невеличко
г. Биробиджан, Россия

**Условия жизни населения муниципального образования
как фактор формирования местных сообществ
(на примере г. Биробиджана)**

В статье рассматриваются условия формирования местных сообществ, определяются факторы, оказывающие влияние на повышение социальной активности населения на уровне муниципалитета, приведены результаты мониторингового исследования условий жизни населения г. Биробиджана как факторов, оказывающих влияние на добровольную самоорганизацию населения.

Ключевые слова: местное сообщество, добровольная самоорганизация населения, факторы и условия добровольной самоорганизации населения, потребности в местном самоуправлении, психологическое чувство сообщества.

L. G. Nevelichko
Birobidzhan, Russia

**Living Conditions of Municipal Population as Local Communities Formation Factor
(on the example of Birobidzhan)**

This article examines the conditions shaping local communities which are determined by factors that influence the social sector of the population at the municipality level. The results of the monitoring study of Birobidzhan population living conditions as factors influencing the voluntary self-organization of the population are presented in the article.

Keywords: local community, voluntary self-organization of the population, factors and conditions of voluntary self-organization of the population, needs for local government, the psychological sense of community.

Развитие местного самоуправления невозможно без активного включения в этот процесс самих муниципальных образований, включения «самостоятельного и под свою ответственность». Поэтому по мере того, как оно набирает вес и значение, всё более значимыми становятся процессы, протекающие непосредственно «на местах». Одним из фундаментальных при этом оказывается вопрос о том, кто является субъектом местного самоуправления. Демократически и нравственно обеспеченный ответ на этот вопрос состоит в том, что таким субъектом является сообщество людей, живущих на данной территории. Органы муниципального управления – это рабочие органы, задача которых выполнять волю и служить интересам этого сообщества. Так, появляется

представление о «местном сообществе» как умозрительном субъекте воли и интересов людей, проживающих на данной территории [1].

От того, что представляют собой местные сообщества, в которые самим местом своего проживания объединены рядовые «граждане страны», каково их поведение и действия, устойчивые социальные практики, есть ли среди них носители инноваций и традиционализма и кто эти носители, во многом зависит реализация демократического и модернизационного проекта в России, а также её включение в глобальные потоки.

Начиная с XIX в. термин «сообщество» в западной литературе означал в большей степени «надежду и желание создать более тесные, близкие и гармо-

ничные связи между людьми», а местное сообщество рассматривается как группа людей в природной окружающей среде, обладающая географическими политическими и социальными границами и развитым общением друг с другом. Это общение может быть не всегда активным, но оно должно быть явным. Группы взаимодействуют на определённой территории для достижения совместных целей.

Проблема состоит в том, что сообществ-то в России нет или почти нет в действительности – есть социальные группы, выделяемые различными наблюдателями, и общины. МСУ состоит в России только в том случае, если муниципальными управленцами будет осознана необходимость формирования местных сообществ и освоена технология их выраживания.

Решение местных проблем, особенно в условиях ограниченных финансовых возможностей муниципалитетов, с равнодушным и ленивым населением невозможно. Оно зависит от заинтересованности и организованности жителей, вокруг волнующих их вопросов, от эффективности институтов и структур гражданского общества на территории муниципального образования. С другой стороны, осознание властью преимуществ публичной политики и её умение привлекать организованных жителей к решению вопросов местного значения как встречный процесс есть условие стабильности и эффективности самой власти. Известно, что гражданские инициативы на местах и попытки самоорганизации местных сообществ сплошь и рядом натолкнулись на хроническое нежелание чиновников разговаривать с людьми по-человечески и взаимодействовать с зарождающимися структурами гражданского общества. Но именно здесь, на местном уровне пробуждающаяся воля людей к социальной активности для защиты собственных интересов способна изменить отношения власти и гражданского общества [2].

Общественные объединения создаются снизу, по инициативе жителей муниципального образования, для реализации интересов и удовлетворения потребностей не только членов данного объединения, но и членов более широких социальных общностей. Социальный интерес можно рассматривать как внутреннюю побудительную причину, направляющую деятельность субъекта на удовлетворение потребности. «Сущность интереса состоит в необходимости удовлетворения данной потребности посредством объективного включения субъекта в общественные отношения»

Условия добровольной самоорганизации населения муниципального образования включают в себя доступность информации о возможностях реализации прав граждан на объединение, наличие институтов поддержки общественных инициатив, институциональных форм взаимодействия органов местного самоуправления и общественных объединений, развитость материальных и нематериальных форм поддержки общественных объединений органами местного самоуправления, возможности для формирования позитивного общественного мнения населения муниципального образования относительно участия в общественной деятельности и др. [4].

Среди факторов, оказывающих влияние на добровольную самоорганизацию населения на уровне муниципалитета, называют два основных фактора.

Первый – уровень социально-экономического развития муниципального образования, выступающий индикатором обеспеченности населения муниципального образования услугами отраслей социальной и инженерной инфраструктуры. Он отражает потенциальную возможность удовлетворения потребностей населения в системе местного самоуправления.

Второй фактор – условия добровольной самоорганизации населения муниципального образования, включающие в себя доступность информации о возможностях

реализации прав граждан на объединение, наличие институтов поддержки общественных инициатив, институциональных форм взаимодействия органов местного самоуправления и общественных объединений, развитость материальных и нематериальных форм поддержки общественных объединений органами местного самоуправления, возможности для формирования позитивного общественного мнения населения относительно участия в общественной деятельности и др. [3].

Мерсиянова И. В. в монографическом исследовании «Подходы к решению проблем формирования социальной базы местного самоуправления при стратегическом планировании развития муниципальных образований» выделяет десять основных групп потребностей населения в системе местного самоуправления, методологической основой классификации которых послужили законодательно закрепленные вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования.

1. Потребность в безопасности – в защите от стихийных бедствий, чрезвычайных происшествий неополитического характера и их последствий, а также – в безопасном муниципальном образовании, свободном от преступлений, асоциальных явлений и агрессии.

2. Потребность в здоровой окружающей среде – в среде, в которой не загрязнен воздух, земля, вода, а природа и природные ресурсы защищены.

3. Потребность в комфортной урбанистической среде – в приемлемой, физиологически и психологически стимулирующей форме пространства муниципального образования, достигаемой за счет современной архитектуры, рациональной организации транспортного движения и пешеходных зон, сохранения исторических памятников и т. д.

4. Потребность в участии в управлении – в управлении муниципальным образованием, основанном на сотрудничестве между всеми возможными партнёрами,

на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, многообразия форм прямой и представительной демократии, гласности и учета общественного мнения.

5. Потребность в услугах и товарах – в широком ассортименте доступных и качественных услуг и товаров, предоставляемых в муниципальном образовании.

6. Потребность в социальной защите – в реализации принципов и методов, законодательно установленных социальных гарантий, мероприятий и учреждений, обеспечивающих предоставление оптимальных условий жизни, поддержание жизнеобеспечения и деятельного существования личности.

7. Потребность в занятости – в легитимном участии в производственной деятельности с целью получения трудового дохода.

8. Потребность в жилье – в достаточном предложении и выборе доступного по цене и здорового жилья, обеспечивающего личную жизнь и спокойствие.

9. Потребность в информации – в среде и услугах, обеспечивающих доступ к сведениям об окружающем мире и протекающих в нём процессах.

10. Духовные потребности – в доступном для всех участии в широком спектре культурной и творческой активности, в среде и услугах, способствующих передаче и использованию ранее накопленных знаний (культуры) в целях социализации индивидов, формирования их творческих способностей [4].

Исследования, проведенные журналом «Российские регионы», установили, что крайне негативным фактором, тормозящим общественную активность, являются сформировавшиеся социально-психологические установки граждан, содержащие

– недоверие к власти;

– ощущение тотальной зависимости от власти;

– неумение и нежелание принимать на себя ответственность за решение проблем своего дома, улицы, поселения.

Органы местного самоуправления ничего не добьются до тех пор, пока не изменят состояние массового общественного сознания людей. Условием позитивных перемен в сознании личности будет являться такое устройство общества, которое более всего будет соответствовать интересам и потребностям людей.

Таким образом, все многообразные потребности местных жителей сводятся к трём группам – занятость, доходы, благоустройство (или условия жизни) в конкретном месте проживания, а не в общем в стране или регионе. Основной идеей, лежащей в основе современных концепций развития местных сообществ, является их способность дать ответ на вопрос: как местное население, используя ресурсы сообщества, может удовлетворять свои потребности, а также формировать своё будущее.

Благосостояние населения – главный результат развития местного сообщества, который материализуется в конкретных видах продуктов и услуг, лучше удовлетворяющих потребности местного населения. Поэтому цели развития определяются на основе выявленных нужд местного сообщества в товарах и услугах. Они становятся основой разработки стратегических проектов.

Создание рабочих мест является одной из важнейших стратегических целей развития местного сообщества. При этом важно обеспечить соответствие создаваемых рабочих мест профессиональным характеристикам и запросам тех членов местного сообщества, которые в них нуждаются.

Благоустройство местного сообщества – не просто деятельность по развитию бизнеса, созданию условий, благоприятных для занятости, и возможностей пользоваться результатами своего труда. Это необходимые условия как материального, так и духовного благосостояния человека. Культура, отдых, внешний вид сообщества являются важнейшими составляющими духовного благополучия. Поэтому меры, принимаемые по развитию местного сообщества, следует оценивать с точки зрения воздействия на эти сферы жизни.

Развитие местного сообщества связано не только с определенными физическими изменениями, но и с переменами в его общественной жизни: повышением социальной активности членов сообщества, укреплением доверия и готовности людей к сотрудничеству, то есть тем, что образует основу теории социального капитала. Социальный капитал является основой развития, его ключевым элементом.

Важнейшим показателем сформированности местного сообщества является психологическое чувство сообщества, чувство соседства, так как степень развитости этого чувства решающим образом влияет на интегрированность и жизнедеятельность сообщества, его возможность решать важные для людей проблемы. Осуществимость таких личных потребностей, как потребность в общении, разнообразии жизни, ощущение своей полезности и заботы со стороны окружающих, – чрезмерно важный компонент в жизни человека. По наблюдению психологов, люди с развитым чувством сообщества, как правило, более счастливы, спокойны, уверены в своих силах.

Выделяют четыре составляющих чувства сообщества.

1. Чувство принадлежности и эмоциональной безопасности. Предполагает признание определенных границ, которые помогают отличить «своего» от «чужака». Такими границами могут являться физические объекты, например реки или дороги. Границы могут определяться признанной системой символов – названием местности, архитектурным стилем, близостью к каким-либо ориентирам.

2. Влияние, т. е. возможность ощущать себя свободным, испытывая при этом чувство слитности с сообществом и приверженности его ценностям и интересам. По наблюдениям социологов, людей больше привлекают сообщества, на жизнь которых они могут повлиять, что проще сделать в масштабах местного сообщества. Местные общественные организации могут успешно выступать в

качестве «посредников» между местными сообществами и более крупными общностями. Например, федеральным правительством или правительством субъекта Федерации.

3. Интегрированность и осуществимость личных желаний человека, т. е. чувство единения с другими людьми, основывающееся на ценностях, которые соответствуют интересам как сообщества, так и индивида. Это связано с позитивной поддержкой поведения индивида, статусом члена сообщества, оценкой его успехов и способностей.

4. Разделённая эмоциональная связь, т. е. ощущение общности судеб, включая степень и характер взаимодействия членов сообщества. Чувство сообщества оказывает существенное влияние на политическую, экономическую и другие стороны жизни его членов. Чем безопаснее и спокойнее чувствуют себя люди в месте проживания, тем большую готовность к сотрудничеству они проявляют [5].

Формирование местного сообщества – процесс достаточно длительный. Возможно, только после смены нескольких поколений жителей можно будет ожидать появления в России первых местных сообществ. Формирование полноценных

(реальных) местных сообществ связано с преодолением многих негативных последствий предшествующего периода централизованного руководства страной [7].

Результаты мониторингового исследования «Взаимоотношение власти и общества», проведённого за период 2004–2008 гг., выявили отрицательную корреляцию (!) между уровнем жизни населения города, общими условиями жизнедеятельности и отношением населения к различным институтам власти, администрации и мэру города.

В рейтинге проблем озабоченности граждан *за последние пять лет наблюдается устойчивая тенденция обеспокоенности опрошенными ростом цен на товары и услуги*. Наряду с этим усиливается или же сохраняется высокая *обеспокоенность горожан такими проблемами, как преступность и наркомания; отсутствие работы, благоустройство улиц, дворов, населенных пунктов, бедность населения* (табл. 1). Они превысили уровень тревожности всех других, не менее острых социальных проблем. В целом, другого и трудно было ожидать, так как бедность российского населения и преступность сегодня звучат как угрозы национальной безопасности.

Таблица 1

Проблемы беспокойства населения города
(в процентах к числу опрошенных)

<i>Проблемы</i>	<i>2004 г.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>
1. Рост цен на товары и услуги	55,4	64,2	79,9
2. Бедность населения	53,8	45,2	38,6
3. Преступность, наркомания	46,0	49,9	53,8
4. Отсутствие работы, занятости	41,9	38,8	37,9
5. Дороговизна и низкое качество лечения, лекарств	37,0	36,6	41,3
6. Замена социальных льгот денежными компенсациями	36,6	11,7	13,1
7. Состояние ЖКХ	31,3	41,7	26,5
8. Получение проф. образования	23,7	13,0	15,2
9. Экологическое состояние территории жизнедеятельности	22,1	21,9	20,1
10. Благоустройство улиц, дворов, населенных пунктов	17,8	32,7	28,0
11. Состояние культуры	11,0	13,0	12,0
12. Выезд населения за пределы области	4,7	4,9	7,1
13. Детская беспризорность и безнадзорность	-	34,9	27,2
14. Другое	1,2	2,7	1,0

*В анкете 2004 г. вариант ответа «детская беспризорность и безнадзорность» отсутствовал.

Проблемы преступности, наркомании, традиционно имеют высокую оценку в шкале обеспокоенности населения, что подтверждают и данные официальной статистики. Учитывая высокий процент респондентов (53,8 % и этот показатель растёт), выразивших своё беспокойство, следует обратить внимание на крайне низкий уровень удовлетворённости населения деятельностью участковых милиционеров. Удовлетворены деятельностью участковых милиционеров лишь 24,3 % опрошенных (рис. 5).

В целом обозначенный спектр проблем волнует абсолютно все социальные группы местного социума, что свидетельствует об их общегородском характере.

Неудовлетворённость своим уровнем жизни население города в первую очередь связывает с экономическим фактором, поскольку возросло число тех (с 35,6 % до 46,0 %), кто отметил отсутствие возможности заработать денег на самые необходимые расходы. Наряду с этим среди причин были отмечены и такие, как: «не чувствую себя в безопасности», «сегодняшние условия жизни не дают возможности использовать мои способности», «работа не соответствует моим профессиональным интересам» и др.

Как следствие – нарастание тревожности и неуверенности в завтрашнем дне, меньше половины опрошенного населения смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом (39,0 %). За последний год этот показатель существенно снизился (рис. 1).

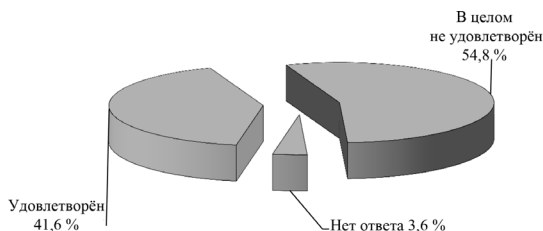

Рис. 1. Результаты ответа на вопрос: «С каким настроением Вы смотрите в будущее?» (в процентах от числа опрошенных)

Оценка населением деятельности городской администрации имеет многогранный характер, отражающий основные потребности его жизнедеятельности. Так, одним из основных индикаторов является информированность населения о работе властных структур, оценка способности решать их насущные проблемы, с которыми оно обращается или не обращается в местные органы власти. Результаты социологического опроса позволили сделать следующие основные выводы.

Практически половина населения г. Биробиджана (48,9 % в 2008 г. и 49,0 % в 2007 г.) с разной частотой обращается в местные органы власти по каким-либо вопросам, что свидетельствует, с одной стороны, о наличии множества неразрешенных проблем, а с другой – что оценки населения эффективности/неэффективности решения проблем его носят достаточно объективный характер.

В большинстве своём обращения жителей связаны с такими проблемами, как вопросы ЖКХ (41,9 %), вопросы социальной защиты (29,0 %), вопросы здравоохранения (18,3 %), земельные вопросы (17,9 %), вопросы благоустройства территории (10,8 %) и др.

При этом следует отметить, что оценка населения удовлетворённости результатом обращения в органы местной власти опрошенного населения в большей степени неудовлетворительная (54,8 % неудовлетворённых) (рис. 2).

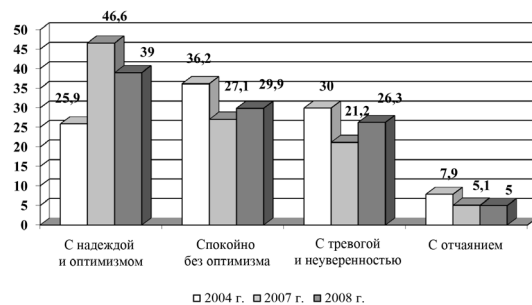

Рис. 2. Оценка населением удовлетворённости результатом обращения в органы власти (в процентах от числа опрошенных)

Подобного рода состояние населения города является источником формирования протестного потенциала, выражающегося, прежде всего, в отсутствии поддержки местной власти, её кандидатов на выборах, а зачастую и в игнорировании выборов.

В целом результаты исследования выявили недостаточно высокий уровень удовлетворённости населения решением своих проблем в органах власти. Максимальный уровень удовлетворённости

отмечается при решении земельных вопросов (60,0 %), минимальный – уличным освещением, состоянием дорог, здравоохранением (32,0 %) (рис. 7).

Каковы же основные причины такого невысокого уровня удовлетворённости населения Биробиджана от результата своего обращения в местные органы власти? *Чаще всего обещанная помощь остаётся на словах и проблемы остаются не решёнными (табл. 2).*

Таблица 2

Причины неудовлетворённости населением результатами своего обращения в органы власти в зависимости от вопросов обращения

<i>Вопросы обращения</i>	<i>Не решили</i>	<i>Не разъяснили</i>	<i>Нагрубили</i>	<i>Помощь на словах</i>
1. Вопросы благоустройства территории (вывоз мусора, несанкционированные свалки и т. д.)	46,2	23,1	30,8	38,5
2. Уличное освещение территории	41,2	17,6	23,5	41,2
3. Содержание дорог и тротуаров	41,2	17,6	17,6	41,2
4. Вопросы жилищно-коммунального обслуживания (ремонт жилого дома, кровли, обеспечение теплом и т. д.)	37,5	31,9	12,5	34,7
5. Земельные вопросы (выделение и закрепление земельного участка и т. д.)	26,4	7,9	13,1	13,1
6. Вопросы здравоохранения	35,3	26,5	8,8	29,4
7. Вопросы социальной защиты (пенсии, пособия и т. д.)	41,0	33,3	20,5	20,5

В целом следует отметить, что в оценках причин неудовлетворённости населения решение в органах власти своих проблем присутствует некая стереотипизация («власть плохая»), тем не менее следует отметить, что «самые нерешаемые» вопросы – это вопросы благоустройства территории.

Открытость информации о деятельности местных органов власти выступает одним из главных факторов доверия населения, а следовательно, и его поддержки. Результаты исследования показали, что *подавляющее большинство опрошенных жителей г. Биробиджана не удовлетво-*

ряет имеющаяся информация о деятельности местных органов власти (население считает, что власть недостаточно открыта, население мало что знает о её деятельности).

Результаты опроса показали, что по-прежнему пятая часть населения вообще «выпадает» из поля взаимодействия с муниципалитетом, поскольку затруднились с оценкой открытости органов власти для граждан. Это является лишним подтверждением необходимости построения более тесной работы с населением по его информированности о работе органов власти по решению проблем населения (рис. 3).

Социальная работа

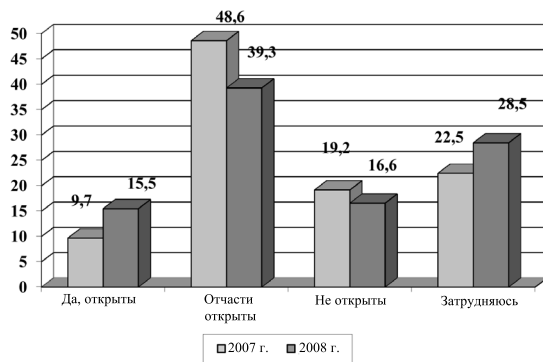

Рис. 3. Оценка населением открытости решений и действий органов власти для населения (в процентах от числа опрошенных)

На наш взгляд, такие оценки могут свидетельствовать, с одной стороны, о реальном «бездействии» местной власти, а с другой – об отсутствии у населения полной, прозрачной и объективной информации о деятельности органов власти, что приводит к ориентации в оценках власти на слухи, стереотипы («езде власть плохая»).

Но, независимо от этих двух предположений, налицо неудовлетворённость населения, которая крайне остро выражена и которую необходимо снижать повышением эффективности информационной открытости власти, построением более тесной работы с населением по его информированности о работе органов власти по решению насущных проблем населения.

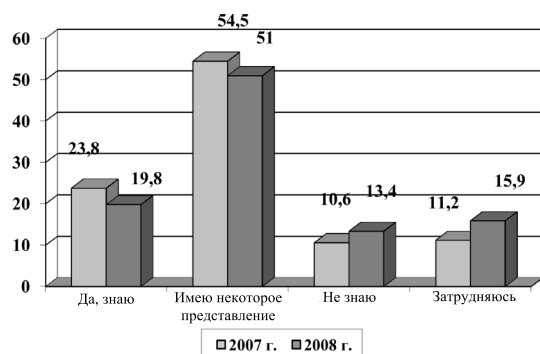

Рис. 4. Оценка населением информированности (знания) о том, чем сегодня конкретно занимаются органы власти (в процентах от числа опрошенных)

Также следует отметить, что по-прежнему лишь пятая часть населения (19,8 %) владеет необходимой информацией о том, чем сегодня конкретно занимаются органы власти. Большинство населения только лишь имеет об этом некоторое представление, а каждый десятый вообще ничего не знает о деятельности органов власти (рис. 4).

Всё это, с одной стороны, говорит о недостаточно эффективной работе органов власти по информационному обеспечению населения, а с другой – население, как уже отмечалось, даёт не очень положительные оценки деятельности органов власти, уровню её доверия из-за неполной (следовательно, не вполне достоверной) информации. Поэтому задача местных органов власти повышать эту информированность населения, вести живой и конструктивный диалог с ним. Только такая детальная работа позволит поднять авторитет власти у общества. *Население должно видеть «прозрачность» в действиях и результатах этих действий.*

Таблица 3

Реакция населения в повседневной жизни на действия местных властей
(в процентах от числа опрошенных)

Реакция	2007 г.	2008 г.
1. Обычно одобряю, поддерживаю	18,5	15,2
2. Обычно вынужден приспосабливаться	36,7	41,4
3. Обычно стараюсь держаться от властей в стороне	18,3	13,6
4. С неприязнью, когда возможно, противодействую им	4,8	3,4
5. Затрудняюсь ответить	21,8	26,5

В целях укрепления доверия населения к органам власти г. Биробиджана, как важного индикатора эффективности их деятельности, необходимо совершенствовать механизмы взаимодействия админис-

трации с городским сообществом (организация сходов граждан, открытых встреч с различными социальными группами, широкой их пропагандой через СМИ, особенно те, которые пользуются наибольшим предпочтением у населения).

В оценках уровня своей жизни население не связывает его улучшение с деятельностью государства, органов власти, не рассчитывает на их помощь. Во многом у населения сформировались ценности рыночного индивидуализма с ориентацией на собственные силы. Как и в прошлые годы, население рассчитывает в первую очередь только на собственные силы в случае возникновения тяжёлой жизненной ситуации (табл. 2). Крайне низко оценивается возможность получения помощи от органов местного самоуправления города.

Таблица 4

Оценка населением возможности получения помощи от различных источников в случае тяжёлой жизненной ситуации
(в процентах от числа опрошенных)

<i>Источник помощи</i>	<i>2004 г.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>
Могут рассчитывать только на собственные силы	37,0	36,9	36,2
Родственники	25,6	34,9	33,3
Родители	23,9	25,2	33,0
Друзья	30,9	25,0	27,9
Муж (жена)	23,3	17,9	21,7
Взрослые дети	17,4	16,1	14,8
Трудовой коллектив	10,2	6,6	7,8
Поможет случай	7,6	6,2	5,5
Государственные органы	9,0	2,9	5,3
Состоятельные (богатые) знакомые	6,5	5,1	4,2
Органы местного самоуправления	8,6	2,0	2,5
Общественные организации	7,0	0,7	1,2

Таким образом, оценка населением деятельности администрации г. Биробиджана характеризуются такими аспектами:

- недостаточным уровнем информированности населения города о решениях и действиях органов власти;
- невысоким уровнем удовлетворённости результатами обращения населения в местные органы власти по решению насущных проблем;
- слабым использованием местными органами власти такой формы работы, как встречи с населением;
- закрытостью органов власти;
- слабой поддержкой населением действий властей;
- ориентацией в своих оценках о деятельности органов власти на «слухи» [6].

А. И. Солженицын отмечал, что повседневная реальная жизнь людей зависит на четыре пятых или больше не от общегосударственных событий, а от событий местных и потому – от местного самоуправления. Именно так и регулируется жизнь в странах Запада: через эффективное местное самоуправление, где каждый имеет возможность участвовать в решениях, определяющих его существование. И только такой порядок и есть демократия. Формирование местного сообщества – процесс достаточно длительный, связанный с преодолением негативных последствий предшествующего периода централизованного руководства страной. Местное сообщество – механизм, посредством которого осуществляется взаимодействие населения и властных структур. Осознание властью преимуществ публичной политики и умение привлекать организованных жителей к решению вопросов местного значения как встречный процесс есть условие стабильности и эффективности самой власти.

Список литературы

1. Балобанов. URL : http://vasilievaa.narod.ru/mu/stat_rab/books/mpsf/1-2.html
2. Кокарев И. Е. Местные сообщества и местное самоуправление : технологии участия : пособие для организаторов. Серия «Библиотека местного самоуправления». Вып. 63. М. : МОНФ, 2007. С. 24.
3. Мерсиянова И. В. Добровольные объединения граждан в местном самоуправлении: проблемы институционализации. М. : Academia, 2004, 184 с. (Монографические исследования: социология).
4. Мерсиянова И. В. (Монографические исследования: социология) Подходы к решению проблем формирования социальной базы местного самоуправления при стратегическом планировании развития муниципальных образований / Ассоциация сибирских и дальневосточных городов. Изд. 2-е. Новосибирск : Институт неправительственного сектора, 2003. 44 с.
5. Сергеев А. А. Местное самоуправление в Российской Федерации : проблемы правового регулирования. М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. 432 с.
6. Социологический мониторинг «Взаимоотношения власти и общества» / ИАЦ ПУ Дальневосточной академии гос. службы. Опрошено в Еврейской автономной области (г. Биробиджан 2004 г., 2007 г., 2008 г.); в Камчатском крае (Усть-Камчатский район, 2008 г.), Хабаровском крае (Нанайский и Бикинский районы, 2008 г.), Приморском крае (г. Уссурийск, 2008 г.). Выборочная совокупность репрезентирует генеральную совокупность населения муниципальных образований по основным социально-демографическим характеристикам. Объем выборки 450–600 респондентов.
7. Филиппов Ю., Гассий В. // Муниципальная власть. 2004. № 11–12. С. 64–72.

Рукопись поступила в редакцию 10.04.2011

Н. В. Щербакова
г. Чита, Россия

Организация волонтерской практики студентов (социальный эксперимент)

Для подготовки современных специалистов актуальным и значимым становится использование наряду с традиционными принципиально новых активных форм обучения, позволяющих формировать общекультурные и профессиональные компетенции. Одной из таких инновационных форм является включение студентов в прохождение социальной волонтерской практики.

Ключевые слова: общекультурные и профессиональные компетенции, социальная работа, инновация, социальный эксперимент, социальная волонтерская практика, волонтерство.

N.V. Shcherbakova
Chita, Russia

The Organization of Students' Volunteer Practice (Social Experiment)

The use of new practical forms of teaching as well as traditional methods is becoming very important and up to date for the training of contemporary specialists. These new forms promote the formation of cultural and professional competence of students. One of such innovative forms is engaging students to the social volunteer practice.

Keywords: common cultural and professional competence, social work, innovation, social experiment, social volunteer practice, volunteerism.

Непрерывно меняющиеся социальные процессы, внедрение инновационных технологий в различные сферы общественной жизни, рост внимания государства к проблемам социального характера, переход от знаниево-ориентированной модели образования к компетентностной модели указывают на необходимость постоянного поиска, совершенствования, развития, разработки и внедрения инновационных форм подготовки специалистов социальной сферы.

На сегодняшний день существует потребность в подготовке высококвалифицированных и компетентных специалистов, в полной мере владеющих теоретическими знаниями и обладающих профессиональными компетенциями в сфере социальной работы. Существующая программа подготовки социальных работников,

включающая теоретический и практический курс, решает свои конкретные цели и задачи, постепенно формируя у студентов необходимые общекультурные и профессиональные компетенции, способствуя их профессиональному становлению. Но, как показывает опыт организации обучения на кафедре социологии и социальной работы в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. Н. Г. Чернышевского (далее ЗабГГПУ), теоретическое обучение в сочетании с непродолжительной практической подготовкой не даёт эффективных результатов, ожидаемых от выпускников современным обществом. Теоретическая и практическая подготовка проходит в разных условиях и сильно различается. Содержание теоретического материала не совпадает с реальными проблемами, с

которыми сталкивается студент при выходе на практику. Практика в учреждениях социального обслуживания заставляет критически относиться к теории, реальность обычно не совпадает с теми представлениями, которые студенты получают в университете в процессе теоретической подготовки. Это связано с тем, что теоретическая подготовка занимает несравнимо больше времени, а знания студентов слишком теоретизированы. Особенно заметны эти образовательные изъяны в подготовке специалистов междисциплинарных отраслей, к которым относится социальная работа.

Для подготовки качественных социальных специалистов, наряду с традиционными нужны принципиально новые, активные формы обучения, занимающие промежуточное место между теорией и практикой, позволяющие целенаправленно формировать у студентов умения применять полученные знания в практической деятельности в различных профессиональных и жизненных ситуациях, соответствующие меняющимся требованиям современного общества. В этой связи особое значение в обучении приобретают игровые, проектные, имитационно-моделирующие, исследовательские технологии. Одним из инновационных направлений обучения студентов в рамках компетентностного подхода, включающих в себя выше обозначенные технологии, должно стать включение студентов в социально значимую волонтерскую деятельность посредством прохождения социальной волонтерской практики.

Социальная волонтерская практика – это инновационный вид деятельности, направленный на практическую подготовку социальных работников, представленный в форме системы самостоятельных практических заданий и призванный качественно дополнить существующий уровень подготовки студентов, повысить их социальную и гражданскую активность на основе оказания безвозмездной помощи социальным учреждениям,

благотворительным и общественным организациям в реализации мероприятий, направленных на решение актуальных социальных проблем, требующих участия волонтеров.

Для выявления значимости внедрения социальной волонтерской практики в процесс практической подготовки студентов, обучающихся на 1–3 курсах направления «социальная работа», был проведен социальный эксперимент «Значение социальной волонтерской практики в системе практической подготовки студентов». Эксперимент длился в течение двух с половиной лет (сентябрь 2006 – май 2009 гг.) на базе социального факультета Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Включал три основных этапа: подготовительный (до введения экспериментального фактора, сентябрь 2006 – январь 2007 гг.), основной (процесс ввода экспериментального фактора и после его введения, февраль 2007 – январь 2009) и заключительный (аналитический) (экспериментальный фактор после окончания эксперимента, февраль – май 2009 г.). Инициаторами эксперимента выступили члены кафедры социологии и социальной работы ЗабГГПУ, студенты старших курсов направления «социальная работа».

Цель эксперимента: формирование общекультурных и профессиональных компетенций студентов посредством «погружения» в профессиональную среду через освоение социальной роли волонтера в процессе прохождения социальной волонтерской практики.

Задачи эксперимента:

1. Проанализировать научную литературу по организации социальной волонтерской практики студентов.

2. Дать оценку существующей системе практической подготовки студентов, обучающихся на 1–3-х курсах направления «социальная работа» на социальном факультете ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского.

3. Разработать и реализовать программу проведения социального эксперимента.

4. Выделить этапы прохождения студентами социальной волонтерской практики.

5. Оценить результаты проведения социального эксперимента и разработать методические рекомендации по внедрению социальной волонтерской практики.

Объект эксперимента – студенты, обучающиеся по направлению «социальная работа», разделённые на две группы: экспериментальную и контрольную.

Экспериментальная группа – студенты 1 курса, 19 человек. *Характеристика выборки*: по полу – 84,2 % женщин, 15,8 % мужчин; по возрасту – 17 лет 57,9 %, 18 лет 42,1 %, 21 год 5,3 %; по образованию: общее среднее – 100 %.

Контрольная группа – группа студентов 2-го курса, 20 человек. *Характеристика выборки*: по полу – женщин 95 %, мужчин 5 %; по возрасту – 18 лет 10 %, 19 лет 75 %, 20 лет 15 %; по образованию: общее среднее – 100 %.

Гипотеза эксперимента: введение в процесс обучения социальной волонтерской практики позволит сформировать общекультурные и профессиональные компетенции, посредством «погружения» в профессиональную среду через освоение социальной роли волонтера.

Переменные в эксперименте. Независимая переменная (планируемые изменения) – общекультурные и профессиональные компетенции, формируемые путём систематического выполнения ими ряда самостоятельных практических заданий не менее трёх часов в неделю в течение учебного года:

1) осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладание высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности;

2) формирование готовности оказания социальной помощи и поддержки лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию;

3) развитие личностных качеств (дисциплинированность, ответственность, ис-

полнительность инициативность, активность и умение рационально организовать свою деятельность);

4) умение критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков;

5) формирование готовности к сотрудничеству с коллегами, работе в коллективе;

6) стремление к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства;

7) развитие творческого мышления и способности к инновационному решению задач в профессиональной деятельности;

8) умение использовать в своей деятельности нормативные правовые документы;

9) формирование готовности соблюдать профессионально-этические требования в процессе осуществления профессиональной деятельности;

10) расширение социально значимых связей.

Зависимая переменная (последствия нововведений) – представления студентов о сущности будущей профессии и области деятельности социального работника.

В рамках проведения социального эксперимента была создана специальная *экспериментальная ситуация*, которая позволила выявить влияние социальной волонтерской практики на формирование общекультурных и профессиональных компетенций студентов. Экспериментальная группа студентов не знала, что находится в эксперименте, и была помещена в условия обязательного прохождения социальной волонтерской практики, как дополнительного вида практической подготовки. В рамках её прохождения студенты должны были осуществлять определённые виды деятельности на базе учреждений социальной сферы в течение трёх часов еженедельно во внеучебное время без отрыва от учебного процесса. Время и форму прохождения студент выбирал самостоятельно из предложенно-

го перечня заданий: оказание помощи в оформлении документации специалистами по социальной работе учреждения социального обслуживания; комиссии и подразделения по делам несовершеннолетних; проведение различных тематических праздников в детских домах, школах, социально-реабилитационных центрах и т. д.; наставничество над трудными подростками или студентами младших курсов; адресная социальная помощь престарелым и одиноким гражданам; проведение профилактических бесед, обучение различным волонтерским программам, разработка и реализация социально значимого проекта и т. д.

Для студентов были определены условия успешного прохождения практики: трудоемкость не менее 35 ч за семестр, своевременное и систематическое заполнение документации согласно установленным требованиям, получение положительных отзывов от руководителей с места прохождения практики.

Методы исследования и обоснование их применения. Среди основных методов исследования был использован метод социального эксперимента; среди дополнительных – анкетирование, наблюдение и анализ документов.

Социальный эксперимент был использован в качестве основного метода исследования в связи с тем, что этот вид соци-

ологического исследования, осуществляемый путём наблюдения за изменениями изучаемого объекта под воздействием факторов, позволяет наиболее углублённо проанализировать результаты и последствия внедряемых инноваций с помощью планомерного и подконтрольного управления созданной ситуацией.

Наблюдение помогло фиксировать особенности поведения участников контрольной и экспериментальной группы и своевременно получать оперативную и объективную информацию.

Анкетирование позволило получить достоверную, последовательную, упорядоченную, систематизированную и субъективную информацию об уровне сформированности у участников экспериментальной и контрольной группы общекультурных и профессиональных компетенций на «входе» и «выходе» социального эксперимента.

С помощью анализа документов была проанализирована ранее фиксированная в дневниках, отчетах студентов и отзывах руководителей практики информация.

По результатам проведенного социального эксперимента нами были получены следующие данные. В экспериментальной группе отмечены положительные изменения по ряду намеченных пунктов (оценивалось студентами по 5-балльной шкале):

Таблица 1

Изменение независимых переменных в процессе проведения эксперимента

<i>Независимые переменные (планируемые изменения)</i>	<i>В начале эксперимента (2007 г.)</i>	<i>В конце эксперимента (2009 г.)</i>
Осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладание высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности	5 баллов – 15,8 % 4 балла – 42,1 % 3 балла – 42,1 %	5 баллов – 52,6 % 4 балла – 31,6 % 3 балла – 15,8 %
Формирование готовности оказания социальной помощи и поддержки лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию	5 баллов – 52,6 % 4 балла – 36,8 % 3 балла – 10,5 %	5 баллов – 73,7 % 4 балла – 21,1 % 3 балла – 5,3 %
Развитие личностных качеств (дисциплинированность, ответственность, исполнительность, инициативность, активность и умение рационально организовать свою деятельность)	(средний балл по группе) 5 баллов – 36,8 % 4 балла – 21,1 % 3 балла – 10,5 % 2 балла – 31,6 %	(средний балл по группе) 5 баллов – 52,6 % 4 балла – 26,3 % 3 балла – 21,1 %

Учёные записки ЗабГГПУ

Умение критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков	5 баллов – 10,5 % 4 балла – 21,1 % 3 балла – 21,1 % 2 балла – 31,6 % 1 балл – 15,8 %	5 баллов – 21,1 % 4 балла – 31,6 % 3 балла – 31,6 % 2 балла – 15,8 %
Формирование готовности к сотрудничеству с коллегами, работе в коллективе	5 баллов – 31,6 % 4 балла – 26,3 % 3 балла – 15,8 %	5 баллов – 42,1 % 4 балла – 31,6 % 3 балла – 10,5 %
Стремление к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства	5 баллов – 31,6 % 4 балла – 26,3 % 3 балла – 21,1 % 2 балла – 21,1 %	5 баллов – 52,6 % 4 балла – 31,6 % 3 балла – 10,5 % 2 балла – 5,3 %
Развитие творческого мышления и способности к инновационному решению задач в профессиональной деятельности	5 баллов – 10,5 % 4 балла – 15,8 % 3 балла – 26,3 % 2 балла – 31,6 % 1 балл – 15,8 %	5 баллов – 36,8 % 4 балла – 26,3 % 3 балла – 26,3 % 2 балла – 10,5 %
Умение использовать в своей деятельности нормативные правовые документы	5 баллов – 15,8 % 4 балла – 31,6 % 3 балла – 26,3 % 2 балла – 21,1 % 1 балл – 5,3 %	5 баллов – 47,4 % 4 балла – 42,1 % 3 балла – 5,3 % 2 балла – 5,3 %
Формирование готовности соблюдать профессионально-этические требования в процессе осуществления профессиональной деятельности	5 баллов – 10,5 % 4 балла – 26,3 % 3 балла – 26,3 % 2 балла – 21,1 % 1 балл – 15,8 %	5 баллов – 26,3 % 4 балла – 26,3 % 3 балла – 26,3 % 2 балла – 21,1 %
Расширение социально значимых связей	5 баллов – 5,3 % 4 балла – 26,3 % 3 балла – 36,8 % 2 балла – 31,6 %	5 баллов – 31,6 % 4 балла – 31,6 % 3 балла – 26,3 % 2 балла – 10,5 %

В контрольной группе так же произошли изменения, которые можно объяснить нахождением студентов в непрерывном учебном процессе, познанием будущей профессии на лекционно-семинарских занятиях и традиционной практической подготовке. Но все же итоговые показатели были гораздо ниже, чем у студентов в экспериментальной группе.

По итогам постоянного наблюдения за экспериментальной и контрольной группой, анализа документации (дневники студентов-волонтеров с отзывами и саморефлексией) можно сделать следующие выводы:

– социальная волонтерская практика понимается студентами как вид непрофессиональной социальной работы, средство саморазвития и самосовершенствования, формирования компе-

тенций и получения дополнительных углубленных знаний для последующего целенаправленного успешного обучения и трудоустройства;

– социальная волонтерская практика гармонично дополнила существующую систему обучения студентов, позволила закрепить полученные теоретические знания в процессе прохождения учебной практики и подкреплять практическими знаниями свои ответы в процессе теоретического обучения;

– в результате прохождения практики были приобретены практические знания и умения, которые в дальнейшем облегчили профессиональную адаптацию студентов при прохождении других видов практики (учебной, производственной и т. д.);

– изменилось отношение к профессиональной деятельности, появился мотив

к профессиональному росту в результате систематического проведения саморефлексии по итогам выполнения порученных заданий;

– значительно расширилось представление о деятельности социального работника в решении социальных проблем клиентов;

– студенты отмечают положительное влияние на формирование и развитие личных качеств и социально активной гражданской позиции.

– Помимо положительных моментов, в ходе проведения эксперимента был выявлен ряд негативных факторов, которые препятствовали эффективному внедрению социальной волонтерской практики.

Уровень руководителя практики:

– отсутствие опыта в организации подобного рода практики и методических рекомендаций по проведению социальной волонтерской практики;

– недостаточное взаимодействие с руководителями практики социальных учреждений;

– недостаточно времени у руководителя практики для постоянной координации деятельности студентов-практикантов;

– несвоевременное поступление информации о ходе реализации практики студентами до руководителя практики.

Уровень практиканта (по отзывам студентов, входящих в экспериментальную группу):

– недостаточный опыта, психологическая неподготовленность для решения определённых социальных проблем;

– недостаточное внимание куратора к практиканту;

– несвоевременное поступление информации о ходе реализации практики до студентов-практикантов.

В процессе реализации социального эксперимента своевременно вносились определённые коррективы и изменения по организации и контролю над процессом организации социальной волонтерской практики. В итоге был утверждён окончательный поэтапный план (табл. 2).

Таблица 2

Этапы организации и прохождения социальной волонтерской практики

<i>Этап</i>	<i>Содержание</i>
Подготовительный этап	Руководитель от учебного заведения/куратор: – разработка форм прохождения социальной волонтерской практики; – заключение договоров с предприятиями и организациями; – проведение «круглого» стола с руководителями учреждений по организации социальной волонтерской практики
Установочная конференция по организации и прохождению социальной волонтерской практики	Руководитель от учебного заведения/куратор: 1. В рамках установочной конференции проведение инструктажа для студентов по следующим вопросам: – социальная волонтерская практика в системе подготовки бакалавров социальной работы; – цели и задачи социальной волонтерской практики; – права и обязанности участников практики; – выбор места и формы прохождения практики; – закрепление за местом прохождения практики; – заполнение отчетной документации – промежуточная аттестация; – проведение открытой отчетной конференции. 2. Организация встречи студентов-практикантов с: – руководителем практики от учреждения; – куратором/руководителем акции, социально значимого проекта и т. д.

	<p>Руководитель с места прохождения практики: проведение инструктажа для студентов-практикантов по специфике работы и распределение заданий на период прохождения практики.</p> <p>Студент-практикант: выбор места прохождения практики из перечня, который составляют руководитель и кураторы практики.</p> <p><i>В некоторых учреждениях составляется график прохождения практики, в котором указываются дни и время, наиболее подходящие и специалисту и студенту-практиканту</i></p>
<p>Прохождение социальной волонтерской практики</p>	<p>Руководитель от учебного заведения: контроль над процессом прохождения практики (проведение собраний с практикантами, промежуточных аттестаций, конференций; проверка отчётной документации, взаимодействие с руководителями практики от учреждений и т. д.) и решение возникающих проблем</p> <p>Руководитель с места прохождения практики:</p> <ul style="list-style-type: none"> – поручение задания и контроль над его выполнением; – подтверждение личной подписью и печатью в зачётной книжке волонтера трудоёмкости в необходимом объёме. <p>Студент-практикант:</p> <ul style="list-style-type: none"> – систематическое посещение места прохождения практики в течение всего периода согласно установленному графику или по согласованию с руководителем с места прохождения практики; – систематическое заполнение отчётной документации
<p>Промежуточная аттестация (проводится в рамках общефакультетской один раз в середине учебного семестра с целью осуществления контроля над процессом прохождения практики)</p>	<p>Руководитель от учебного заведения / ответственные за социальную деятельность в академических группах:</p> <ul style="list-style-type: none"> – проверка заполненных зачетных книжек волонтера; – занесение полученных данных в специальный бланк; – информирование студентов о результатах проверки документации; – вынесение рекомендаций по дальнейшему прохождению практики или заполнению документации (в частном порядке). <p>Студент-практикант: сдача руководителю практики от учебного заведения заполненной зачетной книжки волонтера, с подписью и печатью от учреждения по месту прохождения практики</p>
<p>Прохождение социальной волонтерской практики (по итогам промежуточной аттестации)</p>	<p>Руководитель от учебного заведения:</p> <ul style="list-style-type: none"> – контроль над процессом прохождения практики; – решение возникающих проблем. <p>Студент-практикант:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учёт и исправление полученных замечаний от руководителя практики до отчётной конференции; – посещение места прохождения практики в течение всего периода согласно установленному графику или по согласованию с руководителем с места прохождения практики; – систематическое заполнение отчётной документации. <p>Руководитель с места прохождения практики:</p> <ul style="list-style-type: none"> – поручение задания и контроль над его выполнением; – подтверждение личной подписью и печатью в зачётной книжке волонтера выполнения задания или наработки нужного количества часов
<p>Подготовка и сдача отчётной документации по практике согласно полученным требованиям</p>	<p>Руководитель от учебного заведения: сбор и проверка отчётной документации за 7 дней до проведения отчётной конференции.</p> <p>Студент-практикант: подготовка отчётной документации, согласно установленным требованиям, и её сдача руководителю от учебного заведения за 7 дней до проведения отчётной конференции</p>

Социальная работа

Отчётная конференция по итогам прохождения практики	Руководитель от учебного заведения: – проведение отчетных конференций по итогам работы за учебный семестр; – курирование подготовки и проведения открытой отчётной конференции по итогам работы за учебный год Студент-практикант: – подготовка докладов на отчётные конференции согласно требованиям организаторов (руководителя от учебного заведения, куратора, студента-старшекурсника); – подготовка и проведение открытой отчётной конференции по итогам работы за учебный год <i>(для студентов 3 курса обучения)</i>
Выставление зачёта по практике	Руководитель от учебного заведения: выставление зачёта при условии своевременного выполнения всех требований прохождения практики. <i>Зачёт складывается из:</i> – посещения запланированных учреждений/трудоёмкость; – отзывы руководителя практики от учреждений; – оценка умения чётко и грамотно представить результаты своей работы в отчётном материале по практике и её презентации на итоговой конференции

Все этапы эксперимента были проведены согласно установленному плану, гипотеза доказана: введение в систему практической подготовки социальной волонтерской практики позволило сформировать общекультурные и профессиональные компетенции посредством «погружения» в профессиональную среду через освоение социальной роли волонтера.

По итогам проведения социального эксперимента, с учетом выявленных положительных моментов и затруднений, было разработано учебно-методическое пособие **«Социальная волонтерская практика студентов, обучающихся по направлению “социальная работа”: опыт организации».**

Список литературы

1. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования : учеб. пособие. 3-е изд. М. : КДУ, 2003. 296 с.
2. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология : в 15 т. Т. II : Эмпирическая и прикладная социология. М. : ИНФРА-М, 2004. 984 с.
3. Федеральный государственный стандарт образования высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 «Социальная работа» (квалификация (степень) бакалавр), утвержденного Министерством РФ 8.12.2009 г. № 709.
4. Щербакова Н. В. Социальная волонтерская практика студентов, обучающихся по направлению «Социальная работа»: опыт организации: инструктивно-методическое пособие Чита, 2011. 162 с.

Рукопись поступила в редакцию 18.04.2011

И. А. Щёткина
г. Чита, Россия

**Концептуализация понятий «управление качеством»,
«управление качеством жизни» в социогуманитарном знании**

В статье представлен анализ эволюции взглядов на сущность понятий «управление качеством», «управление качеством жизни». Проанализированы важнейшие аспекты современной теории управления качеством жизни: закономерности, цели, принципы и функции управления.

Ключевые слова: качество жизни, управление, управление качеством жизни, квалиметрия.

I. A. Shchjotkina
Chita, Russia

**Conceptualization of the Notions “Quality Control”, “Life Quality Control”
in Social and Humanitarian Knowledge**

The article presents the analysis of evolution of views on the essence of the concepts of “quality control”, “life quality control”. Such important aspects of modern theory of life quality control as objective laws, purposes, principles and functions are analyzed.

Keywords: life quality, control, life quality control, qualimetry.

Вступление России в новое тысячелетие ознаменовано усилением внимания к проблеме качества жизни. Качество жизни сегодня – это и стратегическая цель, и важнейший показатель социального развития любой страны мира.

Современные тенденции в развитии страны требуют поиска эффективных, сбалансированных, научно обоснованных методов управления социальными процессами; перехода к стратегическому управлению качеством жизни населения. Актуальным и значимым становится в этой ситуации формирование технологий управления качеством жизни.

Понимание проблем управления качеством на протяжении всей истории развития научных подходов к управлению качеством было различным. Развитие данного научного направления имеет довольно длительную историю, начиная с этапа контроля качества, обеспечения качества и заканчивая всеобщим управлением качеством в организации.

Более подробное рассмотрение данных этапов позволяет проследить эволюцию взглядов на сущность понятия «управление качеством». Так, первый этап развития научных основ управления качеством можно условно назвать «контроль качества». Данный этап связан с использованием методов, позволяющих контролировать качество изготовленной продукции. На производстве создавалась система, основанная на принципах общего менеджмента Ф. Тейлора. Усилия в области управления качеством были направлены на сортировку готовой продукции, с тем чтобы к потребителю попадали только качественные изделия. Управление качеством в этом этапе было тождественно процессу контроля за качеством [8].

Второй этап, названный в науке «управление качеством», характеризуется использованием методов, позволяющих управлять качеством в процессе изготовления продукции. Известные американские ученые (У. Шухарт, Дж. Джуран и др.)

начали разработку статистических методов контроля качества, позволяющих предупреждать появление дефектов путём выявления их причин. При этом управление качеством по-прежнему сводилось к контролю за производством продукции на всех этапах жизненного цикла изделия [12].

Следующий этап развития научных взглядов на проблему управления качеством связан с применением методов обеспечения качества. Использование данных методов основано на формировании систем качества, позволяющих организовать комплекс мер по обеспечению качества. Формирование и развитие этой стадии связано в первую очередь с У. Э. Демингом, автором программы обеспечения качества. Основная идея программы У. Э. Деминга заключалась в том, что «основа качества продукции – качество труда и качественное управление на всех уровнях, то есть такая организация работы коллективов людей, когда каждый работник получает удовольствие от своей работы» [7]. Управление качеством, по мысли У. Э. Деминга, характеризуется комплексом мероприятий, включающих в себя совершенствование системы управления в целом, а не только производственных процессов. Важным являлось непосредственное участие высшего руководства компании в решении проблем качества, обучение всех сотрудников основным методам обеспечения качества. У. Э. Деминг большое внимание уделял также мотивации высококачественного труда сотрудников, что, по его мнению, должно обеспечить высокое качество производимой продукции.

Заключительный этап формирования научных подходов к определению сущности управления качеством характеризуется появлением и развитием концепции всеобщего управления качеством. Одним из основоположников данной концепции был А. В. Фейгенбаум, предложивший при управлении качеством рассматривать каждый этап в процессе создания изделия, а не только его конечный результат, как было ранее. Концепцию управления

качеством А. В. Фейгенбаум излагает как «результативную систему для объединения усилий по разработке, поддержанию и улучшению качества в различных группах организации так, чтобы сделать возможным маркетинг, инжиниринг, производство и обслуживание на наивысшем экономическом уровне, до полного удовлетворения клиента» [11].

Суть концепции всеобщего управления качеством заключается в установлении конкретных целей для развития организации; проектировании деятельности организации; мотивации сотрудников для достижения поставленных целей.

Таким образом, развитие научных представлений о сущности категории «управление качеством» привело к формированию нового направления в управленческой науке, главная цель которого – удовлетворение и предвосхищение запросов потребителей. Достижение поставленной цели невозможно без единства собственно управления и управления качеством.

Большой вклад в формирование концепции управления качеством внесли отечественные ученые (Г. Г. Азгальдов, Б. В. Бойцов, А. К. Гастев, А. В. Гличев, М. И. Круглов, А. И. Субетто и др.) [2; 8]. Среди технологий управления качеством, предлагаемых отечественными специалистами, можно выделить такие, как проверка и выбраковка изделий методом сортировки, развитие основ научной организации труда, разработка теории и практики стандартизации и др. В работах отечественных исследователей большое внимание уделяется исследованию природы качества; взаимосвязи категорий «качество» и «потребительская стоимость»; методологии системного подхода к управлению качеством; проблемам сертификации; вопросам эффективности систем управления качеством; принятию решений и мотивации в системах качества; проблеме соотношения качества и духовности и многим другим вопросам, составляющим содержание науки и практики управления качеством.

Одним из достижений российской школы управления качеством являлось формирование экономико-статистического направления исследования (А. М. Длин, А. Я. Боярский, В. И. Сиськов и др.). В рамках данного направления разрабатываются статистические методы контроля и анализа качества продукции, формируется система экономической информации о качестве продукции, предлагаются способы оценки статистических показателей качества жизни населения и др. На основе внедрения экономико-статистического направления была разработана статистика качества продукции и сформирована система экономической информации о качестве продукции, играющей значительную роль в процессе управления качеством.

Среди направлений, развивающихся в отечественной науке управления качеством, важное место занимает экономическая теория качества (Ю. В. Богатин, Ю. А. Зыков, Д. С. Львов, Н. П. Макаркин и др.). Представители данного направления большое внимание уделяли решению проблемы определения экономической эффективности повышения качества промышленной продукции. В частности, они отмечали, что для её определения используются те же экономические показатели, что и при расчётах экономической эффективности капитальных вложений: себестоимость или годовые эксплуатационные издержки, капитальные вложения, приведённые затраты. При этом из нескольких вариантов повышения качества лучшим признаётся тот, который имеет минимальные приведённые затраты. В экономической теории качества в нашей стране повышенное внимание стало уделяться вопросам анализа затрат по функциям управления качеством (А. В. Гличев, В. И. Седов, В. И. Терещенко и др.). В рамках экономического направления активно исследовались методы выявления и использования резервов повышения качества продукции. Становление и дальнейшее развитие исследований,

осуществляемых в данном направлении, способствовало формированию комплексного подхода к управлению качеством и эффективностью на отдельном предприятии и в стране в целом [5].

Таким образом, советские, а ныне российские исследователи достигли значительных успехов в разработке методологических основ системного подхода к управлению качеством, внедрении на отечественных предприятиях систем управления качеством, развитии экономико-статистических методов исследования качества изделий и услуг, выработке основ экономической теории качества и др.

К концу 80-х гг. XX в. на фоне социально-экономических перемен в научном сообществе происходит осознание, что именно управление качеством жизни представляет собой определенную стратегию и тактику развития и процветания общества в целом, конкретных социальных групп и каждого человека. Среди множества дефиниций понятия «качество жизни» необходимо обратиться к определению, предложенному исследователями Всероссийского центра уровня жизни (В. Н. Бобков, Н. С. Маликов, П. С. Мстиславский и др.): качество жизни «выступает интегральным понятием, характеризующим степень развития и полноту удовлетворения всего комплекса нужд, потребностей и интересов людей, проявляющихся как в различных сферах деятельности, так и в самом жизнеощущении» [1, с. 8]. Становится очевидным, что особенностью управления качеством жизни является его направленность на улучшение всех сфер жизнедеятельности населения. Основной результат процесса управления качеством жизни состоит в стабильном увеличении численности тех, кто имеет равные возможности использования социальных благ для удовлетворения своих потребностей и интересов.

В настоящее время происходит становление теории управления качеством жизни, которое предполагает выявление и объяснение основных закономерностей

этого процесса, формирование основных целей и функций управления, его принципов и методов, характера и механизмов взаимоотношений между субъектами и объектами управления и др.

В основе управления качеством жизни лежит система законов, закономерностей управления в современных социально-экономических условиях. Законы и закономерности носят в основном объективный характер. Знание объективных закономерностей управления качеством жизни даёт возможность предвидения течения процессов управления.

Различают общие и специфические законы управления качеством жизни. К общим законам относятся: закон специализации управления качеством; закон интеграции управления; существенная зависимость потенциала (силы) системы от степени её организованности или характера взаимодействия её элементов и др. Специфические законы управления качеством жизни выражают наиболее существенные связи и отношения различных сторон управления между собой и с элементами внешней среды. Эти законы затрагивают те стороны управления, для которых характерно взаимовлияние: изменение одной стороны управления вызывает устойчивые и вполне определённые изменения другой. На данном этапе развития теории управления качеством жизни можно выделить следующие специфические законы: закон единства и целостности системы управления качеством жизни; закон сохранения пропорциональности и оптимальной соотносительности всех элементов системы управления качеством жизни; закон приоритетности социальных целей; закон зависимости эффективности решения задач управления качеством жизни от объёма использованной информации и др.

Особое внимание следует обратить на единство теории и практики. В практике управления качеством жизни должны реализовываться следующие закономерности управления:

– система управления качеством жизни целостна, что обусловлено культурными, политическими и экономическими факторами общественного развития. Это проявляется в неразрывной цепи отношений управления (от высших органов управления до низших его звеньев), в единстве управления качеством жизни со всеми его составными частями на основе гармонизации разных целей и интересов общества, в сочетании основных функций и методов управления;

– между управляемой и управляющей подсистемами социальной системы должна соблюдаться пропорциональность, предполагающая рациональную соотносительность внутри них, а также между ними с целью обеспечения наиболее эффективного функционирования этих подсистем;

– между централизацией и децентрализацией функций управления качеством жизни должно соблюдаться оптимальное соотношение. Уровень централизации управления меняется в процессе общественного развития. Для каждого этапа общественного развития должен быть свой оптимальный уровень централизации (децентрализации);

– различные слои населения должны принимать участие в управлении качеством жизни, в повышении его эффективности и ответственности, поскольку общественное производство материальных и духовных благ подчинено цели удовлетворения потребностей населения.

Для управления качеством жизни важное значение имеет определение его целей. Процедура выделения и формулирования целей управления (целеполагание) является основным элементом процесса управления. С точки зрения времени достижения, как правило, выделяют стратегические, тактические и оперативные цели. Тактические и оперативные цели более конкретны и детализированы, формулируются исходя из стратегических, подчинены им и способствуют их реализации. Цели управления качеством жизни должны удовлетворять определённым

требованиям: гибкость, достижимость, совместимость, конкретность, измеримость, приемлемость и др.

Управление качеством жизни, как научное направление и область практической деятельности, должно базироваться на ряде основополагающих принципов. Современные исследователи, изучающие вопросы управления качеством жизни, предлагают широкий спектр принципов, соблюдение которых должно помочь в достижении поставленных целей управления. При этом под принципами управления качеством жизни следует понимать совокупность основных руководящих положений (правил), практическое выполнение которых обеспечивает выявление всех факторов, определяющих качество решения, а также количественную оценку решений в области управления качеством жизни с помощью принятой системы критериев и показателей [3, с. 32–35]. Принципы управления качеством жизни представляют собой наиболее общие требования к решению нескольких взаимосвязанных задач.

Новый этап развития меняет и парадигму управления качеством жизни в регионах и стране в целом. Региональные и муниципальные органы власти в своей социальной политике всё больше рассматривают население не только в качестве объекта своей деятельности, но и как активного участника общей работы. Управление качеством жизни населения страны (региона) сосредотачивается на создании условий, позволяющих населению добиваться благосостояния своей семьи собственным трудом.

По мнению современных исследователей, управление качеством жизни есть целенаправленный процесс воздействия на жизненные силы в целях обеспечения и поддержки необходимого их уровня, удовлетворяющего требованиям общества, и создания условий для развития личности. Деятельность по управлению качеством жизни основана на двух принципах: удовлетворение потребностей людей; учёт интересов государства [9].

В современном социогуманитарном знании проблема управления качеством жизни активно разрешается в рамках квалиметрии и квалитологии (Г. Г. Азгальдов, Н. Р. Дерян, В. П. Казначеев, А. И. Субетто и др.). В социологическом плане важным является развитие социальной квалиметрии, которая выступает новой парадигмой квалиметрического мышления как науки об измерении и оценке качества объектов. В отечественной науке термин «квалиметрия» используется с 1968 г., когда группа исследователей впервые применила его для анализа новых технологий комплексных исследований [10].

Истоки социальной квалиметрии лежат в учении о ноосфере. Представители ноосферизма (Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский и др.) [4] исследовали качество через анализ процесса социального развития. По их мнению, достижение нового качества общества, качества человека возможно при управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. «Духовные силы человечества – его мысль, его воля и его нравственная сила, несомненно, являются основным, определяющим условием национального богатства. Обладая ими, народ в сложных условиях исторической жизни приобретёт и добудет себе необходимые для их проявления силы природы» [4, с. 261–263].

Оригинальным продолжением учения о ноосфере является теория социоэкологии, формирование которой происходит в рамках неклассического знания (В. С. Голубев, С. И. Григорьев, В. А. Кобылянский, А. Печечи, А. И. Субетто и др.) [6]. Разработчики данной теории считают, что в настоящее время возникает новая интеллектно-информационная цивилизация (А. И. Субетто), главным законом которой является закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта, качества образовательных систем в обществе. А. И. Субетто вводит новое понятие – «социальный кругообо-

рот качества», которое выражает собой процесс квалитативизации воспроизводства как «момент» квалитативной революции и соответственно – Синтетической Цивилизационной Революции. Выделяется большой социальный кругооборот качества (качество человека – качество труда – качество продукции – качество производства – качество технологии – качество культуры – качество науки – качество образования – качество общественного интеллекта – качество экономики – качество экосреды – качество общества – качество жизни – качество человека – ...) и два малых социальных кругооборота качества, связанных с духовным и материальным воспроизводством [10]. «Социальные кругообороты качества» реализуются в «пирамидах качества». Примером такой пирамиды может служить «пирамида качества», разработанная В. Качаловым. В данной пирамиде нижней стратой выступает «качество общества», затем над ней надстраивается «качество фирм», затем «качество производства» и завершает «качество продукции» [10].

В настоящее время квалиметрия как научный проблемно-ориентированный комплекс знаний и технологий их применения может быть представлен на трех основных уровнях. Первый уровень составляет общая квалиметрия. Вторым уровнем образуют специальные квалиметрические теории и соответствующие им технологии применения знаний. Третий уровень представляет собой синтетическую квалиметрию как совокупность, образованную «предметными» квалиметриями (экологическая, оценивающая нагрузку социальной среды на природу, здоровье человека; медицинская, оценивающая качество предоставления медицинских услуг; педагогическая, оценивающая психолого-педагогические и дидактические объекты и др.).

Формирование и развитие квалиметрии в значительной степени повлияло на управление качеством жизни. В настоящее время эффективность управления качеством жизни во многом зависит от наличия точных и объективных методов его оценки.

Список литературы

1. Бобков В. Н., Мстиславский П. С., Маликов Н. С. Качество жизни : вопросы теории и практики. М. : Всероссийский центр уровня жизни, 2000. 31 с.
2. Бойцов Б. В., Крянев Ю. В., Кузнецов М. А. Системная целостность качества жизни // Стандарты и качество. 1999. № 5. С. 37–56.
3. Бордовский Г. А., Нестеров А. А., Трапицын С. Ю. Управление качеством образовательного процесса : монография. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 359 с.
4. Вернадский В.И. Вопрос о производительных силах России с XVIII по XX век // Антология русского качества / сост. Б. В. Бойцов, Ю. В. Крянев [и др.]. М. : Стандарты и качество, 2000. С. 261–263.
5. Гличев А.В. Основы управления качеством продукции. М. : АМИ, 1998. 436 с.
6. Григорьев С. И., Субетто А. И. Основы неклассической социологии : Новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX–XXI веков. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Русаки, 2000. 208 с.
7. Деминг У. Э. Выход из кризиса. Тверь : Альба, 1994. 498 с.
8. Кравченко А. И. Классики социологии менеджмента. Ф. Тейлор, А. Гастев. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1998. 320 с.
9. Лига М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности : монография / под ред. М. В. Константинова. М. : Гардарики, 2006. 173 с.
10. Субетто А. И. Качество жизни: грани проблемы. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004. 170 с.
11. Фейгенбаум А. Контроль качества продукции. М. : Экономика, 1986. 113 с.
12. Juran J.M. Early SQC: A Historical Supplement // Quality Progress, 1997, September, P. 73–81.

Рукопись поступила в редакцию 05.03.2011

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Лучкина Т. В., Игумнова Е. А., Иванова А. А.

Дневник педагогической практики : учеб. пособие / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т; авт.-сост.: Т. В. Лучкина, Е. А. Игумнова, А. А. Иванова. Чита, 2010. 69 с.

Дневник предназначен для студентов 4 курса бакалавров, проходящих педагогическую практику в основной школе. В нём раскрываются особенности прохождения практики, её задачи и содержание, отражена структура и принципы организации.

Дневник призван содействовать формированию профессиональной компетентности будущего учителя в период вхождения в педагогическую профессию. Дневниковые записи и материалы, полученные в ходе прохождения практики, могут быть использованы студентами при организации научно-исследовательской деятельности.

Лучкина Т. В., Николаюк И. В., Рылькова Н. В.

Педагогика в задачах : практикум для студентов высш. и сред. учебных заведений / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т ; авт. Т. В. Лучкина, И. В. Николаюк, Н. В. Рылькова; ЗабГГПУ. Чита, 2010. 152 с.

В пособии разработаны задачи, содержание, структура, организация педагогического практикума как особого вида учебных занятий, имеющих целью практическое усвоение основных положений изучаемой дисциплины. Практикум содержит учебный материал для занятий, материал для рефлексии, задания для самостоятельной работы студентов. Содержание пособия соотнесено с программой дисциплины «Педагогика», составленной в соответствии ГОС ВПО по направлению «Педагогическое образование».

Николаюк И. В.

Информационные и коммуникационные технологии в образовании : учеб. пособие для студ. пед. специальностей / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т ; И. В. Николаюк, Е. Е. Капанина. Чита, 2010. 130 с.

В учебном пособии представлена классификация средств информационных и коммуникационных технологий с позиции дидактики. Рассмотрены пути интеграции информационных и коммуникационных технологий в образовательный процесс.

Предназначено для студентов пед. вузов, может быть использовано учителями школ и преподавателями вузов.

Безродных Т. В., Клименко Т. К.

Педагогическая антропология : учеб.-метод. пособие / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т ; Т. В. Безродных, Т. К. Клименко. Чита, 2010. 83 с.

В пособии раскрываются современные идеи дисциплины «Педагогическая антропология», представлена программа дисциплины, содержание программы, глоссарий, а также мини-хрестоматия, способная помочь студентам при подготовке к самостоятельной работе по дисциплине.

Пособие адресовано студентам, преподавателям и аспирантам.

Николаюк И. В., Лучкина Т. В., Пояркова З. Д., Клименко Т. К.

Поддержка детей, находящихся в трудной жизненной ситуации : учеб.-метод. пособие для специалистов, работающих в сфере социальной защиты и сферы образования / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т ; И. В. Николаюк, Т. В. Лучкина, З. Д. Пояркова, Т. К. Клименко. Чита, 2010. 124 с.

В пособии отражён авторский подход к проектированию входящих в него учебных программ. Содержание учебно-методического пособия построено по модульному принципу, что позволяет слушателям осваивать учебные программы как последовательно, так и параллельно. Отдельные модули могут встраиваться в систему существующих профессионально-образовательных программ подготовки бакалавров и магистров, а также в систему программ дополнительного образования и повышения квалификации работников сферы социальной защиты и сферы образования.

Подробные методические разработки могут быть полезны студентам и преподавателям на разных уровнях профессионального и постдипломного образования.

Социальная работа с несовершеннолетними, находящимися в трудной жизненной ситуации : учеб.-метод. пособие / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т ; под общ. ред. Е. В. Артюшенковой, И. А. Щеткиной; Чита, 2010. 148 с.

Издание раскрывает содержание социальной работы с несовершеннолетними, находящимися в трудной жизненной ситуации, описывает опыт работы с данной категорией в социальных учреждениях различных регионов России.

Учебно-методическое пособие предназначено для преподавателей вузов социально-гуманитарного профиля, ориентированных на подготовку работников учреждений социальной сферы, специалистов по социальной работе учреждений социального обслуживания населения, работников комиссий и инспекций по делам несовершеннолетних и защите их прав, занимающихся решением проблем несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Субботина Н. Д.

Естественные основы социального поведения : монография подготовлена при поддержке Гранта ФЦП НК-72Р-32 «Проблемы соотношения естественного и социального в обществе и человеке».

Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке – одна из важнейших в философии. Человек имеет склонность к крайностям в своих суждениях. При решении данной проблемы крайности проявляются в двух категорических суждениях: 1) человек ничем не отличается от животных, его поведение основано на естественных закономерностях; 2) человек качественно отличается от животных, он отделился от них в процессе антропогенеза, и применять при анализе поведения человека биологическую терминологию недопустимо.

В монографии Н. Д. Субботиной «Естественные основы социального поведения» анализируются как общеметодологические основы исследования проблемы, обозначенной в названии: диалектика социального с внешним естественным и с внутренним естественным, так и частные вопросы: роль, которую оказывают на поведение физиологические процессы, гормоны, потребности, и др. Данный подход позволил по-новому взглянуть на такие особенности поведения, как агрессия, альтруизм, представление о справедливости, зависть, месть, страх, социальный выбор, вкус, мода и многое другое.

Монография может представлять интерес для всех, интересующихся социальной философией и психологией.

Засухина В. Н.

Биоэтика в России : монография подготовлена при поддержке Гранта ФЦП НК-72Р-32 «Проблемы соотношения естественного и социального в обществе и человеке». В ней предлагаются результаты исследования исторических и теоретико-методологических основ биоэтики. Рассмотрены истоки появления биоэтических идей в России, а также специфика функционирования данной науки в условиях современной российской действительности.

Несомненный научный интерес представляет исследование теоретико-методологических оснований биоэтики (её междисциплинарность, своеобразие категориального аппарата, предмет и структура), так как данная наука появилась совсем недавно и пока еще находится в стадии эпистемологического оформления.

Особенно интересна та часть книги, в которой идёт речь об истоках российского типа биоэтики: трудах и деятельности русских учёных-естественников (И. И. Мечников и И. П. Павлов) и врачей гуманистов (М. Я. Мудров, Ф. П. Гааз и др.), о гуманистическом потенциале русской философии и литературы.

Кроме того, в монографии рассматривается то, как актуализируются основные проблемы биомедицинской этики в условиях современной России; в чём сложность их решения, какова их специфика по сравнению с той ситуацией, которая сложилась на Западе.

Монография может представлять интерес для всех, кто изучает социальную философию и этику, а также для тех, кому небезынтересна проблема социально-нравственного осмысления тех достижений современной цивилизации, которые несут в себе потенциальную опасность для жизни, здоровья и благополучия человека.

Захарова Е. Ю.

Соотношение естественного и социального как методологическая основа социальной экологии: монография / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2011. 139 с.

Подготовлена при поддержке Гранта ФЦП НК-72Р-32 «Проблемы соотношения естественного и социального в обществе и человеке».

В монографии рассматриваются методологические основы социальной экологии, в основании которых лежит теория единства, взаимодействия и соподчиненности природы и общества как отличных и взаимопроникающих образований, данные современного естествознания и обществоведения, отдельных направлений экологии: общей, биологической, географической, социальной, антропологической; а также общетеоретические положения культурологии и педагогики, способствующие социально-философскому осмыслению экологических проблем и путей их решения.

Монография может представлять интерес для всех, кто интересуется проблемами взаимодействия природы и общества и современной социофилософской проблематикой.

Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : сборник статей Второй межрегиональной конференции. Первая конференция прошла год назад, в апреле 2010 г. в рамках гранта ФЦП. Конференция показала, что проблема соотношения естественного и социального столь объёмна, в ней столько неисследованных или недостаточно исследованных аспектов, что оргкомитет конференции пришёл к решению сделать её ежегодной.

В этом году в конференции участвовали учёные из Новосибирска, Нижнего Новгорода, Томска и Ростова на Дону.

Участники конференции обсудили широкий круг проблем. Методологическую направленность носят статьи доктора философских наук из Томска И. В. Черниковой об эволюционной эпистемологии, доктора философских наук из Нижнего Новгорода А. Н. Фатенкова «В защиту монистической онтологии, против умаления естества».

Рассматривается роль в жизни общества жизненной среды, информации, адаптации (кандидаты психологических наук С. А. Калашникова и А. А. Суханов и аспирант кафедры философии К. В. Килижекова).

Значительное место в сборнике занимают статьи, касающиеся истории формирования проблемы. В статье кандидата философских наук Ю. В. Кокаревой анализируются взгляды Н. К. Михайловского, в статье доктора социологических наук М. Б. Лига – взгляды Дж. Форрестера на развитие мировой динамики; в статье кандидата философских наук В. Н. Засухиной – аксиология жизни в трудах представителей русской естественно-научной школы; в статье кандидата философских наук Т. А. Гнилицкой исследуются естественные источники религии и «новая религия» в философии М. А. Бакунина; в статье аспирантки кафедры философии Т. В. Григорян – формирование идеи человечности в трудах П. А. Гольбаха и К. А. Гельвеция; в статье доктора философских наук Н. Д. Субботиной рассмотрен процесс формирования понятия «поведение» в философии, физиологии и психологии.

Участники конференции уделяют внимание вопросу соотношения естественного и социального в экологии. Методологические аспекты этой проблемы рассматривает кандидат философских наук Е. Ю. Захарова, а доктор психологических наук Н. М. Сараяева анализирует влияние экологического неблагополучия на эмоционально-личностную сферу человека.

Вопросы соотношения человека и общества так же разнообразны: проблема регулирования естественных прав человека (кандидат философских наук Н. А. Киселёва); процессы воспитания и образования (аспирант кафедры философии Н. Д. Тищенко, кандидат философских наук Н. В. Миронова); основные виды суггестивного воздействия (кандидат философских наук Л. В. Бутыльская); роль естественных закономерностей в возникновении религии (аспирант кафедры философии Ю. В. Гаврилова); роль естественных и социальных предпосылок в становлении бедности (аспирант кафедры философии О. А. Калмыкова).

Ряд участников конференции рассматривает проблему соотношения человека и общества, но уже не с позиции общества, а с позиции человека, личности. Кандидат философских наук С. Э. Аршинская исследует соотношение естественного и социального в становлении идентичности. Проблемы социализации, самореализации, становления личности и их естественных предпосылок анализирует кандидат философских наук из Ростова-на-Дону И. П. Чередниченко, кандидат психологических наук Р. Р. Ишмухаметов, старший преподаватель кафедры психологии образования Л. А. Бобылева, кандидат психологических наук Т. В. Безродных. Проблему стресса в профессиональной деятельности рассматривает аспирант кафедры психологии В. Н. Ефимов из г. Новосибирска.

Материалы конференции выставляются в Российской электронной библиотеке eLibrary.

Научный редактор сборника и председатель оргкомитета конференции, доктор философских наук, профессор Н. Д. Субботина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андросов Михаил Александрович, старший преподаватель кафедры социальной педагогики, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Androsov Mikhail Aleksandrovich, Senior Teacher of the Faculty of Social Pedagogy, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Бахаровская Елена Викторовна, аспирант, ассистент кафедры социологии и социальной работы, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: elena.baharovskaya@mail.ru

Bakharovskaya Yelena Viktorovna, Postgraduate, Assistant teacher of the Department of Sociology and Social Work, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: elena.baharovskaya@mail.ru

Бачурина Альбина Валерьевна, старший преподаватель кафедры сервиса, рекламы и социальной работы, Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия (Биробиджан, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Bachurina Albina Valerjevna, Senior teacher, Department of Service, Advertising and Social Work, Far Eastern State Socio-Humanitarian Academy (Birobidzhan, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Благовская Евгения Васильевна, аспирант, Горно-Алтайский государственный университет (г. Горно-Алтайск, Россия), e-mail: evgeniyablagovskaya@mail.ru

Blagovskaya Yevgeniya Vasil'evna, Postgraduate, Gorno-Altai State University, (Gorno-Altai, Russia), e-mail: evgeniyablagovskaya@mail.ru

Букина Татьяна Вадимовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: tbukina2002@mail.ru

Bukina Tatiana Vadimovna, Candidate of Art History, Associate professor, Department of Theory and History of Culture, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (St. Petersburg, Russia), e-mail: tbukina2002@mail.ru

Бурняшева Людмила Александровна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры инноватики, управления и права, Пятигорский государственный лингвистический университет (Пятигорск, Россия), e-mail: luda-3331@yandex.ru

Burnyasheva Lyudmila Aleksandrovna, Candidate of Philosophy, teacher of the Department of Innovation, Management and Law, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk, Russia), e-mail: luda-3331@yandex.ru

Волков Юрий Геннадьевич, аспирант кафедры философии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: kro-volkov@yandex.ru

Volkov Yury Gennadjevich, Postgraduate, Department of Philosophy, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: kro-volkov@yandex.ru

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы, Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия (Биробиджан, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Vorotilkina Irina Mikhailovna, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Service, Advertising and Social Work, Far Eastern State Socio-Humanitarian Academy, (Birobidzhan, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Григорьев Святослав Иванович, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель генерального директора Всероссийского центра уровня жизни (Москва, Россия), e-mail: vcug-gsi@mail.ru

Grigorjev Svyatoslav Ivanovich, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, First Deputy Director-General of All-Russian Center of Standard of Living (Moscow, Russia), e-mail: vcug-gsi@mail.ru

Грызунова Галина Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры инновационного менеджмента, Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Россия), e-mail: galina_gryzunova@mail.ru

Gryzunova Galina Vasiljevna, Candidate of Psychology, Associate Professor of "Innovation Management" Department, D. Serikbayev East Kazakhstan State Technical University (Ust-Kamenogorsk, Russia), e-mail: galina_gryzunova@mail.ru

Гуслякова Людмила Герасимовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, политологии и культурологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: guslyakova@mail.ru

Guslyakova Lyudmila Gerasimovna, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology, Political Science and Culture Study, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia), e-mail: guslyakova@mail.ru

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: DRZZ@yandex.ru

Drobotushenko Yevgeny Viktorovich, Candidate of History, Associate Professor, Dean of the Historical Faculty, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: DRZZ@zabspu.ru

Зарубин Валерий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Zarubin Valeriy Grigoryevich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Applied Sociology (St. Petersburg, Russia), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Засухина Виктория Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: zasuha_72@mail.ru

Zasukhina Victoriya Nikolaevna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy Department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: zasuha_72@mail.ru

Захарова Елена Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: aglena_72@mail.ru

Zakharova Yelena Yurievna, Candidate of Philosophy, Associate professor, Head of Philosophy Department, Zabaikalsky State Pedagogical and Humanitarian University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: aglena_72@mail.ru

Камедина Людмила Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

Kamedina Lyudmila Vasiljevna, Candidate of Philology, Professor of the Department of Literature, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

Катанаев Иван Иванович, кандидат физико-математических наук, доцент, ректор, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: rector@zabspu.ru

Katanaev Ivan Ivanovich, Candidate of Physics and Mathematics, Associate professor, Rector, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: rector@zabspu.ru

Кимова Светлана Зандараевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: kimova@mail.ru

Kimova Svetlana Zandaraevna, Candidate of Pedagogy, Associate professor of the Sociology and Social Work Department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: kimova@mail.ru

Ковалёва Алла Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, политологии и культурологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Kovaljova Alla Vladimirovna, Doctor of Sociology, Associate professor, Professor of the Department of Social, Political and Cultural Studies, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Комарова Анна Витальевна, аспирант, ассистент факультета управления, кафедра управления персоналом, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: Annastudent@list.ru

Komarova Anna Vitaljevna, Postgraduate, assistant teacher of the Faculty of Management, Department of the Personnel Management, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (St. Petersburg, Russia), e-mail: Annastudent@list.ru

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, доцент, декан социально-го факультета, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический факультет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Liga Marina Borisovna, Doctor of Sociology, Professor, Dean of Social Faculty, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Литягин Евгений Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политологии и культурологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: kspk@gasu.ru

Litjagin Yevgeniy Vladimirovich, Candidate of Philosophy, Associate professor of the Department of Social, Political and Cultural Studies, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia), e-mail: kspk@gasu.ru

Локтев Константин Иванович, старший преподаватель кафедры сервиса, рекламы и социальной работы, Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия (Биробиджан, Россия), e-mail: lk18041976@yandex.ru

Loktev Konstantin Ivanovich, Senior teacher, Department of Service, Advertising and Social Work, Far Eastern State Socio-Humanitarian Academy (Birobidzhan, Russia), e-mail: lk18041976@yandex.ru

Луценко Екатерина Леонидовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры сервиса, рекламы и социальной работы, декан факультета сервиса, рекламы и социальной работы, Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия (Биробиджан, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Lutzenko Yekaterina Leonidovna, Candidate of Sociology, Associate professor, Associate professor of Service, Advertising and Social Work, Dean of the Faculty of Service, Advertising and Social Work, Far Eastern State Socio-Humanitarian Academy (Birobidzhan, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Лучников Алексей Николаевич, аспирант, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: luchnik-new@list.ru

Luchnikov Aleksey Nikolaevich, Postgraduate, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia), e-mail: luchnik-new@list.ru

Макаридина Вера Андреевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Makaridina Vera Andreevna, Candidate of Physics and Mathematics, Associate professor of Higher Mathematics Department, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, (St. Petersburg, Russia), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Макарова Нина Ивановна, кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе, Новосибирский электромеханический техникум транспортного строительства (Новосибирск, Россия), e-mail: lgrishina@mail.ru

Makarova Nina Ivanovna, Candidate of Philosophy, Associate professor, Deputy Director on Scientific and Methodical work, Novosibirsk Electromechanical Technical School of Transport Construction (Novosibirsk, Russia), e-mail: lgrishina@mail.ru

Мартьянова Наталья Александровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург Россия), e-mail: nmart@bk.ru

Martjanova Natalia Alexandrovna, Candidate of Sociology, Associate professor, Associate professor of the Department of Applied Sociology (St. Petersburg, Russia), e-mail: nmart@bk.ru

Начкин Александр Иванович, кандидат военных наук, доцент, докторант кафедры истории и теории социологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Nachkin Aleksandr Ivanovich, Candidate of Military Sciences, Associate professor, doctoral student of the Department of History and Theory of Sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Невеличко Любовь Григорьевна, старший преподаватель кафедры сервиса, рекламы и социальной работы, Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия (Биробиджан, Россия), e-mail: Lyubov_nevelichk@mail.ru

Nevelichko Lyubov Grigorjevna, Senior teacher of the Department of Service, Advertising and Social work, Far Eastern State Socio-Humanitarian Academy (Birobidzhan, Russia), e-mail: Lyubov_nevelichk@mail.ru

Николаева Наталья Семеновна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры сервиса, рекламы и социальной работы, Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия (Биробиджан, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Nikolaeva Natalya Semyonovna, Candidate of Pedagogy, Associate professor, Associate professor, Department of Service, Advertising and Social Work, Far Eastern State Socio-Humanitarian Academy (Birobidzhan, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии науки, Ставропольский государственный университет (Ставрополь, Россия), e-mail: vladprnow@mail.ru

Przhilenskiy Vladimir Igorevich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of History and Philosophy of Science Department, Stavropol State University (Stavropol, Russia), e-mail: vladprnow@mail.ru

Романова Нелли Петровна, доктор социологических наук, Читинский государственный университет (Чита, Россия), e-mail: rik@chitgu.ru

Romanova Nellie Petrovna, Doctor of Sociology, Chita State University (Chita, Russia), e-mail: rik@chitgu.ru

Романова Илона Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, Читинский государственный университет (Чита, Россия), e-mail: rik@chitgu.ru

Romanova Iona Valerjevna, Candidate of Sociology, Associate professor of Psychology Department, Chita State University (Chita, Russia), e-mail: rik@chitgu.ru

Сергеев Дмитрий Валентинович, кандидат культурологии, доцент, Директор Института культуры и искусств, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Sergeev Dmitry Valentinovich, Candidate of Culturology, Associate professor, Director of Culture and Arts Institute, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: dialectica@yandex.ru

Subbotina Nadezhda Dmitrievna, Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: dialectica@yandex.ru

Табакеев Юрий Васильевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: office@gasu.ru

Tabakaev Yury Vasiljevich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy Department, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia), e-mail: office@gasu.ru

Табылгинова Лилия Александровна, аспирант, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: lilek-san@yandex.ru

Tabylginova Liliya Aleksandrovna, Postgraduate, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia), e-mail: lilek-san@yandex.ru

Таскина Ирина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Taskina Irina Anatoljevna, Candidate of Psychology, Associate professor, Associate professor of the Department of Personality Psychology, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Щербакоева Надежда Викторовна, аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Shcherbakova Nadezhda Viktorovna, Postgraduate, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Щёткина Ирина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социального факультета, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: irinasocio@mail.ru

Shjotkina Irina Anatolievna, Candidate of Sociology, Associate professor, Assistant Dean on Academic Work, Social Faculty, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: irinasocio@mail.ru

Яушев Алексей Васильевич, аспирант кафедры истории и теории социологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Jaushev Aleksey Vasiljevich, Postgraduate of the Department of History and Theory of Sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объем
статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п.л. (20 000 знаков)
научные сообщения, доклады	0, 3 п.л. (12 000 знаков)
научные обзоры, рецензии	0,2 п.л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Печатный и электронный варианты статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, Формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

2. Договор на оказание услуг – в 2-х экземплярах.

3. Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

4. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, *если автор статьи – аспирант, соискатель ученой степени кандидата наук.*

Личная карточка автора – сведения об авторе/авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объем – от 100 до 250 слов) – на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы дается в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. *На последней странице указывается*, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Библиография оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать четкое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т.д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Черно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращенно (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/ авторов и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подписанные под рисунками подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объем рисунков не должен превышать ¼ объема статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов необходимый для опубликования материалов отсылается по адресу: 672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, для «Объединенной редакционной коллегии научных журналов ЗабГГПУ».

Ответственный секретарь: Гаврилова Юлия Викторовна

Тел. +7(3022) 44-04-25

факс: +7(3022 44-14-97

E-mail: gumvector@zabspu.ru

voitsuk@zabspu.ru

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Burnyasheva L. A.</i> Spiritual Space in the Context of the Socio-philosophical Analysis.	5
<i>Volkov Yu. G.</i> Modern Research Essence of Globalization: International and Domestic Experience	10
<i>Zasukhina V. N.</i> Russian Doctors-Humanists (on the Issue of Sources of the Russian Type of Bioethics)	16
<i>Zakharova Ye. Yu.</i> Cognitive Component of Ecological Education.	25
<i>Makarova N. I.</i> Value Orientation of Ethnocultural Traditions of Russian people.	32
<i>Przhilenskiy V. I.</i> World Picture, Cultural Policy and the Art of Suspicion	40
<i>Sergeev D. V.</i> Metaphysical and Semantic Theory of Social Evolution of B. Hubner.	50
<i>Subbotina N. D.</i> The Influence of Human Biotics on Social Life	56

CULTUROLOGY

<i>Bukina T. V.</i> Between Science and Ideology: an Institutionalization of Sociology of Music in the Soviet Culture during the End of 1960th – the beginnings of 1980th	69
<i>Kamedina L. V.</i> Transformation of the Integrity of Spiritual Meaning in Russian Culture: Literary Text of XVIII – Early XIX Centuries	77

SOCIOLOGY

<i>Androsov M. A.</i> Socio-cultural Aspects of the Ethno-ecological Upbringing of the Youth	85
<i>Bakharovskaya Ye. V.</i> Conceptualization of the Term “Man’s Activity” in the Field of Sociology	91
<i>Blagovskaya Ye. V.</i> Presentation of Ethnical Identity in Social-humanitarian Knowledge System.	97
<i>Grigoriev S. I., Gryzunova G. V.</i> Realization of Civil Servants’ Living Energy as a Factor of Modern Civil Service Professionalism.	102
<i>Grigoriev S. I., Guslyakova L. G.</i> Primary Social Cell of Society in the Context of Sociology of Vitalism	108
<i>Gryzunova G. V.</i> Reengineering of Administrative Procedures under Civil Service Modernization: Regional Aspect.	117
<i>Drobotushenko Ye. V.</i> The Influence of Orthodoxy on Society in Modern Russia.	123
<i>Zarubin V. G., Martjanova N. A.</i> Humanitarian Technologies as a Mechanism of Designing Professions in a Contemporary Educational System	133
<i>Katanaev I. I.</i> Социолого-управленческий подход к анализу интеграционных процессов в высшем профессиональном образовании	137
<i>Kovaljova A. V.</i> The Prevalence of Uncensored Lexis at High School Students	144
<i>Komarova A. V.</i> State Civil Service: the Heritage of R. Merton in the Field of the Functional Analysis	149
<i>Lutzenko Ye. L.</i> The Role and the Place of the Youth in the Social Structure of the Jewish Autonomous Region	153
<i>Luchnikov A. N.</i> Students Trade Union Organization as an Important Part of a Student Self-administration System.	161
<i>Nachkin A. I.</i> Technology of Operative Sociological Support of Administrative Activity in University Community	166
<i>Nikolaeva N. S.</i> Education as a Social Institution: Functions and Dysfunctions	172
<i>Romanova N. P., Romanova I. V.</i> Free time as a Way of Self-realization of Personality the Qualities of Single Women	178
<i>Romanova I. V.</i> Social Relations as the Main Part of Single Women’s Life	185
<i>Tabakayev Yu. V., Lityagin Ye. V.</i> Multinational relations in modern Russia and the Altai Republic.	191

<i>Tabylginova L. A.</i> The Main Scientific Approaches to the Concept of “Social Integration”	196
<i>Taskina I. A.</i> National Traditions as Youth Socializing Factor in Conditions of Republic of Altai	202
<i>Yaushev A. V.</i> The Sociological Conception of Partogenesis of M. Ya. Ostrogorsky	206

SOCIOL WORK

<i>Bachurina A. V.</i> Helping Professions in the Context of the Competency Approach	211
<i>Vorotilkina I. M.</i> Physical Culture in Social Protection	218
<i>Zarubin V. G., Kimova S. Z., Makaridina V. A.</i> The Expert Evaluation of Employers as the Factor of New Specialties Construction in Sociohumanitarian Sphere	224
<i>Liga M. B.</i> Life Quality: Genesis of Ideas	237
<i>Loktev K. I.</i> Social Work as an Effective Mechanism for the Development of Human Spirituality (based on Empirical Research)	245
<i>Nevelichko L. G.</i> Living Conditions of Municipal Population as Local Communities Formation Factor (on the example of Birobidzhan)	252
<i>Shcherbakova N.V.</i> The Organization of Students’ Volunteer Practice (Social Experiment)	262
<i>Shchjotkina I. A.</i> Conceptualization of the Notions “Quality Control”, “Life Quality Control” in Social and Humanitarian Knowledge	270
BOOK REVIEW	276
INFORMATION ABOUT AUTHORS	280

Редактор Т. Р. Шевчук
Верстка И. Н. Аргуновой
Дизайн обложки М. Р. Коптеловой

Подписано в печать 15.09.11. Формат 60x90/8.
Гарнитура «Times New Roman». Способ печати оперативный.
Усл. печ. л. 18,8. Уч. изд. л. 37,6. Заказ № 09611. Тираж 1000 экз.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129